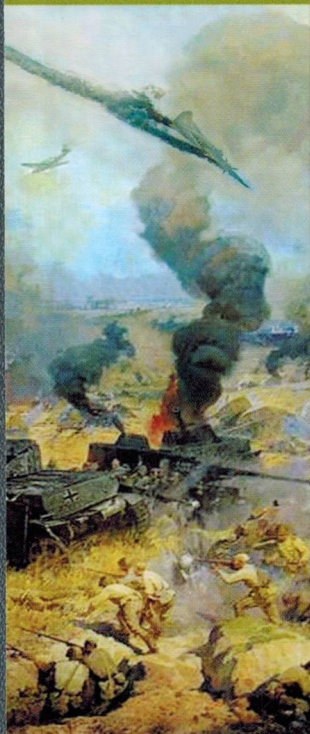

ВАТУТИН

Николай
Карташов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

2027

(1827)

Николай Каринишоб

ВАТУТИН

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2020

УДК 355/359

ББК 63.3(2)622.78 ВатутинЗ

К 27

Автор и издательство выражают благодарность за помощь в создании книги главе администрации Валуйского городского округа А. И. Дыбову, директору муниципального учреждения культуры «Дом-музей генерала армии Н. Ф. Ватутина» О. С. Ерыгиной, а также А. Б. Ватутину и З. П. Михайловой.

знак информационной
продукции

16+

ISBN 978-5-235-04364-0

© Карташов Н. А., 2020

© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2020

*Есть имена, произнося кото-
рые, мы должны снимать шапку.
Ватутин, Черняховский, Ефремов,
Карбышев, Панфилов... Это под-
линные герои войны.*

Маршал Советского Союза
А. М. Василевский

Глава I

ИЗ РОДА СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

Село Чепухино* затерялось среди невысоких меловых гор, которыми богаты здешние чернозёмные края. Само село небольшое — всего 74 двора. Поэтому жители зовут его на свой лад — Чепухинкой. Такое уменьшительно-ласкательное название им привычнее и милее. А себя они величают просто — чепухинцами. В далеком XVII веке казак Аким Чепухин забил тут первый кол, от фамилии и пошло название населенного пункта. Не стало дело и за жителями. Вскорости казак перевез на новое место свое семейство.

Пошло прибавление и со стороны. Из ближайших крепостей — Палатовской и Валуйской стал здесь селиться отставной служилый люд. Пушкари, стрельцы, казаки, ямщики... Нравилось им здесь. В лесу — зверь и дичь нестреляные, в речке — рыба неловленная, а в угодьях — травы некошенные да плоды несобранные. Вчерашние служилые строили дома, создавали семьи, обзаводились хозяйством. К началу XX века в казенном селе Чепухино Валуйского уезда Воронежской губернии насчитывалось 511 селян, из которых мужского пола было 264 человека и 247 — женского. В селе имелись Архангельская церковь, два общественных здания, земская школа и винная лавка.

Чепухино расположено в просторной зелёной ложине. Нет с ним рядом больших городов, не проходят через него ни почтовые тракты, ни каторжные пути. Поэтому новости страны, губернии и даже уезда доходят до этого тихого местечка с опозданием, а спокойная, размеренная жизнь селян лишь изредка нарушается веселой свадьбой или шумными проводами чепухинских парней в армию.

* В 1958 году Указом Президиума Верховного Совета РСФСР село Чепухино было переименовано в Ватутино, в память о генерале армии Н. Ф. Ватутине.

Если смотреть на Чепухино сверху, то его белые хаты-мазанки под соломенными и камышовыми крышами чем-то напоминают дружное семейство грибов подберезовиков на лесной опушке. По одной стороне Чепухина торопливо бегут, искрятся под летним солнцем то золотом, то серебром прозрачные воды речки Палатовки. На другой — выстроились в один длинный ряд меловые горы, очень похожие на пузатые амбарные мешки с мукой или сахаром. От солнечных лучей горы тоже переливаются и блестят, как рыбная чешуя, вкраплениями кварцитов и сердоликов. Искрабкаться на самую высокую гору, обозреть оттуда соколиным взором родное село — один из первых экзаменов для чепухинских мальчишек.

Хата семьи Ватутиных стоит прямо у подошвы высокой меловой горы. Гору эту Колька Ватутин покорил, когда ему исполнилось пять лет. С передышками он преодолел тогда многометровое расстояние. На самой макушке горы во всю гудял вольный степной ветер, едва не сбивая с ног, но истырный пацаненок выдержал испытание и добился своей цели. Он гордо стоял на вершине, теплый забияка-ветер обдувал его счастливое загорелое лицо, трепал белые, как лён, вихрастые волосы на голове. А внизу, словно на ладони, в полуденной дреме лежала родная Чепухинка, вся утопающая в подсолнухах, вишневых и яблоневого сада. Хаты казались маленькими, а люди во дворах и на улицах были такими же мелкорослыми, как он сам.

•Родился 16 декабря* 1901 г. в семье крестьянина в селе Чепухино Валуйского района Курской области**, — написал будущий полководец в автобиографии, хранящейся в его личном деле. — До Великой Октябрьской революции родители занимались земледелием, причем до 1911 года отец жил в общей семье со своими двумя братьями и несколькими сестрами. Возглавлял семью мой дедушка. Семья в этот период по численности достигала до 25–26 человек и имела одно общее хозяйство — зажиточное, состоявшее из одной хаты, надворной постройки, ветряной мельницы, конной молотилки и 3–4 лошадей. Земли было: надельной до 15 десятин и кроме того почти ежегодно бралось в аренду у помещика до 10 десятин. Наемный труд не применялся...»

* По новому стилю или 3 декабря по старому.

** Валуйский район был создан на месте одноименного уезда в 1928 году и вошёл в состав Центрально-Чернозёмной области. В 1934 году он был передан в Воронежскую область, а в 1954-м — в Белгородскую, куда входит и сегодня.

Между тем корни Ватутина, как считают некоторые исследователи его жизни и деятельности, отнюдь не крестьянские, хотя во всех заполняемых анкетах в графе «социальное происхождение» Ватутиным собственноручно записано: «Из крестьян». То, что семья Ватутиных крестьянская, подтверждают и результаты Всероссийской переписи населения 1897 года по Валуйскому уезду.

Но вот что пишет в своей книге «Воронежское дворянство: Случайные заметки любителя-генеалога» известный русский генеалог Л. М. Савелов: «Ватутины принадлежали к обедневшим дворянам, которые впоследствии перешли в сословие крестьян». Родословную дворян Ватутиных Савелов разыскал в новгородских землях. Именно там жил в XV веке Михаил (Михал) Ватутин, а его потомок упоминается в деле об убийстве в 1591 году царевича Дмитрия в Угличе. Далее Савелов из новгородской ветви рода выделяет ветвь Ватутиных, обосновавшихся в Новоторжском уезде. Позднее представители этой линии служили в городе Короча и имели свои поместья в Валуйском и Ливенском уездах, то есть в краю, где как раз и родился наш герой. В пользу версии о дворянском происхождении предков Николая Федоровича служит тот факт, что Ватутины никогда не были крепостными, а принадлежали к так называемым государственным крестьянам, частью которых становились обедневшие дворяне.

К сожалению, Савелов по каким-то причинам не смог дальше проследить генеалогию Ватутиных. Однако в материалах других исследователей находим интересующие нас страницы родословной Ватутина. В частности, выходец из здешних мест, краевед П. А. Сопин, изучив ревизские, писцовые и переписные книги города Валуйки, установил несколько имен однодворцев Ватутиных, имевших непосредственное отношение к родословной героя нашего повествования. Это — Емельян Савельевич Ватутин, которому за безупречную службу вблизи города Валуйки была выделена земля, и Степан Кириллович Ватутин, служивший в рейтарах. В переписи жителей города Валуйки за 1792 год также встречается Петр Иванович Ватутин — однодворец.

Предки последнего были выходцами из слободы Большие Липяги Валуйского уезда и являлись служилыми людьми Палатовской крепости, построенной в 1671 году по указу царя Алексея Михайловича казаками Острогожского полка для защиты Русской земли от набегов нагайцев и крымских татар.

Их служба проходила в рейтарском полку. Таких полков, созданных в России, было двадцать пять, и один из них квартировался в Валуйском уезде. В войсках русской конницы рейтары принадлежали к так называемым частям «Нового строя», отличались отменной выучкой и были прекрасно снаряжены. Служить в таких полках считалось за честь. «Конница щеголяла множеством чистокровных лошадей и хорошим вооружением», — свидетельствовал современник.

В Чепухине потомок рейтаров Петр Иванович Ватутин объявился между 1763 и 1782 годами. По другим источникам, он пустил корни в здешних местах намного раньше, в 1740 году. Как гласят документы, прибыл сюда прапрадед Николая Федоровича Ватутина вместе со своим семейством. Семья у Петра Ивановича была большая: жена Дарья Ивановна; дети: сыновья Фотей, Прокофий, Матвей, Абрам, Ермолай и дочери Евфимия и Евдокия.

Дальше семейный формуляр Ватутиных оказался неполноценным вплоть до Григория Дмитриевича Ватутина. Однако сведений об этом человеке мы сегодня имеем намного больше, чем о других предках нашего героя. Григорий Дмитриевич приходится полководцу родным дедом. Документы, воспоминания людей, его знавших, свидетельствуют, что Григорий Ватутин 18 лет служил в кавалерии — самом престижном роде войск того времени и не жалел живота своего ради родного Отечества.

Особенно Григорий Ватутин отличился на полях сражений Русско-турецкой войны 1877—1878 годов, а именно при взятии турецкой крепости Плевны. Несколько месяцев у ее стен шли тяжелые, кровопролитные бои. Трижды наши войска штурмовали Плевну, потом долго осаждали и все-таки заставили гарнизон под командованием Осман-паши капитулировать. В плен сдались 10 генералов, 2128 офицеров, 41 200 солдат. Осман-паша, раненный в ногу, отдал свою саблю победителям. Дивизия прославленного генерала М. Д. Скобелева, а именно в одном из ее эскадронов служил Ватутин, до конца участвовала в блокаде. В октябре 1877 года скобелевцы блокировали турецкие окопы, опоясав их своими траншеями, словно стальными обручами. Турки не раз пытались выбить русских, но успеха не имели.

Сам генерал Скобелев пребывал в одной из траншей рядом со своими солдатами и лично отправлял на вылазки охотников, давая им наставления — как воевать с врагом, как выбивать его штыками. Во время одной из ночных выла-

зок Григорий Ватутин был ранен, но из боя не вышел. После был отправлен в госпиталь, куда Скобелев прислал ему, раненому солдату, конверт, а в нем лежал Георгиевский крест. На конверте генерал собственноручно начертал:

«В траншеях, 31 октября 1877 года.

Кавалеристу Ватутину, согласно обещания, за распорядительность, мужество и храбрость, оказанную в деле с 29 на 30 октября. За Богом молитва, за царем служба не пропадет. От души поздравляю тебя, уважающий Михаил Скобелев».

За почти два десятка лет службы Григорий Ватутин прошел верхом в жестком седле со своим эскадром не одну сотню верст, поучаствовал в разных боях и сражениях. Был мечен и пулей, и клинком. Однако о войне и жарких схватках на горных вершинах Шипки, на полях под Плевной и Софией, где потерял немало боевых товарищей, о тяготах и невзгодах, которые пришлось пережить и перенести, Григорий Ватутин вспоминать не любил. Зато часто пел — это занятие ему нравилось, и, похоже, песня уносила его в далекую и лихую кавалерийскую молодость:

Как решил султан турецкий
С нами шутку пошутить,
Он собрал господ пашей-начальников,
Стал им речи говорить,
Раз, два, три,
Стал им речи говорить:
«Господа паши-начальнички мои!
Я султан, султан турецкий,
Всему царству голова,
Я задумал думу крепку
И хочу вам рассказать:
В семьдесят седьмом году
Хочу с русским воевать,
Раз, два, три,
Хочу с русским воевать...»

Но правда и то, что, когда внук просил деда рассказать о войне, он тому никогда не отказывал. Усадив маленького Колю на колени и закурив трубку, старик начинал неспешный рассказ о том, как «освобонял» братьев-славян от турок, как ползал по-пластунски по кремнистой плевенской почве и как с самим «Белым генералом» ходил в контратаки на супостата... Впрочем, мысленно представим диалог деда и внука.

— Дедусь, а кто такой «Белый генерал»? — спрашивает у него внук.

— Его превосходительство генерал от инфантерии Михаил Дмитриевич Скобелев, — по военному четко, потрясая указательным пальцем, отвечает дед. — Таких генералов, как он, я боле на этом свете не встречал. Где это видано, чтоб генерал с солдатом в одной траншее сидел и кашу с ним из одного котелка ел?! Для него ж — дело обычное. Суворов, сказывают, таким был. А «Белым генералом» его прозвали за то, что он всегда перед офицерами и нами, солдатами, появлялся в белом мундире и на белом коне. В такой форме он был как будто заговоренный — ни одна пуля его не брала...

— Дедусь, а ты с «Белым генералом» часто встречался?

Дед берет в рот трубку, делает глубокую затяжку, затем медленно выпускает изо рта клубы едкого махорочного дыма.

— Вот как с тобой — кажий божий день виделся, когда в траншеях вместе сидели, — с гордостью говорит он. — Лично от него и крест Святого Егория получил...

В начале 90-х годов прошлого столетия, когда Россия горько оплакивала поражение своей армии в Русско-японской войне, дед, подобно многим другим соотечественникам, часто грустно вздыхал и восклицал:

— Эх, нет у нас Скобелева, он бы показал треклятым япошкам, где раки пучеглазые зимуют!..

Первый биограф Н. Ф. Ватутина М. Г. Брагин пишет, что дед Григорий Дмитриевич Ватутин был «умный, честный, суровый старик. Он прослужил в свое время 18 лет в кавалерии, привык к распорядку и установил дома строгие правила». И далее: ...«однако все знали, что нет на селе более отзывчивого и справедливого человека, чем Григорий Дмитриевич, и не было случая, чтобы он не помог попавшему в беду человеку. Внешняя замкнутость, суровость и одновременно отзывчивость и доброта передались от деда Григория многим Ватутиным».

Отец будущего полковника, Федор Григорьевич, был по натуре такой же честный, отзывчивый, работающий и молчаливый. Ватутин в автобиографии так рассказывает о нём: «В 1911 году отец отделился от общей семьи и продолжил заниматься сельским хозяйством, имея средняцкое хозяйство, состоявшее из одной-двух лошадей, одной коровы и около десяти-одиннадцати десятин наделной земли».

Уместно сказать, что с детства Коля очень уважал сво-

его отца, а став взрослым, говорил о нем только с душевной теплотой.

Мать, Вера Ефимовна, всегда была в трудах и заботах. Она первой поднималась до зари и последней ложилась спать. Все спорилось в руках этой подвижной и старательной женщины — готовила ли она пищу или жала рожь, шила ли одежду или ткала холст... А ещё на ее руках было пять сыновей — Павел, Николай, Афанасий, Семен, Егор и четыре дочери — Матрена, Дарья, Елена, Клавдия, которых она заботливо растила и воспитывала.

По воспоминаниям детей, отец с матерью жили в любви и согласии, радовались появлению каждого нового ребенка. В этой многодетной трудолюбивой семье и рос будущий полководец. За одним столом все Ватутины не умещались. Как уже сказано, вкупе с семьями братьев отца семейство насчитывало 25 человек. Но обедать или ужинать всегда собирались вместе. Зимой в хате ставили два больших стола. Тесновато, но, как говорится, в тесноте да не в обиде. Зато летом места всем хватало, поскольку трапезничали на свежем воздухе. Расстилали во дворе на траве широкую длинную холстину, служившую скатертью, расставляли по углам миски на семью каждого сына, раскладывали ложки, крестились, а затем под громкую команду деда: «Садись!» — дружно принимались за еду.

Так было и в работе. Наступало время сеять — вся семья, от мала до велика, трудилась в поле. Но поскольку нашему герою было еще рано управлять лошадью или идти за плугом, он вместе с дедом выполнял обязанности севца. И не было для маленького Коли большего счастья, как шагать с холщовой сумкой через плечо по теплой весенней пашне и разбрасывать сначала в одну сторону, затем — в другую горсть за горстью зерна пшеницы. А приспевала сенокосная пора — опять вся семья выходила на сочные луга, чтобы заготовить сено для многочисленной домашней живности — лошадей, коров, овец... И хотя у Коли еще не хватало силенок, чтобы махать косой и валить тяжелые росные травы, без дела не сидел: ворошил граблями валки, помогал складывать сухое сено в копны.

Вообще детство Коли мало чем отличалось от детства таких же, как он, чепухинских ребятишек: они рано общались к нелегкому крестьянскому труду, быстро взрослели. Но хватало времени и на забавы. Зимой одним из главных увлечений Коли и его друзей было катание на санках с меловых гор. Взирались на самую высокую и отту-

да, взяв старт, летели наперегонки вниз. Каждый из мальчишек старался показать свою сноровку, ловкость, умение управлять санками и проехать на них как можно дальше, с большой скоростью. Бывало, санки с ездоками сталкивались, переворачивались. Итог — санки в разные стороны, а ездоки головами в сугробы. Домой Коля возвращался весь в снегу, с красными от мороза щеками... И сразу к печке, отогревал руки, ноги...

Летом развлечений было побольше. Ходил со старшим братом Павлом в ночное с лошадьми, на рыбалку, купался со сверстниками в реке... Эх, как же было замечательно! Особенно на рыбалке. Раннее утро. Красным тяжелым диском, нехотя отрываясь от горизонта, над сонной землей поднимается солнце. Густые пахучие травы от обильной росы, словно в серебре. Над рекой плывет туман. В прибрежных камышах звенят комары. В просыпающейся реке отчетливо слышны всплески играющей рыбы. Во времена детства и юности Ватутина рыбы в реке Палатовке водилось много, ловили ее бреднем, кобылками, удочками. А бывало, что в качестве снастей использовали подол рубахи или старый мешок. На рыбалку обязательно брали с собой не только снасти, но и чугунок, в котором обычно варили уху из окуньков, шурят, пескарей или картошку в «мундире».

В 1909 году, восьми лет от роду, Коля пошел в земскую школу с четырехлетним обучением. Школа находилась в «караулке» — так называли чепухинцы сторожку при церкви. В «караулке» имелись четыре крохотные комнатухи с маленькими подслеповатыми окошками. В двух жили сторож и школьный учитель. А в двух остальных были устроены классы. Учителя звали Николай Иванович Попов. Настоящий народный учитель, сеявший доброе, вечное, вводивший сельских ребят в мир знаний.

Как пишет биограф Брагин, учитель Попов был замечательным педагогом, он заботился о своих учениках, развивал в них любознательность, пробуждал любовь к родному краю, русской литературе, истории России. Учитель также организовал кооперативную лавку (ее казначеем был избран пользовавшийся репутацией честнейшего человека Федор Григорьевич Ватутин), привлек к работе своих учеников. Они должны были не только помогать учителю, но и решать при этом арифметические задачи: сколько нужно кооперативу мешков для соли и бочек для дегтя, сколько досок потребуется, чтобы околотить эти бочки. Правда, ко-

оператив не смог выдержать конкуренции с местными лавочниками, но крестьяне долго вспоминали о нем добрым словом.

Николай Иванович часто проводил уроки среди живой природы. Вместе с учителем ребята ходили по окрестным полям и лесам, где познавали окружающий мир: какие растения и деревья растут в их краю, какие звери и птицы обитают в окрестных дубравах и какие виды рыб водятся в речке Палатовке. Еще одним увлечением учителя и его учеников было проведение раскопок древних курганов, которых много сохранилось в здешних краях. Первым помощником учителю был Коля Ватутин. Во время раскопок юные археологи находили монеты, различные предметы утвари. Все находки потом становились экспонатами школьного краеведческого уголка.

Учеба старательному ученику Коле Ватутину давалась легко. Закон Божий, математику, грамматику, другие предметы он осваивал быстрее и лучше своих сверстников. По этой причине он все четыре года подряд оставался лучшим учеником в школе.

— Ваш Коля — очень способный ученик, ему не то что в классе — в округе нет равных, всё схватывает на лету, — нахваливал его родителям учитель. — Таких, как он, нельзя отрывать от учения. Мальчику обязательно нужно учиться дальше.

В 1913 году Коля успешно окончил школу. В свидетельстве, которое ему выдали, стояли только отличные оценки. Родители, конечно, порадовались за успехи сына. Как-никак, а их Колька первый ученик на селе. Но и ближайшее будущее отрока они к тому времени тоже определили.

— Не обижайся, сынок, но учеба твоя закончилась, — без всяких предисловий сказал, как отрезал, отец. — Читать, считать, писать научился — и на сём хватит. Сам знаешь, сколько у нас ртов, а работников — я, мать да братка твой Пашка. Где уж тут продолжать образование?! Так что помощником ты будешь в самый раз.

Как вспоминали потом родственники, после объявления такого приговора Коля стал сам не свой. Он молча вышел из хаты, тяжелые, словно свинец, слезы текли по щекам. Присев на корточки в темном углу сарая, мальчик горько заплакал. Его несколько раз звали кушать. Но ему никого не хотелось ни видеть, ни слышать. Обида жгла сердце. И лишь тогда, когда темная вуаль сумерек опустилась на землю, когда стихли родительские разговоры, он покинул

свое убежище. Однако в хату спать не пошел. Лёг на телегу, подложил под голову обе сложенные руки и долго-долго смотрел на усыпанное звездами небо, так и не уснув до утра.

Возможно, через день-другой, забыв все обиды, Коля бы смирился со своей незавидной судьбой. Но вмешался случай. Близ села, на бугре, неподалеку от речки разбил свои шатры цыганский табор. Пока ромы* распрягали лошадей, разводили костры — их жены, брэнча монистами и серьгами, пошли по дворам промышлять и добывать пропитание. Во двор к Ватутиным заглянула средних лет цыганка, встретив там нашего героя:

— А кликни-ка, хлопче, маты!

Из хаты вышла Вера Ефимовна. Зная о том, что у цыган в голове только одно на уме, как бы ловчее человека обмануть, Вера Ефимовна недоверчиво посмотрела на незваную гостью. И тут же хотела её благословить на все четыре стороны. Но цыганка, будто угадав мысли хозяйки, сразу взяла инициативу на себя.

— Не прогоняй меня, милая, — сверкнула она своими ярко-черными глазами. — Давай-ка, милая, на твоего белобрысого погадаю. Я судьбы, как книжки, читаю. По рукам, на бобах, на картах...

— А что на него гадать, — ответила Вера Ефимовна, прижав к себе сына. — Ему и так от нашей крестьянской доли никуда не деться...

— Ой, не скажи, милая, не скажи, — сказала цыганка, вынимая откуда-то из своих многочисленных юбок колоду карт. Затем, пристально посмотрев на мальчишку, разложила карты.

— Умный, шибко умный, он у тебя, милая, — продолжала гадалка. — По всему белому свету слава громкая о нём пойдёт. Вспомнишь потом мои слова. А пока посеребри мне ручку...

Факт встречи матери и сына с цыганкой со ссылкой на сестёр нашего героя привел в своей книге «Юность генерала Ватутина» писатель В. В. Колесник. «И ведь всё сбылось, — говорила одна из них. — И про учёность его, и про славу...» Еще, как свидетельствовала она, цыганка якобы сказала Вере Ефимовне о том, что придет страшная беда и ее сын погибнет в разгар своей славы, но произойдет это не скоро.

Поверила ли тогда Вера Ефимовна в пророчество гадал-

* Р о м ы — самоназвание цыган.

ки или нет — ответа через версты времени нам уже не найти. Однако, по утверждению сестер, после ухода цыганки между родителями вновь состоялся разговор о дальнейшем продолжении учебы Коли. Но окончательное решение ими было принято после посещения их дома учителем, который, узнав, что его ученик дальше учиться не будет, заглянул к ним вечером на огонек.

— Фёдор Григорьевич, что ж вы хлопцу дорогу закрываете? — без всяких заходов начал разговор Николай Иванович. — Разве вы не видите, как он к грамоте тянется?

— Цветок тоже к небу тянется, да выше берёзы никогда ему не вырасти, — не задержался с ответом отец. И продолжил: — Что учёному за плугом ходить, что неучёному — разницы нету никакой...

— Тут вы правы, Фёдор Григорьевич, — согласился учитель. — Но учеба даст ему возможность выбраться на свет божий, на широкую дорогу. Сколько из простого сословия вышло великих людей! Получив образование, он ведь может потом стать учителем, бухгалтером, доктором...

— Генералом, — вставил свое словечко, будто пику в мишень воткнул, присутствовавший при разговоре дед.

— А что? Чем чёрт не шутит! Бог знает, может и генералом ему суждено стать, — поддержал деда Николай Иванович. — Одним словом, учиться ему дальше надо!

Трудно сказать, что в самом деле повлияло на родителей: волшебные чары цыганки или убедительные доводы учителя, но судьба сына наконец-то была решена — он едет учиться!

Быстро, словно июльская гроза, пролетело лето. В один из последних его дней дед Григорий запряг лошадь, сложил в телегу нехитрые пожитки школяра и съестные припасы.

— Ну, внучек, прошу садиться... Довезу, как генерала.

«Генерал» Ватутин, попрощавшись с родителями, братьями и сестрами, радостно залез на телегу, плюхнувшись в душистое сено. Шелкнули вожжи. Лошадь слегка вздрогнула.

— Но-о-о-о! — протяжно подал команду дед. — Трогай, родимая!

Вослед мать трижды перекрестила сына:

— С Богом!

Мелькнули перед глазами Коли заплаканные лица матери, сестер и младших братьев, камышовая крыша хаты, серый кот на плетне и большой рыжий петух-драчун перед воротами... Зацокали копыта, заскрипели колеса, отме-

ряя путь версту за верстой. Меловая дорога убежала в синешую впереди даль и звала за собой.

Город Валуйки, куда вскоре дед привез Колю учиться в двухклассном земском училище, являлся уездным центром Воронежской губернии. Основанный в далеком 1593 году на Муравском шляхе как город-крепость для защиты южных границ Русского государства, Валуйки много повидали и испытали на своем веку.

Издревле в этом городе жили казаки, стрельцы, пушкари... А его стены мечены и стрелами крымских татар, и ядрами пушек польских шляхтичей, и пулями литовских рыцарей. Здесь располагались таможня, пограничная стража, почтовые и посольские учреждения, где происходил обмен послами и пленными между Московским государством и Крымом.

Некогда по улочкам Валуек хаживал Петр I. Во времена его царствования город был одним из отправных пунктов для Азовских походов. Именно отсюда русские войска маршевым порядком уходили воевать с турками. В Валуйках государь оставил о себе добрую память: пожаловал деньги на строительство нового храма, собственноручно сделал его чертеж, а также подарил три иконы — Владимирской, Смоленской и Тверской Божией Матери.

Когда в 1708 году вспыхнуло восстание Кондратия Булавина, его кровавые сполохи докатились и до Валуек. Однако служилый народ, верный присяге, отказался выступить на стороне бунтовщиков. Сам же город стал одним из тех мест, куда направляли плененных повстанцев. Примечательно, в крепости под арестом содержались сын и жена Булавина.

Отметились в разное время в Валуйках еще два народных заступника — Степан Разин и Емельян Пугачев. Первый пытался поднять служилых людей идти против царя. Но те, несмотря на разинские посулы, так и не встали под его мятежные стяги. А второй, скрываясь от властей, под видом раскольника-старообрядца пробирался из Чернигова на Дон. В Валуйках, на посту пограничной стражи, будущий лжецарь Петр III, не вызвав никаких подозрений, получил штамп в паспорте и благополучно продолжил свой путь.

В глубине веков, порывшись, можно отыскать еще немало других страниц, связанных с историей этого небольшого городка-стража земли Русской. К их написанию в разные годы напрямую был причастен и род Ватутиных, о

чем уже было сказано в повествовании. Продолжать писать новые страницы теперь предстояло нашему герою.

И хотя Валуйки находились неподалеку от Чепухино — всего в каких-то двадцати с лишним верстах, маленькому Коле казалось, что он попал чуть ли не в тридевятое царство. Многие для него здесь были впервые. Пыхтящие клубами дыма паровозы, словно драконы, на станции. Снующие по мощенным булыжником улицам брички и дрожки разных фасонов. Великое множество разодетого народа на Красной площади — именно такое название носила площадь в Валуйках. Обилие магазинов и лавок с яркими вывесками... Да и здание училища, где Коле предстояло учиться, поражало своим внешним видом: кирпичное, двухэтажное, с большими светлыми окнами*. Куда там затрапезной чепухинской «караулке»!

На жительство наш герой был определен в Казацкую слободу, в «собственный дом» семейства Силиных, глава которого приходился племянником деду. Но «собственным домом», как писал один из биографов Ватутина, оказалась обычная хата с большой комнатой. В этой комнате и обитало многочисленное семейство. Не сказать, что приезде родственника здесь шибко обрадовались. Приняли сдержанно, выслушали деревенские новости, накормили, выделили угол для проживания. Так началась для Коли жизнь в уездном городе.

Каждое утро наш герой торопился в училище, которое находилось на Харьковской улице. «Ходил Ватутин в синей рубашке-косоворотке, чёрных брюках, заправленных в сапоги. Он был невысокий, коренастый, светловолосый», — описала его портрет одна из одноклассниц.

Путь в училище был неблизкий — ежедневно Коле приходилось пешком отмерять пять километров туда и пять обратно. И не важно: сыпал ли нудный октябрьский дождь или кружила колючая февральская метель... Как рассказывали потом его сверстники, ради знаний Коля готов был топтать хоть сто верст с гаком и при любой погоде.

Уроки всегда начинались с молитвы, которая проходила в актовом зале. Ученики и преподаватели стояли в почтительном молчании перед огромным портретом царя и сияющей золотом иконой.

— Преблагий Господи, ниспошли нам благодать Духа

* Сегодня в здании училища располагается Валуйский историко-художественный музей.

Твоего Святаго, — громко звучал в тишине басовитый голос священника отца Николая.

Молитва длилась полчаса. Дальше, согласно расписанию, шли занятия по другим предметам учебной программы. Как в школе, так и в училище Коля с первых дней учебы стал прилежным учеником. По знаниям, по развитию он значительно опережал своих сверстников.

Впоследствии П. И. Стефаний, одноклассница Ватутина, дала ему такую характеристику: «Сам Коля учился хорошо, но был вредный: мы, девчонки, слабо успевали по математике, но когда пытались списать у него решение задачи, он не позволял, говоря при этом: “Думай сама!”».

Интересные воспоминания об училищной поре оставил близкий друг будущего полковника И. И. Насонов. Вот его рассказ: «Среди сверстников заприметил я паренька на вид худощавого, небольшого роста. Он учился в одном классе со мной. Это был Коля Ватутин из деревни Чепухино. После окончания с отличием церковно-приходской школы его, как лучшего ученика, направили для продолжения учебы в Валуйки, в двухклассное уездное училище. И здесь он был одним из одарённых, которого преподаватели нередко ставили в пример. Я хорошо знал материальное положение Коли. Жилось ему тяжело. Получал пособие — три рубля в месяц, жил на частной квартире в пригородной слободе Казацкой. Одет был бедно. Нередко выпадали дни, когда Коля голодал. Естественной была его тоска по дому. Мы с ним часто поднимались на Шип-гору и смотрели в ту сторону, где в дымке терялось родное Чепухино. По праздникам вместе ходили домой, через Рождественскую гору. Коля любил петь. Выйдем за околицу, и он начинает: “Помните, братцы, как вместе сражались под городом Львовом...” Мы с Андрейкой, нашим другом, подхватывали песню. Забывали в этот миг все горести и невзгоды жизни...»

И еще из его воспоминаний: «Случилось как-то такое, что Николай на уроке Закона Божия заигрался спичками, и из-под стола пошёл лёгкий дымок. Священник Николай Рыбников насторожился: “Это ещё что?” И тут же потребовал, чтобы Ватутин выложил спички и сдал учебники. А это уже означало исключение из училища. Будущий генерал так сильно плакал, что успокаивать его пришлось самим учителям. Как лучшего ученика, его всё-таки простили, и учёба продолжилась...»

Через год грянула Первая мировая война. И хотя залпы её орудий грохотали далеко — за многие сотни верст — хрип-

лые раскаты этих залпов незримо присутствовали и в Валуйках, и в людских сердцах. Ежедневно через станцию на фронт шли литерные эшелоны с пушками, снарядами, полевыми кухнями, солдатами, лошадьми, а оттуда — встречные с ранеными, беженцами... Школы, помещения спиртоводочного завода были отданы под лазареты. Ночную тишину города часто разрывали громкие причитания женщин, грустные звуки гармошек и песни крикливых пьяных новобранцев:

Прощай, папаша и мамаша,
Прощайте, все мои друзья!
Прощайте, все мои кусточки,
Прощай, любимая моя!

В один из дней ушел на фронт и Колин отец. Не осталось вне войны и училище. Перед началом уроков учителя в обязательном порядке зачитывали своим воспитанникам сводки с фронтов, печатавшиеся в газетах. Нередко плановые уроки заменялись внеплановыми, на которых Коля с товарищами обмётывал портянки, упаковывал посылки для солдат-земляков, воевавших в составе 290-го пехотного Валуйского полка на Северо-Западном фронте. Кроме того, учащиеся, в числе которых был и Коля, регулярно бывали в лазаретах, где устраивали концерты для раненых, писали от имени фронтовиков, не знавших грамоты, письма их родным и близким.

В 1915 году Коля успешно окончил училище. Как лучшему выпускнику ему была предоставлена возможность продолжить образование. Для этого в уездном городе ежегодно объявлялся специальный конкурс «на стипендию в коммерческое училище для способнейших из оканчивающих начальные школы Валуйского уезда». Однако экзамены были очень строгие, но Коля их выдержал и был сразу зачислен на третий курс коммерческого училища, находившегося в большой торговой слободе Уразово, в тридцати километрах от уездного центра.

«Это учебное заведение было открыто Валуйским уездным земством 1 сентября 1910 года и первоначально называлось земским реальным училищем; через два года оно было переименовано в коммерческое училище, — вспоминал позднее однокашник Ватутина по училищу Г. Ф. Денисенко. — Кроме хорошей библиотеки училище имело химическую лабораторию, а с 1914 года при училище стал работать

небольшой завод по переработке фруктов и овощей. Учеба в училище стоила очень дорого — 100 рублей в год, что равнялось в то время годовой оплате взрослого мужчины на сельскохозяйственной работе. Поэтому в первые годы половина учащихся была земскими стипендиатами, набравшимися по конкурсному экзамену... Стипендиаты обязывались по окончании училища и поступлении на работу полностью уплатить земству израсходованные на них средства. Одним из таких стипендиатов и был Н. Ф. Ватутин. Для стипендиатов при училище был интернат со строгим режимом закрытого учебного заведения, где постоянным правилом было соревнование воспитанников в учёбе...»

И далее: «Ватутин был моим школьным товарищем, он был так же, как и я, земским стипендиатом и учился в Уразово в коммерческом училище. Мы с ним два года жили в одном общежитии, но он был на четыре года моложе. Это был мальчик небольшого роста, очень аккуратный и дисциплинированный, крайне выдержанный и вежливый. Учился он хорошо. Но особенно любил свою Чепухинку и часто ездил туда из Уразово».

Однако учиться Коле было суждено всего лишь два года. Наступивший 1917 год внес в его судьбу, как, впрочем, и в судьбы миллионов людей, свои поправки. С пронизывающими февральскими ветрами в Валуйки пришла весть о Февральской революции и об отречении императора Николая II от престола. А дальше всё закружилось в неистовом вихре. Шумные непрекращающиеся митинги под лозунгом «Долой царя!». Рабочие и солдаты с красными бантами на одежде. Горластые, словно утренние петухи, ораторы-говоруны. Клятвы, обещания, призывы, обличения...

Наш герой стал невольным свидетелем всех этих событий, перекатами катившихся по краю. Под громкие и восторженные крики «ура-а-а!» рушилась работавшая прежде вся государственная система. Вскоре Коля ощутил это на себе: ему перестали выплачивать стипендию. Впоследствии в автобиографии Ватутин напишет: «В 1917 году весной стипендия была прекращена, и я вынужден был бросить учебу, закончив лишь 4-й класс училища».

Недоучившимся Коле домой ехать не хотелось. Но и деться было некуда. В семье обрадовались его возвращению. За время учебы он повзрослел, возмужал. Так что как работник он был очень кстати. А дел и забот на селе никогда мало не бывает: то посевная, то сенокос, то уборочная... И всегда для Коли находилась работа, а выпадало свобод-

ное время — учил грамоте младших братьев и сестер и сам много занимался самообразованием. Чуть позже подвернулась и постоянная работа — его взяли переписчиком в волостное правление. Деньги там платили хотя и небольшие, но, как любил говорить дед Ватутина, «копейка к копейке и проживет семейка». Так и жили.

На должности переписчика и застала Колю очередная революция, теперь уже Октябрьская. И опять народ повсеместно забурлил, радуясь концу войны, одновременно требуя землю и свободу. В Чепухинке самым насущным вопросом стал вопрос о земле, поскольку новая власть отменила частную собственность на нее и передала в управление волостным комитетам и уездным Советам. Вернувшиеся с войны солдаты-фронтовики истосковались по хлеборобскому труду и хотели как можно скорее получить свои наделы. Тем более что в некоторых соседних селах и хуторах помещичьи земли, имущество и скот уже успели поделить.

На очередном сельском сходе, а их тогда проходило много, Колю единогласно избрали председателем комиссии по разделу земли. Против и воздержавшихся не оказалось. «И ничего, что хлопцу нет шестнадцати годов, что мал ростом, — чуть ли не в один голос сказали люди на сходе, — зато он честный, грамотный, справедливый. Такой председатель нам и нужен». Однако дело, которое Ватутин-младший взвалил на свои юношеские плечи, оказалось не только ответственным, но хлопотным и беспокойным. По воспоминаниям односельчан-старожилов, процедура раздела земли проходила трудно, болезненно. Мужики постоянно конфликтовали, выказывали недовольство. Случалось, в ход шли не только кулаки, но и колья. Уже распределенные наделы перемеряли по нескольку раз на дню. Причем наиболее крикливыми были те мужики, которые никогда не держали в руках плуга, не пахали и не сеяли.

— Мы кровь проливали! Ежели обмеришь — гляди, мы острастку на тебя быстро сыщем! — с нотками угрозы орали они.

В такие минуты председатель комиссии Ватутин всегда старался сохранить выдержку и спокойствие. И одновременно он умел разрешить спор, убедить кипятившихся земляков в том, что межа между их наделами проведена правильно. Так проходил наш герой свои первые жизненные университеты. Постоянно общаясь с людьми, юный Ватутин познавал сложный мир человеческих отношений,

накапливал управленческий опыт, что в последующем ему, командиру Красной армии, не раз пригодится.

Между тем установившаяся в уезде советская власть продержалась недолго. Уже весной 1918 года в Валуйский уезд нагрянули германские войска. Повсюду зазвучала грубая немецкая речь. В мундирах цвета фельдграу* и тяжелых сапогах, в стальных рогатых шлемах, с большими ранцами за плечами и винтовками с примкнутыми штык-ножами — такими запомнились германские вояки Ватутину.

Приход кайзеровских войск явился следствием событий, происходивших в 1917–1918 годах на Украине. Провозглашенной Центральной радой в ноябре 1917 года Украинской Народной Республике (УНР) был отмерен короткий срок. В январе–феврале 1918 года в Киеве и на всей территории Украины утвердилась советская власть. Однако Советы не сумели её удержать. На Украину после заключения Брестского мира вступили немецкие войска. В обмен на военную помощь против Советской России УНР обязалась поставить Германии и Австро-Венгрии до 31 июля 1918 года 1 млн тонн зерна, 400 млн штук яиц, до 50 тысяч тонн мяса крупного рогатого скота, а также сало, сахар, пеньку, марганцевую руду. 1 марта германскими войсками в Киеве была вновь приведена к власти Центральная рада, а вскоре при поддержке Германии главой Украины стал П. П. Скоропадский, в недавнем прошлом генерал-лейтенант русской армии, а теперь «Его светлость ясновельможный пан гетман Всея Украины». В дальнейшем, используя в качестве формального повода отсутствие договора о границе между Советской Россией и Украиной, немецкие войска захватили ряд ключевых населенных пунктов на территории России, в том числе Белгород, Грайворон, Валуйки...

Сразу за немцами нагрянули шумливые гайдамаки с обвислыми, как у сомов и вьюнов, усами и украинской мовой. В широченных шароварах и в смушковых папахах. Белгородский, Грайворонский, Валуйский и другие уезды со смешанным русско-украинским населением были объявлены «споконвично украинськими» землями. Во вновь присоединенных к Украине уездах появились «герры коменданты», повитовые старосты и военно-полевые суды. Стали создаваться комендатуры как германские, так и украинские. В городах и сёлах выросли виселицы, начались массовые убийства. Граждан, уклоняющихся от рабо-

* Серый цвет с преобладанием зелёного пигмента.

ты на новых хозяев, арестовывали, заключали в тюрьмы. Оккупанты забирали у населения скот, рожь, пшеницу, масло, сало и всё награбленное вагонами отправляли в Германию.

Позже, 4 января 1919 года, газета «Воронежская беднота» писала: «Тяжело жилось трудящимся массам Валуйского уезда под игом гайдамаков и немцев. Порка, тяжелая контрибуция — вот что беспрерывно испытывало на себе население. Хлеб, мясо и все продукты питания отбирались у крестьян беспощадно. Понятно, что все с нетерпением ждали восстановления Советской власти...»

Валуйский уезд оказался разделенным на две половины: одна его часть, включая Валуйки, была занята немцами и гайдамаками, другая — отрядами красных партизан, которые держали позиции по линии сел Мандрово — Никитовка (в северной части уезда). Чепухино находилось в партизанской зоне. Практически все мужское население села тогда встало на защиту своей земли. В уезде начала формироваться повстанческая армия, в которую вступили отец Коли Федор Григорьевич и старший брат Павел. Колю же оставили старшим мужиком на хозяйстве.

Но к концу 1918 года из уезда, словно огромные стаи ворон, снялись и разлетелись в разные стороны с награбленным добром и оккупанты, и гайдамаки. Немцы подались назад в Германию, где произошла революция. Гайдамаки, оставшись без поддержки союзников, пошли искать лучшую долю на бескрайних просторах Украины. По стране уже катилась огромным огненным клубком братоубийственная Гражданская война, разбрасывая искры по городам и весям. Брат пошел против брата. Сын против отца. Офицеры и солдаты некогда единой русской армии смотрели друг на друга сквозь прорези прицелов мосинских винтовок. Красные и белые. Белые и красные. Россия начала умываться кровью.

В июле 1919 года, прорвав фронт и смяв красные полки, в уезде обосновались части генерала А. И. Деникина, а потом другого белого генерала — А. Г. Шкуро. Правда, хозяйничали они недолго. Уже в ноябре того же года, будто грозная буря, пронеслись здесь лихие конники С. М. Будённого, освободив деревни и села от белогвардейцев. С приходом Красной армии большая война в здешних местах закончилась. Но все равно еще было беспокойно: рядом, в соседней Украине, промышляли бесчисленные банды и группы, которые нет-нет да и наведывались в гости, чтобы

грабить мирное население и расправляться с представителями советской власти.

Хватало и своих бандитов — в здешних краях оперировали банды Каменева, Титко, Манченко, которым были знакомы все тропы, яры и дубравы, а по селам и хуторам они имели верных людей. Но как ни осложнялась обстановка, советская власть становилась всё прочнее и крепче. Больше веры к ней было и у простого народа. Однако страну, провозгласившую эту власть, нужно было защищать с оружием в руках.

В двадцатых числах апреля 1920 года посыльный из Валуевского уездного военкомата доставил в дом Ватутиных поестку о призыве Николая Ватутина в Красную армию. Как водится в таких случаях, состоялись проводы. Непышные, негромкие. Подняли по чарке-другой мужики-односельчане. Отец и старший брат дали Николаю нужные напутствия. Новобранцу собрали в холщовую сумку запас продуктов: шматок сала, варёные яйца, несколько луковиц и хлеб. Всплакнули мать и сестры — как же без слез! И в путь-дорогу!

Глава 2

ТОВАРИЩ КРАСКОМ

Был один из последних апрельских дней. На нежно-голубой холстине неба сияло солнце. Благоухали цветущие каштаны и акации. Ватутин шагал с партией новобранцев по широким улицам Харькова. На нем были надеты выдавшееся виды полупальто, латанные-перелатанные штаны, а на ногах — вконец изношенные сапоги. Довершал его «экипировку» старый дедовский картуз с изорванным козырьком. По совету отца Николай надел всё то, что не жалко будет выбросить, когда выдадут военную форму.

— Все равно вся твоя одёжа пойдет на тряпки для хозяйственных нужд и на ветошь для чистки оружия, — со знанием дела проинструктировал он сына.

Впрочем, другие новобранцы тоже были одеты не для свадьбы. Их весьма потрёпанный вид, стоптанная обувь — служили тому подтверждением.

Старший команды — взводный командир лет двадцати пяти, в буденовке и шинели, на левом рукаве которой красовался ромб малинового цвета со звездой и перекрещенными винтовками, зычно покрикивал на новобранцев:

— Шире, шире шаг! Не крути головой!

А как не крутить, если вокруг столько всего интересно: трамваи, автомобили, высокие дома с колоннами и античными фигурами, наконец, красивые, улыбающиеся девушки в сапожках... Прежде Николай не бывал в таких крупных городах. Но Харьков был не просто большой русский город, а являлся в то время столицей Украины. Поэтому Ватутину уж очень хотелось хоть краем глаза увидеть столичную жизнь.

Вскоре нестройная колонна остановилась перед серыми железными воротами с нарисованной на них красной звездой. Два красноармейца с винтовками на плечах быстро распахнули тяжелые створы, а после прохода новобранцев также быстро их закрыли. И как-то в одно мгновение эти ворота со звездой разделили жизнь нашего героя на две части. На той стороне остались трамваи, магазины, дома с колоннами, девушки... А за стенами военного городка для Ватутина началась совсем другая, еще незнакомая жизнь с ранними подъемами, ночными тревогами, бессонными караулами, многокилометровыми марш-бросками и еще многим другим, что именуется военной службой. Ему отвели, как и всем молодым солдатам, место в казарме на нарах с соломенным матрасом, выдали обмундирование, ботинки с обмотками.

— Рота подъем! — каждое утро звучал в спящей казарме голос дежурного или дневального.

С этой короткой, как винтовочный выстрел, команды теперь начинался день красноармейца Ватутина и его сослуживцев. Зарядка, утренний осмотр, завтрак, развод на занятия. Потом — обед, полчаса личного времени, снова учеба. Дальше — ужин, личное время, вечерняя прогулка с песней. К слову сказать, едва ли не с первых дней службы Ватутин стал ротным запевалой. А пел он, как дед и отец, замечательно. «Смело мы в бой пойдем за власть Советов и, как один, умрем в борьбе за это...» — звонким голосом заводил Ватутин. Песню тут же подхватывала вся рота. Пели дружно, с присвистом. Закончив прогулку, рота строилась на вечернюю поверку, после чего звучала долгожданная команда «Отбой». Утром всё повторялось вновь.

Основной задачей 3-го запасного стрелкового полка, где начал службу Ватутин, являлась подготовка личного состава для пополнения частей действующей армии, а также формирование новых подразделений. Курс обучения был рассчитан на два месяца и включал в себя следующие дисциплины: уставы, политическую, стрелковую, строевую,

тактическую и физическую подготовку. Кроме того, в процессе учебы нашему герою приходилось нести внутреннюю и караульную службу.

Ватутин оказался способным солдатом. Трудолюбие, дисциплинированность, ответственность позволили ему за короткое время успешно освоить программу обучения. Уже через месяц группу наиболее подготовленных бойцов, в числе которых был и Ватутин, отправили для дальнейшего прохождения службы в 113-й отдельный запасной батальон, дислоцировавшийся в Луганске. Батальон был полностью укомплектован, отличался высокой дисциплинированностью и отменной выучкой личного состава. Среди командиров было немало бывших офицеров царской армии, прошедших не только горнило Первой мировой войны, но успевших повоевать в войне Гражданской. Так что поучиться у них было чему.

С постоянной регулярностью литерные маршевые роты, прошедшие подготовку, отправлялись в действующую армию, поскольку обстановка на фронтах вновь обострилась. На Западном фронте панская Польша, отвергнув советские мирные предложения, начала активные боевые действия. На юге барон П. Н. Врангель, собрав в мощный кулак остатки белой армии, при поддержке тысяч орудий, сотен самолетов и невиданных доселе танков, пытался остановить наступление Красной армии. Жарко и беспокойно было везде.

В тот период красноармеец Ватутин написал три рапорта с просьбой отправить его на фронт, но все они были оставлены командованием без удовлетворения. Мотивировался отказ тем, что здесь, в тылу, тоже идет война. Только эта война в отличие от той, что шла между красными и белыми, носила форму бандитизма. В тех местах, где служил Ватутин, повсюду рыскали многочисленные банды, с которыми боролись подразделения ЧК, внутренней охраны (ВОХР) и внутренней службы (ВНУС), части особого назначения (ЧОН) и некоторые другие военизированные формирования. На борьбу с ними были отряжены и регулярные армейские части, в том числе 113-й отдельный запасной батальон.

Под Луганском Ватутин получил боевое крещение. В дальнейшем он регулярно участвовал в схватках с бандитами. В одном из боев Ватутин заменил раненого командира взвода. Взяв командование на себя, он повел товарищей в штыковую атаку.

— За советскую власть! В атаку, вперед! — призывно позвал Ватутин товарищей за собой.

Шли практически на верную смерть против окруживших их у небольшой балки махновцев. Однако красноармейцы не только прорвали кольцо окружения, но и заставили бандитов отступить. Позже, будучи комбригом, Ватутин так пишет о том горячем времени в автобиографии: «...Участвовал в походе против Махно в районе Луганск — Старобельск в течение всего сентября 1920 года».

В том же сентябре 1920 года в батальон пришла разнарядка отобрать из числа лучших красноармейцев кандидатов для учебы на курсах красных командиров в городе Полтаве. Согласно указаниям рассматривались только выходцы из рабочих и крестьян. Командование батальона остановило выбор на нескольких красноармейцах. Среди них был и Ватутин, который отвечал всем требованиям, предъявляемым к кандидатам. Во-первых, происходил из крестьян; во-вторых, был хорошо подготовлен в военном отношении и имел за плечами боевой опыт. Также Ватутин считался одним из самых грамотных бойцов батальона. Ведь чтобы быть зачисленным в списки курсантов, кандидат должен был уметь прочитать и пересказать на русском языке предложенный ему текст. Поэтому, когда Ватутина вызвали на беседу к командиру и комиссару батальона, ни у одного, ни у другого не возникло никаких сомнений по предложенной кандидатуре. Дело оставалось за малым — согласие кандидата. Ватутин его дал, хотя еще терялся в сомнениях по поводу своей командирской стези.

Как известно, солдатами не рождаются, ими становятся. Маршал Советского Союза А. М. Василевский в своей книге «Дело всей жизни» так написал о красноармейце Ватутине: «Суровый солдатский труд явился для будущего полководца первой школой, которая воспитала в нем безупречное отношение к выполнению воинского долга, твердость характера, решительность в действиях. Военное дело оказалось его призванием».

В конце октября 1920 года Ватутин уже был в Полтаве. В дороге с ним произошел курьезный случай. На станции Красный Лиман его чуть не приняли за врангелевского шпиона. А дело было так. Выехав из Луганска на следовавшем с Южного фронта в Полтаву санитарном поезде, Ватутин решил «подтянуть» знания своих товарищей в арифметике. Бумаги не было, поэтому стены вагона заменили ему классную доску. Вооружившись мелком, он начал урок. На

станции Красный Лиман, забитой литерными воинскими эшелонами, санитарный поезд загнали на запасной путь. Чтобы не сидеть в вагоне, Ватутин продолжил занятие с сослуживцами на свежем воздухе. Теперь доской стала служить наружная стена вагона. Исписанная вся цифрами, она и вызвала подозрение у одного из железнодорожников. Он принял таблицу умножения за секретные шифры, а того, кто все это написал, за врангелевского «шпиёна». Чересчур бдительный и придирчивый путеец тут же привел солдата из отряда охраны станции. В этот же момент, как назло, куда-то отлучился старший команды с документами.

— Какой же я, браток, тебе шпиён, когда я красноармеец 119-го батальона, еду с товарищами учиться на курсы красных командиров в Полтаву, — пытался доказать Ватутин, кто он есть на самом деле.

Но боец оставался непреклонен и задержал Ватутина до выяснения обстоятельств. И только после возвращения старшего команды подозрения с Николая были сняты. Позже он всегда с улыбкой вспоминал об этой страничке своей биографии.

Ватутин был зачислен на 29-е пехотные Полтавские советские курсы красных командиров, которые находились в самом центре Полтавы, в здании бывшего Петровского кадетского корпуса. Основанный в конце 30-х годов XIX века в честь победы русской армии над шведами в Полтавской битве корпус на протяжении многих лет готовил юношей к военной службе. Теперь по его величественным мраморным лестницам, паркетным полам вышагивали в вылинявших гимнастерках и стоптанных ботинках с обмотками будущие краскомы.

Не без волнения Николай переступил порог исторического здания, где буквально всё было пропитано армейским духом: бронзовая скульптура Петра I, диорама Полтавской битвы, боевые реликвии с полей сражений, бюсты выдающихся русских полководцев... Но были здесь и атрибуты нового времени: почетное Красное знамя ВЦИКа; огромная карта-схема боевых действий Красной армии на фронтах Гражданской войны. А прямо в вестибюле на стене красовался огромный плакат, на котором на фоне большого здания с колоннами был изображен молодой рабочий с молотком за поясом, положивший руку на плечо крестьянскому парню в лаптях. Чуть в стороне — группа убегающих юношей в форме юнкеров. В правом углу плаката и по центру крупными буквами было написано: «Раньше

здесь обучались сынки буржуазии, — теперь идите вы рабочие и крестьяне на командные курсы».

Срок обучения на Полтавских командных курсах, как и на других аналогичных, согласно приказу наркома по военным делам № 104 от 28 января 1918 года, включал в себя семь месяцев, из которых четыре отводилось на подготовительный курс и три — на военный. Программа обучения была насыщенной и сложной. Далеко не всем вчерашним рабочим и крестьянам она была под силу. Однако Ватутин быстро втянулся в учебу, настойчиво и целеустремленно овладевал военным делом.

Весной 1921 года курсы были преобразованы в пехотную школу с трехгодичным сроком обучения и получили наименование 14-й Полтавской пехотной школы командного состава. В результате этой реорганизации более чем втрое был сокращен личный состав прежних курсов. Для продолжения учебы оставили лишь наиболее подготовленных и дисциплинированных курсантов, в том числе и Ватутина. К этому времени он уже окончательно укрепился в своем выборе стать кадровым военным.

Потекли напряженные курсантские будни: лекции, семинары, строевые занятия, физподготовка, полевые выходы, караулы... Главная задача школы состояла в том, чтобы подготовить общевойсковых командиров-единоначальников, хорошо знающих военное дело и умеющих научить этому делу подчиненных.

Ватутину повезло с учителями. Преподавательский корпус школы состоял из опытных, хорошо знающих свое дело специалистов. Например, руководителем тактики был бывший офицер царской армии, кавалер шести орденов, полученных за храбрость на фронтах Первой мировой, А. Я. Крузе. Все новое, полезное в тактике, приобретенное за время Первой мировой и Гражданской войн, он старался передать своим питомцам. Авторитетным командиром и наставником считался С. М. Скрабелинский, также в недавнем прошлом офицер царской армии. Большим уважением у курсантов, за редким исключением, пользовались другие преподаватели школы.

В июне 1922 года начальником школы был назначен бывший офицер царской армии Иван Петрович Сальников. Он участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах. Про таких обычно говорят: «военная косточка». Это был широко образованный командир, наделенный прекрасными человеческими и организаторскими качествами.

Сальников весьма плодотворно занимался и военно-научной работой. Еще в 1919 году Реввоенсовет 11-й армии издал учебник тактики Сальникова для командных курсов. В своей работе автор сумел проанализировать и обобщить опыт Первой мировой войны, ее позиционные формы ведения борьбы с маневренным характером Гражданской войны. Чуть позже вышла в свет еще одна его работа — «Методика обучения курсанта в 14-й пехотной школе».

Формы и методы обучения в школе были различны: и лекции с конкретными примерами по определенным статьям Босвого устава, и решение тактических задач на ящике с песком, но главным оставались практические занятия в поле. Именно там Ватутин с товарищами постигал науку наступать и обороняться, ориентироваться на местности и привязываться к ней... Как это ему потом пригодится в реальной боевой обстановке!

Основательно курсанты изучали оружие и отработывали навыки стрельбы. В своем первом приказе при вступлении в должность начальника школы Сальников сделал особый упор на стрелковую подготовку будущих командиров: «Объявляю ниже сего описание приема прицеливания, приказываю принять его в школе к руководству. Этот способ допускает в течение часа проверить правильность наводки 30—40 курсантов. Отлично усваивается вся система стрельбы. Ни один человек не останется без ежедневной проверки. Все бойцы будут обучены в 3—4 раза быстрее...»

В армии приказ — это закон, который не подлежит обсуждению. Поэтому не было ничего удивительного в том, что каждый пункт приказа, подписанного Сальниковым, неукоснительно выполнялся. Как вспоминал впоследствии генерал-майор В. Т. Федин, однокашник Ватутина, «большинство курсантов с завязанными глазами разбирали и собирали револьвер, винтовку, станковый пулемет, причем в минимальные по времени сроки. Что касается стрельбы, то стреляли полтавцы из всех видов оружия отлично».

Благодаря Сальникову в учебный процесс постоянно вводились новые методики. Например, один из методических приемов назывался «курсант-корреспондент». Суть его заключалась в следующем: на занятиях по тактике одному из курсантов-старшекурсников разрешалось свободно передвигаться по всему полю и наблюдать за ходом учения. После занятий он должен был составить подробный отчет с анализом учения, сделать выводы, выставить оценку, а также внести предложения, опираясь на личный боевой опыт.

Этот прием способствовал более глубокому изучению курсантом тактики, выявлял его командирские способности, вырабатывал у него умение мыслить самостоятельно. У Ватутина, по свидетельству однокурсников, всегда были лучшие отчеты. Они отличались обстоятельностью и четкостью изложения. Не случайно некоторые из них начальник школы зачитывал перед курсантским строем.

Как и в любом другом военно-учебном заведении, в школе много внимания уделялось строевой подготовке. Подтянутость, выправка, состояние обмундирования от курсантов требовались безукоризненные. К этим элементам внешнего вида завтрашних краскомов добавлялось ещё их умение в составе взвода или роты исполнять строевую песню. Тут многое зависело от запева, а точнее — от запевалы. Ватутин, о чем мы уже упоминали, был хорошим запевалой на прежнем месте службы. И здесь, в школе, его назначили ротным запевалой. Песни курсанты исполняли разные, но чаще всего звучала о красных командирах. Начинал звонким голосом Ватутин:

Школа красных командиров
Комсостав стране своей куёт!
Смело в бой вести готовы
За трудящийся народ!

А дальше, как по команде, песню дружно подхватывала вся рота:

Эй, комроты, даёшь пулемёты!
Даёшь батареи, чтоб было веселей!
Эй, комроты, даёшь пулемёты!
Даёшь батареи, чтоб было веселей!

На высоком уровне была поставлена в школе и физподготовка. Многокилометровые марш-броски с полной выкладкой, поднятие тяжестей, различные упражнения на спортивных снарядах — вот далеко не полный список того, что требовалось для физической закалки будущих краскомов. Надо сказать, что Ватутин как в строевом отношении, так и в физическом был подтянут и физически развит хорошо. 1-й курс школы Ватутин закончил круглым отличником. За успехи в учебе и службе его назначили сначала командиром курсантского отделения, а еще через год — помощником командира взвода. Но фактически ему пришлось командовать взводом курсантов, заниматься материальным

обеспечением занятий, следить за состоянием оружия и надлежащим уходом за ним. Однако главным, безусловно, было проведение занятий по уставам, тактике, строевой подготовке. Вообще Ватутин пользовался высоким авторитетом среди своих однокашников. Авторитет этот он снискал своим ответственным отношением к учебе, требовательным подходом к себе и подчиненным, умением работать с людьми.

Впоследствии генерал-майор А. Ф. Скиба, бывший курсант отделения Ватутина, вспоминал, что в школе товарищи и преподаватели называли его «психологом» за удивительную способность найти общий язык с любым человеком, не теряя при этом собственного достоинства.

В один из дней в школу приехал командующий войсками Крыма и Украины М. В. Фрунзе. Посетив учебные классы, столовую, он не преминул побывать на полигоне, где на разных учебных точках курсанты на практике отрабатывали свои навыки в стрельбе, тактике, топографии. Рота, где служил Ватутин, как раз выполняла упражнение учебных стрельб из винтовки. Когда отделение Ватутина готовилось пойти на исходный рубеж, на стрельбище в сопровождении начальника школы Сальникова появился среднего роста человек, с рыжеватой бородкой и усами, в гимнастерке, бриджах и хромовых сапогах.

— Командующий! — прошептал кто-то.

— Товарищ Фрунзе!

Ватутин сразу узнал полководца Гражданской войны — до этого видел его только на фотографиях в газетах. При виде командующего Ватутин не растерялся. Как и полагается в таких случаях, он четко доложил высокому гостю о том, что вверенное ему отделение готовится к выполнению упражнения учебных стрельб из винтовки. Поздоровавшись с курсантами, Фрунзе приказал продолжать стрельбу, а сам вместе с сопровождающими стал обходить другие учебные точки. Судя по его добродушной улыбке, командующий остался доволен тем, как в школе идет обучения будущих командиров.

«Полтавская школа в подготовке курсантов добилась хороших результатов и по праву считалась одной из лучших школ в Красной армии, — вспоминал уже упомянутый выше генерал Федин. — Выпускники школы в войсках отличались хорошей подготовкой по сравнению с выпускниками других школ».

И в этом не было никакого преувеличения. За опытом к полтавцам приезжали руководители военно-учебных за-

ведений из Харькова, Чугуева, Киева и даже из далекого Краснодара. Практиковалось и проведение двухсторонних ротных тактических учений. Нашему герою довелось поучаствовать в учебных боях с курсантами Чугуевской пехотной школы и Харьковской школы червонных старшин.

Между тем на протяжении всей учебы Ватутину приходилось участвовать и в настоящих боях, часто брать на прицельную мушку винтовки не фанерную мишень, а реального врага. Здесь, далеко от фронта, кишмя кишели банды всех мастей.

Совет труда и обороны РСФСР* 6 декабря 1920 года отмечал в своем решении, что «очищение Украины от бандитизма и тем самым обеспечение в ней устойчивого советского режима является вопросом жизни и смерти для Советской Украины и вопросом исключительной важности для всей Советской Федерации и её международного положения, а сама борьба с бандитизмом представляет большую и самостоятельную стратегическую задачу».

Как свидетельствуют документы, только в окрестностях Полтавы, Харькова, Екатеринослава** оперировали банды Черного, Чалого, Махно, Маруси, Короля, Кабана, Скирды, Левченко, Ромашки, Беленького, Бурлака, Шаповала... В селах и небольших городках власть менялась, бывало, по несколько раз за сутки. Днем над селом развевалось синее-желтое петлюровское знамя, ночью водружался черный с черепом прапор (знамя) батьки Махно. А поутру, если красноармейцам или чоновцам удавалось выбить из села непрошенных гостей, на том же месте уже реял красный флаг с серпом и молотом.

Бандиты убивали активистов, вырезали от мала до велика семьи советских служащих, грабили население, сжигали дома и имущество сочувствовавших Советам... Что касается командиров и комиссаров Красной армии, а также чекистов, махновцы с ними вообще не церемонились. Разговор был коротким: комиссар — смерть однозначно; чекист — смерть безусловная; красный командир — тоже смерть.

Руководивший войсковыми операциями по ликвидации бандитских формирований на территории Украины М. В. Фрунзе и сам однажды едва не попал в плен к махновцам. Выехав с адъютантом и двумя ординарцами в од-

* Чрезвычайный высший орган РСФСР, действовавший в условиях Гражданской войны и военной интервенции.

** В 1926 году переименован в Днепропетровск, в 2016 году — в Днепр; ныне областной центр Украины.

но из сел на Полтавщине, Фрунзе неожиданно столкнулся с большой конной группой махновцев. Крикнув сопровождавшим: «Мчитесь в разные стороны!» — он круто повернул лошадь и вслед услышал: «Да ведь це сам командувач Хрунзе!» Командующий увидел, что его преследуют четыре всадника, и тут же открыл огонь из пистолета. Меткими выстрелами он уничтожил трех бандитов, но и сам был ранен. Однако к тому времени уже подоспело подкрепление.

В один из дней махновцы перехватили продовольственный обоз, который сопровождали десять курсантов школы, в которой учился Ватутин. Бандиты шашками изрубили весь караул, а затем, вытащив из мешков продукты, сложили туда обезображенные трупы и отправили этот страшный груз к воротам школы. К одному из мешков была приколотая кровью написанная записка: «Получите своих петушков». Чтобы читателю было понятно, о чем идет речь, поясним: петушками называли в те годы молодых красных командиров.

Хоронили курсантов со всеми воинскими почестями. Покрытые красным сатином гробы опустили в братскую могилу. Один к другому, как в строю. Раскатистый троекратный залп из винтовок прогремел над городским кладбищем. В глазах Ватутина стояли слезы. Ведь погибших товарищей Николай хорошо знал. На их месте он мог и сам оказаться, равно как и кто-то из сослуживцев, стоявших сейчас с ним плечом к плечу в почетном карауле.

Не проходило недели, чтобы курсантов школы не понимали по тревоге. Каждая такая тревога означала: где-то рядом с городом или в ближних уездах опять орудует очередная банда, которую необходимо ликвидировать. В такой обстановке постигал курс военных наук Ватутин: с учебником в одной руке, с винтовкой — в другой. И в любой момент его могла настичь роковая пуля.

Позднее в своей биографии Ватутин засвидетельствует: «Был в походах и боях против банды Беленького в районе Полтавы, Перещепино, Михайловка... Против Махно и других банд в районе Полтавского, Константиноградского и Зеньковского уездов Полтавской губернии и Валковского уезда Харьковской губернии».

Но беда, говорят в народе, не ходит одна, она как бы выталкивает за собой другую. В 1921 году из-за засухи в стране разрился небывалый голод. Миллионы людей остались без куска хлеба. Существованию и без того измученному войной государству грозил новый страшный враг. Согласно данным

официальной статистики, голод охватил 35 губерний (Поволжье, Центральное Черноземье, Южную Украину, Крым, Башкирию, Казахстан, частично Приуралье и Западную Сибирь) общим населением в 90 миллионов человек, из которых голодало свыше 20 миллионов человек. Число жертв составило от 1,5 до 2 миллионов человек. Люди вымирали деревнями. Ели хлеб со мхом, желудями, жмыхом, мякиной. В пищу шли также древесная кора, солома...

В один из дней перед строем курсантов зачитали воззвание Всероссийской центральной комиссии помощи голодающим при ВЦИКе ко всем рабочим и крестьянам, ко всем честным гражданам РСФСР. «Великое стихийное бедствие — голод охватил житницу России Поволжье и поставил перед угрозой смерти более 22 000 000 населения, — говорилось в воззвании. — Советская власть делает все возможное для оказания помощи голодающим. Она обсеменила озимый клин, отпустила ссуду для ярового, дала 12 млн пудов зерна для питания голодающего населения. Но необходима всеобщая помощь. Рабочие, служащие, красноармейцы должны установить ежемесячные отчисления в фонд помощи голодающим. Смерть косит немилосердно, трудящиеся, честные граждане должны сделать все, чтобы отвести руку смерти от голодающих».

Не обошел стороной безжалостный молох и родные места Ватутина, более того — его родную семью. Сначала умерли от голода самые младшие — брат Егор и сестра Клавдия. Вскоре пожаловался на озноб и тихо скончался отец Федор Григорьевич. Приблизила его смерть не только бесхлебица. В одну из ночей возле хаты завыли волки, отец забеспокоился: как бы они не задрали овец. Вышел в сарай посмотреть, и там его ударила испуганная волками лошадь, находившаяся рядом с овцами.

Вслед за Федором Григорьевичем на погост снесли и деда Григория. По свидетельству сельчан, старик умирал, положив под голову мешок с семенным зерном. Он мечтал весной посеять эти зёрна, чтобы к осени в закромах был хлеб. Дед скончался, так и не прикоснувшись к своему неприкосновенному запасу. Именно в сберегаемых семенах он видел спасение всей большой семьи.

К тому времени вернулся по демобилизации из Красной армии старший брат Павел — семье стало легче. В письме Николаю он сообщил, что «урожай в 1922 году обещает быть хорошим, но семья не надеется дожить до нового хлеба, мечтает о том, как дожить до теплых дней, до тра-

вы...». С горечью Павел написал о том, что хлеб есть у кулаков, «но они его не продают даже за большие деньги».

Ватутин находился далеко от родного дома и помочь ничем не мог, хотя известно, что часть своего пайка он регулярно отсылал в Чепухино. По его собственному признанию, в те жуткие месяцы окончилась его юность, он стал по-настоящему взрослым человеком. Впоследствии генерал-полковник К. В. Крайнюков, член Военного совета 1-го Украинского фронта, вспоминал об отношении Ватутина к хлебу. Прочитаем его рассказ:

«Однажды мы с ним [Ватутиным] отправились в войска первой линии, решив проверить организацию питания бойцов. И вот возле одной из походных кухонь генерал Ватутин обратил внимание на разбросанные хлебные корки и объедки. Он сразу нахмурился, посуровел и, обратившись к сопровождавшему нас командиру, приказал собрать личный состав. Затем, когда его распоряжение было выполнено, командуящий фронтом, генерал армии, сам в детстве познавший нелегкий крестьянский труд и нужду, напомнил бойцам о тех огромных усилиях, которые приходится прилагать, чтобы вырастить золотой колос. А потом нужно собрать урожай, обмолотить и помолоть зерно, выпечь добытый в поте лица хлеб наш засушенный.

— Колхозный труженик не даст пропасть ни одной хлебной крошке, — говорил Николай Федорович. — Он все как есть подберет. А некоторые молодые солдаты еще не научились ценить и беречь хлеб — золото наше народное.

Он напомнил присутствующим о том, что в разоренных фашистами колхозах женщины и дети, заменившие ушедших на фронт мужчин, пахали на коровах, а подчас и сами впрягались в плуги, чтобы добыть драгоценный хлеб и накормить им прежде всего воинов на фронте. Напомнил о том, что в тылу страны жестко нормирована выдача продуктов, и сказал о том, что ленинградцы в дни блокады получали всего лишь четвертушку хлеба.

А потом вспомнил и о том, как в далеком 1921 году он вместе с товарищами по службе отчислял из своего курьезного пайка в фонд помощи голодающим.

— Хорошо памятен мне двадцать первый год, — произнес генерал армии Ватутин. — Умерли тогда от голода мой младший брат Егор, мой отец и мой дед. И все они мечтали хоть о крошечке хлеба...

Слова командующего произвели сильное впечатление на бойцов».

Между тем жизнь налаживалась. Черная полоса постепенно уступала место полосе белой. В стране догорали последние костры Гражданской войны. Повсеместно значительно улучшилось положение с продовольствием. После тяжких невзгод лица людей повеселели. Практически в штатном режиме протекали и будни школы, хотя, безусловно, случались незапланированные тревоги, а учебные бои сменяли бои настоящие.

В середине августа 1922 года в школе начались выпускные экзамены, продолжавшиеся две недели. По результатам испытаний Ватутин получил высшие баллы и окончил школу с отличием. А 1 сентября на знаменитом поле Полтавской битвы, где в 1709 году русские войска разгромили шведскую армию, состоялся первый выпуск красных командиров с вручением им дипломов об окончании Полтавской пехотной школы. В четких шеренгах застыли вчерашние курсанты. Блестели на солнце ровными рядами штыки, развевалось на осеннем ветру Боевое знамя школы, гремела медь духового оркестра... Из 120 человек, зачисленных два года назад в школу, налицо осталось только 80. Большинство из тех, кого не было в строю, погибли в боях.

На выпуске присутствовал командующий войсками Крыма и Украины М. В. Фрунзе, который лично вручал питомцам школы дипломы. В числе первых при объявлении приказа прозвучала фамилия нашего героя:

— Ватутин Николай Федорович.

Услышав свою фамилию, Ватутин четким шагом вышел из строя.

— Поздравляю вас красным командиром, товарищ Ватутин. Желаю успехов в службе по защите Отечества! — широко улыбаясь, сказал Фрунзе и крепко пожал ему руку.

— Служу трудовому народу! — взметнув руку к козырьку, отчеканил Ватутин.

Время сохранило для нас те счастливые и незабываемые минуты выпуска. На пожелтевшей фотографии запечатлен Фрунзе, выступающий перед питомцами школы. В характерной позе, строгий. Перед ним застыл строй людей в военной форме. Молодые, красивые. Это первые командиры Красной армии, прошедшие обучение в Полтавской пехотной школе.

Как вспоминал один из питомцев школы, после вручения дипломов каждый выпускник подходил к Боевому знамени школы, опускался на колено и припадал губами к алому полотнищу. Волнующий и грустный ритуал был клятвой Родине, трудовому народу.

Мероприятие завершилось праздничным обедом, на котором Фрунзе произнес речь о задачах, стоящих перед виновниками торжества.

— Товарищи красные командиры, — обратился он к выпускникам. — Поздравляю вас с большим событием в нашей жизни. Сегодня вы влились в единую, монолитную семью комсостава. Вступление в командирский строй стоит перед вами и ряд новых задач. Из воспитанника и ученика каждый из вас превращается в воспитателя и учителя. Настоящим командиром можно стать лишь в результате длительной работы. Помните об этом всегда.

Эти слова Ватутин никогда не забывал и не раз убеждался в том, что только благодаря труду — деятельному, настойчивому, продуктивному — можно добиться результата или достичь поставленной цели.

Уже на следующий день, получив трехнедельный отпуск, Ватутин убыл в родные края. В буденовке, в новом обмундировании, в хромовых сапогах, с чемоданом, наполненным скромными гостинцами, он приехал в близкую сердцу Чепухинку. От радости заплакала мать.

— Успокойся, успокойся! — говорил он, припав к её тёпловому лицу.

А сколько было восторга у братьев и сестер при виде их Коли! И не просто Коли, а командира Красной армии! Односельчане тоже приходили полюбоваться на земляка в военной форме да заодно расспросить о том, как у них будет складываться дальнейшая судьба. Селян тогда волновали и тревожили многие вопросы, поскольку жизнь в деревне была очень трудная.

Быстрокрылой птицей пролетел отпуск. За это время Ватутин успел стать семьянином. Обычно военные женятся на девушках из тех мест, где учатся или служат. Но он взял в жены свою землячку, Татьяну Иванову из деревни Вороновка, что неподалеку от Чепухина. Правда, чуть раньше Николай, рассказывала его родная сестра Матрена, сватался к одной девушке из родного села. Очень она ему нравилась. Однако будущий генерал получил отказ. «Вы — голытьба, такие родственники нам не нужны», — был ответ родителей девушки.

И вот теперь судьба свела его с Татьяной, которую он будет называть милой Танечкой. Она станет делить с ним, как и положено командирской жене, все тяготы и невзгоды военной службы. Сохранилась фотография, запечатлевшая молодоженов. Ватутин — в форме, Татьяна — в нарядном

платье. Сразу после свадьбы Ватутин с супругой отправился в Харьков, где находился штаб 23-й Краснознаменной Харьковской* стрелковой дивизии. Начинала писаться очередная страница командирской биографии нашего героя.

Глава 3

СТАНОВЛЕНИЕ

В Харьков Ватутины приехали утром. Сойдя с поезда, они на трамвае добрались до штаба дивизии. Прибыв в штаб, Ватутин отправился в отделение кадров. А Татьяна осталась ждать мужа на скамейке в ближайшем сквере.

В отделении кадров Ватутину сообщили, что он назначается для дальнейшего прохождения службы в 67-й Купянский стрелковый полк, который дислоцируется в городе Чугуеве. Однако перед убытием туда Ватутина и еще нескольких назначенцев принял командир дивизии.

Вскоре Ватутин и такие же, как он, новоиспеченные командиры, уже были в кабинете комдива. Из-за стола быстро поднялся и вышел навстречу совсем молодой, лет тридцати командир соединения. Военная форма сидела на нем ладно, на груди поблескивал орден Красного Знамени. В его умном, пронизательном взгляде читалась строгость и одновременно виделись открытость, доброжелательность. Также привлекали внимание подтянутость, строевая выправка командира. Это был Николай Яковлевич Котов, ставший впоследствии начальником Липецкой высшей летно-тактической школы ВВС РККА. Он поинтересовался, как проходила учеба, расспросил о преподавателях, задал несколько вопросов, непосредственно касающихся стрелковой и тактической подготовки. Само же напутствие командира дивизии было коротким, по существу.

— Главная ваша задача, — сказал Котов, — научить бойцов тому, что необходимо на войне.

Командир дивизии знал, что говорил. За его плечами были две войны — Первая мировая и Гражданская, на которых он был удостоен орденов за храбрость и имел пять ранений. Позднее комвзвода Ватутину еще не раз доведется видеться с Котовым — на учениях, строевых смотрах, проверках. Их пути пересекались и позже, когда Ватутин уже занимал более высокие командные и штабные должности,

* Наименование Харьковская дивизия получила в ноябре 1922 года.

а Котов преподавал в Военной академии им. М. В. Фрунзе, был начальником штаба Военно-технической академии РККА и т. д. Но эти встречи проходили исключительно до 1937 года. В тот год 6 сентября комдив Котов (это воинское звание ему было присвоено в 1935 году) был арестован. Тогда же арестовали его жену, сына и дочь. Котова обвинили в шпионаже в пользу Германии, участии в военно-фашистском заговоре с целью свержения социалистического строя в СССР, подрывной и вредительской деятельности в РККА. Компрометирующими обстоятельствами послужили дворянское происхождение Котова, а также тот факт, что два его родных брата служили в белой армии генерала А. И. Деникина. В ходе следствия Котов признал себя виновным в участии в военно-фашистском заговоре, в январе 1938 года он был расстрелян в воронежской тюрьме. И только спустя почти двадцать лет, в 1957 году, талантливо-го командира Красной армии комдива Николая Яковлевича Котова реабилитировали.

Под жестокие колеса репрессий едва не попал и Ватутин, но об этом рассказ впереди. Пока же продолжим повествование о первых командирских шагах нашего героя.

Чугуев, куда прибыл служить Ватутин, чем-то напоминал его уездный город Валуйки. Такой же небольшой, тихий, с речкой Северский Донец, с кирпичными одно и двухэтажными домами, белыми хатами-мазанками под камышовыми крышами, палисадниками и садами. Проходила через город и железная дорога. Да и родословная у Чугуева была сродни Валуйкам. Основанный как город-крепость, он оберегал границы Московского государства от набегов крымских татар и ногайцев. Многие годы город оставался военным гарнизоном, местом лагерных сборов и смотров полков русской армии, ее материальной и людской базой. Как и Валуйки, Чугуев в XX веке оказался в эпицентре Гражданской войны. В нем побывали немецкие войска, части белой и Красной армий, казаки, матросы, украинские сичевые стрельцы. Но больше всего следов здесь оставили банды всех цветов и оттенков, коих на Украине, как сказано выше, было несметное количество.

Штаб и казармы 67-го Купянского стрелкового полка располагались в здании бывшего военного училища. Здесь и пошел отсчет службы молодого красного командира. Приняв под свое начало отделение, а затем стрелковый взвод, Ватутин с первых дней погрузился в командирские дела и заботы. Понятно, что не всё и не сразу у

него получалось гладко. Да и других проблем было по горло. Бойцам не хватало обмундирования и обуви. Оставляло желать лучшего их питание. А у комсостава не было служебного жилья. Большинство командирских семей жили на частных квартирах. Семья Ватутиных не являлась исключением. Молодожены сняли крестьянскую хату в деревне Малиновке, что находилась рядом с городом. В той самой Малиновке, которая впоследствии, как считают некоторые историографы, будет прославлена в любимом многими поколениями зрителей фильме-оперетте «Свадьба в Малиновке».

Начало командирской службы Ватутина совпало с реформой в армии. В стрелковых дивизиях упразднились бригады, которые преобразовывались в полки, а полки в батальоны. Теперь дивизия состояла из трех стрелковых полков, дивизионной школы младших командиров. Консулись перемены и подразделений низового звена. Так, в стрелковом взводе имелось три отделения, три ручных и один станковый пулемет; в роте — три стрелковых взвода и взвод станковых пулеметов; в батальоне — три стрелковые роты и рота станковых пулеметов; в полку появилась шестиорудийная батарея полковой артиллерии и т. д. В целом единый штат стрелковой дивизии насчитывал 15 300 человек, 156 пулеметов, 24 орудия. В рамках реформы были созданы стрелковые корпуса как высшие тактические соединения сухопутных войск. Постепенно начали вводиться новые воинские уставы и наставления. В 1924 году в войска поступили Боевой устав пехоты (1-я часть), Устав по стрелковому делу, Строевой устав, Дисциплинарный устав, Устав внутренней службы, наставления и руководства по материальной части оружия, инженерному делу, связи, артиллерии. И хотя большинство уставов были временными — каждый из них являлся новым этапом строительства молодой Красной армии.

Параллельно шел очередной этап демобилизации. Домой — в семьи, к сохе, к станку возвращались отслужившие свой срок или отвоевавшие на «гражданке» бойцы. Если в 1920 году численность вооруженных сил составляла 5,5 млн человек, то к концу февраля 1923 года под ружьем осталось 610 тысяч человек. К началу 1924 года организационно Красная армия насчитывала 39 дивизий на кадровой основе и 22 дивизии на территориальной.

Сокращение армии давало возможность уменьшить расходы на ее содержание и освободившиеся средства пере-

вести на развитие промышленности, транспорта и сельского хозяйства. Это позволяло также направить на восстановление народного хозяйства сотни тысяч демобилизованных красноармейцев. В соответствии с декретом от 28 сентября 1922 года об обязательной воинской повинности для всех граждан РСФСР мужского пола началась смена личного состава «ежегодным призывом» новобранцев «для отбывания обязательной военной службы одного возрастного контингента военнообязанных».

Стрелковый взвод, которым командовал Ватутин, в основном состоял из молодых красноармейцев. Поэтому ему приходилось их учить, что называется, с нуля. Учёба была напряженной. Занятия начинались с утра и заканчивались, когда вечерние сумерки опускались на военный городок. Обучал Николай своих подчиненных строевой и физической подготовке, теории стрельбы, тактике боя. Принцип был один, суворовский: «Тяжело в ученье — легко в бою». Отсюда и большие нагрузки на каждом занятии. Конечно, не всем это нравилось.

— Совсем вы нас загоняли, товарищ командир, — жаловались некоторые бойцы. — Изо дня в день мы только и знаем, что окапываемся, ползаем по-пластунски, совершаем марш-броски...

Большим подспорьем молодому командиру служил журнал Украинского окружного объединения Военно-научного общества при командовании Вооруженных сил Украины и Крыма «Армия и революция», в котором освещались вопросы управления, излагалась методика организации и проведения занятий по тактической подготовке. Важную роль в обучении подчиненных играла политическая подготовка. Во время политзанятий Ватутин старался основательно «подковать» своих бойцов, чтобы они хорошо знали внутреннее и международное положение страны, понимали, для чего они служат и что защищают. Кроме того, он дополнительно занимался с солдатами, которые плохо владели грамотой.

Самое интересное, что и жена Ватутина была неграмотной. Сразу после свадьбы он основательно взялся за её обучение — негоже командирской жене быть необразованной. Начал полушутя-полусерьёзно с того, что вырезал из картона буквы алфавита, развесил их на стенах хаты, над печкой, и Татьяна, не отрываясь от домашних дел, учила азбуку. Потом постепенно обучил её чтению, письму и арифметике. Супруга оказалась очень способной ученицей.

Стремясь к знаниям, она не давала мужу покоя даже тогда, когда тот учился на курсах повышения квалификации.

Сохранилось письмо Николая Федоровича, в котором он даёт жене очередной урок математики. Вот строки из его послания:

«Здравствуй, милая Танечка!

Сейчас получил от тебя письмо. Спешу ответить.

Прежде всего о твоём несчастье, что у тебя нет учительницы. Постараюсь достать учебники. Теперь относительно процентов. Я не помню всего на память, ты посмотри всё, что мы получили по заочному обучению. Там, кажется, правила есть. Я же тебе сообщаю следующее:

Процент — это одна сотая часть всякого числа. Например: у тебя 100 рублей. Одна сотая часть от 100 рублей будет 1 рубль. Так этот один рубль и есть 1 % от 100 рублей.

Теперь три правила:

1) Требуется найти, какой процент составляет какое-либо число по отношению к целому числу.

Например: я получаю жалование 400 рублей, из них 40 рублей я уплатил за паек. Нужно узнать, сколько процентов составят эти 40 рублей по отношению к 400 руб. (к моему жалованию).

Лучше всего рассуждать так: 400 руб. = 100 %. Узнаем, чему равен 1 %. Для этого $400 : 100 = 4$ рубля. Значит, 1 % = 4 руб.

Теперь узнаем, скольким процентам равны 40 руб. Для этого нужно узнать, сколько раз 4 руб. содержатся в 40 руб., то есть надо $40 \text{ руб.} : 4 \text{ руб.} = 10$. Значит, 40 руб. составляют 10 % по отношению к 400 руб.

Если ты уже прошла пропорции, то этот пример можно решить еще скорее. Для этого рассуждаем так...»

И дальше в деталях, «по косточкам», он объясняет решение новой задачи. Письмо это является замечательным документом, лишний раз характеризующим Ватутина как очень отзывчивого и заботливого человека. Всегда чутким было его отношение и к подчиненным во время проведения с ними занятий. Но уточним: требовательность при этом не отменялась.

Тогда же в его личном деле появилась такая запись: «Любит военную службу. Твёрдо знает своё дело. В обстановке разбирается хорошо и оценивает её правильно. Отличный стрелок и методист стрелковой подготовки. Являет собой пример для других командиров».

Уже через год Николай вывел свой взвод в передовые,

за что получил ценный подарок от командования — именные наручные часы, которые он носил с большой гордостью. Позднее командование полка использовало еще одну форму поощрения способного молодого командира. Ватутину, а к тому времени он уже являлся помощником командира стрелковой роты, было предложено учиться в Киевской высшей объединённой школе командного состава с тем расчетом, чтобы в последующем он мог двигаться по служебной лестнице. Ватутин дал согласие. В первых числах января 1924 года, сдав дела, он вместе с женой прибыл в Киев.

Город на Днепре — мать городов русских, как испокон века называют Киев, встретил Ватутиных двадцатиградным морозом. Не прекращавшиеся несколько суток метели нахлобучили на крыши домов, зданий, купола церквей огромные снежные шапки. Мороз пробирал до костей. Над городом висели клубы дыма, поднимающиеся из несчетного количества печных труб.

Однако на центральных улицах царило пестрое многолюдье, растекавшееся большими и маленькими ручьями по огромному количеству магазинов, лавок, кофеен, мастерских, коммерческих учреждений и контор... Подобного рода заведений, обвешанных всевозможными вывесками типа «Голярня», «Перукарня», «Цирульня», «Парикмахерская», «Молошна», «Молочарня», здесь было в изобилии. Они стояли чуть ли не на каждом углу. Киев жил, как и вся страна, в условиях нэпа*, и этим определялась его атмосфера.

Высшая объединённая школа командиров РККА, куда прямо с вокзала приехал Ватутин с супругой, находилась на Печерске — в старинной части Киева. В своё время живший здесь Н. А. Бердяев, впоследствии известный русский философ, подробно описал этот район: «Атмосфера Печерска была особая, это смесь монашества и воинства. Там была Киево-Печерская лавра, Никольский монастырь и много других церквей. На улицах постоянно встречались монахи. Там была Аскольдова могила, кладбище на горе над Днепром... Вместе с тем Печерск был военной крепостью, там было много военных. Это старая военно-монашеская Россия, очень мало подвергавшаяся модернизации».

* Новая экономическая политика, проводившаяся в РСФСР/СССР с 1921 года; она начала постепенно свёртываться с 1928 года и официально завершилась в октябре 1931-го.

А писателю М. А. Булгакову, коренному киевлянину, автору «Мастера и Маргариты», «Белой гвардии» и «Собачьего сердца», Печерск запомнился в свете костров войны: «Сказать, что “Печерска нет”, это будет, пожалуй, преувеличением. Печерск есть, но домов в Печерске на большинстве улиц нету. Стоят обглоданные руины, и в окнах кой-где переплетенная проволока, заржавевшая, спутанная. Если в сумерки пройти по пустынным и гулким широким улицам, охватят воспоминания. Как будто шевелятся тени, как будто шорох из земли. Кажется, мелькают в перебежке цепи, дробно стучат затворы... вот, вот вырастет из бульжной мостовой серая, расплывчатая фигура и ахнет сипло: “Стой!” То мелькнет в беге цепь и тускло блеснут золотые погоны, то пропляшет в беззвучной рыси разведка в жупанах, в шапках с малиновыми хвостами, то лейтенант в монокле, с негнущейся спиной, то вылощенный польский офицер, то с оглушающим бешеным матом пролетят, мотая колоколами-штанами, тени русских матросов. Эх, жемчужина — Киев! Беспokoйное ты место!..»

Правда, Ватутину и его жене уже не довелось увидеть Печерск ни бердяевский, ни булгаковский, хотя прошли-то считанные годы после описанных ими мирных и немирных событий. Жизнь в этом оваянном легендами районе города уже была более-менее налажена: ходили трамваи, в домах горел свет, из кранов текла вода, многие разрушенные войной здания и дома частично были восстановлены или заново построены. Благодаря нэпу полки магазинов и лавок ломались от продовольственных и промышленных товаров. Были бы, как говорится, деньги.

На Печерске Ватутины сняли комнату в доме, находящемся в десяти минутах ходьбы от школы. Но не повезло с хозяином жилья. Им оказался скаредный нэпман, всячески оберегающий от расходования свои деньги и имущество. К примеру, когда Ватутину нужно было готовиться к занятиям, хозяин, экономя электричество, как будто специально выключал свет. Возмущению не было предела, но приходилось мириться с такими кабальными условиями — снять другое жильё за сносную цену в районе было трудно. Денег же у Ватутиных всегда было впритык. Жалованье получал только Ватутин, а оно у слушателя школы было небольшим. И уж совсем финансы запели романсы, когда хозяин квартиры, воспользовавшись тем, что Ватутины, заплатив вперёд, не взяли расписки, вторично потребовал с доверчивых квартирантов оплату за проживание. Ватутин

счёл ниже своего достоинства вступить с жуликом в какие-либо тяжбы и, заняв деньги в кассе взаимопомощи, уплатил снова.

Впрочем, вернёмся в объединённую школу командиров, где начал учиться Ватутин. Учебное заведение располагалось в старинном крепостном здании со сводчатыми стенами, с окнами-нишами и с пушечными амбразурами. Раньше здесь размещалось Киевское пехотное военное училище. В своё время юнкером этого училища был Николай Булгаков, брат упомянутого писателя, послуживший прототипом Николки из романа «Белая гвардия». Ещё раньше, в конце XIX века здесь овладевал суворовской «наукой побеждать» будущий главнокомандующий Вооружёнными силами Юга России, один из организаторов Белого движения генерал-лейтенант А. И. Деникин.

Теперь же судьба назначила Ватутина учиться в этих стенах. Каждое утро он спешил сюда, чтобы как можно лучше овладеть командирской наукой. В то время в армии начинался очередной этап реформ. На пленуме ЦК партии, который состоялся в феврале 1924 года, было принято решение о проведении коренной перестройки в вооружённых силах страны и об обновлении военного руководства. Реформа предусматривала создание армии, состоящей из кадровых и милицейско-территориальных частей. Все мужчины трудового социального происхождения в обязательном порядке призывались на военную службу. Меньшая их часть проходила службу в кадровых формированиях в течение различных сроков в зависимости от рода войск, большая — в территориальных частях непродолжительное время, а потом периодически призывалась на кратковременные сборы. К территориальным формированиям относились только стрелковые и кавалерийские дивизии. В них примерно 20 % штата составляли кадровые командиры, политработники, а остальной состав был переменным и призывался ежегодно в течение пяти лет на месячные сборы. Обучение одного бойца в территориальном формировании обходилось государству в три раза дешевле, чем в кадровых частях, где призывной контингент служил несколько лет. Так, на одного красноармейца ежегодно затрачивалось: в кадровой дивизии — 267 рублей, в территориальной дивизии — 58 рублей; за весь период службы на подготовку одного бойца затрачивалось соответственно 535 рублей и 291 рубль. Однако по качеству подготовки территориальные части намного уступали кадровым частям, о чем сви-

детельствовали результаты проверок, смотров, учений, маневров.

В ходе проводимой реформы большое внимание уделялось и повышению качества подготовки командного состава. Как свидетельствуют документы, через курсы переподготовки, а также через военные училища за период с 1924 по 1928 год прошел почти весь командный состав армии. Вместе со всеми военно-учебными заведениями активное участие в этой важной работе принимала и Киевская школа, в которой учился Ватутин.

С 19 мая по октябрь 1924 года в соответствии с приказом Реввоенсовета СССР № 469 школа была реорганизована в Киевскую высшую объединённую школу командиров РККА им. С. С. Каменева. В этом приказе, подписанном заместителем председателя Реввоенсовета СССР М. В. Фрунзе, говорилось: «8-ю пехотную Ленинградскую школу красных командиров перевести в город Киев и слить с Высшей объединённой школой. По слиянии с 8-й пехотной школой, Высшую объединённую школу комплектовать исключительно красными командирами, окончившими ускоренные командные курсы, или красными командирами, не имеющими законченного военного образования нормальных военных школ. В школе иметь: батальон пехоты с пулеметной командой, двухротного состава на 350 курсантов. Эскадрон кавалерии на 125 курсантов, инженерную роту на 100 курсантов».

В рамках реорганизации в школе был также перестроен учебный процесс: введены новые дисциплины и предметы. Был обновлен и преподавательский состав, но при этом сохранен его основной костяк, состоявший из бывших генералов и офицеров старой армии. Во время учебы Ватутина в школе в ней преподавали генштабисты генерал-лейтенант В. И. Кедрин, генерал-майоры В. А. Ольдерроге, М. В. Лебедев, В. Н. Сокира-Яхонтов, артиллеристы генерал-майоры Е. Н. Дмитриевский и П. В. Шепелев и др. Всего, по подсчетам историков, в школе преподавало более 60 кадровых военных. В большинстве своем это были высококвалифицированные специалисты, обладавшие огромными как теоретическими, так и практическими знаниями. Таким наставникам было что сказать и что передать своим подопечным.

Воспитанник школы, а впоследствии начальник учебного отдела подполковник А. В. Никитин в своих воспоминаниях рассказывает, что «Киевская военная школа РККА в 1922–1928 гг. пользовалась большим авторитетом среди

других военных школ. Каждый командир считал для себя огромной честью учиться в Киевской объединённой школе. Я с особым уважением вспоминаю о времени, проведенном в стенах школы, и никогда не забуду тех командиров и преподавателей, которые меня обучали и воспитывали».

Действительно, Киевская высшая объединённая военная школа была настоящей кузницей высшего состава. Показательный штрих. Ни в одной другой школе не обучалось столько будущих командармов и комкоров Великой Отечественной войны, сколько в этом учебном заведении. В ватутинскую пору здесь овладевали военными науками будущие командармы-общевойсковики Герой Советского Союза генерал армии Г. И. Хетагуров, генерал-полковник Л. М. Сандалов, Герой Советского Союза генерал-лейтенант А. Л. Бондарев, генерал-лейтенанты А. Н. Ермаков, Ф. С. Иванов, Г. П. Коротков, В. Д. Крюченкин, Л. С. Сквирский, командиры стрелковых корпусов Герои Советского Союза генерал-лейтенанты И. К. Кравцов, П. В. Тертышный, А. Д. Шеменков и генерал-майор А. В. Лапшов, генерал-лейтенанты И. М. Пузиков, Е. В. Рыжиков, Н. Л. Солдатов, Г. Н. Терентьев, Я. С. Фоканов, Ф. Е. Шевердин, генерал-майоры З. Н. Алексеев, П. Д. Артеменко, П. Н. Бибииков, М. Я. Бирман, А. А. Егоров, М. Е. Ерохин, И. П. Корязин, Д. П. Монахов, И. Л. Рагуля, А. Г. Самохин, Г. Г. Сгибнев... Если говорить о командирах соединений, то достаточно назвать имя Героя Советского Союза генерал-майора И. Д. Панфилова. В суровом 1941 году бойцы его дивизии покрыли себя неувядаемой славой, защищая Москву.

Учебная программа была очень насыщенной. Ватутин изучал с товарищами тактику, инженерное дело, артиллерию, военную топографию, военную администрацию, военную историю, воинские уставы, военную географию, связь... Традиционно важным в деле подготовки краскомов считались стрелковая, строевая и физическая подготовка, караульная служба.

«Учиться было нелегко, — вспоминал впоследствии еще один выпускник школы, генерал-лейтенант В. Д. Крюченкин. — Имея боевой опыт, военные дисциплины нам давались легче. Благодаря особому старанию в учебе, слушатели получали хорошую военную и образовательную подготовку».

С наступлением лета практически весь личный состав школы выехал в Дарницкие лагеря, которые находились на левом берегу Днепра. Надо отдать должное командирам

и преподавателям, которые создавали для слушателей обстановку, максимально приближенную к боевой. Под жарким, палящим солнцем Ватутин с товарищами на практике закреплял навыки владения оружием, отрабатывал тактические задачи в полевых условиях. «На полевых занятиях Ватутин был одним из самых пытливых и настойчивых, — пишет биограф М. Г. Брагин. — Он учился вести бой в приднепровских вековых лесах и в густых прибрежных зарослях кустарника. Здесь производил он топографические съемки, ходил по азимуту. Изучая скрытые подступы к Днепру, полпластунски ползал низинами, определял глубину и режим течения великой реки, находил быстрины и отмели, ставил дымовые завесы, участвовал в наводке понтонных мостов, учился форсировать Днепр».

Киевскую высшую объединённую школу, как и раньше Полтавскую пехотную, Ватутин окончил с отличием. Причем досрочно. По возвращении в Чугуев он был назначен помощником начальника полковой школы. В этой должности Ватутин находился с ноября 1924 года по март 1925 года. А в марте 1925 года стал в одном лице командиром роты и начальником полковой школы.

Издревле среди военных бытует пословица: тот не офицер, кто не командовал ротой. Действительно, не пройдя эту важную ступень, признают сами офицеры, трудно потом управлять крупными воинскими формированиями. Рота — это, по сути, военная организация в миниатюре. Ватутин командовал ротой почти два года, вывел её в число лучших в полку. Это был серьезный этап его становления как руководителя. Во-первых, он получил хорошие уроки управления подчиненными, в особенности своими заместителями, командирами взводов. Во-вторых, как командир-воспитатель приобрел хороший опыт индивидуальной работы с людьми. В-третьих, успешно реализовал на практике знания и навыки, полученные в Киевской высшей объединённой военной школе.

В личном деле Ватутина так отражен его ротный период: «Сила воли развита в высшей степени. Энергичный. Авторитетный. Служит примером для комсостава полка. Здоров. Вынослив. В обстановке разбирается хорошо. Оценивает правильно. Твердо знает свое дело. К себе и подчиненным требователен. Хороший стрелок. Методист стрелкового дела. Любит военную службу. Заслуживает выдвижения вне очереди на должность начальника полковой школы».

Успехи Ватутина в службе не могли не сказаться на его

дальнейшей карьере. В 1926 году он получил право на поступление в Военную академию РККА, незадолго до этого названную именем М. В. Фрунзе. В июле того же года Ватутин успешно сдал вступительные экзамены и был зачислен слушателем на 1-й курс. Буквально на несколько дней Николай приехал в полк, чтобы передать дела новому ротному и попрощаться с однополчанами. Надо сказать, не без грусти расставался Ватутин с полком, с которым сроднился и в котором началась его командирская молодость. Так всегда бывает в жизни, когда позади остаётся определенный её этап. Но армейская судьба вела его дальше, к новым высотам службы.

Военная академия им. М. В. Фрунзе располагалась тогда в старинном здании на Кропоткинской улице, в доме 19. Это было первое высшее военно-учебное заведение Советской России, созданное в 1918 году. К началу учебы Ватутина в ее стенах уже отучились многие участники революции и Гражданской войны, в том числе бывший нарком по морским делам П. Е. Дыбенко, комбриг 1-й Конной армии И. В. Тюленев и др. Теперь постигать глубины военной теории и командирского опыта здесь предстояло и Ватутину.

Тут же, неподалеку от академии, в Ваганьковском переулке, находилось и семейное общежитие для слушателей академии. В нем, на шестом этаже, Ватутиным выделили восьмиметровую комнату, чему молодая семья после скитаний по съемным квартирам в Чугуеве и Киеве была несказанно рада.

С особым чувством 1 сентября Ватутин перешагнул порог академии. Настроение было торжественно-приподнятое, глаза светились радостью. Состояние нашего героя было легко понять: он, простой крестьянский парень, слушатель главного военно-учебного заведения страны! Такие же чувства, вне всякого сомнения, испытывали и другие новоиспеченные «академики».

Вот как вспоминал впоследствии о том времени министр обороны СССР, маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза Р. Я. Малиновский, учившийся одновременно с Ватутиным: «В тот период, когда я учился (1927–1930), Военная академия им. Фрунзе была в Советской армии* единственным общевоинским высшим учеб-

* До 1946 года она официально именовалась Рабоче-крестьянская Красная армия (РККА).

ным заведением, которое давало широкую военную подготовку тактического и оперативного масштаба и довольно значительную ориентировку в области стратегии. И, надо сказать, что, несмотря на такой обширный объем знаний, учебный курс был настолько хорошо построен, что вполне успешно усваивался. Слушатели академии считали для себя большим счастьем учиться в ней. У всех нас остался в памяти тот трудный конкурс, который надо было преодолеть, чтобы попасть в академию. В те годы, помимо отбора в округах, на место в академии претендовали три-четыре кандидата. И, поступив, мы дорожили возможностью учиться».

С Ватутиным училась, без всякого преувеличения, целая фаланга командиров, которые потом станут ответственными руководителями в составе вооруженных сил страны. Вот лишь некоторые имена: М. В. Захаров, впоследствии маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза, начальник Генерального штаба; В. И. Чуйков, впоследствии маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза, полководец, который отстоял Сталинград; Д. Г. Павлов, впоследствии генерал армии, командующий Западным фронтом, Герой Советского Союза; М. В. Кирпонос, впоследствии генерал-полковник, командующий Юго-Западным фронтом, Герой Советского Союза; В. Я. Колпакчи, впоследствии генерал армии, командующий Бакинским военным округом, Герой Советского Союза...

Возглавлявший академию бывший командарм 13-й армии Южного фронта, он же «железный латыш» Р. П. Эйдемман, хотел видеть в таких, как Ватутин, не просто хорошо подготовленных командиров, а командиров современных. «Мы делаем сейчас ставку на военно-техническую выучку академика, — писал он в одной из своих статей, — на умение не только принять решение, но и провести его в жизнь, пронизать основной идеей, вдохновляющей весь организм, каждое частное распоряжение и указание. Отсюда вытекает и то внимание, которое в настоящее время в учебных планах тактики уделяется военным играм на карте и на местности, технике управления и командному языку».

Во время учебы Ватутина в академии в ее стенах трудился большой коллектив опытных, превосходно знающих свое дело преподавателей. Достаточно назвать имена таких блестящих военных теоретиков, как А. А. Свечин, В. Ф. Новицкий, И. И. Вацетис, Д. М. Карбышев, А. К. Коленков-

ский, В. К. Триандафиллов, В. Д. Грендаль... Их отличали высокая эрудиция, оригинальность мышления и искусство преподавания, хорошо знали они и штабную службу. Это было важно вдвойне, поскольку в первые годы советской власти составление документов в Красной армии многие «командиры-революционеры» считали чуть ли не пережитком прошлого.

Все эти преподаватели пользовались непререкаемым авторитетом у слушателей. Но, безусловно, были у слушателей и свои любимчики. Например, будущий начальник Оперативного управления РККА Владимир Кириакович Триандафиллов. Штабс-капитан в Первую мировую, командир дивизии в Гражданскую, он хорошо представлял характер будущих войн. Разработанная им теория глубокой операции, которая предусматривала подавление обороны противника на всю ее глубину за счет использования танков, авиации и воздушно-десантных войск, вызывала огромный интерес у завтрашних комдивов, комкоров, командармов...

Вот что писал Триандафиллов в своем труде «Характер операций современных армий» о роли танков: «В крупном тактическом значении танков для будущей войны теперь никто не сомневается. Имеющееся к данному времени увеличение автоматического оружия в пехоте, тенденция дальнейшего увеличения и качественного улучшения этого оружия, широкое распространение искусственных препятствий в обороне и отставание средств подавления (артиллерии) от средств обороны выдвигают танки как одно из могущественных средств для будущей войны».

Уместно сказать, что идеи Триандафиллова, которого еще называют «отцом советского оперативного искусства», были впервые использованы командованием Красной армии в операции по разгрому японских войск у реки Халхин-Гол в августе 1939 года. Применял их впоследствии в своей фронтовой практике и Ватутин.

Еще одно имя из этой славной профессорско-преподавательской когорты — крупнейший специалист военнотехнического дела Дмитрий Михайлович Карбышев. Без всякого преувеличения, он являлся едва ли не самым популярным преподавателем академии. Лекции Карбышев читал простым и доступным языком, поэтому выполнение самостоятельных работ по его предмету никогда не вызывало у слушателей затруднений. Выступая перед аудиторией, он всегда представлял большой объем материалов о новейших

достижениях инженерной службы как Красной армии, так и армий иностранных государств, приводил поучительные примеры из истории войн.

Ватутину и многим его однокашникам по академии на всю жизнь, как математическое правило, запомнилась простая и понятная формула Карбышева расчета сил и средств при оборудовании позиций заграждения из колючей проволоки: один батальон, один час, один километр, одна тонна, один ряд. Правда, кто-то из остряков перефразировал ее в шутку: один сапер, один топор, один день, один пень. Однако Карбышев нисколько не обиделся. К слову, он и сам не прочь был пошутить.

Как писал позже в своих мемуарах выпускник академии, дважды Герой Советского Союза, маршал Советского Союза И. Х. Баграмян, «слушатели очень любили консультации Дмитрия Михайловича, во время которых получали все данные, чтобы прийти к правильному решению той или иной задачи. Дмитрий Михайлович никогда не “натаскивал” слушателей, он старался развивать у нас самостоятельность мышления, оградить от шаблона, схемы. Главную свою задачу он видел в том, чтобы мы твердо усвоили и разумно применяли принципы, лежащие в основе инженерных расчетов».

Ватутин твердо усвоил уроки Карбышева, с которым не раз потом встречался на учениях и маневрах, в стенах Академии Генерального штаба, а также на совещаниях высшего командного состава Красной армии. В самом начале Великой Отечественной войны учитель и ученик, оба к тому времени генерал-лейтенанты, оказались в жарком пекле боев и сражений. Карбышев — на Западном фронте, Ватутин — на Северо-Западном.

К сожалению, судьба Карбышева сразу сложилась трагически. 8 августа 1941 года при попытке выйти из окружения он был тяжело контужен в бою у деревни Добрейка Шкловского района Могилёвской области, что в Белоруссии. В бессознательном состоянии генерал был захвачен в плен. Немцы очень рассчитывали, что бывший царский офицер, дворянин Карбышев перейдет к ним на службу. Именно он, а не генерал Власов, по замыслу фашистов, должен был возглавить Русскую освободительную армию. Однако Карбышев до последней минуты своей жизни остался верен военной присяге и своей Родине. В февральские дни 1945 года в концлагере Маутхаузен его после зверских пыток раздели догола, вывели на холод, поливали во-

дой, а затем убили. Позже тело генерала сожгли в лагерной печи.

Не уберегла судьба и Ватутина, став для него в 1944 году фатальной. Но тогда, в конце 1920-х годов, он не знал, сколько жизненных верст ему ещё придется пройти. Пока же быстротечное время отсчитывало дни, недели, месяцы и годы, а жизнь — многогранная и многоцветная, заполняла эти дни, как правило, чем-то новым, не похожим на то, что было ещё сегодня или вчера.

Академические будни Ватутина были насыщенными. К тому же учебный процесс постоянно усложнялся. Так, в мае 1927 года Реввоенсовет СССР ввел в действие Положение о высших военно-учебных заведениях, в соответствии с которым на Военную академию им. М. В. Фрунзе возложили задачу по подготовке командиров-единоначальников и штабных офицеров в звене полк—корпус, чего не было раньше. Претерпел изменения и учебный процесс. В частности, были сокращены часы на стратегию и оперативное искусство, зато увеличилось их количество на тактику. Теперь на 1-м курсе изучались действия полка, на 2-м — дивизии, на 3-м — корпуса.

Вновь обратимся к воспоминаниям Р. Я. Малиновского: «Основательно поставленные в академии групповые занятия по тактике на картах и на местности были главной формой изучения прикладной стороны курса тактики. Он охватывал все формы боевых действий в масштабе от батальона до корпуса и все стороны их организации и обеспечения. Большое значение имели также летние подвижные лагеря, где отрабатывались сквозные тактические задачи и проводились военные игры. Преподаватели и слушатели во время этих занятий передвигались в конном строю. Командно-штабные учения и оперативные игры проводились очень поучительно, приближенно к условиям боевой обстановки. Причем руководитель занятий не был связан жестким регламентом методической разработки, что способствовало творческому подходу к делу. Некоторым группам повезло: руководителями у них были заместитель наркома обороны М. Н. Тухачевский и командующий войсками МВО [Московского военного округа] И. П. Уборевич. Это возбуждало большой интерес к занятиям, а главное — способствовало выработке волевых качеств, необходимых командиру».

На курсе, где учился Ватутин, всем слушателям выдали топографические карты командира полка, и с этого момента они вступили в командование воинской частью. Как

свидетельствует биограф М. Г. Брагин, Ватутин «получил приказ вышестоящего штаба, определяющий задачу его части, и несколько телеграмм, в которых дополнительно, но весьма неопределенно сообщалось о противнике, которого надо было разведать. Ватутин имел сведения о состоянии дорог и положении тылов, а также метеосводку и прогноз погоды. Такие же материалы получили и другие слушатели. Они составили штаб войсковой части, и начались... боевые действия, не прекращавшиеся в течение всего академического курса. “Противником” были преподаватели, опытные, знающие, требовательные».

Конечно, это была игра. Большая, хорошо организованная, с конкретными целями. Однако из истории войн известно, как важны такого рода игры. Смоделировав заранее предстоящую операцию на карте, на макете местности, командиру легче потом добиться победы над противником, а также избежать напрасных потерь.

Задачи менялись чуть ли не каждый день. «Комполка» Ватутин со своими «батальонами» наступал и оборонялся, форсировал водные преграды и совершал многокилометровые марши... От курса к курсу эти задачи усложнялись. В дальнейшем Ватутину пришлось выступать в роли командира дивизии и вести вперед полки, а затем, в качестве «командира корпуса», и дивизии. В его служебной характеристике того времени записано: «Не признает шаблона. Склонен к ведению маневренного боя. Умеет трезво оценивать самые сложные ситуации и находить оптимальные выходы из них».

Как человек, стремящийся к знаниям, Ватутин перечитал в то время горы различной литературы по военной тематике. Он регулярно посещал библиотеки родной академии, Центрального дома Красной армии (ЦДКА), а также Государственную библиотеку им. В. И. Ленина. В его читательском формуляре значились труды Б. М. Шапошникова «На Висле: к истории кампании 1920 года», А. И. Верховского «Основы подготовки командиров», «Огонь, манёвр и маскировка», «Эволюция военного искусства» А. А. Свечина, «Мои воспоминания» А. А. Брусилова... С большим интересом наш герой прочитал биографии выдающихся русских полководцев А. В. Суворова, М. И. Кутузова, М. Д. Скобелева и других именитых военачальников.

В академии у Ватутина появилась тяга к штабной работе. Он с увлечением работал с картами, готовил донесения и распоряжения, проводил расчеты сил и средств. Причем все это Ватутин делал аккуратно, скрупулезно, как и поло-

жено штабному работнику. Уже тогда одноклассники отметили в нем штабной склад ума. Сам Ватутин в то время еще и не предполагал, что штабная работа станет его призванием.

Большое влияние на Ватутина оказала и книга патриарха штабной работы Бориса Михайловича Шапошникова «Мозг армии». В этом фундаментальном труде Шапошников, являвшийся тогда начальником Штаба РККА, определил основные положения о характере будущей войны, раскрыл особенности руководства армией в войне и дал четкое представление о роли, функциях и структуре Генерального штаба как органа Верховного главнокомандования по управлению вооруженными силами.

Позже Ватутину посчастливилось служить под началом этого крупного военачальника. Как никто другой, Шапошников был наделен всеми необходимыми качествами для работы в «мозге армии» — прекрасным знанием военного дела, огромным трудолюбием, отменной штабной культурой и высоким чувством ответственности. Подкупали в нем и такие качества характера, как выдержанность, вежливость, скромность и тактичность в общении с подчиненными. Именно от Бориса Михайловича Ватутин получил солидный багаж знаний, особенно в области оперативного искусства. Одновременно приобрел и богатейший опыт штабной службы.

— Штабная работа, — часто любил повторять Шапошников, — должна помогать командиру организовывать бой. Штаб — первейший орган, с помощью которого командир проводит в жизнь свои решения... В современных условиях без четко сколоченного штаба нельзя думать о хорошем управлении войсками.

Эти мудрые слова стали для Ватутина своего рода девизом, когда он будет руководить различными штабами.

Между тем учеба Ватутина в академии близилась к завершению. Быстро пролетели три года, вобравшие в себя не только теоретические занятия, но и практические занятия на стрелковом, инженерном, химическом и артиллерийском полигонах. Кроме того, были еще выезды на учения и маневры, а также стажировки непосредственно в воинских частях. В преддверии выпуска Ватутин выступил со статьей в академическом журнале «Рупор». Заканчивалась статья такими словами: «Уходя из академии, мы желаем, чтобы опыт нашей работы был учтен, чтобы академия организовала прочную связь со своими питомцами, а о себе мы говорим: “Мы готовы к работе в РККА”».

Ватутин был в числе участников праздничного военного парада на Красной площади 1 мая 1929 года. Принимал парад нарком по военным и морским делам СССР К. Е. Ворошилов, командовал парадом командующий войсками Московского военного округа И. П. Уборевич. Под звуки торжественного марша выпускной курс по традиции прошел во главе остальных батальонов академии. На этом параде впервые была продемонстрирована техническая мощь Красной армии. В ровных колоннах прошли броневики, автмоточасти с пулеметами на грузовых и легковых машинах, артиллерия, легкие и тяжелые танки.

А через две недели начались выпускные экзамены. Ватутин сдал их успешно. В его выпускной аттестации было записано: «По своей подготовке и свойствам характера может быть единоначальником».

Пришло время прощания со столицей, с ее шумными улицами и уютными скверами, всегда многолюдной Красной площадью, шумной Тверской улицей, величественным Кремлем, Большим театром, Третьяковской галереей... Грустно было расставаться с академией, ставшей за три года родной. В соответствии с приказом наркома обороны К. Е. Ворошилова все выпускники академии получили новое назначение и уехали к местам дислокации своих воинских частей. Кто в Белоруссию, кто на Дальний Восток, кто в Среднюю Азию...

Ватутин опять отправился служить на Украину, в 7-ю стрелковую дивизию, куда его назначили на должность помощника начальника оперативной части штаба. Это назначение стало поворотным в его дальнейшей служебной карьере. Ведь раньше, как мы знаем, он занимал исключительно командные должности, теперь же ему предстояло заниматься штабной работой.

Глава 4

«ШТАБ — ПЕРВЕЙШИЙ ОРГАН»

Штаб 7-й дважды Краснознаменной Черниговской стрелковой дивизии им. М. В. Фрунзе* находился в древнем городе Чернигове. Город внешне напоминал Полтаву, где в начале 1920-х годов Ватутин учился в пехотной шко-

* Впоследствии трижды Краснознаменная, ордена Трудового Красного Знамени.

ле. Такие же одно и двухэтажные дома, торговые ряды на Базарной площади, множество церквей и большое количество яблоневых и вишневых садов. Штаб располагался на Магистратской улице, в бывшем здании городского банка — красивом, с колоннами особняке.

По приезду в Чернигов Ватутины сняли небольшую квартиру, находившуюся рядом со штабом дивизии. Окна их жилища выходили прямо на здание штаба. В этом был свой плюс, особенно во время учебных тревог, когда Ватутину срочно требовалось прибыть к месту службы.

Штабная работа Ватутину пришлась по душе, он быстро втянулся в её непрерывный ритм. Примечательно, что Ватутин был в соединении единственным офицером с академическим образованием. Поэтому за его работой все наблюдали с пристальным интересом. Но «академик» не ударил в грязь лицом. Теоретические знания, полученные во время учебы, он умело применял на практике. Не случайно командир дивизии К. Ф. Квятек поручил Ватутину проводить занятия с офицерами штабов дивизии и полков. С этой задачей, как и с другими, он успешно справился.

Однако в штабе дивизии Ватутин прослужил недолго — всего год. В июне 1930 года он был назначен помощником начальника 1-го (Оперативного) отдела штаба Северо-Кавказского военного округа. На повышение в город Ростов-на-Дону, где находился штаб округа, Ватутин прибыл с женой и дочерью. Прибавление в семействе состоялось в Чернигове. Его любимая Танечка подарила ему дочку, которую назвали Еленой.

Как всегда, Ватутин с чувством высокой ответственности включился в новую работу. Вопросы, которые ему приходилось теперь решать, были гораздо сложнее и масштабнее, чем в штабе дивизии. По роду своей службы Николаю Федоровичу часто приходилось выезжать с проверками в войска округа, которые дислоцировались на территории нынешних республик, краев и областей — Адыгеи, Дагестана, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Калмыкии, Карачаево-Черкессии, Северной Осетии, Чечни, Краснодарского и Ставропольского краев, Астраханской и Ростовской областей. Во время таких поездок молодой штабист проверял ход боевой подготовки, выявлял ее сильные и слабые стороны, изучал действия различных частей и подразделений — пехоты, артиллерии, кавалерии, авиации, их взаимодействие на занятиях и учениях, проводил занятия с командным составом. Результаты этих командировок Ва-

тутин потом отражал в отчетах, а также готовил обзоры передового опыта.

Старание Ватутина не осталось незамеченным командованием. «Проведенные под руководством Ватутина опытные учения дали богатый материал по управлению войсками...» — отмечалось в одном из приказов, подписанном командующим округом Н. Д. Кашириным. Другой приказ гласил: «Помощнику начальника 1 отдела штаба тов. Ватутина за добросовестное и вдумчивое выполнение инспектирования в 12 кавдивизии и за ряд ценных предложений объявляется благодарность». Подпись под этим приказом поставил начальник штаба СКВО А. И. Верховский, по учебникам которого Ватутин учился в Военной академии им. М. В. Фрунзе. Примечателен ещё факт — Верховский являлся осенью 1917 года военным министром во Временном правительстве А. Ф. Керенского, а потом перешёл на службу в Красную армию.

По свидетельству военного историка С. П. Куличкина, в тот период у нашего героя все «складывалось хорошо, но Ватутин жаждал самостоятельной работы, мечтал приложить силы в руководстве крупного штаба. Вскоре мечта его сбылась — молодого командира выдвинули на должность начальника штаба 28-й горнострелковой дивизии. Вновь скорый переезд к новому месту службы и новые обязанности, новые сослуживцы...».

В декабре 1931 года этим «новым местом службы» для Ватутина стала столица Северной Осетии — город Орджоникидзе*, где находился штаб названной дивизии. А входившие в её состав полки, а также батальоны и роты прямого подчинения были расквартированы как в самом Орджоникидзе, так и в городах Чечни и Дагестана — Грозном и Буйнакске.

В отличие от традиционной стрелковой дивизии, где ранее проходил службу Ватутин, 28-я Горская горнострелковая дивизия имела свою специфику, начиная от задач, вооружения и кончая экипировкой личного состава. Прежде всего, соединение было предназначено для ведения боевых действий в горной местности — в предгорьях, на пере-

* Название Орджоникидзе город Владикавказ получил всего за несколько месяцев до приезда Ватутина — 2 сентября 1931 года. В феврале 1944 года он получил название Дзауджикау, в феврале 1954 года — вновь Орджоникидзе, а в июле 1990 года ему возвращено историческое название Владикавказ.

валах и вершинах. Поэтому главной составляющей боевой учебы для всего личного состава являлась горная подготовка. Вооружение горных стрелков также отличалось от того, что имели бойцы в обычных частях и подразделениях. Они были вооружены автоматическими винтовками, карабинами, самозарядными снайперскими винтовками, пистолетами-пулеметами, горными минометами и пушками. Тяжелой техники не было, штатное расписание не предусматривало ее наличия, поскольку на скалах танками много не навоюешь. В качестве транспортных средств использовались автомобили, лошади и мулы. А еще в горах невозможно было обойтись без альпинистского снаряжения: веревок, «кошек», ледорубов, снегоступов или лыж. Что касается обмундирования, то бойцы носили панамы, специальные гимнастерки, ботинки. Даже питание для горных стрелков было особое — высококалорийное.

Конечно, любая новая должность — это всегда испытание. Справлюсь ли? Хватит ли знаний и опыта? Эти вопросы задает себя каждый человек, приступающий к исполнению новых обязанностей. Все эти вопросы волновали Ватутина. Вспоминал он и слова Шапошникова о том, что «первейший орган, с помощью которого командир проводит в жизнь свои решения», должен работать четко, грамотно и оперативно.

Полную поддержку Николай Федорович ощутил от командира дивизии. В тот период ею командовал Иосиф Антонович Милюнас, литовец по национальности, опытный руководитель, являвшийся до этого начальником штаба армейского корпуса, а еще раньше — начальником штаба этой же дивизии. Примечательно, что в 1919 году комбриг Милюнас воевал в родных краях Ватутина, за проявленный героизм в боях с деникинцами был награжден орденом Красного Знамени.

— Не переживай, — при первой же встрече сказал Милюнас Ватутину. — Я и сам еще недавно состоял в штабах. Эта работа, по себе знаю, не из легких. Если, к примеру, маневры успешно прошли — всегда хвалят командира, а в штабе — ни слова, ни полслова. Если же маневры провели с недостатками — тогда в основном ругают штаб и его начальника.

Имея за плечами опыт службы в штабе округа, Ватутин за короткое время сумел улучшить работу штаба соединения. Это выразилось в планировании мероприятий, качественной подготовке приказов и распоряжений, своевремен-

ном доведении их до частей и подразделений, обеспечении надлежащего контроля за выполнением этих документов.

Новый начальник штаба постоянно требовал от подчиненных культуры штабной работы, четкости в разработке каждого документа. Он считал, что чем тщательнее и скрупулезнее они подготовлены на занятия или учения, тем больше гарантии достичь желаемого результата.

Дивизия — сложный организм, основное тактическое формирование в войсках. Ее боеспособность определяют полки, выучка личного состава, состояние оружия и техники, уровень воинской дисциплины. За все эти компоненты отвечает штаб и лично начальник штаба, как и командир соединения.

Между Милюнасом и Ватутиным с первых дней установились хорошие как служебные, так и товарищеские взаимоотношения, что было очень важно. Ведь в управлении боем, как было записано в тогдашнем Полевом уставе РККА, «решающую роль играет не только слаженная работа штаба, но и сработанность командира с начальником штаба». Эта «сработанность» Милюнаса и Ватутина способствовала успешному решению задач, возложенных на соединение, и в первую очередь выполнению планов боевой подготовки.

Самой главной учебной дисциплиной для дивизии, как уже сказано, являлась горная подготовка. Каждодневно части и подразделения настойчиво овладевали наукой воевать в горах. Например, на занятиях с разведывательными подразделениями особое внимание уделялось изучению правил ориентирования в горах, технике движения по участкам с особо сложным рельефом. С ротами стрелков детально отработывались специальные приемы ведения огня под большими углами к горизонту. На занятиях с минометчиками особое внимание уделялось вопросам транспортировки вооружения и выбора огневых позиций для минометов с учетом встречающихся в горах опасностей — камнепадов, снежных лавин. Также регулярно проводились тактические занятия, включавшие в себя штурм перевала, заход в тыл «противника», захват переправы через горную реку и некоторые другие действия, а также совершались длительные походы. План таких походов и характер учений готовились как под непосредственным руководством Ватутина, так и им лично.

К сожалению, привычные учебные будни соединения нередко становились буднями военными. А начальни-

ку штаба со своими подчиненными приходилось разрабатывать реальные войсковые операции. В начале 1932 года в Чечне и Ингушетии вспыхнуло масштабное восстание, в котором приняло участие местное население. Причиной мятежа стала не всегда гибкая, а зачастую грубая политика властей по коллективизации сельского хозяйства в этих районах. Промахами советской власти умело воспользовались организаторы выступления — ярые противники нового строя. В аулах и селениях мятежники громили кооперативы, аулсоветы, убивали коммунистов и комсомольцев. Как свидетельствуют документы, бандформирования численностью по 500—800 человек атаковали и осадили ряд военных гарнизонов. Бои отличались особой жесточечностью, религиозным фанатизмом, привлечением к участию в атаках безоружных женщин и детей. Однако органы НКВД и войсковые части оказались в полной готовности к отражению вооруженных выступлений, а также к их локализации.

В конце февраля дивизия была оперативно переброшена в Чечню. В соответствии с планом операции, разработанным Ватутиным и его подчиненными, полки соединения сумели разделить и изолировать бандитские группировки, блокировать их в труднодоступных горных районах, а затем последовательно их уничтожить. Всего за период восстания мятежники потеряли убитыми 333 человека, 150 ранеными. Потери частей Красной армии и НКВД, участвовавших в подавлении восстания, составили 27 убитыми и 30 ранеными. Позже, будучи комбригом, Ватутин так напишет в автобиографии о тех горячих днях: «Участвовал в операции по ликвидации контрреволюционного восстания в Чеченской автономной области с 26.02 по 12.03.32 г. в составе 28-й горнострелковой дивизии в должности начальника штаба дивизии... Ранений и контузий не имел».

После выполнения задач в Чечне части дивизии вернулись в места постоянной дислокации. Опять потекли напряженные учебные будни. По итогам 1932 года 28-я горнострелковая дивизия стала лучшей в Северо-Кавказском военном округе. В торжественной обстановке соединению вручили переходящее Красное знамя «за лучшие результаты по всем видам боевой и политической учебы». Была в этом успехе и немалая заслуга Ватутина. В его личном деле хранится выписка из приказа командующего войсками СКВО за № 416/244 от 30 ноября 1932 года, в которой сказано: «...за активное личное участие в деле боевой под-

готовки дивизии и систематическое руководство таковой начальника штаба 28-й горнострелковой дивизии Н. Ф. Ватутина наградить денежной премией в сумме 300 рублей».

Достижения Николая Федоровича в службе нашли отражение и в его аттестации, где было записано: «Тов. Ватутин из тех командиров, которые осуществляют в своей ответственной работе лозунг РВС СССР и ПУ РККА и решают обе задачи как одну... Подлежит выдвижению в очередном порядке на должность начштакора [начальника штаба корпуса]».

В том же году в семье Ватутина произошло прибавление: супруга Татьяна родила сына, которого назвали Виктором.

В ноябре 1933 года Николай Федорович вновь переступил порог Военной академии им. М. В. Фрунзе, на этот раз став на восемь месяцев слушателем оперативного факультета. Этот факультет, созданный в 1931 году при академии, готовил в ограниченном количестве командные кадры с широким оперативным кругозором, знающие основы операций, вождение крупных соединений и объединений всех родов войск и видов вооруженных сил. Вместе с Ватутиным в тот период квалификацию повышали будущие именитые военачальники И. С. Конев и Ф. И. Толбухин, ставшие впоследствии маршалами. Учиться с такими сокурсниками было легко и интересно. Николаю Федоровичу, находившемуся на стороне то «красных», то «синих», не раз приходилось мериться с каждым из них силами, организуя действия условных полков и дивизий в наступлении и обороне.

По результатам обучения на каждого слушателя были написаны характеристики. Их лично читал и утверждал начальник академии Б. М. Шапошников. Когда дошла очередь до характеристики на Ватутина, в которой отмечались его хорошие «оперативно-тактические знания», «сила воли, энергичность и авторитет среди сослуживцев», Борис Михайлович своим прямым без наклона почерком приписал лаконичную фразу: «По всем вопросам имеет свое самостоятельное суждение». По свидетельству людей, хорошо знавших Шапошникова, это была его наивысшая оценка человека.

В июле 1934 года Ватутин вернулся в родную дивизию и снова окунулся в штабные дела, которых за время его отсутствия накопилось немало. Пришлось решать и много новых задач с учетом возросших требований, предъявляемых руководством армии к боевой подготовке в войсковых ча-

стях и соединениях. Иными словами, будни начштаба Ватутина были до предела наполнены напряженной работой.

К числу значимых событий в службе Ватутина того периода можно отнести присвоение ему наркомом обороны СССР 29 ноября 1935 года воинского звания полковник. Произошло это вскоре после 22 сентября 1935 года, когда постановлением ЦИК и СНК СССР в РККА были введены персональные воинские звания для командного и начальствующего состава.

Но в том же 1935 году успешная карьера вновь испечённого полковника Ватутина едва было не рухнула, о чём свидетельствует написанная на него отрицательная аттестация. Вот некоторые выдержки из этого документа, хранящегося в его личном деле: «Свои положительные качества и аттестации расценил неправильно, что привело к потере самокритики, недочетов в своей работе. Проявил недисциплинированность, выразившуюся в недооценке указаний высших начальников. К подчиненным не проявляет достаточно твердой требовательности, что приводит к ложному демократизму, отражающемуся на организованности дисциплины и культуры в работе штаба. На тактических учениях допустил слабую увязку в работе штаба с подивом [политотдел дивизии]. При наличии несомненно положительных качеств — недоучёт отмеченных недостатков т. Ватутина может привести к нежелательным последствиям.

Вывод. Должности наштадива соответствует. Необходимо послать на стажировку на стрелковый полк».

С чего вдруг Николай Федорович стал плохим руководителем? Ведь до недавнего времени, читатель знает, он характеризовался исключительно как «хороший начальник штаба дивизии», «волевой и инициативный командир». Сам Шапошников ему высокую оценку выставил!..

Читая текст аттестации, можно строить различные версии. Не исключено, что у Ватутина случилось «головокружение от успехов» и его решили немного поправить. Однако зазнайством Николай Федорович не страдал, никогда не выпячивал себя, не любил, как он говорил, яканья. Возможно, он сбавил обороты в службе... Но и в эту версию мало верится, поскольку Николай Федорович был очень трудолюбивым и ответственным человеком. Скорее всего, причина кроется в том, что Ватутин где-то не сладил с политработниками. Как говорится, нашла коса на камень. На это прямо указывают и строки аттестации: «На тактиче-

ских учениях допустил слабую увязку в работе штаба с подивом». А комиссары, надо заметить, народ злопамятный. Свою ложку дегтя в бочку мёда они и положили...

К счастью, нависшая над Ватутиным гроза прошла мимо. В конце 1935 года на его плечи легла задача подготовить крупные учения в условиях высокогорья и организовать восхождение горных стрелков на один из легендарных символов Кавказа — вершину Казбека.

В течение нескольких месяцев шла напряженная подготовка личного состава к этим ответственным мероприятиям — совершались марш-броски как пешком, так и на лыжах, проводились занятия по стрельбе, инженерно-саперному делу, запасались необходимым снаряжением и продовольствием. И, безусловно, бойцы и командиры усердно лазили по отвесным скалам, с помощью ледорубов прокладывали тропы на ледовых гребнях, учились ставить палатки в снегу... Наравне со всеми усиленно тренировался и Ватутин, понимая, что в лице подчиненных при выполнении этой сложной задачи он должен быть безупречным во всех отношениях командиром.

Двадцать второго января 1936 года дивизия получила приказ от командующего войсками Северо-Кавказского военного округа командарма 2-го ранга Н. Д. Каширина о проведении высокогорных учений и о массовом восхождении на вершину Казбека. О том, как дальше развивались события, как шли горные стрелки к пятидесяти тысячнику рассказывается в кратком военно-историческом очерке «Северокавказцы в боях за Родину», вышедшем в Военном издательстве в 1966 году. Вот выдержка из него: «В 28-й Горской стрелковой дивизии (командир комбриг И. А. Милюнас, военком В. Н. Чернецкий, начальник штаба полковник Н. Ф. Ватутин) в честь 18-й годовщины Красной Армии был организован поход частей на Казбек, чтобы научить бойцов и командиров действовать в высокогорных условиях. Поход явился хорошей проверкой физической закалки и волевых качеств воинов. Предварительно был послан разведывательный отряд во главе с командиром взвода альпинистом К. С. Анастасовым с задачей выбрать путь восхождения на Казбек. Первая колонна 84-го стрелкового полка с караваном вьючных лошадей выступила на штурм Казбека в 4 часа 5 февраля. В первой половине дня колонна достигла высоты 3 тыс. м. После привала начался подъем к метеостанции. Температура резко снизилась, подул ветер. Давала себя чувствовать горная болезнь. Но колонна про-

должала путь и в полночь достигла метеостанции на высоте 4019 м. Здесь был оборудован лагерь... В час ночи 7 февраля начался шторм вершины Казбека, но поднялся сильный ветер, снежный буран, и шторм временно отложили. Через несколько дней на высоте метеостанции разразился ураган, поэтому командование полка решило отвести бойцов в исходный пункт маршрута — селение Андезит и выждать благоприятной погоды. 20 февраля пурга утихла. В ночь на 23 февраля первая колонна под командой А. С. Вербицкого в составе 230 бойцов и командиров с винтовками, пулеметами и горным орудием начала шторм Казбека. Героически работали бойцы подразделений Н. Черемисина, А. Дьяконова и Ф. Межегурского, поднимая орудие. Его установили на высоте 4800 м, а пулеметы несли до самой вершины. На обратном пути колонна провела боевые стрельбы из винтовок, пулеметов и орудия. Вторая колонна — из 500 человек — выступила со всем положенным вооружением и одним горным орудием. Разведчики М. П. Пузаев, Василий Шалабатов, К. В. Кочура и другие по примеру своего командира отделения Ваниева взяли груз до 40 кг каждый, помимо обычной выкладки, и несли его до самой вершины. Старшина батареи парторг Семен Вышкворок, утопая в рыхлом снегу, 2 км ползком тащил часть орудия. Он увлек других своим примером. Боец Павел Терсков в момент, когда люлька орудия провалилась в трещину, рискуя жизнью, укрепил лямки на краю трещины и этим спас орудие.

Этот шторм выработал у бойцов чувство товарищеской взаимовыручки и боевой дружбы. В феврале 1936 г. команда альпинистов 83-го стрелкового полка из 10 человек под руководством командира взвода И. В. Шамала осуществила горный переход свыше 400 км по маршруту Буйнакск — Тифлис через Главный Кавказский хребет».

В приведенном отрывке не упоминается еще один интересный факт. Во время восхождения бойцы дивизии несли с собой бюст И. В. Сталина и установили его на вершине Казбека, о чем сообщила тогда газета «Заря Востока». Она же опубликовала приветствие бойцов дивизии, в котором говорилось, что «мы [бойцы и командиры. — Н. К.] несем на седые вершины Казбека вместе с винтовками, пулеметами и орудиями величайшую любовь к партии и к тебе, товарищ Сталин». В материалах не сказано о том, что колонну, бойцы которой несли и устанавливали бюст «вождя народов», непосредственно возглавлял полковник

Ватутин. Однако сам он об этой странице своей службы ни в автобиографии, ни в других документах не упомянул. Впрочем, продолжим наше дальнейшее повествование.

Люди военные, как известно, место службы не выбирают. «Служи не там, где хочется, а там, где долг велит», — гласит армейская мудрость. В марте 1936 года Ватутин в последний раз увидел снежную папаху Казбека, получив предписание убыть в Новосибирск начальником Оперативного отдела штаба Сибирского военного округа (СибВО). Между тем это повышение не особо обрадовало Ватутина. Дело в том, что СибВО являлся второразрядным, и в нем, полагал Ватутин, он мало что может приобрести в плане руководства штабами частей и подразделений. Другими словами, не тот масштаб, чем в приграничных округах. Однако вышестоящее командование, назначая Ватутина на новую должность, считало иначе. В Главном управлении кадров Наркомата обороны СССР исходили из того, чтобы в его лице укрепить аппарат штаба округа высококвалифицированным специалистом-практиком и одновременно дать ему возможность пройти очередную ступень служебной лестницы.

Прибыв в Новосибирск, Ватутин сразу включился в привычный ритм штабной работы. Как и во время службы в штабе Северо-Кавказского военного округа, он принимает участие в инспектировании войск, в подготовке и проведении учений. В тот период в войсках округа происходило много изменений, связанных с дальнейшим наращиванием мощи Красной армии. На вооружение поступали новые танки Т-26, Т-28, БТ, Т-35, зенитные пушки и пулеметы, автоматическая винтовка С. Г. Симонова. Уходила в прошлое милицейско-территориальная система — всё больше частей и соединений становились кадровыми.

Совершенствовалась и боевая подготовка войск. Воины-сибиряки, а Ватутин теперь принадлежал к их числу, выступили инициаторами Всеармейского движения за отличное владение огневой, лыжной и маршевой подготовкой. Именно тогда родились в округе девизы «Лыжи — крылья солдата», «Сибиряк — значит отличный огневик». В целях повышения качества боевой и политической подготовки, улучшения физического воспитания и культурного досуга личного состава в войсках округа стали традицией длительные пешие и лыжные переходы.

Вскоре после Первомайских праздников Ватутина вызвал к себе командующий войсками округа комкор Ян Пет-

рович Гайлит (Гайлитис). Справившись о текущих делах, о том, как Ватутин освоился на новом месте, командующий протянул ему секретный приказ наркома обороны СССР Маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова за № 058 от 11 апреля 1936 года «О формировании Академии Генерального штаба РККА».

— Ознакомьтесь, Николай Федорович, — с характерным прибалтийским акцентом сказал Гайлит. — А потом перетолкуем.

Гайлит был латыш по национальности. Участник Первой мировой войны, подпоручик, он в 1917 году принял сторону советской власти. В годы Гражданской войны командовал бригадой, дивизией, корпусом. В 1920-х годах — командующий войсками СибВО. В дальнейшем Гайлит командовал войсками Кавказского военного округа, был заместителем начальника Главного управления РККА, слушателем Военной академии им. М. В. Фрунзе, помощником командующего Минским укрепленным районом. Из Белоруссии его направили вновь командовать войсками СибВО. Так что это был опытный военачальник.

Приказ был небольшой, состоял всего из шести пунктов. Перед глазами Ватутина быстро побежали лаконичные строки: «1. Сформировать в г. Москве Академию Генерального штаба... 2. Академию подчинить непосредственно Начальнику Генерального Штаба РККА. 3. В 1936 г. в академии развернуть 1-й курс на 125 человек слушателей, которым приступить к занятиям с 1 сентября с.г. 4. Срок обучения 1½ года 5. Начальнику Строительно-квартирного управления РККА т. Левензон подыскать в 10-дневный срок помещение... 6. Командующим войсками военных округов и начальникам центральных управлений НКО выдвинуть кандидатов для поступления на 1-й курс академии в 1936 г. из числа лиц командного состава, изъявивших желание и окончивших одну из военных академий (преимущественно Военную академию имени М. В. Фрунзе) и на практической работе доказавших свою способность к работе в штабах крупного масштаба. Списки кандидатов представить Начальнику Генерального Штаба РККА к 10 июня с.г.».

Прочитав приказ, Ватутин возвратил его командующему. — Как вы смотрите на то, чтобы вас направить на учебу в новую академию, — продолжил разговор Гайлит. — Я еще раз ознакомился с вашим личным делом, аттестациями и могу сказать, что вы полностью соответствуете требованиям, изложенным в приказе. Желаете учиться?

— Товарищ командующий, но я без году неделя, как в округе, — пытался было возразить Ватутин.

— Я это знаю. Также знаю, что за короткий срок вы рекомендовали себя самым положительным образом, о чём мне уже доложил начштаба округа комдив Зиновьев. Учтите, пока есть возможность...

Ватутину оставалось только поблагодарить командующего за оказанное доверие, что он и сделал. Так в судьбе нашего героя произошел очередной поворот. Сохранился приказ № 52 от 19 октября 1936 года, подписанный временно исполняющим должность командующего войсками округа комдивом И. З. Зиновьевым, об откомандировании Ватутина в академию: «Начальник 1 отдела штаба округа полковник Ватутин Н. Ф. согласно приказа Народного Комиссара командировается в Академию Генштаба РККА в качестве слушателя академии. Тов. Ватутин пробыл в должности начальника 1 отдела штаба округа всего лишь полгода. Однако и за столь короткое пребывание в штабе округа тов. Ватутин проявил себя чрезвычайно ценным штабным командиром. Будучи хорошо подготовленным, грамотным командиром, тов. Ватутин очень много способствовал оперативно-тактической подготовке высшего командного состава и штабов округа. Чрезвычайно ценная способность тов. Ватутина Н. Ф. — это его скромность, исключительная требовательность к себе, очень серьезное отношение к делу — служили образцом для всего командно-начальствующего состава штаба округа. Ныне, расставаясь с уважаемым Николаем Федоровичем, приношу ему глубокую благодарность за большую, исключительно ценную работу, проделанную им в штабе округа, и награждаю его ценным подарком».

В конце октября того же года Ватутин был уже в Москве.

Глава 5

В АКАДЕМИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

Академия Генерального штаба РККА располагалась в двух зданиях в Большом Трубецком переулке — тихой старой московской улочке, выходящей на Большую Пироговскую. В одном здании находились учебные аудитории, в другом — общежитие для слушателей, поликлиника, столовая, парикмахерская, пошивочное ателье, детский сад.

В новое военно-учебное заведение было зачислено 137 человек, в основном из числа офицеров Генерального штаба, штабов военных округов, откуда как раз был Ватутин. Также в «маршальский набор», как впоследствии его назовут, попали начальники штабов соединений и преподаватели военных академий. Большинство слушателей составляли представители сухопутных войск — пехоты, кавалерии, артиллерии, танковых и инженерных частей. Но были здесь и авиаторы, и даже моряки. Все слушатели имели за плечами солидный опыт службы на различных командных и штабных должностях, хорошие аттестации, как правило, прошли Первую мировую и Гражданскую войны, военные конфликты и окончили до этого другие академии. Учебные группы были скомплектованы таким образом, чтобы в каждой из них были представлены 1–2 комбрига, 3–5 полковников и несколько майоров. На обучение отводилось 18 месяцев. Занятия начались 1 ноября. С напутственным словом к слушателям обратился начальник Генерального штаба РККА Маршал Советского Союза А. И. Егоров.

В дни, предшествовавшие началу занятий, академия напоминала собой гудящий улей. Постоянно происходили радостные «братания» старых товарищей, дружеские приветствия недавних сослуживцев и однокашников, встретившихся спустя годы вновь. Ватутин тоже нашел среди слушателей своих друзей и товарищей, в их числе полковника Л. М. Сандалова, который до момента зачисления в академию служил в Оперативном отделе штаба Киевского военного округа. С ним Ватутин сначала учился в Киевской объединённой военной школе, а потом служил в 28-й горнострелковой дивизии. А всего из Киевского военного округа в новую академию приехали 14 офицеров, многих из которых Николай Федорович хорошо знал. Из штаба Белорусского военного округа прибыли однокурсники Ватутина по Военной академии им. М. В. Фрунзе полковники В. Е. Климовских и М. В. Захаров, из штаба Приволжского округа — полковник С. Г. Трофименко. Но особенно радостной была встреча Ватутина со своим земляком — полковником К. Ф. Скоробогаткиным. Он был родом со станции Бирюч, что неподалеку от Валук. Скоробогаткин приехал на учебу из штаба Белорусского военного округа. Как водится, земляки крепко обнялись, поцеловались, вспомнили отчий край, а в дальнейшем постоянно чувствовали плечо друг друга.

В процессе учебы товарищеский круг Ватутина значи-

тельно расширился и еще больше укрепился. Вот лишь некоторые его однокашники: А. М. Василевский и А. И. Антонов, которые потом возглавляли Генеральный штаб; И. Х. Баграмян, Л. А. Говоров, П. А. Курочкин, ставшие командующими фронтами; А. Н. Боголюбов, М. В. Захаров, В. М. Злобин, М. И. Казаков, В. Е. Климовских, В. В. Курасов, А. Н. Крутиков, Г. К. Маландин, Ф. П. Озеров, А. П. Покровский, Л. М. Сандалов, занявшие посты начальников штабов фронтов; Н. Е. Басистый, А. И. Гастивич, К. Д. Голубев, М. П. Миловский, А. В. Петрушевский, А. В. Сухомлин, С. Г. Трофименко, Н. И. Четвериков, назначенные командующими армиями или крупными руководителями в системе наркоматов обороны и военно-морского флота.

«Вообще все мои тогдашние друзья и товарищи отличались своей идейной убежденностью, с большой ответственностью относились к своему долгу, к учебе и работе, — вспоминал спустя годы в книге «Над картой былых сражений» однокашник Ватутина по альма-матер, Герой Советского Союза, генерал армии М. И. Казаков. — Жили мы одной заботой — как можно полнее использовать предоставленные нам возможности для пополнения своих знаний и стать хорошими штабными командирами, способными планировать современные боевые операции и управлять войсками в ходе их».

Ватутин, его старые и новые сослуживцы хорошо понимали, для чего и почему была создана Академия Генерального штаба. На тот момент вооруженные силы Советского Союза не располагали в нужном количестве кадрами с высокой оперативно-стратегической подготовкой. Командный состав оперативного звена готовился на одногодичном факультете в Военной академии им. М. В. Фрунзе и больше нигде. А жизнь настоятельно требовала наладить, что называется, штучную подготовку высших руководящих военных кадров. Кроме того, необходимо было развивать теорию оперативного искусства, поскольку Военная академия им. М. В. Фрунзе в силу своего профиля этим заниматься не могла.

Но была еще одна и, пожалуй, главная причина создания нового учебного заведения. Ни для кого не являлось секретом, что фашистская Германия активно занимается наращиванием вермахта и разворачивает военную промышленность, готовясь к нападению на Советский Союз. Цель — не просто удушить большевистскую Россию, а за-

воевать для немецкой нации, как неоднократно заявлял А. Гитлер, «жизненное пространство на Востоке», которое обеспечит дальнейшее развитие тысячелетнего рейха. Так что создание нового высшего военно-учебного заведения было велением времени.

Начальником и комиссаром академии являлся комдив Дмитрий Александрович Кучинский. Офицер военного времени, он сразу после Октябрьской революции встал на сторону советской власти и во время Гражданской войны занимал в Красной армии различные штабные должности. В дальнейшем служил на различных штабных должностях, а перед назначением в новую академию возглавлял штаб Киевского военного округа. Это был очень способный воинский деятель, один из сильных штабных офицеров*. На посту начальника академии Кучинский зарекомендовал себя еще и как прекрасный организатор учебного процесса. При его непосредственном участии всё было выстроено так, чтобы слушатели могли получить в академии максимум того, что она могла им дать.

— Академия имени Фрунзе и военные академии специальных родов войск готовят в основном командный состав для управления боем частей и соединений. В Академии Генерального штаба вам предстоит овладеть широким оперативным кругозором, научиться разрабатывать и осуществлять армейские и фронтовые операции, — напутствовал слушателей Кучинский.

С первых дней учебы слушателей переодели в новую форму, имевшую ряд отличий от той, что они носили раньше. На кителях и шинелях — отложные воротники из черного бархата с белой окантовкой, такая же окантовка на фуражках, брюки с широкими, малинового цвета лампасами и белым кантом. Была еще одна особенность: слушатели ходили не в сапогах, как все военные в то время, а в ботинках. Поэтому вид таких «военных студентов» вводил в заблуждение даже военные патрули, последние не могли понять, к какому роду войск те относятся. А что уж говорить о простых москвичах, которые, встретив группу слушателей, часто принимали их за больших кавалерийских начальников.

* Начальник Академии Генштаба Д. А. Кучинский был арестован 20 сентября 1937 года, в 1938 году был приговорён Военной коллегией Верховного суда СССР к смертной казни и расстрелян. Реабилитирован в 1956 году.

Начались же занятия, как в обычной общеобразовательной школе, с повторения пройденного. Затем слушатели ознакомились с новейшими образцами самолетов и средствами управления авиацией, освежили в памяти тактико-технические данные артиллерийских систем, инженерных средств, а также средств связи и химической защиты. Также им были продемонстрированы новые танки. Завершился этот этап учебы зачетами по боевой технике.

В целом учебный процесс имел свою специфику. Занятия строились с учетом того, что слушатели уже имели высшее военное образование. Для всех без исключения профилирующей учебной дисциплиной было оперативное искусство и прежде всего подготовка и проведение армейской операции.

Как вспоминал впоследствии Маршал Советского Союза М. В. Захаров, «из пяти учебных дней (при шестидневной рабочей неделе) три дня на первом курсе и два дня на втором отводились на лекции и практические занятия, а остальное время соответственно — на самостоятельную работу. Этим самым преподаватели стремились привить слушателям твердые навыки работы с первоисточниками, умение обобщать и анализировать факты и явления, творчески подходить к решению проблем военного искусства. Некоторых слушателей, обладавших методическими навыками в подготовке крупных штабов, привлекали для организации и проведения занятий, военных игр, а также для обсуждения ряда методических и научных вопросов. Широко практиковались выезды в войска и на флоты, а также на маневры, опытные и командно-штабные учения, проводимые по плану Генерального штаба. Зачастую слушатели вместе с преподавателем выступали в роли посредников или определенных должностных лиц. Практика в сочетании с теоретической подготовкой расширяла кругозор слушателей, держа их и преподавателей в курсе жизни армии, что в свою очередь позволяло обогащать теорию военного искусства».

Кроме того, Генеральный штаб постоянно контролировал работу академии, оказывал помощь, периодически организовывал для слушателей и профессорско-преподавательского состава доклады и лекции руководящего состава Наркомата обороны, Генерального штаба и округов по актуальным вопросам военного искусства и строительства Красной армии. В частности, Ватутину довелось слушать лекции и доклады заместителя наркома обороны СССР Маршала Советского Союза М. Н. Тухачевского, началь-

ника Генерального штаба РККА Маршала Советского Союза А. И. Егорова, начальника ВВС РККА командарма 2-го ранга Я. И. Алксниса и других.

Для чтения лекций и проведения практических занятий приглашались также командующие военными округами. Например, зимой 1936/37 года занятия со слушателями провели командующие Белорусским и Киевским военными округами командармы 1-го ранга И. П. Уборевич и И. Э. Якир. Что один, что другой обладали высокой оперативной подготовкой, хорошо знали Западный театр военных действий и умели донести до слушателей главное. Тема занятий Уборевича была сформулирована так: «Ведение фронтовой наступательной операции на Западном театре военных действий». Якир проводил занятие по теме «Действия эшелона развития прорыва во фронтовой наступательной операции». Занятия, проведенные опытными военачальниками, стали для Ватутина и его однокурсников поучительной школой оперативного искусства и были достойны подражания в методическом плане.

Профессорско-преподавательский состав также соответствовал статусу нового учебного заведения. В главной кузнице подготовки высшего командного состава трудились лучшие преподаватели того времени, пользовавшиеся авторитетом в армии благодаря своим военно-теоретическим трудам. Здесь Ватутин вновь встретился со своими наставниками по Военной академии им. М. В. Фрунзе — профессором военно-инженерного дела Дмитрием Михайловичем Карбышевым и профессором Александром Андреевичем Свечиным, автором классической работы «Стратегия». Забегая вперед, скажем, что под руководством Карбышева Ватутин написал основательную научную работу «Роль укрепленных районов в современной войне».

Всеобщим уважением у слушателей пользовались начальник кафедры армейской операции комбриг Г. С. Иссерсон, начальник кафедры тактики высших соединений комдив П. И. Вакулич, начальник кафедры организации и мобилизации комкор М. И. Алафузо, начальник кафедры военной истории комдив В. А. Меликов, преподаватели Е. А. Шиловский, А. В. Голубев, А. И. Готовцев, Я. М. Жигур, А. В. Кирпичников, Н. А. Левицкий, В. К. Мордвинов и другие признанные профессионалы военного дела. За их плечами были опыт руководства различными частями, штабами, включая штабы корпусов и округов; участие в Первой мировой и Гражданской войнах. Они умели разум-

но сочетать высокую требовательность с товарищеским отношением к слушателям. И, что особенно важно, каждый из них имел преподавательскую жилку, глубоко занимался военной наукой.

«На занятиях в группах отрабатывалось умение дать всестороннюю оценку обстановки, сделать из нее выводы и принять решение на операцию, — вспоминал в своих мемуарах генерал-полковник Л. М. Сандалов. — При этом каждый слушатель неоднократно бывал и в роли разведчика, и в роли оператора, и в роли начальника того или иного рода войск, и, наконец, в роли начальника штаба и командующего армией. Затем руководитель группы утверждал решение одного из слушателей, и на основе этого решения продолжалась дальнейшая разработка темы. Последующие групповые занятия посвящались составлению приказов на операцию и разного рода документов по планированию ее. В частности, отрабатывались документы по планированию действий специальных родов войск (авиации, артиллерии, инженерных и связи), а также по тыловому обеспечению. С этой целью проводились специальные групповые занятия, которым предшествовали консультации специалистов-преподавателей. Лишь после тщательной самостоятельной подготовки по разделам темы слушатель должен был сдать зачеты... Хорошо проводились у нас и оперативные игры. Вероятным противником на этих играх выступала обычно армия фашистской Германии. Столкновение с ней считалось неизбежным. Однако, по тогдашним нашим представлениям, темпы роста немецкой армии были значительно ниже, чем в действительности, и потому мы рассчитывали, что Германия развяжет войну не так-то скоро. Кроме того, существовало убеждение, что наша армия по численности и техническому оснащению к началу войны непременно будет сильнее войск фашистской Германии и ее потенциальных союзников. В связи с этим отработке тем по обороне уделялось, к сожалению, очень мало внимания».

По свидетельству генерала армии С. М. Штеменко, который учился в те же годы в академии, очень сильным в ней был состав военных историков. Они умели строить свои лекции таким образом, что слушателям была ясно видна не только общая линия развития армий и способов военных действий, но и то, что с пользой можно взять из прошлого для современности. «Особенно выделялся в этом отношении В. А. Меликов, читавший историю Первой мировой войны и буквально влюбленный в нее, — пишет Штеменко

в своей книге «Генеральный штаб в годы войны». — Иногда он увлекался настолько, что сядет, бывало, лицом к схемам, развешанным на стойках, и ведет свой интересный, красочный рассказ, повернувшись спиной к слушателям. Звенел звонок на перерыв, а лекция продолжалась. Даже завязтые курильщики не покидали своих мест. Только когда в классе появлялся другой преподаватель, мы отрывались наконец от битвы на Марне или драматических событий в Августовских лесах».

«Все слушатели учились хорошо, — так отзывался впоследствии о своих воспитанниках бывший преподаватель А. В. Голубев. — Их подготовка к каждому занятию была отличной. Я даже удивлялся, когда они успевают так много прочитать советской и иностранной литературы».

Наряду с изучением военных дисциплин слушатели овладевали марксистско-ленинской теорией, практикой партийно-политической работы. По-другому в то время и быть не могло. Коммунистическая партия являлась руководящей и направляющей силой в стране, в вооруженных силах проводниками ее идей и генеральной линии выступали командиры и политработники. Занять высокую командную должность в армии, не состоя в партийных рядах, было практически невозможно. Хотя, конечно, были исключения из правил. Тот же Б. М. Шапошников, пройдя различные ступени армейской лестницы, вступил в партию лишь в 1930 году в возрасте 48 лет. В тот период он руководил Штабом РККА — ключевым органом армии. В возрасте шестидесяти лет получил партийный билет Д. М. Карбышев.

Ватутин стал коммунистом еще в бытность курсантом Полтавской пехотной школы, когда ему исполнилось 20 лет. С тех пор он принимал активное участие в жизни партийных организаций частей, в которых служил. Так, в 1924—1926 годах его избирали секретарем партийной ячейки полковой школы и членом партийного бюро полка. В академии он был членом бюро партийной организации 3-го курса. Когда служил в горнострелковой дивизии и штабе Северо-Кавказского военного округа, то снова являлся членом партийного бюро и членом Ингушского обкома партии. Позднее, в 1938—1939 годах — он член партбюро штаба Киевского особого военного округа. На XV конференции Коммунистической партии (большевиков) Украины Ватутин был избран членом Центральной ревизионной комиссии ЦК КП(б)У.

Но что удивительно: все это время Ватутин ходил с не-

снятым партийным взысканием. Этот неприятный факт Николай Федорович, уже будучи начальником штаба Киевского особого военного округа, отразил в автобиографии: «Имею партвзыскание от ОПК МВО [окружная партийная комиссия Московского военного округа. — *Н. К.*] “На вид” в 1929 г. за утерю партбилета. Взыскание не снято, так как ходатайство о снятии не возбуждал. В других партиях не состоял. Ни в каких антипартийных и прочих контрреволюционных организациях не состоял. Никаких колебаний и отклонений от генеральной линии партии не имел».

При каких обстоятельствах произошла утрата партийного билета, Ватутин не указал. В те времена за утерю красной книжицы человека ждала весьма суровая кара: выговор или строгий выговор с занесением в учетную карточку. Это в лучшем случае, в худшем — исключение из партии. А дальше — конец карьере. Однако, если судить по наказанию, которое ему вынесли на заседании партийной комиссии, оно более чем мягкое или, проще говоря, никакое. Потому как вскоре партбилет нашелся. А поставили Ватутина на вид лишь потому, что нужно было отреагировать на сам факт утраты документа.

Впрочем, вернемся к академическим будням. Два-три раза в месяц слушателям читали лекции о международном положении, о выполнении народно-хозяйственного плана, о важнейших решениях ЦК партии. С лекциями постоянно выступали высококвалифицированные докладчики Московского комитета, а также ЦК ВКП(б). В один из дней гостем «академиков» стал писатель А. Н. Толстой. В свою очередь и слушатели довольно часто направлялись с докладами на фабрики и заводы Москвы и Подмосковья. Не без юмора об одной такой поездке с участием Ватутина рассказал в своих воспоминаниях уже знакомый нам генерал-полковник Л. М. Сандалов:

«Было это 21 января 1937 года. Предстояло выступить перед рабочими с докладами о жизни и деятельности Владимира Ильича Ленина. Ехали мы группой — человек десять. Мне с полковниками Н. Ф. Ватутиным и К. Ф. Скоробогаткиным предстояло выступать на двух соседних фабриках в Серпухове, и поэтому во время поездки мы держались вместе. В те дни стояли сильные морозы. Слушатели, выезжавшие с докладами в Подмосковье, могли получить в поездку овчинные тулупы. Но так как эти тулупы имели весьма непривлекательный вид, а также потому, что

они были покрашены в черный цвет и малейшее прикосновение к ним угрожало нашей новой форме, большинство слушателей отказались от них. А Ватутин не отказался.

В Серпухове наше трио разделилось: у Николая Федоровича Ватутина была путевка на одну фабрику, у меня с К. Ф. Скоробогаткиным — на другую. Рабочие встретили нас очень радушно. После собрания пригласили посмотреть их художественную самодеятельность. И хотя мы боялись опоздать на последний вечерний поезд в Москву, отказаться от приглашения не смогли. А когда нам сообщили, что Ватутин тоже задерживается, твердо решили заночевать в Серпухове.

Однако у Ватутина были какие-то срочные дела в Москве, и он заявил, что должен уехать ночью на машине, предложенной ему секретарем Серпуховского райкома партии.

— Через полчаса выезжаю. Если хотите, можете присоединиться. Места хватит, — соблазнял нас Николай Федорович.

И мы согласились, хотя очень скоро пожалели об этом. Никогда в жизни я не мерз так, как в ту ночь. А Ватутин в своем тулупе только посмеивался».

Заботилось руководство академии и о том, чтобы их питомцы получали не только обширные военные и политические знания, но и приобретали, можно сказать, светские манеры. Строго раз в неделю по вечерам слушатели и преподаватели со своими женами под руководством опытных учителей обучались танцам.

Ватутин и его жена Татьяна Романовна старались не пропускать занятия и были старательными учениками. Уроки танцев ввели в академии вскоре после официального визита советской военной делегации в одну из соседних стран. В рамках визита там состоялся прием, по окончании которого начались танцы. Однако из всех членов нашей делегации умением вальсировать блеснул только командующий Московским военным округом Маршал Советского Союза С. М. Будённый. После этой поездки и было принято решение ввести в академии «в виде опыта» обучение слушателей танцам.

Учеба в академии занимала у Ватутина основное время. Тем более что тяга к знаниям была у него с детства. Он овладевал науками, не зная выходных, что, безусловно, вызывало недовольство жены. Татьяне Романовне хотелось вместе с мужем и в кино сходить, и в театр, и в музей... В конце

концов — просто погулять всей семьей по столичным улицам или паркам.

— Милый мой академик, — ласково обращалась жена к Ватутину, упрашивая его пойти в театр.

— Вот закончу учёбу, обязательно приедем в Москву в отпуск и будем с тобой ходить в театр хоть каждый день, — отшучивался он.

И все же сдавался, уступал жене, выкраивая из своих напряженных учебных будней часы, чтобы провести их вместе с Татьяной Романовной и детьми. Но после прогулок или театра опять садился за учебники, а утром вновь спешил на занятия.

В течение зимы 1936/37 года слушатели основательно изучали армейскую и фронтовую операции в рамках новой теории военного искусства, а с наступлением весны их учеба в основном была сосредоточена на оперативных играх на картах. Ватутину приходилось выступать то в роли командующего фронтом (армией), то в роли начальника штаба фронта (армии) или его заместителя. В ходе этих игр Ватутин, как и его однокурсники, сдавал экзамены по теории оперативного искусства. А в первых числах лета слушателей направили на стажировку в военно-морские силы, а по меткому выражению кого-то из слушателей, «на моря». Одна половина курса уехала на Балтийский флот, вторая — на Черноморский. В ходе этой стажировки Ватутин, как и другие сухопутчики, приобрел новые знания в части взаимодействия сил военно-морского флота с наземными войсками в оборонительных и наступательных операциях.

После стажировки, успешно перейдя на 2-й курс, Ватутин получил отпуск и вместе с семьей уехал на черноморский курорт. Это был последний год, когда он пользовался отпуском. Однако отдохнуть по-настоящему не удалось — через неделю Ватутин получил телеграмму, которая предписывала ему срочно прибыть в Москву.

В поезде терялся в догадках: в связи с чем его отозвали из отпуска? Впрочем, не только он оказался в такой ситуации — у более 30 слушателей аналогичным порядком были прерваны отпуска. Начальник академии объявил, что поступило указание из Наркомата обороны СССР отозвать часть слушателей из академии и направить в войска.

— Значит, надо собираться в дорогу? — спросила Татьяна Романовна, когда Ватутин пришел с этой новостью домой.

— Да, Танечка, надо, — ответил он. — Но сначала я один поеду, а потом и вас заберу.

Татьяна Романовна давно уже привыкла к тому, что служба мужа — это частые расставания с семьёй, и порой на долгое время. Поэтому очередной переезд приняла как должное.

На следующий день в Главном управлении кадров РККА Ватутину вручили предписание, предложив незамедлительно убыть в столицу Украины и вступить там в должность заместителя начальника штаба Киевского военного округа. Окончательно выпускником академии он станет лишь через год, 11 августа 1938 года. В этот день народный комиссар обороны СССР Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов подписал приказ за № 01337, в соответствии с которым за научную работу по теме «Роль укрепленных районов в современной войне» комбригу* Н. Ф. Ватутина были присвоены все права окончивших академию.

Новые назначения получили и товарищи Ватутина. Так, полковник А. И. Антонов был назначен начальником штаба Московского, полковник М. В. Захаров — Ленинградского военных округов. Полковника Л. М. Сандалова направили в Минск начальником Оперативного отдела штаба Белорусского военного округа, а полковника А. М. Василевского оставили при академии, назначив начальником одной из кафедр.

Однако летом 1937 года состоялись не только новые назначения. Значительная часть командно-начальствующего и политического состава армии и флота лишилась не только должностей, званий, наград, но и жизни. «От тайги до британских морей» Красную армию начал перемалывать кровожадный молох беззаконий и репрессий. Непрерывно шли собрания и митинги, на которых клеймились позором «враги народа».

«Мы получили свои высокие назначения, чтобы заполнить образовавшуюся брешь, — вспоминал упомянутый выше однокашник Ватутина М. И. Казаков. — И, пожалуй, каждым из нас владели тогда смешанные чувства: с одной стороны, как-то поднимало дух оказанное доверие, с другой — было очень грустно сознавать, чем твое назначение вызвано. Не особенно хотелось и прекращать так хорошо начатую учебу».

О царившей тогда атмосфере без всяких прикрас пове-

* Звание комбриг Ватутин получил 17 февраля 1938 года.

дал позднее в своих мемуарах «Воспоминания и размышления» Маршал Советского Союза Г. К. Жуков: «В стране создалась жуткая обстановка. Никто никому не доверял. Люди стали бояться друг друга, избегали встреч и разговоров, а если нужно было — старались говорить в присутствии третьих лиц — свидетелей. Страх породил небывалую по размерам клеветническую эпидемию. Клеветали зачастую на кристально честных людей, а иногда на своих близких друзей. И все это делалось из-за страха оказаться человеком, подозреваемым в нелояльности. И эта тяжелая обстановка продолжала накаляться.

Большинство людей от мала до велика не понимало, что происходит, почему так широко распространились среди нашего народа аресты. И не только члены партии, но и беспартийные люди с недоумением и внутренним страхом смотрели на все выше поднимающуюся волну арестов, и, конечно, никто не мог открыто высказать свое недоумение, свое неверие в то, что арестовывают действительных врагов народа и что арестованные действительно занимались какой-либо антисоветской деятельностью или состояли в контрреволюционной организации. Каждый честный советский человек, ложась спать, не мог твердо надеяться на то, что его не заберут этой ночью в тюрьму по какому-нибудь клеветническому доносу.

По существующему закону и по здравому смыслу органы должны были бы вначале разобраться в виновности того или иного лица, на которого поступила анонимка, сфабрикованная ложь или клеветническое показание арестованного, вырванное под тяжестью телесных пыток, применяемых следственным аппаратом по особо важным делам органов государственной безопасности. Но в то тяжелое время существовал другой порядок — вначале арест, а потом разбирательство дела. И я не знаю случая, чтобы невиновных людей тут же отпускали обратно домой. Нет, их держали долгие годы в тюрьмах, зачастую без дальнейшего ведения дел, как говорится, без суда и следствия».

В историко-документальной литературе достаточно подробно описано это страшное для страны время и, в частности, для ее вооруженных сил. На самом высоком государственном уровне дана оценка политике тогдашнего руководства страны во главе со Сталиным, в результате которой был нанесен огромный ущерб вооруженным силам, обороноспособности государства. Оценка количества репрессированных командиров и военнослужащих РККА в

1937–1939 годах не точно, но с начала 1960-х годов наиболее распространена цифра в 36 761 человек репрессированных в Красной армии (без флота) с мая 1937-го по сентябрь 1938 года*.

«Дело военных» — так назвала мировая печать судебный процесс над военачальниками Красной армии, проходивший в Москве летом 1937 года. «Раскрытие» органами НКВД «антисоветской троцкистской военной организации» явилось полной неожиданностью для Ватутина и его однокурсников, непосредственно знавших или не раз видевших М. Н. Тухачевского, И. Э. Якира, И. П. Уборевича, В. М. Примакова, Я. Б. Гамарника (он покончил с собой), А. И. Корка, В. К. Путну... До недавнего времени партия и правительство высоко оценивали их заслуги, им были присвоены высшие воинские звания: Тухачевскому — Маршала Советского Союза, Уборевичу и Якиру — командарма 1-го ранга, Корку — командарма 2-го ранга, Примакову, Фельдману, Эйдеману, Путне — комкора. Гамарник был армейским комиссаром 1-го ранга. Все они неоднократно награждались орденами Красного Знамени, а Тухачевский и Гамарник — орденами Ленина. Иными словами, врагами были объявлены те, кто являлся гордостью и авторитетом вооруженных сил.

Тринадцатого июня газета «Правда» опубликовала приказ наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова за номером № 96, а также официальное сообщение. «Вчера, 12 июня, — говорилось в сообщении, — приведен в исполнение приговор Специального судебного присутствия Верховного суда СССР в отношении осужденных к высшей мере уголовного наказания — расстрелу: Тухачевского М. Н., Якира И. Э., Уборевича И. П., Корка А. И., Эйдемана Р. П., Фельдмана Б. М., Примакова В. М. и Путну В. К.». «Для достижения своей предательской цели, — подчеркивалось в приказе, — фашистские заговорщики не стеснялись в выборе средств: они готовили убийства руководителей партии и правительства». В состав суда входили: председатель Военной коллегии Верховного суда СССР армвоенюрист В. В. Ульрих, маршалы Советского Союза В. К. Блюхер и С. М. Будённый, командармы Б. М. Шапошников, Я. И. Алкснис, И. П. Белов, П. Е. Дыбенко и Н. Д. Каширин, а также комкор Е. И. Горячев.

Вскоре после суда над Тухачевским и его поделельниками

* Суверинов О. Ф. Трагедия РККА. 1937–1938. М., 1998. С. 300.

их судьбу разделят и судьи: Блюхер, Дыбенко, Каширин, Белов... Комкор Горячев покончил с собой... Дальше — больше. Были арестованы как участники военного заговора 980 командиров и политработников, в том числе 29 комбригов, 37 комдивов, 21 комкор, 16 полковых комиссаров, 17 бригадных и 7 дивизионных. Пострадали также их жены, дети, другие родственники.

Полосы газет, в первую очередь «Правды», «Известий», «Красной звезды», буквально распирали от материалов с мест «единодушного» осуждения трудящимися массами и воинами Красной армии «подлых заговорщиков, наймитов и изменников». Заголовки публикаций сами говорили за себя: «Подлая банда шпионов получила по заслугам», «Изменники Родины будут стерты с лица земли!», «Раздавить гадов!», «Проклятье презренному фашистскому отребью», «Собакам — собачья смерть!», «Никакой пощады изменникам Родины!», «Пусть трепещут все шпионы и диверсанты», «Шпионов, презренных слуг фашизма, изменников Родины — расстрелять!», «Требования народа единодушны — предателей расстрелять» «Наше красноармейское слово — уничтожить шпионскую гадину» ...

Приводимая ниже таблица* — красноречивое свидетельство того, сколько перед Великой Отечественной войной «врагов народа» было репрессировано и истреблено только среди высшего и старшего командирского состава.

Воинское звание	Состояние РККА на 1936	Погибло ¹	Освобождены из тюрьмы	Всего
Маршалы Советского Союза	5	3		3
Командиры 1-го ранга	5	5		5
Флагманы флота 1-го ранга	2	2		2
Армейские комиссары 1-го ранга	1	2		2
Командиры 2-го ранга	10	14	1	15
Флагманы флота 2-го ранга	2	3		3

* Таблица составлена по материалам книги: Суверинов О. Ф. Трагедия РККА. 1937—1938. М., 1998 — с рядом более поздних дополнений.

Армейские комиссары 2-го ранга	15	15		15
Армвоенюристы	1	1		1
Комкоры	63	64	5	69
Флагманы 1-го ранга	6	5	1	6
Корпусные комиссары	30	27	2	29
Специалисты корпусного звена ²	8	7	2	9
Комдивы	203	131	22	153
Флагманы 2-го ранга	20	5	2	7
Дивизионные комиссары	155	72	13	85
Специалисты дивизионного звена ³	63	34	14	48
Комбриги	474	217	30	247
Бригадные комиссары	304	131	23	154
Специалисты бригадного звена ⁴		73	13	86

¹ Расстреляны, умерли под стражей, покончили с собой.

² Коринженеры, коринтенданты, корврачи, корветврач, корво-сюристы.

³ Дивинженеры, инженер-флагманы 2-го ранга, дивинтенданты, диввоенврачи, диввоенюристы.

⁴ Бригинженеры, инженер-флагманы 3-го ранга, бригинтенданты, бригвоенврачу, бригветврачи, бригвоенюристы.

За этими цифрами стояли конкретные люди, многих из которых Ватутин хорошо знал, — сослуживцы, командиры, начальники, преподаватели... В Академии Генерального штаба, в которой он еще вчера овладевал оперативным искусством, в 1937–1938 годах были арестованы и оклеветаны уже упоминавшиеся в нашем повествовании видные ученые, создатели фундаментальных трудов, в том числе и военно-исторических, — Верховский, Свечин, Алафузо, Жигур и другие. Не минула эта горькая участь и начальника академии комдива Кучинского.

В Сибирском военном округе, откуда Ватутин прибыл на учебу в Москву, также прошли повальные аресты командиров и политработников. Как свидетельствуют документы, с 1 мая по 11 ноября 1937 года в округе были арестованы или осуждены по контрреволюционным преступлениям

479 военнoслужаших. Больше всего «врагов трудового народа» и «шпионов» — 94 человека — работники НКВД выявили в 78-й стрелковой дивизии. 22 ноября 1937 года командующий войсками СибВО комкор М. А. Антонюк на заседании Военного совета при НКО СССР доложил К. Е. Ворошилову и всем собравшимся: «В Сибирском военном округе, как и в других округах, враги народа, шпионы, вредители крепко приложили свою руку, чтобы подорвать боеспособность войск. Нет ни одной отрасли работы, товарищ народный комиссар, где бы не было вредительства. Чем глубже копнешь, тем больше находишь и тем скорее изживаешь в практической работе это вредительство».

Виновными Антонюк назвал прежнее командование СибВО — уже арестованного комкора Я. П. Гайлита, который, как сказано выше, будучи командующим войсками округа, рекомендовал Ватутина для поступления в Академию Генерального штаба. К числу «врагов народа» Антонюк причислил заместителя начальника политуправления округа дивизионного комиссара Н. И. Подарина, военного комиссара 57-го стрелкового корпуса А. П. Прокофьева и других.

Аналогичная картина была и в Киевском военном округе: только в период с июня по ноябрь 1937 года там уволили 1894 человека, из них 861, то есть почти половина, были арестованы как участники антисоветского военного заговора. Эти и другие страшные факты приводили Ватутина в состояние растерянности. «Кому верить?», «Как могло такое случиться?», «Что вообще происходит?» — задавал он себе подобные вопросы. Они не давали ему покоя и в поезде, который вез его в Киев. Мысли обгоняли монотонный стук паровозных колес. «Почему же все-таки арестовали маршалов, командармов, комкоров?» Верил ли Ватутин в их вину? Сказать твердое «нет» он не мог — слишком непоколебима была его вера в правильность генеральной линии партии, её вождя товарища Сталина. Но сомнения все же были. И сейчас, вглядываясь в пролетающие мимо вагонных окон редкие огоньки украинских сел и хуторов, он думал о людях, которых трудно было заподозрить в шпионаже, участии в заговорах или других злодеяниях. Душу грела надежда, что Сталин во всем разберется, правда восторжествует, а те, кто его ввел в заблуждение, будут строго наказаны.

Вскоре так оно и случится. В августе 1938 года при Управлении по начсоставу РККА была создана специальная комиссия для разбора жалоб уволенных командиров

и политработников. Всего комиссией было рассмотрено около 30 тысяч жалоб, ходатайств, заявлений. В результате ее работы к началу 1940 года было восстановлено в РККА из уволенных в 1937 году 4661, из уволенных в 1938 году — 6333 и из уволенных в 1939 году — 184 человека. Кроме того, 2416 была заменена статья увольнения на более благоприятную. Работа комиссии продолжалась и далее, и на 1 мая 1940 года в ряды Красной армии был возвращен 12 461 уволенный командир и политработник. Однако большинство трагических ошибок уже невозможно было исправить. Они, эти «ошибки», будут повторяться и в последующие годы, вплоть до смерти Сталина.

В тяжелых раздумьях незаметно пролетела короткая июльская ночь. Первые лучи солнца брызнули в купе вагона. Сразу после железнодорожной станции Дарница, рядом с которой находились знаменитые полевые лагеря, Ватутин почти неотрывно смотрел в окно. Именно в этих местах в начале 1920-х годов, будучи слушателем Киевской высшей объединённой военной школы, он по-пластунски ползал по заднепровским низинам, поднимался в учебные атаки, постигая трудную науку побеждать. И вот новая встреча с Киевом, городом его краскомовской молодости.

Промелькнули высокие фермы моста через Днепр. Яр-ко засверкали на солнце выглядывавшие из буйной зелени золотые купола храмов и церквей Киево-Печерской лавры. Радостно прокричал гудок паровоза. Густой пар клубами вылетал из его трубы. Навстречу уже бежали вокзальные строения, перрон...

Глава 6

В КИЕВСКОМ ОСОБОМ...

Прямо с вокзала, куда за Ватутиным прислали машину и офицера, он прибыл в штаб и сразу, как того требует устав, представился командующему войсками Киевского военного округа командарму 2-го ранга Ивану Федоровичу Фелько. Эта была их первая встреча, прежде армейские пути-дороги Фелько и Ватутина не пересекались.

Высокий, крепко сложенный, с четырьмя орденами Красного Знамени на ладно сидящей форме, Фелько выглядел старше своих сорока лет. Строгое крупное лицо, густая щетка усов добавляли ему годы. Хотя разница в возрасте между ним и Ватутиным составляла всего четыре года.

За плечами Федыко был большой послужной список. Выходец из крестьян, он тем не менее в Первую мировую войну дослужился до офицерского чина. В Гражданскую — командовал полком, дивизиями, группами войск, исполнял обязанности главнокомандующего революционными войсками Северного Кавказа... После Гражданской войны, в 1921 году, будучи командиром 187-й курсантской стрелковой бригады участвовал в подавлении мятежа моряков Кронштадта. В том же году, являясь командиром 1-го боевого участка, отличился в боях с восставшими крестьянами Тамбовской губернии. В дальнейшем Федыко занимал различные командные должности, в том числе возглавлял штаб Северо-Кавказского военного округа, командовал войсками Приволжского военного округа... На Киевский военный округ он пришел с должности командующего Приморской группой войск ОКДВА*, сменив командарма 1-го ранга И. Э. Якира. Безусловно, это был опытный, прошедший большую практическую школу военачальник, не без основания назначенный руководить крупнейшим военным округом страны.

— Я сам здесь без году неделя, — начал разговор Федыко. — Полтора месяца назад как вступил в должность. Проблем, откровенно скажу, выше крыши, а самая главная — это отсутствие надежных и знающих дело кадров. К сожалению, многие командиры и начальники оказались «врагами народа», вредителями, шпионами. Как следствие органам военного управления, соединениям и частям округа нанесен серьезный урон, из-за чего идут сбои в организации управления войсками, наблюдается падение воинской дисциплины, снизился уровень боевой выучки и политико-морального состояния войск.

Федыко рубил фразами хлестко, безапелляционно.

— Враги и их прихвостни еще сидят в частях и соединениях округа и делают свое грязное дело, — продолжал он. — Наша задача до конца выкорчевать всю эту нечисть и сволочь...

В такой непростой обстановке, когда всем, начиная от командующего, мерещились вокруг враги, шпионы и предатели, Ватутин приступил к исполнению своих обязанностей. Первое, что бросилось в глаза, — это тревога, растерянность, нервозность и подавленность на лицах подчиненных. А иначе и быть не могло: в штабе больше по-

* Отдельная Краснознаменная Дальневосточная армия.

ловины начальников отделов и их заместителей были арестованы. На некоторые вакантные места были назначены офицеры, зачастую даже не представлявшие, чем им нужно заниматься. Никто из них не знал, что с ними будет сегодня, завтра, в ближайшие недели и месяцы. Не знал этого и сам Ватутин, поскольку обстановка усугублялась атмосферой всеобщей подозрительности.

Подтверждение этому находим в воспоминаниях Героя Советского Союза генерала армии А. В. Горбатова, в 1937 году комбрига, командира 2-й кавалерийской дивизии Киевского военного округа: «То там, то тут стали арестовывать командиров, о которых мы никогда ничего плохого не слышали. Из уст в уста шепотом передавались слухи — один нелепее другого — о каких-то заговорах и шпионских злодеяниях. Люди ходили понурые, подавленные, держались отчужденно...»

В этих условиях необходимо было вернуть людям веру, вселить в них уверенность и мобилизовать на решение стоящих задач. Так Ватутин и поступил. Во многом его стараниями работа штаба вошла в привычную колею. «Н. Ф. Ватутин не терпел формализма и волокиты, — пишет о том периоде Ю. Д. Захаров, автор биографического очерка «Генерал армии Н. Ф. Ватутин», изданного Военным издательством в 1985 году. — Любой вопрос, с которым к нему обращались, решал быстро и четко. В отношениях с подчиненными всегда сохранял спокойствие и корректность. И если видел, что кому-то что-либо не ясно, терпеливо объяснял, советовал, учил. Это еще больше поднимало его авторитет в глазах подчиненных».

В октябре 1937 года при активном участии Ватутина под Житомиром были проведены опытно-показательные маневры, в ходе которых отрабатывались вопросы управления войсками, наступательного боя, организации обороны, десантирования личного состава. Оценивая их результаты, командующий округом командарм 2-го ранга Федько отметил умелые действия танкистов, летчиков, парашютистов, артиллеристов. Не осталась незамеченной и работа штабов, которые обеспечили подготовку этих маневров.

График работы нового заместителя начальника штаба был достаточно плотным. Планирование и подготовка учений, командно-штабных тренировок, разработка приказов директив, разного рода совещания, выезды в войска, решение организационных вопросов — это и многое другое занимало значительную часть суток, не оставляя Ватутину

практически времени ни для выходных, ни хотя бы для свободных вечеров.

Домой, а жила его семья в двухэтажном особняке для высшего комсостава на улице Розы Люксембург*, Ватутин возвращался обычно очень поздно. Войдя в квартиру, он, прежде всего, обнимал и целовал свою Танечку — Татьяна Романовна никогда не ложилась спать, не дождавшись мужа. Потом тихонько, на цыпочках шел к спящим детям — дочери и сыну, чтобы их увидеть и поцеловать. Ватутин очень любил семью, скучал по ней даже во время недолгих расставаний. Татьяна Романовна была его надежным тылом. Приготовив ужин и уложив детей спать, она всегда терпеливо ждала мужа. Это были, пожалуй, самые тревожные часы ожидания в её жизни, особенно в 1937–1938 годах. Тишина стояла настороженная. Если в гулком ночном подъезде слышалось множество торопливых шагов, значит, за кем-то пришли или кого-то повели... Борьба с «врагами народа» продолжалась.

Сохранилось постановление Военного совета Киевского военного округа «О состоянии кадров командного, начальствующего и политического состава округа», принятое 25 марта 1938 года. Вот выдержки из этого документа: «Враги народа, имевшие своей целью подготовку поражения РККА, на все руководящие должности подбирали свои кадры, выдвигали узкий круг людей на высшие должности, а растущих преданных партийных и не партийных большевиков “мариновали” на низовой работе. В результате этого в большинстве на руководящих должностях штаба округа, командиров, комиссаров, начштабов корпусов и дивизий, частично и полков, оказались враги народа и их приспешники. Поэтому Военный совет поставил задачей “выкорчевывание” врагов народа и подбор на руководящие должности преданных и растущих командиров. В итоге беспощадного “выкорчевывания” троцкистско-бухаринских и буржуазно-националистических элементов на 25 марта 1938 года проведено следующее обновление руководящего состава округа: командиров корпусов на 100%, командиров дивизий на 96%, командиров бригад на 55%, командиров полков на 64%, комендантов УРов на 100%, начальников штабов корпусов на 67%, начальников штабов дивизий на

* До 1919 года эта улица именовалась Екатерининской, а в 1993 году улицу Розы Люксембург переименовали в Липскую. Это название она носит и сегодня.

72%, начальников штабов полков на 58%, начальников отделов штаба округа на 84%...»

В цифрах это «выкорчевывание и обновление» выглядит так: из девяти командиров корпусов девять, из 25 командиров дивизий — 24, из 135 командиров полков — 87, из девяти начальников штабов корпусов — шесть, из 25 начальников штабов дивизий — 18, из 135 начальников штабов полков — 76, из 24 начальников отделов штаба округа — 19. Всего было уволено из частей округа по политико-моральным причинам 2922 человека, из них арестовано органами НКВД 1066.

Кто-то из чересчур бдительных сослуживцев состряпал донос и на Ватутина. Вот рассказ дочери полководца Елены Николаевны Ватутиной:

«Ватутина чуть не поставили к стенке ещё в 1937 году, когда пошла волна репрессий. В конце 1937 года арестовали папиного предшественника на должности заместителя начальника штаба округа Василия Бутырского... Вскоре забрали и жену дяди Васи. Их двоих мальчиков приютили родственники. Через некоторое время жену Бутырского — тетю Нину выпустили. Мы еле узнали её, когда к нам в дверь тихонько поскреблась тощая седая старуха. А ведь была цветущей женщиной! Квартиру у неё отобрали. Она ютилась в подвале. Папа с мамой по вечерам, делая вид, что выгуливают собаку Тузика, подбрасывали ей в подвал сахар, продукты, деньги. Тузик же, почуяв приближение чужих, начинал рычать и лаять. Узнай энкаведисты, что Ватутин помогает жене врага народа, они тут же сплели бы ему лапти! Тем более что в 1937 году на него поступил донос, якобы он женат на дворянке, графской дочери. Целая комиссия ездила на родину отца, в Валуйки, проверять его подноготную до седьмого колена. И выяснила, что женился он на красивой, но бедной неграмотной девушке. Ей в загс не в чем было идти! Так кто-то сделал ей сандалии из деревянных дощечек с веревочками сверху. Папа сам научил маму читать и писать. Позже она превзошла его в культурном развитии и активно приобщала к театру, опере, хорошей литературе. Когда же проверка НКВД закончилась, папа, грозя кому-то кулаком, сказал маме: “Даже если бы ты была графиней, я все равно от тебя не отрекся бы!”».

Приведенное дочерью Ватутина свидетельство дополним небольшим уточнением. Говоря о Василии Бутырском, Елена Николаевна назвала его предшественником отца на должности заместителя начальника штаба. Это не

совсем так. Комдив Василий Иванович Бутырский действительно был заместителем начальника штаба округа, но в 1935 году — за два года до назначения Ватутина на эту должность. Через год он возглавил штаб, а в марте 1937 года был направлен в служебную командировку в Испанию в качестве заместителя главного советника при Генеральном военном комиссариате. По возвращении из Испании, 20 декабря 1937 года Бутырского арестовали, в ноябре 1938 года расстреляли. Ватутин, о чём сказано выше, вступил в должность заместителя начальника штаба округа в июле 1937 года. До него эту должность занимал комбриг А. А. Лабас, которого арестовали 3 июля того же года. Начальником штаба в тот период являлся комдив И. В. Смородинов. Однако уточнение сути дела не меняет. Нам важен сам рассказ дочери Ватутина о событиях того страшного времени.

Сейчас трудно ответить на вопрос, почему Николай Федорович не попал под колеса той мощной репрессивной машины, которая беспощадно давила и уничтожала командные кадры Красной армии. Между тем он в любой момент тоже мог оказаться среди тех, кого объявили «враждебным элементом» или «врагом народа». Как известно, в камеры и подвалы НКВД люди часто попадали только за то, что встречались с тем или иным человеком, объявленным «врагом народа». Таких встреч, не говоря уже о годах совместной службы и учебы со многими «предателями дела революции» и «иностранными шпионами», у нашего героя было, как сказано выше, более чем предостаточно.

А может, Ватутин уцелел благодаря тому, что сам участвовал в кампании по «выкорчевыванию врагов народа»? Как считают некоторые историки, отдельные будущие полководцы и военачальники Великой Отечественной войны не попали под топор репрессий только благодаря тому, что сами строчили доносы. Если обратиться к аттестации Ватутина того периода, получается, что и его нельзя исключать из этого списка. Итак, читаем: «Товарищ Ватутин Н. Ф. идеологически устойчивый, морально выдержанный, бдителен, беззаветно предан делу партии Ленина—Сталина и социалистической Родине... Активно боролся с врагами народа и провел большую работу по ликвидации последствий вредительства. В партийно-политической работе принимает самое активное участие. Связан с массой, чутко относится к нуждам и запросам командного состава и красноармейцев. Правильно нацеливает и мобилизует парторганизацию и командный состав на выполнение поставленных задач».

В объективности характеристики сомневаться не приходится. Однако, что касается активной борьбы Ватутина «с врагами народа», то никаких подтверждений в архивах обнаружить не удалось. Приведенная же в аттестации фраза не более чем обязательный атрибут для такого рода документов. Аналогичные или подобные фразы можно встретить практически в каждой аттестации той эпохи. Так того требовал секретный приказ наркома обороны № 0174 от 16 сентября 1938 года, в соответствии с которым в обязательном порядке должна была даваться оценка «преданности партии Ленина—Сталина аттестуемого». Отдельно необходимо было отразить его участие в «очистке армии от неугодных, политически сомнительных, чуждых и враждебных элементов». Все эти требования при написании аттестации на нашего героя соблюдены.

Тогда почему Ватутина удалось избежать расстрельной статьи? Как вспоминала дочь, а она в свою очередь ссылалась на мать Татьяну Романовну, ему просто выпал счастливый жребий, благодаря которому он и не попал в кровавую мясорубку. Так в армии остался талантливый полководец, сыгравший ряд главных ролей на фронтах Великой Отечественной войны. Не случайно многие уцелевшие в те годы командиры и начальники регулярно получали новые назначения и быстро двигались по служебной лестнице. Ватутин не был исключением.

В ноябре 1938 года он был назначен начальником штаба Киевского особого военного округа. Его предшественника — комдива И. В. Смородинова перевели в Москву, где он занял должность заместителя начальника Генерального штаба РККА. Чуть раньше, в январе, повышение получил и командующий войсками округа командарм 2-го ранга Федько — его назначили 1-м заместителем наркома обороны СССР. Однако за взлетом последовало резкое падение: 7 июля Федько, к тому времени ставший командармом 1-го ранга, был арестован как «враг народа». Сначала он отказывался признать за собой какую-либо вину. Но опричники из НКВД вскоре добились своего: после жестоких избиений и пыток Федько сознался в том, что принимал участие в «военно-фашистском заговоре». 26 февраля 1939 года его приговорили к смертной казни и в тот же день расстреляли...

Дальнейшая служба Ватутина, его становление как начальника штаба проходили под началом уже нового командующего войсками округа — командарма 2-го ран-

га С. К. Тимошенко, с которым у Ватутина с первого дня знакомства сложились хорошие отношения. Семен Константинович принадлежал к славной когорте командиров, возвращенных в сабельных атаках еще в годы Гражданской войны. По воспоминаниям современников, он являл собой тип человека, как бы созданного самой природой для военной службы: рост под два метра, крупные, словно литые, плечи и безупречная выправка, достойная кавалергарда. А военная форма на нем сидела так, будто он в жизни ничего не носил другого.

В Первую мировую войну Тимошенко воевал пулеметчиком в составе 4-й кавалерийской дивизии на Юго-Западном и Западном фронтах. За храбрость был удостоен трех Георгиевских крестов. На фронтах Гражданской войны Тимошенко командовал взводом, эскадронам, кавалерийской бригадой, а затем и дивизией. «В Гражданскую войну под Тимошенко было убито семнадцать лошадей», — уважительно говорил о нём Сталин. Был пять раз ранен. К прежним наградам Тимошенко добавились три ордена Красного Знамени и почетное революционное оружие. В дальнейшем он занимал высокие армейские должности, в том числе командовал корпусами, был заместителем командующего войсками Белорусского и Киевского военных округов, а затем последовательно командовал войсками Северо-Кавказского и Харьковского военных округов. Несмотря на занимаемые им высокие посты, Семен Константинович отличался простотой и общительностью, украинский акцент придавал его речи особую колоритность и задушевность, а потому его уважали и любили в войсках.

В военном отношении Тимошенко был подготовленный и разбирающийся в вопросах службы войск, тактики и оперативного искусства военачальник, что импонировало Ватутину. Для Тимошенко, в свою очередь, лучшей аттестацией Ватутина служили его отличные знания штабной работы, трудолюбие, хорошие организаторские способности, ясный ум, неторопливая обстоятельность, интеллигентность и выдержка.

Что на командующем Тимошенко, что на начальнике штаба Ватутине лежала огромная ответственность за положение дел в округе. Киевский особый военный округ (добавление «особый» округ получил 26 июля 1938 года) являлся приграничным, и это определяло его стратегическую значимость для обороны страны. На территории округа дислоцировалась наиболее крупная на Западном направле-

нии группировка войск Красной армии. Перед войсками стояли задачи обороны огромной по протяженности государственной границы, в соответствии с которыми группировка должна была «не допустить вторжения как наземного, так и воздушного противника на территорию округа. Упорной обороной укреплений по линии госграницы прочно прикрыть от мобилизации, сосредоточения и развертывания войск округа. Противовоздушной обороной и действиями авиации обеспечить нормальную работу железных дорог и сосредоточение войск округа. Всеми видами разведки своевременно определить характер сосредоточения и группировку войск противника. Активными действиями авиации завоевать господство в воздухе и мощными ударами по основным группировкам войск, железнодорожным узлам и мостам нарушить и задержать сосредоточение и развертывание войск противника. Не допустить сбрасывания и высадки на территории округа воздушных десантов и диверсионных групп противника. При благоприятных условиях всем обороняющимся и резервам армий и округа быть готовыми по указанию Главного Командования к нанесению стремительных ударов для разгрома группировок противника, перенесения боевых действий на его территорию и захвата выгодных рубежей...»

По приказу народного комиссара обороны СССР в округе были сформированы четыре армейские группы — Житомирская, Винницкая, Одесская и кавалерийская. В первую были включены части, учреждения и заведения, расположенные в Житомирской, Киевской и Черниговской областях; во вторую — части, учреждения и заведения, находившиеся на территории Винницкой и Каменец-Подольской областей; в третью — части, учреждения и заведения, дислоцировавшиеся на территории Одесской, Николаевской областей и Молдавской АССР. Эти группы представляли собой крупные объединения армейского типа, имевшие в своём составе стрелковые дивизии, танковые бригады, артиллерийские, инженерные части и войска обеспечения. Четвёртая, кавалерийская, группа была создана как сильное подвижное соединение из двух кавалерийских корпусов (1-го и 2-го), танковых, артиллерийских, инженерных и других частей.

Основным органом руководства войсками был штаб округа, который организационно состоял из следующих отделов: оперативного; разведывательного; организационно-мобилизационного; военных сообщений; устройства

тыла и снабжения; укомплектования и службы войск; укрепленных районов; топографического; финансовой и хозяйственной части; комендатуры. В сферу их деятельности входили вопросы военно-административного управления, формирования, укомплектования и снабжения частей и соединений, боевой и политической подготовки личного состава, а также разработка мобилизационных планов и оперативного использования войск.

На всю эту структуру возлагалось огромное количество различных задач. Их успешное решение во многом зависело от грамотности, принципиальности, организаторских способностей и ответственности руководителя. Именно таким руководителем и проявил себя Ватутин. В штабах округа был создан режим предельно напряженной работы. Ватутин требовал оперативности, точности исполнения, и войска сразу почувствовали, что пришел профессионал своего дела. Причем он никогда не ограничивал свою штабную работу лишь бесчисленным потоком документов. В ее основе всегда лежали практические дела в войсках, широкое общение с личным составом всех категорий и постоянное расширение рамок своей деятельности. Этими правилами Ватутин руководствовался раньше, когда служил в полку, дивизии и отделах военных округов. Все это позволяло ему держать в руках нити управления, которыми обеспечивается командир, вносило разнообразие в штабной труд, делало его интересным и полезным.

«Ватутин любил поднимать войска и штабы по боевой тревоге с непременно выводом их в поле, — пишет военный историк С. П. Куличкин. — В работе штаба округа он не терпел волокиты, формализма и бюрократизма. Сам работал оперативно и четко. В разговоре с подчиненными он был неизменно спокоен, корректен, не торопил их, не одергивал, терпеливо объяснял непонятное, показывал, учил. Все это поднимало его авторитет, вызывало не только уважение к нему, но и любовь. Вместе с тем войска чувствовали, что штаб округа возглавил энергичный, требовательный, высокообразованный начальник».

Примечательно, что в тот период подчиненным Ватутина, правда, всего несколько месяцев, являлся полковник А. А. Власов. Тот самый Власов, который впоследствии войдет в историю как изменник родины, пособник нацистов. Будущий генерал-предатель возглавлял в штабе КОВО один из ключевых отделов — разведывательный. Но к назначению Власова на эту должность Николай Федорович

не имел никакого отношения. Его перевели на Украину из Ленинградского военного округа. Пробыв в должности у Ватутина с мая по сентябрь, Власов был назначен командиром дивизии. Успешному продвижению его к высоким должностям, как считают некоторые историки, способствовала чья-то «рука» наверху. Как складывались отношения Ватутина и Власова — ответа на этот вопрос нет. Впрочем, завершим на этом наше отступление и вернемся к штабным делам Ватутина.

Как свидетельствуют документы, в то время войска Киевского особого военного округа жили напряженной жизнью. Командованием большое внимание уделялось подготовке руководящего состава и штабов, особенно командиров корпусов и дивизий. Хорошей школой для этого служили командно-штабные и войсковые учения, которые расширяли оперативно-тактический кругозор командиров, углубляли понимание ими основ боя и операции, вооружали опытом взаимодействия родов войск.

По указанию штаба округа в частях и соединениях были созданы группы командирской подготовки в соответствии со служебным положением командного и начальствующего состава. Командиры полков учили командиров батальонов и начальников служб, начальники штабов — штабных работников, помощники командиров полков по материальному обеспечению — работников тыла, командиры батальонов — командиров рот и взводов. Это позволяло начальникам строить занятия конкретно, лучше знать сильные и слабые стороны подчиненных, умело учить и воспитывать их. Особое значение придавалось полевым занятиям, так как отработку тактических вопросов на местности можно было провести гораздо содержательнее и поучительнее, нежели на картах.

Одновременно командованию округа приходилось преодолевать и немалые трудности. Одной из острых проблем являлась нехватка опытных кадров командиров и политработников. Дефицит возник в результате большой ротации кадров, последовавшей после волны репрессий, когда на высокие посты были назначены офицеры, не имевшие достаточного опыта работы на новых должностях. Из архивных документов известно, что в октябре 1938 года из 15 командиров стрелковых дивизий только один командовал соединением более года, из шести командиров кавалерийских дивизий и шести командиров танковых бригад половина командовала соединениями менее шести месяцев.

Произошло также значительное обновление штабов. Ощущался кадровый голод и в связи с увеличением штатной численности войск округа. В сухопутных частях, например, не хватало более 10 тысяч командиров.

— Командир без опыта — что кавалерист без лошади. Разве такие командиры смогут успешно решать боевые задачи в условиях современной войны? — вопрошал Тимошенко на одном из совещаний. — Ещё хуже, когда их вообще нет. А война не за горами.

В сложившихся условиях командованию, в том числе и Ватутину, пришлось принимать меры организационного плана по подготовке командиров взводов и им равных. Для того чтобы выправить ситуацию, были созданы многочисленные курсы младших лейтенантов и младших воентехников.

Летом 1938 года была проведена оперативно-стратегическая игра руководящего состава войск округа. Ее подготовка полностью легла на плечи Ватутина и его подчиненных. Они проделали огромную работу, которая включала в себя доведение задач до исполнителей и конкретизацию их с командирами частей и соединений, решение вопросов взаимодействия на всех уровнях командования, материально-техническое обеспечение войск и т. д.

Игру непосредственно проводили командующий командарм 2-го ранга С. К. Тимошенко и заместитель начальника штаба комбриг Ватутин. В соответствии с директивой наркома обороны СССР Маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова в игре было задействовано значительное количество войск. Так, Винницкая армейская группа была выдвинута к государственной границе СССР. На территории Каменец-Подольской и Винницкой областей привели в движение 4-й кавалерийский, 25-й танковый и 17-й стрелковый корпуса, две отдельные танковые бригады, семь авиационных полков. Одновременно Житомирская армейская группа (2-й кавалерийский, 15-й и 8-й стрелковые корпуса), завершая учения на территории Киевской, Черниговской и Житомирской областей, сосредоточилась в районе Новоград-Волынского и Шепетовки.

В полную боевую готовность были приведены три полка истребительной и четыре полка бомбардировочной авиации. Аналогичным образом проверку на боевую готовность прошла вся система противовоздушной обороны округа, укрепленные районы вдоль государственной границы и в глубине. Стрелковые дивизии были попол-

нены приписным командным и рядовым составом по восемь тысяч каждая, а две авиационные базы — до полного штата. Оперативная группа штаба округа, прибыв в Прокурор^{*}, установила связь с войсками и Москвой. В целом проведенная командно-штабная игра позволила отработать задачи стратегического, оперативного, тактического и организационного порядка, что и было отмечено на подведении итогов.

Принимавший участие в этой игре будущий начальник Генерального штаба и Маршал Советского Союза А. М. Василевский, а на тот момент полковник и начальник Оперативного отделения Оперативного управления Генерального штаба РККА вспоминал: «...На приграничные военные округа возлагалась особая задача — быть готовыми к немедленным действиям. Им давались напряженнейшие задания, проводились оперативно-стратегические игры. В одной из них — летом 1938 года — я принимал участие. Это была сложнейшая игра руководящего состава Киевского военного округа...»

В ноябре 1938 года был проведен большой сбор командиров общевойсковых соединений округа. С ними на практике были отработаны вопросы штабной работы, организации управления массированным огнём, изучены новые виды артиллерийского вооружения, правила ухода, сбережения и производства технического осмотра материальной части артиллерии. Учились командиры, учился рядовой состав. Вот как представлены будни войск округа глазами простого солдата М. Т. Калашникова. В 1938—1940 годах будущий создатель всемирно известного автомата проходил службу в 12-й танковой дивизии в качестве механика-водителя танка. В своей книге «Записки конструктора-оружейника» он написал: «Днем и ночью мы утюжили гусеницами полигон, совершали марши на большие расстояния. Наши танки находились под непрерывным боевым напряжением, и содержать их постоянно в рабочем состоянии было для нас, механиков-водителей, нелегко. Но вот что удивительно: психологические и физические нагрузки возрастали, а у нас словно второе дыхание открылось, повысился интерес к службе, к совершенствованию знаний и навыков... Перед нами на каждом учении и занятии ставили задачу: учиться сегодня тому, что нужно будет на войне. Обучение войск

^{*} В 1954 году переименован в Хмельницкий; ныне областной центр Украины.

максимально приближалось к условиям реальной боевой действительности».

Статус западного приграничного — особого — округа накладывал особый же отпечаток на боевую учебу. А она в округе стояла на первом плане и являлась хорошей школой становления и возмужания бойцов, командиров и политработников. Повышению уровня военной подготовки личного состава во многом способствовало широко развернутое социалистическое соревнование. О его мобилизующей роли можно судить по обязательствам, взятым личным составом 5-го механизированного полка 5-й кавалерийской дивизии 2-го кавалерийского корпуса: по политической и марксистско-ленинской подготовке иметь оценку «хорошо»; в каждом подразделении подготовить не менее трёх стахановских экипажей и одного стахановского взвода; по огневой подготовке вырастить в каждом подразделении не менее трёх снайперских экипажей; по знанию и сбережению материальной части иметь 50 % оценок «отлично» и 50 % «хорошо»; по вождению боевых машин — 40 % «отлично», 30 % «хорошо»; не иметь ни одной аварии; добиться 10 % экономии горючего.

Аналогичные обязательства принимали на себя и военнослужащие других частей и подразделений округа, что в конечном счёте положительно сказалось на боевой выучке личного состава. В стрелковых частях улучшилась тактическая подготовка, в кавалерии возросли маршевая втянутость и умение вести современный бой. Повысили свою боеспособность артиллерийские, автобронетанковые и авиационные части. И в этом, безусловно, была немалая заслуга Ватутина.

Одновременно важнейшим направлением деятельности войск округа было строительство и оборудование оборонительных сооружений в приграничных районах. В период с 1929 по 1938 год для прикрытия советской границы в пределах округа было возведено 7 укрепленных районов (УР). Все эти УРы находились в эксплуатации, но они уже не отвечали требованиям времени, так как могли вести главным образом фронтально-пулеметный огонь, имели недостаточную глубину и необорудованный тыл, слабую сопротивляемость сооружений и малоэффективное внутреннее оборудование.

В 1938—1939 годах началось строительство еще 5 УРов (Каменец-Подольский, Изяславский, Остропольский, Староконстантиновский, Шепетовский). Ватутин регу-

лярно бывал на этих важных стратегических объектах, которые возводились инженерными частями округа. Большую помощь в строительстве оборонительных рубежей оказывало и правительство Украины, выделяя на эти работы людские ресурсы, а также необходимое количество бетона, лесоматериалов, металлоконструкций. Параллельно продолжалось совершенствование уже построенных укрепрайонов. Росло число огневых сооружений различного типа, усложнялись препятствия, устанавливались новые минные поля. Для обеспечения надежной противотанковой обороны в дотах устанавливали артиллерийские орудия, усиливали защитные свойства долговременных сооружений.

Насыщенные будни округа были неслучайными. В мире давно уже пахло порохом, все хорошо понимали: большая война настойчиво стучится в дверь. Ни для кого не являлось секретом, что реальным противником Советского Союза станет гитлеровская Германия, уже начавшая постепенно захватывать своими хищными лапами европейские страны и приближаться к советским рубежам.

В марте 1938 года вермахт перешел государственную границу Австрии, в одночасье указом Гитлера эта страна превращена в провинцию рейха. Показательный штрих: западные страны постарались не заметить исчезновение независимого государства и признали захват Австрии законным. Следующей добычей Германии стала Чехословакия. Причем до сих пор остается загадкой, как могла без всякого сопротивления капитулировать страна, обладавшая мощным военным потенциалом. Достаточно сказать, что на тот момент Чехословакия располагала 45 дивизиями, под ружьём находилось 2 млн человек. Тогда как Германия имела всего на две дивизии больше — 47, из которых предусматривалось задействовать только 39. Вслед за Чехословакией вермахт оккупировал Клайпедскую область Литвы, превратив последнюю в базу для вторжения в Польшу. «Мы были готовы помочь Чехословакии. Авиация и танки находились в боевой готовности, — пишет в своих мемуарах «Воспоминания и размышления» Г. К. Жуков. — В районах, прилегающих к западной границе СССР, сосредоточилось до 40 дивизий».

В Киевском особом военном округе в соответствии с распоряжением Генштаба в боевую готовность были приведены дополнительно 8 стрелковых дивизий, 9 авиационных баз, 9 танковых и 1 мотострелковая бригада, управление

танкового корпуса. Подобные указания получили штабы других приграничных, а также ряда внутренних округов.

Чехословацкое правительство, возглавляемое Эдуардом Бенешем, знало о том, что Советский Союз готов был прийти на помощь Чехословакии, однако отказалось от этой помощи, выбрав позорную капитуляцию. Вот что далее пишет Жуков: «Такой оборот дела, который не раз предсказывал Советский Союз, поставил перед Англией и Францией вопрос: а вдруг Гитлер, которого они подталкивали на восток, повернет на запад? Правительства этих стран начали новый тур переговоров, встреч, совещаний с целью припугнуть Гитлера возможностью военного союза с СССР. Требуя от Советского Союза помощи в случае агрессии со стороны Германии, главы правительств этих государств, Даладье и Чемберлен, вместе с тем не хотели брать на себя какие-либо серьезные обязательства. Переговоры зашли в тупик, в том числе и переговоры между военными миссиями Англии, Франции и СССР. Одним словом, если говорить о Европе — там господствовали нажим Гитлера и пассивность Англии и Франции. Многочисленные меры и предложения СССР, направленные на создание эффективной системы коллективной безопасности, не находили поддержки среди лидеров капиталистических государств. Впрочем, это было естественно. Вся сложность, противоречивость и трагичность ситуации порождалась желанием правящих кругов Англии и Франции столкнуть лбами Германию и СССР. Пока бомбы не разорвались в их собственном доме, классовые интересы давних союзников в борьбе против первого социалистического государства приводили к одному — они пятились перед Гитлером. Даладье и Чемберлену казалось, что им удастся все и вся перехитрить, вовремя увернуться от уже нацеленной и готовой к действиям германской фашистской военной машины, да еще подтолкнуть ее в последний момент на Советский Союз».

Жуков нарисовал достаточно подробную и, что важно, объективную картину событий, происходивших в то время. Их дальнейший ход продолжился нападением Германии на Польшу и развязыванием Второй мировой войны. Она началась 1 сентября 1939 года. Состоявшие с Польшей в договорных отношениях Англия и Франция через два дня объявили войну Германии.

Из документов известно, что Сталин еще в августе был проинформирован о возможности таких действий со стороны Германии. Сложившаяся обстановка, прежде всего

позиция Великобритании и Франции, пытавшихся направить устремления агрессора на восток, рассматривавших режим Гитлера как основной противовес коммунизму, вынудили руководство Советского Союза пойти на сближение с Германией. 23 августа 1939 года был подписан советско-германский Договор о ненападении, более известный как пакт Молотова—Риббентропа. В соответствии с ним страны обязались «воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга как отдельно, так и совместно с другими державами». Одновременно был подписан и секретный дополнительный протокол. В нём определялось, что «в случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, границы сфер интересов Германии и СССР будут проходить по линии рек Наревы, Вислы, Сана. Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение Польского государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития».

По поводу этого договора и дополнительного секретного протокола уже многие годы не стихают споры, а тайны тогдашней советской дипломатии некоторые историки и политики зачастую преподносят несведущему обывателю едва ли не как преступления. На самом же деле советское руководство никогда не полагалось на подписанный Пакт о ненападении. Сталин, другие руководители СССР исходили из того, что пакт не избавлял страну от угрозы фашистской агрессии, но при этом давал возможность выиграть драгоценное время для укрепления обороны, воспрепятствовать созданию единого антисоветского фронта.

Что касается Польши, то она сама себя перехитрила, оказавшись без союзников. Впрочем, ничего удивительного в этом не было. Если пролистать страницы недалекого прошлого, то можно увидеть, как относился западный сосед к Советской России, а затем к Советскому Союзу. «Мы не желаем существовать рядом с Советской Россией» — в этих словах, которые произнес еще в 1920-х годах тогдашний начальник Польского государства Юзеф Пилсудский и состояла суть отношения польской стороны. А вот ещё одно признание руководителя Польши: «Моя мечта — дойти до Москвы и написать на стенах Кремля: “Говорить по-русски запрещено!”». Слова подкреплялись делами. Достаточно назвать интервенцию, осуществлявшуюся под лозунгом

«Даешь Польшу в границах 1772 года!», оккупацию белорусских и украинских земель в феврале 1919 года, а затем в апреле 1920 года. Наконец, подписание в марте 1921 года выгодного для Варшавы договора, по которому к Польше отошли Западная Украина и Западная Белоруссия.

В середине 1930-х годов наметилось тесное сближение Варшавы и Берлина. Польское руководство считало Германию одним из своих ближайших союзников. Тогдашний министр иностранных дел Польши, бывший адъютант Пилсудского полковник Юзеф Бек строил внешнюю политику Варшавы, учитывая долгосрочные интересы Польши и Третьего рейха на востоке — в захвате и порабощении Советского Союза. Вершиной польско-германского сотрудничества стал 1938 год, когда Варшава и Берлин приступили к разделу Чехословакии. 30 сентября Польша ввела свои войска в Тешинскую Силезию этой страны, насильно ее аннексировав. В свою очередь немцы, получив Судетскую область, запустили процесс ликвидации суверенной Чехословакии: в ноябре Венгрия получила несколько словацкий районов и Подкарпатскую Русь, а в марте следующего года на территории Словакии был создан марионеточный пронацистский режим, а немцы установили свою власть над остатками чехословацкого государства — Богемией и Моравией. Между тем в начале 1939 года Германия начала намекать уже на территориальные претензии к Польше. В Варшаве поняли, что все идет «не так», как того хотелось бы полякам, и попытались возражать Берлину, но было поздно. В штабах вермахта уже колдовали над планом «Вайс», а на рабочих картах германского Генштаба вычерчивались жирные стрелы главных ударов по территории вчерашнего союзника.

Активные боевые действия начались 1 сентября 1939 года. Следом шла мотопехота. Из-за облаков, едва не задевая шпили древних замков и костелов, вываливались сотни самолетов, обрушивая сотни тонн бомб на Варшаву, Перемышль, Львов... В походе против поляков немецкие войска наступали сразу с трех направлений, на каждом из которых действовала мощная группировка (группа армий). По своей численности вермахт намного превосходил польскую армию (по пехоте в 1,5 раза, по артиллерии в 2,8 раза, по танкам в 5,3 раза).

По стечению обстоятельств в этот же день в Москве сессия Верховного Совета СССР приняла закон «О всеобщей воинской обязанности», в соответствии с которым Красная

армия стала кадровой. Кроме того, призывной возраст снижался с 21 года до 19 лет, а для окончивших среднюю школу — до 18 лет. Увеличивались сроки действительной службы рядового и сержантского состава в сухопутных войсках и авиации до трёх лет, а на флоте — до пяти лет. Пребывание в запасе устанавливалось до пятидесятилетнего возраста. Все эти изменения были направлены на то, чтобы поднять на более качественный уровень подготовку защитников родины.

Вернувшись в Киев с сессии Верховного Совета СССР, командующий войсками округа командарм 1-го ранга С. К. Тимошенко сразу же собрал в своём кабинете заместителей и начальника штаба. Коротко рассказав о принятых на сессии решениях, командующий перешёл к событиям, происходившим в Польше.

— По данным нашей разведки, — сказал Тимошенко, — война там идёт полным ходом. Польская армия не в состоянии остановить дивизии вермахта, они безостановочно, практически не встречая сопротивления, двигаются в сторону нашей границы. Поэтому мы должны быть готовы к любым неожиданностям, к самому неприятному для нас развитию событий.

Ставя задачи, командующий обратился к Ватутину*:

— Николай Фёдорович, прошу организовать необходимые мероприятия по линии службы войск. Прежде всего, нужно усилить охрану и оборону важных военных объектов, а также укрепрайонов на территории округа.

А события развивались стремительно. Не было никаких сомнений в поражении Польши. Но не было уверенности в том, что войска вермахта, разгромив поляков, не продолжат дальше победное шествие на восток. В этой сложной обстановке необходимо было срочно принимать упреждающие меры, чтобы обеспечить безопасность границ страны. И они начали безотлагательно приниматься.

Для Ватутина и всех штабных работников округа эти дни и недели были, как никогда раньше, напряженными. Впрочем, начиная с 1937 года Ватутин забыл, что такое нормальный отдых. Уже почти три года он не пользовался отпуском. В его личном деле, относящемся к периоду службы в КОВО, из года в год повторялась одна и та же запись:

* К этому времени Николай Фёдорович был уже комдивом, очередное воинское звание он получил 17 февраля 1939 года.

«Очередным отпуском не пользовался...» Выходные дни отмечал только на листках календаря. А после начала Второй мировой войны для Ватутина спокойных будней вообще не предвиделось.

Из Наркомата обороны СССР в штаб округа 4 сентября поступила шифротелеграмма, которая предписывала командованию округа задержать увольнение в запас отслуживших срочную службу красноармейцев и сержантов на один месяц и начать призыв на учебные сборы военнообязанных запаса. Отпуска командному составу тоже отменялись. В семи военных округах — Калининском, Ленинградском, Московском, Орловском, Харьковском, а также в Киевском и Белорусском особых — все части и соединения, вся система связи приводились в боевую готовность.

Спустя сутки пришел новый документ — директива наркомата обороны К. Е. Ворошилова о проведении «Больших учебных сборов», которые в реальности фактически являлись мобилизацией. Одновременно ставилась задача привести в боевую готовность части и учреждения округа. Кроме того, нужно было скорректировать план операции в случае перехода советскими войсками польской границы. Вся эта работа легла на плечи Ватутина и его подчиненных.

Между тем события в Польше опережали мероприятия, которые планировались Генеральным штабом РККА, а затем реализовывались непосредственно командованием Киевского особого военного округа. 6 сентября начальник разведотдела штаба округа полковник А. С. Пшеничников доложил Ватутину о том, что польская армия наполовину разгромлена. Серьезный урон понесли сухопутные части, а военно-воздушные силы потеряли почти 50% своего авиационного парка. В ближайшие день-два германские войска выйдут к Висле.

К 9 сентября, как и докладывал начальник разведки, немцы вышли к Висле. Тем временем была проделана огромная работа по развертыванию Киевского особого округа в Украинский фронт. Аналогичные события происходили и у соседей — в Белорусском особом военном округе. 9 сентября нарком обороны назначил командующим войсками Украинского фронта Тимошенко, начальником штаба — Ватутина. Однако ни командующий, ни начальник штаба фронта не знали, что с их назначением и развертыванием фронта в силу вступают секретные статьи советско-германского договора, по которому Польша делилась на сферы влияния теперь уже Гитле-

ром и Сталиным. Тимошенко и Ватутину было ясно одно — намечается поход в Западную Украину и Западную Белоруссию. И они, как люди военные, будут выполнять приказ.

В соответствии с планом операции, который разработал Ватутин и его подчиненные, началось передвижение, развертывание войск и занятие ими исходных районов. Так, в районе Перча — Олевск — Белокоровичи разворачивался 15-й отдельный стрелковый корпус; 5-я армия в районе Новоград-Волынский — Славута — Шепетовка, 6-я армия в районе Купель — Сатанов — Проскуров; 12-я армия в районе Гусятин — Каменец-Подольский — Ярмолинцы. Планом было определено четыре направления, на которых предстояло действовать войскам фронта, — Владимир-Волынское, Ковельское, Львовское и Дрогобычское. Всего созданный фронт имел около 13 стрелковых, 7 кавалерийских дивизий, 10 танковых бригад, 7 артиллерийских полков РКК. В них насчитывалось почти 2000 танков, около 3000 орудий, более 1000 самолетов, тридцать с лишним тысяч автомашин. Непосредственно штаб фронта выдвинулся, как и год назад во время командно-штабной игры, в Проскуров.

Тем временем обстановка на польско-германском фронте продолжала быстро меняться. Польская армия отступала, неся большие потери. Её оборона трещала по швам, управление практически отсутствовало, а государственная система фактически была разрушена.

Четырнадцатого сентября Военный совет КОВО получил очередную директиву наркома обороны СССР Маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова и начальника Генерального штаба РККА командарма 1-го ранга Б. М. Шапошникова за № 16634 «О начале наступления против Польши». В директиве была поставлена задача к исходу 16 сентября скрытно сосредоточить и быть готовым к решительному наступлению с целью молниеносным ударом разгромить противостоящие польские войска:

«Народный комиссар обороны Союза ССР

14 сентября 1939 г.

№ 16634

Военному совету Киевского Особого военного округа

Сов. секретно

Особой важности

Лично

Экз. № 2

Приказываю:

1. К исходу “16” сентября скрытно сосредоточить и быть готовым к решительному наступлению с целью молниеносным ударом разгромить противостоящие войска противника:

а) Каменец-Подольская группа — командующий группой командарм 2-го ранга тов. Тюленев, в составе 16-й, 9-й, 32-й и 34-й кав[алерийских] дивизий, 72-й и 99-й стр[елковых] дивизий, 25-го танкового корпуса, 26-й и 23-й танковых бригад, 283-го и 274-го корпусных арtpолков — в районе Гусятин, Каменец-Подольск, Ярмолинцы.

Задача — нанести мощный и молниеносный удар по польским войскам, надежно прикрывая свой левый фланг и отрезая польские войска от румынской границы, решительно и быстро наступать в направлении на Чортков, Станиславов и к исходу “17” сентября выйти на р. Стрыпа; к исходу “18” сентября овладеть районом Станиславов, имея дальнейшей задачей действия в направлении Стрый, Дрогобыч.

б) Волочискская группа — командующий группой — командующий Винницкой армейской группой комкор тов. Голиков, в составе 3-й, 5-й и 14-й кав[алерийских] дивизий, 96-й и 97-й стр[елковых] дивизий, 24-й, 38-й танковых бригад, 269-го корпусного арtpолка — в районе Волочиск, Соломна, Черный остров.

Задача — нанести мощный и решительный удар по польским войскам и быстро наступать на м. Трембовля, г. Тарнополь, г. Львов и к исходу “17” сентября выйти в район Езерна; к исходу “18” сентября овладеть районом Буск, Перемышляны, Бобрка, имея дальнейшей задачей овладение г. Львов.

в) Шепетовская группа — командующий группой — командующий Житомирской армейской группой комдив тов. Советников, в составе 44-й, 45-й и 81-й стр[елковых] дивизий, 36-й танковой бригады, 236-го и 233-го корпусных арtpолков — в районе Новоград-Волынк[ий], Славута, Шепетовка.

Задача — наступать в направлении на Ровно, Луцк и к исходу “17” сентября овладеть районом Ровно, Дубно; к исходу “18” сентября овладеть районом Луцк, имея в виду в дальнейшем наступление на Владимир-Волынк[ий].

г) для обеспечения правого фланга сосредоточить в районе Олевск, Городница, Белокоровичи 15-й стр[елковый]

корпус в составе 60-й и 87-й стр[елковых] дивизий и вести активные действия на Сарны.

2. Действия групп должны быть быстры и решительны, поэтому они не должны ввязываться во фронтальные бои на укрепленных позициях противника, а, оставляя заслоны с фронта, обходить фланги и заходить в тыл, продолжая выполнять поставленную задачу.

3. Разграничительная линия с войсками Белорусского особого военного округа — устье р. Словечна, Домбровица, Влодава, Коцк и далее по р. Вепрш до ее устья, все для Киевского особого военного округа включительно.

4. Граница наших действий по глубине устанавливается — правый берег р. Висла от устья р. Вепрш до устья р. Сан, правый берег р. Сан от устья до ее истоков, далее новая граница Венгрии (бывш[ая] граница Чехословакии с Польшей), вся граница с Румынией. Нашим войскам через эту линию отнюдь не продвигаться.

5. Войскам групп решительное наступление с переходом государственной границы начать на рассвете “17” сентября.

Авиационные части округа рассредоточить на оперативные аэродромы в полной боевой готовности. По действиям авиации задачи ставятся командованием округа.

7. Сосредоточение групп прикрыть сильной истребительной авиацией и зенитной артиллерией. Наступление вести под прикрытием истребителей во взаимодействии с бомбардировочной, штурмовой авиацией. Избегать бомбардировки открытых городов и местечек, не занятых крупными силами противника.

8. Вслед за Волочической группой направить 137-й артополк РКК, который должен следовать в готовности оказать поддержку группе в случае атаки укрепленных позиций.

9. Организовать бесперебойное снабжение групп КОВО всеми видами довольствия, не допуская никаких реквизиций и самовольных заготовок продовольствия и фуража в занятых районах.

10. Получение директивы подтвердить и план действий представить нарочным к утру “17” сентября.

Народный комиссар обороны СССР
Маршал Советского Союза К. Ворошилов
Начальник Генерального штаба РККА
командарм I ранга Б. Шапошников».

Одновременно Военному совету КОВО и Киевского пограничного округа НКВД был направлен еще один до-

кумент — совместная директива № 16662 наркома обороны СССР Ворошилова и наркома внутренних дел СССР комиссара государственной безопасности 1-го ранга Л. П. Берии о порядке взаимодействия пограничных войск НКВД и полевых войск Красной армии. Документ определял дату перехода в подчинение командованию Красной армии пограничных войск с момента перехода государственной границы для действий на территории противника.

Ватутин, опираясь на данные разведки и радиоперехватов, 16 сентября доложил Тимошенко о том, что польская оборона окончательно дезорганизована. Польские войска уже находятся на линии Августов — Брест — Львов, а немцы вышли к Западной Украине и Западной Белоруссии. Причём более двадцати соединений вермахта приблизились к советской границе на различных участках на расстояние 150—250 километров.

— Есть угроза безостановочного продвижения этих дивизий и вторжения на нашу территорию, — с некоторой тревогой в голосе говорил Ватутин, тут же показывая Тимошенко на карте возможные маршруты перемещения немецких войск. — Счёт, Семён Константинович, уже идёт на часы, — заключил он.

Командующий фронтом, выслушав доклад Ватутина, напряг лицо.

— Генштаб получает от нас исчерпывающую информацию о происходящем, знает о нашей готовности выступить, — сказал Тимошенко. — Полагаю, Николай Федорович, что сегодня ночью приказ из Москвы к нам поступит.

Потекли часы ожидания. Они были наполнены напряженной и нескончаемой работой, какая обычно бывает в штабах во время крупных учений: непрерывно звонили телефоны, стучали телеграфные аппараты, сновали по коридорам операторы с картами, неожиданно появлялись и быстро исчезали посыльные с донесениями... Наконец в три часа ночи поступил долгожданный приказ, а ровно в пять часов утра войска фронта устремились вперёд.

В этот же день в Москве послу Польши Вацлаву Гржибовскому была вручена нота следующего содержания: «Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что польское государство и его правительство фактически перестали существовать. Тем самым прекратили своё действие договоры, заключён-

ные между СССР и Польшей. Предоставленная самой себе и оставленная без руководства, Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, советское правительство не может более нейтрально относиться к этим фактам, а также к беззащитному положению украинского и белорусского населения. Ввиду такой обстановки советское правительство отдало распоряжение главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Белоруссии, Западной Украины».

Сразу после начала операции в штаб фронта начали поступать первые донесения. Ватутин непосредственно находился «на проводе» и лично принимал доклады от командующих и начальников штабов групп войск. Они обнадёживали.

— Продвигаемся быстро, сопротивления не встречаем... На пути следования много беженцев, в их числе военные, — бодро докладывал командующий Каменец-Подольской группой войск командарм 2-го ранга И. В. Тюленев.

Хорошие новости были от командующего Волочической группой войск комкора Ф. И. Голикова:

— Войска группы успешно наступают. Противник сдаётся в большом количестве в плен. В Подволочиске в районе вокзала и в самом помещении вокзала захвачено много солдат и офицеров польской армии, а также пулеметы, винтовки, карабины, огромное количество боеприпасов.

Поток информации нарастал, сообщения непрерывно шли по каналам телефонной, телеграфной и радиорелейной связи. В штабе фронта все доклады аккумулировали в один общий отчёт. Из лаконичных донесений, поступавших из разных районов, ежедневно складывалась общая картина боевых действий фронта: «В период 17.9...19.9... армиями фронта взято в плен и разоружено: в районе Острог, Александрия, Ровно — остатки 7-й, 8-й, 18-й пд, 4-го и 25-го уланских полков; в р-не Дубно, Луцк — численностью до дивизии различных частей; в районе Ковель, Владимир-Волынский — остатки 29-го, 9-го и запасных арт. полков; в районе Тарнополь — до дивизии, состоящей из остатков 15-й, 2-й, 10-й, 4-й, 28-й, 1-й и 22-й пд; во Львове — группа ген. Лангнера; в районе Мосциска — кавгруппа ген. Андерса (25-й, 26-й

и 27-й уланские полки, остатки Мазовецкой и Волынской кавбригад); в районе Белгорай — группа полковника Зелинского численностью до 6000 штыков и 800 сабель и в районе Кржемень (60 км южнее Люблина) — бригада народной обороны “Ковель” полковника Каца в составе 8 батальонов... По показанию пленных, кавгруппа генерала Андерса, группа полковника Зелинского и бригада полковника Каца имели целью пробиться к венгерской границе...»

Из воспоминаний Тимошенко известно, что вступление советских войск на территорию Польши вызвало негативную, а в ряде случаев даже враждебную реакцию со стороны поляков. Однако действия Красной армии постепенно рассеяли у них предубежденность и страхи, о чём свидетельствовал коллега Ватутина — начальник штаба Верховного главнокомандующего Войска польского генерал бригады Вацлав Стахевич: «Солдаты были дезориентированы поведением большевиков, потому что они в основном избегают открывать огонь, а их командиры утверждают, что они приходят на помощь Польше против немцев». И далее он указывал: «В массе своей советские солдаты не стреляют, к нашим относятся с демонстративной симпатией, угощают папиросами, всюду повторяя, что идут на помощь Польше».

А как в те дни местное население встречало Красную армию? Вот строки из шифровки Главного политуправления РККА от 21 сентября, адресованной Сталину, Ворошилову, Тимошенко: «Украинское население встречает нашу армию как подлинных освободителей. Даже передовые части, идущие с боем, забрасываются цветами. Население приветствует наших бойцов и командиров, выносит и старается обязательно всучить нашим красноармейцам яблоки, пироги, питьевую воду и т. п. Многие плачут от радости... Крестьяне Западной Украины приветствуют наши части как освободителей от польских панов и просят не пускать немцев... Убегающие остатки польских войск подвергаются нападению населения. Из Подгайце крестьяне выгнали до 300 офицеров и солдат...»

Уже 25–28 сентября войска двух фронтов вышли на рубеж, проходивший по рекам Западный Буг, Нарев, Вепш, Сан, другим водным артериям. И хотя на пути движения советских частей неоднократно встречались отдельные очаги сопротивления, состоявшие из рыскавших по дорогам раз-

розненных групп гусар, осадников*, жандармов, они не являлись преградой для наступающих войск. Их сразу же подавляли. Основная же часть польских вооруженных сил, как правило, целыми соединениями и бригадами сдавалась в плен. Только Украинским фронтом в период с 17 сентября по 2 октября было разоружено 392 334 человека, в том числе 16 723 офицера.

Что касается подразделений вермахта, то в ряде мест с ними произошли боевые столкновения, поскольку немцы нарушили ранее согласованную между обеими сторонами разграничительную линию и вторглись в пределы Западной Украины и Западной Белоруссии. Так, в районе Львова 19 сентября артиллеристы 137-го полка вермахта открыли огонь по танковой бригаде полковника П. С. Фотченко, вступавшей в город. Завязался бой, в ходе которого потери понесла каждая из сторон. Позже выяснилось, что немецкое командование преднамеренно устроило провокацию. Эта была не единственная провокация. Как доложил Ватутину командарм Волочиской группы войск Тюленев, немцы подожгли и взорвали в Дрогобыче нефтеперегонный завод. Ценой огромных усилий нашим солдатам удалось спасти город от огня.

В целях недопущения впредь подобных случаев противостоящие стороны установили демаркационную линию между германскими и советскими армиями, о чём было объявлено 22 сентября в советско-германском коммюнике. Линия проходила «по рекам Писа, Нарев, Буг, Сан».

Однако Советский Союз не мог принять установленную демаркационную линию в качестве своей новой западной границы. Но эту проблему нужно было решать и как можно скорее. Поэтому 28 сентября 1939 года в Москве был подписан советско-германский Договор о дружбе и границе. В основу этого документа было положено предложение советского правительства об установлении западной границы СССР по «так называемой “линии Керзона”, предлагавшейся еще в 1919 г. Англией, Францией, США и некоторыми другими странами в качестве основанной на этнографической базе границы между Советской Россией и Польшей».

* Осадники (польск. единственное число *osadnik* — поселенец) — польские колонисты, в большинстве отставные военнослужащие Войска польского, получившие от государства земельные наделы на территориях Западной Украины и Западной Белоруссии.

В результате освободительного похода Красной армии к Советскому Союзу отошла территория общей площадью свыше 190 тысяч км² с населением более 12 млн человек, в том числе 6 млн украинцев и 3 млн русских. Была восстановлена западная граница СССР, которая отодвинулась на 250–300 километров. Безусловно, это значительно укрепило безопасность Советского государства. Гитлеровская Германия была лишена возможности использовать Западную Украину и Западную Белоруссию в качестве плацдарма для нападения на СССР. Дэвид Ллойд Джордж, в прошлом британский премьер-министр, осенью 1939 года писал польскому послу в Лондоне Эдварду Рачиньскому о том, что СССР занял «территории, которые не являются польскими и которые были силой захвачены Польшей после Первой мировой войны... Было бы актом преступного безумия поставить русское продвижение на одну доску с продвижением Германии». В том же духе выступил по радио 1 октября 1939 года премьер-министр Уинстон Черчилль, в то время 1-й лорд Адмиралтейства. В частности, он заявил: «То, что русские армии должны были находиться на этой линии, было совершенно необходимо для безопасности России против немецкой угрозы. Во всяком случае, позиции заняты и создан восточный фронт, на который нацистская Германия не осмеливается напасть».

Но вернёмся к нашему герою. На протяжении всей кампании Ватутин не знал ни сна, ни отдыха. Что на Тимошенко, что на нём лежала огромная ответственность за её проведение. Командующий принимал решения, а перед их принятием днём и ночью шла непрерывная огромнейшая работа. Скрупулезная разработка плана, определение направлений главных ударов, составление всевозможных приказов, от мобилизации, развертывания и переброски войск, обеспечение бесперебойного управления войсками, отдых и питание личного состава — это и многое другое лежало на плечах штаба. Завершающим этапом его работы стал отчёт о действиях фронта на театре боевых действий. Когда этот документ был подготовлен, Ватутин вызвал к себе полковника С. М. Штеменко. Будущий заместитель начальника Генерального штаба, генерал армии, автор известных мемуаров «Генеральный штаб в годы войны» Сергей Матвеевич Штеменко в то время проходил стажировку в штабе КОВО.

— Вам поручается доставить в Москву отчёт о действиях войск нашего фронта по освобождению Западной Укра-

ины, — сказал Ватутин. — До Киева полетите на самолете, а дальше поедете поездом. За портфель с документами и картами отвечаете головой. В Генштабе все сдадите лично комбригу Василевскому.

На следующий день Штеменко уже был в Москве и вручил портфель с отчётом А. М. Василевскому. С получением этого портфеля с документами, можно сказать, ставилась последняя точка в походе в Западную Украину. А в личном деле комкора* Ватутина вскоре появились такая запись: «В период освобождения единокровных братьев-украинцев Западной Украины из-под ига польских панов, капиталистов как начальник штаба округа показал способность, выносливость и умение руководить крупной операцией».

По возвращении в Киев Ватутин наконец-то получил долгожданный выходной. Это было воскресенье. Он взял с собой дочку Лену, и они пошли гулять по Крещатику. Такая возможность спокойно пройтись по улице у Николая Федоровича выпадала крайне редко. Навстречу шли люди, теплом светились лица. Проходя мимо пассажа, дочка увидела в витрине большую куклу, почти с неё ростом. И тут же стала просить папу её купить. Тот сначала отказывался, говоря дочке, что она уже большая, ей нужны книжки, а не куклы. Но потом сдался с условием — она сама понесет куклу домой. Оказалось, что нести куклу было тяжело, и Ватутину пришлось одной рукой держать руку дочери, а в другой нести громадную куклу в ярко-красном платье, с белыми волосами. Офицеры и солдаты при встрече с начальником штаба округа отдавали ему честь, понимающе улыбались, а Ватутин впервые в жизни смущался при встрече с подчиненными.

Спустя годы Елена Николаевна, дочь Ватутина, рассказала ещё одну историю, которая также служит лишним доказательством большой занятости её отца в предвоенные годы. В Советском парке**, где они летом в редкие часы гуляли всей семьёй, зимой устроили каток. Лена быстро научилась кататься на «снегурках», а папа все не мог выбрать время, чтобы посмотреть, как она катается. Все дни — и в будни, и в праздники — он находился в штабе или в войсках, а возвращался домой поздно ночью. И тогда Лена решила не ложиться спать до приезда папы, чтобы все-та-

* Звание комкора Ватутина было присвоено 27 ноября 1939 года (приказ НКО СССР № 04816/п).

** Советским (укр. Радяньским) парк назывался с 1919 по 1993 год, до и после этого он именовался (и именуется сегодня) Мариинским.

ки показать ему, как она катается. И дождалась. Только в первом часу ночи Николай Федорович вышел с ней в парк. Светила луна, белел снег, и Лена, радостная, возбужденная, оглядываясь на папу, скользила по затихшей аллее...

Четырнадцатого ноября 1939 года в Киеве состоялись военный парад частей гарнизона и демонстрация трудящихся в честь воссоединения Западной Украины и Украинской ССР. В этот день его центральные улицы, заполненные празднично одетыми людьми, напоминали бурное весеннее половодье. Крещатик был весь запружен войсками. На осеннем солнце ярко горел кумач флагов и транспарантов, повсюду играла музыка, звучали песни. Но жизнь уже диктовала новые задачи. Войска Украинского фронта, реорганизованного обратно в Киевский особый военный округ, перенацеливались на выполнение большого комплекса различных мероприятий. К числу первоочередных относились — передислокация частей и соединений, разработка плана прикрытия государственной границы, оборудование театра военных действий...

На повестку дня также встали вопросы приведения в порядок казарм, автопарков, конюшен, стрельбищ, учебных полей, создания предполя, строительства новых аэродромов и укрепрайонов. Нужно было обобщить полученный в ходе кампании опыт, извлечь уроки и устранить выявленные недостатки, провести занятия и учения по отработке задач управления войсками в сложных условиях современного боя.

Ватутин, как и раньше, работал по 12—14 часов. Регулярно бывал в войсках, где проводил совещания с командирами и начальниками штабов частей и соединений, намечал с ними будущие рубежи обороны, расположение УРов. Государственная граница хотя и была отодвинута на запад на сотни километров, но теперь это была советско-германская граница и на ней стояла сильная немецкая армия. Генералы вермахта уже жадно рассматривали в цейсовские бинокли живописные пейзажи карпатских гор. Еще совсем недавно, в дни освободительного похода в Западную Украину, Николаю Федоровичу несколько раз довелось встречаться с представителями вермахта, и почему-то после этих встреч, внешне дружеских, в душе надолго поселилось предчувствие того, что именно с этими офицерами и генералами ему скоро придется воевать.

В последний день ноября 1939 года началась советско-финская война, в Финляндии больше известная как Талви-

сота (*Talvisota*) — «зимняя война». По долгу службы Ватутин был в курсе обстановки на границе с Финляндией. Эта тема не раз обсуждалась и в кабинете Тимошенко, который являлся членом Главного Военного совета РККА и располагал полной информацией о грядущих событиях. Дело в том, что стало очевидным создание военно-политического союза Германии и Финляндии. Такое сближение не могло не вызывать обоснованной тревоги советского руководства, поскольку граница между Финляндией и Советским Союзом проходила всего лишь в 32 километрах от Ленинграда. В случае внезапного нападения на СССР, а немцы во все времена крайне эффективно использовали фактор внезапности, гусеницы их танков уже через пару часов могли грохотать по мостовым ленинградских улиц. Открытым оставался вход в Финский залив. Не был защищен и единственный на севере незамерзающий порт Советского Союза Мурманск, так как прикрывающие его полуострова Рыбачий и Средний частично принадлежали Финляндии.

Поэтому границу надо было отодвигать. Советское правительство рассматривало два варианта решения проблемы обеспечения обороны северо-запада: дипломатический и военный. Однако переговоры не принесли желаемых результатов. Финская сторона отказалась от обмена части Карелии на Карельский перешеек и территории близ Ленинграда. В ответ советская делегация резко заявила, что «теперь будет предоставлено слово солдатам».

И вот этот час наступил — боевые действия развернулись более чем на 1500-километровом фронте. Изначально переброски значительного количества войск из состава Киевского особого военного округа, находившегося за тысячу с лишним километров, в этой войне не планировалось. Две-три дивизии, несколько полков... Высшее командование РККА в лице наркома обороны СССР Маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова и его ближайших помощников было уверено, что войска Ленинградского военного округа самостоятельно с боевой задачей справятся. Назывался даже крайний срок завершения наступательной операции — три недели. Ведь справились же войска Киевского и Белорусского округов, освободив Западную Украину и Западную Белоруссию в рекордно короткие сроки! Не разделял такого оптимизма только начальник Генерального штаба РККА командарм 1-го ранга Б. М. Шапошников. Однако предложенный им план проведения прикрытия границы при возникновении конфликта не нашёл поддерж-

ки у Главного Военного совета. Действовали войска по новому варианту плана, разработка которого велась под руководством командующего войсками Ленинградского военного округа командарма 2-го ранга К. А. Мерецкова.

К сожалению, война затянулась на четыре месяца. Сразу же после её начала стало ясно, что войска Ленинградского военного округа оказались не готовы к проведению масштабной наступательной операции. Брошенная на прорыв линии Маннергейма 7-я армия в составе 19-го и 50-го корпусов остановилась, встретив упорное сопротивление финнов. Как выяснилось, наши войска, особенно командиры, плохо знают организацию, вооружение и тактические приёмы противника, не подготовлены к ведению боевых действий в условиях лесисто-болотистой местности, снежной зимы и сильных морозов. Также выявились серьёзные просчёты в планировании военной операции, в организации управления войсками, их оперативном и тактическом взаимодействии. За месяц тяжёлых боёв 7-я армия, неся огромные потери, смогла пройти лишь зону заграждений и только подойти к линии Маннергейма. Попытки прорвать её с ходу оказались тщетными. Это в песне легко пелось: «И на вражьей земле мы врага разгромим / Малой кровью, могучим ударом!» В реальной жизни удар получился слабым, а кровь пролилась большая. Более успешно проходили боевые действия на других участках фронта — в Карелии и под Мурманском, но и там победы советских частей достигались ценой больших потерь. В результате командование вынуждено было приостановить бессмысленное наступление.

Тогда же Генштаб РККА поручил командованию ряда военных округов, в том числе и Киевского, в срочном порядке направить в районы боевых действий дополнительные части и соединения. Из состава Киевского особого военного округа было выделено 8 дивизий, 3 танковых полка, 3 артиллерийских полка РГК, 2 зенитных дивизиона, 9 отдельных артиллерийских батарей, десантная бригада, 2 лыжных батальона и другие части. Все организационные и прочие вопросы пришлось решать Ватутину и его штабу. Характерно, что преодолевать серьёзные трудности никому не пришлось. Справиться с задачами помог опыт, приобретенный в ходе подготовки освободительного похода на Западную Украину.

В дальнейшем части и соединения, отправленные на Карельский перешеек, проявили себя с лучшей стороны.

Особенно отличилась 7-я Черниговская стрелковая дивизия, в которой десятью годами ранее служил Ватутин. Во время прорыва линии Маннергейма дивизии была поставлена задача выйти в тыл Хотиненскому узлу обороны и во взаимодействии с другими частями уничтожить этот важный укрепленный район. Наступление советских войск противник встретил яростным огнём из всех видов оружия. В результате решительной атаки бойцы сломили сопротивление врага и полностью овладели Хотиненским узлом. В последующем дивизия участвовала в штурме Выборга. За образцовое выполнение задания командования в борьбе с белофиннами и проявленные при этом доблесть и мужество Указом Президиума Верховного Совета СССР соединение было награждено орденом Красного Знамени. Этому же ордена удостоились 137-й гаубичный и 320-й пушечный артиллерийские полки РКК.

Киевский особый военный округ усилил группировку и своими кадрами. Когда 7 января 1940 года был создан Северо-Западный фронт, его командующим назначили командарма 1-го ранга С. К. Тимошенко, а штаб фронта возглавил заместитель начальника Генерального штаба командарм 2-го ранга И. В. Смородинов, тоже выходец из КОВО. На период отсутствия Тимошенко его обязанности исполняли его заместитель комкор В. Ф. Герасименко, а также некоторое время и Ватутин.

Прибыв на Карельский перешеек, Тимошенко существенно перестроил работу по подготовке прорыва линии Маннергейма и дальнейшего наступления вглубь территории противника. По решению нового командующего были сформированы стрелково-пулеметные бригады, лыжные батальоны, аэросанные и конно-санные роты. Во всех частях создали штурмовые отряды, а в подразделениях группы. Значительно были усилены артиллерийские и авиационные части. Много было сделано и для тылового обеспечения войск. Бойцы и командиры получили теплое белье, валенки, полушубки, телогрейки, а взамен буденовок — шапки-ушанки. Перед тем как возобновить наступление, войска в течение месяца усиленно к этому готовились. Надо отдать должное Тимошенко, который взял на вооружение испытанный и проверенный опыт великого русского полководца А. В. Суворова. Как известно, Суворов, прежде чем идти на штурм турецкой крепости Измаил, велел соорудить валы и стены, подобные измаильским. После этого солдаты в течение шести дней усердно отрабаты-

вали штурм, без устали кололи и рубили установленные на укреплениях соломенные чучела противника.

Аналогично поступил и Тимошенко. По его приказу в ближнем тылу были оборудованы полевые макеты вражеских укреплений, похожие на линию Маннергейма. Весь январь пехотинцы и сапёры, артиллеристы и танкисты днём и ночью «репетировали» выполнение предстоящих боевых задач. 11 февраля 1940 года фронт перешёл в решительное наступление, и уже к 1 марта считавшаяся неприступной оборонительная линия Маннергейма была прорвана. Дальнейшее сопротивление стало бесполезно — Финляндия запросила мира. Вскоре был подписан договор практически на тех же условиях, которые предлагали советские дипломаты еще до начала боевых действий.

Финская кампания стала для Тимошенко звёздным часом. За «образцовое выполнение заданий командования и проявленные при этом отвагу и героизм» 21 марта 1940 года Семён Константинович был удостоен звания Героя Советского Союза. К руководству Киевским особым военным округом он уже не вернулся, хотя после завершения военной кампании и прилетал на Украину, встречался с комсоставом штаба округа, в том числе и с Николаем Федоровичем. Тимошенко остался в Северной столице, возглавив Ленинградский военный округ. Правда, ненадолго. Спустя полтора месяца, 7 мая, его назначили народным комиссаром обороны СССР. В тот же день ему было присвоено и звание Маршала Советского Союза.

После завершения советско-финской войны состоялся мартовский пленум ЦК партии, на котором были рассмотрены её итоги. Они оказались неутешительными. В постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) отмечалось, что «война с Финляндией в 1939—1940 гг. вскрыла большое неблагополучие и отсталость в руководстве НКО. В Красной Армии отсутствовали минометы и автоматы, не было правильного учёта самолетов и танков, не оказалось зимней одежды для войск. Войска не имели продовольственных концентратов. Вскрылась запущенность в работе таких важных управлений НКО, как Главное артиллерийское управление, Управление боевой подготовки, Управление ВВС, низкий уровень организации дела в военных учебных заведениях и другое. Всё это отразилось на затяжке войны и привело к излишним жертвам».

В свете решений мартовского пленума ЦК в апреле 1940 года в Кремле прошло расширенное заседание Глав-

ного Военного совета РККА. В его работе приняли участие члены Политбюро ЦК ВКП(б), руководители Наркомата обороны, командующие войсками, члены военных советов, начальники штабов округов и армий... На заседание были приглашены командиры корпусов и дивизий, участвовавших в советско-финской войне, руководители высших военно-учебных заведений. Тщательный разбор, проведенный на заседании Главного Военного совета, позволил определить первоочередные задачи для армии и флота, которые включали в себя устранение выявленных недостатков, коренную перестройку принципов организации боевой подготовки войск и штабов. В изданном 16 мая народным комиссаром обороны СССР приказе № 120 «О боевой и политической подготовке войск на летний период 1940 г.» обращалось особое внимание командования приграничных военных округов на отработку вопросов боевого применения механизированных корпусов новой организации на учениях и маневрах, которые давали возможность командному составу частей и соединений глубже осмысливать характер современного боя и операции и выявлять наиболее эффективные способы использования бронетанковой техники в сложных условиях ведения боевых действий.

В Киевском особом военном округе боевая учёба никогда не прекращалась, но теперь, с учетом опыта советско-финской войны и начавшейся Второй мировой, она стала проводиться ещё интенсивнее, по принципу «делать всё так, как на войне». Командирам всех степеней и штабам была поставлена задача учить войска действиям в сложных условиях боя, сопряженным с длительным физическим напряжением. Рекомендовалось 30% учебного времени по тактической подготовке использовать для проведения занятий ночью. Максимально уплотнили учебный день. В пехоте он составлял 12 часов, в механизированных частях — 10, в артиллерии и кавалерии — 9 часов. В выходные дни в обязательном порядке для учебных целей отводилось ещё два часа.

В те теплые весенние дни последнего предвоенного года эмку* комкора Ватутина можно было видеть в ближних и дальних гарнизонах округа — в Белой церкви и Виннице, Житомире и Проскурове... Находясь в войсках, Николай Федорович требовал от командиров и начальников учить личный состав тому, что действительно требуется на войне.

* Легковой автомобиль ГАЗ М-1.

Как свидетельствуют документы истории Киевского особого военного округа, так это и было. Стрелковые части обучались умению наступать за огневым валом артиллерии, атаковать при поддержке танков и авиации. На каждом тактическом учении уделялось большое внимание подготовке бойцов к ведению борьбы с танками противника. Артиллеристы и танкисты, осваивая новую технику, учились совместным действиям с пехотой. Связисты отрабатывали способы обеспечения надежной связи в различных видах боя. Саперы осваивали инженерные средства, их боевое применение, тренировались в переправе войск через водные преграды. Авиаторы обучались действиям в ночных и сложных метеорологических условиях, выполняли огневые и тактические задачи, практически решали вопросы взаимодействия с наземными войсками. По оперативно-тактической подготовке отрабатывались организация и ведение наступательных операций и боев с прорывом укрепленных полос, форсированием водных преград и преодолением полос заграждения. Изучались вопросы оборонительного боя, высадки крупных авиадесантов, ввода танковых войск в прорыв и их действий в оперативной глубине.

В июне 1940 года в жизни Ватутина произошло знаменательное событие. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об установлении воинских званий высшего командного состава Красной Армии» от 7 мая 1940 года ему, в числе других военачальников, «имевших большие знания и опыт и показавших на деле преданность социалистической Родине», было присвоено воинское звание генерал-лейтенант. Для человека военного очередная звезда на погонах или в петлицах — это, прежде всего, признание его заслуг перед Родиной. А удостоенный генеральских звёзд офицер испытывает особое чувство радости и гордости, поскольку это звание причисляет его к разряду людей, наделенных высочайшей властью и окружённых уважением и почётом в армии и народе. Человек, ставший генералом, старается словом и делом, каждым своим поступком соответствовать высокому званию, памятуя о том, что они, эти звезды, ко многому обязывают. Ватутин, получив весть о присвоении ему генеральского звания, тоже пережил эти незабываемые и счастливые минуты. Гордость и радость переполняли его сердце. И, безусловно, хотелось ещё больше отдавать себя службе. Как говорится, без остатка.

В первых числах июня того же года новым командующим Киевским особым военным округом был назначен герой Халхин-Гола, генерал армии Георгий Константинович Жуков, с которым Ватутин прежде не был знаком. Если когда-то и встречались, то, возможно, только на совещаниях при большом стечении народа. И хотя служба Николая Федоровича под началом будущего маршала Победы продолжалась меньше двух месяцев, но даже за этот короткий промежуток времени между двумя военачальниками сложились хорошие отношения, позднее перешедшие в настоящую мужскую дружбу.

Суровый по натуре, командир до мозга костей, Жуков сразу признал в этом невысоком, крепко сбитом, со спокойным и вдумчивым взглядом генерал-лейтенанте настоящего профессионала. Ему импонировали глубокие военные знания Ватутина, его широкий диапазон мышления и большое трудолюбие. Да и Ватутин увидел в Жукове не только строгого и волевого военачальника, но военачальника профессионально подготовленного, мыслящего, умеющего управлять войсками, ясно и конкретно ставить задачи.

Когда несколько лет спустя, в разгар Великой Отечественной войны, Сталин спросил Ватутина, кого из командующих фронтами он считает настоящим полководцем, Николай Федорович без всяких раздумий ответил:

— Жукова, товарищ Сталин. Это не только блестящий военный мыслитель, практик, но и огромный природный талант. Такие военачальники рождаются раз в сто лет...

С приходом Жукова жизнь округа ещё больше оживилась. Связано это было с подготовкой войск КОВО к очередному освободительному походу — в Северную Буковину и Бессарабию. С незапамятных времен эти территории находились «под защитеньем» России, что было закреплено соответствующим договором. Однако в 1918 году королевская Румыния, воспользовавшись тем, что Советская Россия находилась в пучине Гражданской войны, была со всех сторон окружена войсками Антанты, присоединила Бессарабию к себе. Между тем Советский Союз никогда не мирился с насильственным присоединением этих земель к Румынии и неоднократно поднимал вопрос о возвращении их законному владельцу. К сожалению, переговоры положительных результатов не дали. Правящие круги Румынии оставались глухи к советским предложениям и вели линию на сближение с гитлеровской Германией.

Девятого июня 1940 года Жукову позвонил нарком обороны Тимошенко и передал решение правительства о создании Южного фронта для освобождения Северной Буковины и Бессарабии из-под румынской оккупации. Также Тимошенко сказал, что Жукову поручено командовать фронтом, а Ватутин возглавит штаб. Все необходимые приказы на этот счёт скоро поступят.

После разговора с Тимошенко Жуков сразу же вызвал к себе Ватутина. Введя его в курс дела, Жуков продолжил:

— Для вас, Николай Федорович, эта задача не новая. Нарком дал высокую оценку вашей работе при подготовке и проведении освободительного похода в Западную Украину. Полагаю, что и сейчас справитесь. Из Одесского военного округа нам передают 9-ю армию, временно командовать которой будет сам командующий округом генерал-лейтенант Болдин. А какие части мы включим в состав фронта из нашего округа?

— Считаю, что нужно задействовать 12-ю армию генерал-майора Парусинова и 5-ю армию генерал-лейтенанта Герасименко, — ответил Ватутин. — Обе армии боеспособны для выполнения такой задачи.

Жуков согласился с предложением Ватутина, поручил ему незамедлительно приступить к планированию операции, подготовке необходимых приказов и распоряжений, решению организационных вопросов.

Пока шла эта работа, советские дипломаты продолжали вести переговоры с румынской стороной о возвращении мирным путём Северной Буковины и Бессарабии в состав Советского Союза. 26 июня советское правительство предъявило Румынии требование вернуть Бессарабию и Северную Буковину. Румынское правительство, не решаясь идти на открытый конфликт с СССР, согласилось с этим и одновременно приняло решение о выводе своих войск.

Ранним утром 28 июня начался очередной освободительный поход Красной армии. К 16 часам того же дня советские войска заняли города Кишинёв, Черновцы, Бендеры, Аккерман*, Болград... К 30 июня войска фронта, как и предусматривалось планом, разработанным Ватутиным, вышли к реке Прут. Румынская армия имела приказ отхо-

* Город Аккерман, после того как был оккупирован Румынией в 1918 году, получил румынское название Четатя-Албэ. После присоединения к СССР в 1940 году он получил старое название, а в 1941 году переименован в Белгород-Днестровский; ныне районный центр Одесской области Украины.

дить организованно. Однако всё проходило с точностью да наоборот. Вот как об этом впоследствии рассказывал в «Воспоминаниях и размышлениях» Жуков:

«Вспоминается один эпизод, на мой взгляд, характеризующий состояние и боеспособность тогдашней королевской румынской армии.

Чтобы избежать нежелательных инцидентов при отводе румынских войск, стороны договорились о следующем: Румыния будет отводить свои войска на 20 километров в сутки, а Красная Армия соответственно продвигаться вперед на освобождаемую территорию также по 20 километров в сутки. При этом Румыния обязывались оставить в неприкосновенности железнодорожный транспорт, оборудование заводов, материальные запасы.

Однако нами было установлено, что румынское правительство и командование, не выполнив обязательств, начали спешно вывозить в Румынию с освобождаемой территории все, что можно было вывезти.

Чтобы пресечь эти нарушения договорных условий, мы решили выбросить две воздушно-десантные бригады на реку Прут и захватить все мосты через реку. Двум танковым бригадам была поставлена задача: обогнуть отходящие колонны румынских войск и выйти к реке Прут.

Совершив стремительный марш-бросок (около 200 километров), наши танковые части появились в районах высадки десантов одновременно с их приземлением. Среди румынских частей, местных властей, всех тех, кто стремился скорее удрать в Румынию, поднялась паника. Офицеры, оставив свои части и штабное имущество, также удирали через реку. Короче говоря, королевские войска предстали перед советскими войсками в крайне плачевном состоянии и продемонстрировали полное отсутствие боеспособности.

На второй день этих событий я был вызван И. В. Сталиным по ВЧ. И. В. Сталин спросил:

— Что у вас происходит? Посол Румынии обратился с жалобой на то, что советское командование, нарушив заключенный договор, выбросило воздушный десант на реку Прут, отрезав все пути отхода. Будто бы вы высадили с самолетов танковые части и разогнали румынские войска.

— Разведкой было установлено грубое нарушение договора со стороны Румынии, — ответил я. — Вопреки договоренности из Бессарабии и Северной Буковины вывозится железнодорожный транспорт и заводское оборудование.

Поэтому я приказал выбросить две воздушно-десантные бригады с целью перехвата всех железнодорожных путей через Прут, а им в помощь послал две танковые бригады, которые подошли в назначенные районы одновременно с приземлением десантников.

— А какие же танки вы высадили с самолетов на реке Прут? — спросил И. В. Сталин.

— Никаких танков по воздуху мы не перебрасывали, — ответил я. — Да и перебрасывать не могли, так как не имеем еще таких самолетов. Очевидно, отходящим войскам с перепугу показалось, что танки появились с воздуха...

И. В. Сталин рассмеялся и сказал:

— Соберите брошенное оружие и приведите его в порядок. Что касается заводского оборудования и железнодорожного транспорта — берегите его. Я сейчас дам указание наркомату иностранных дел о заявлении протеста румынскому правительству.

Так мирно закончился этот эпизод».

Действительно, в те дни в румынской армии царили разброд и шатания. Многие её солдаты бросали оружие и расходились по домам. Как свидетельствуют документы истории Киевского особого военного округа, советские части подобрали около 53 тысяч винтовок, 1,5 тысячи ручных и станковых пулемётов, 258 орудий, большое количество патронов, гранат, мин и снарядов.

А в освобожденных городах и селах повсеместно стихийно возникали митинги и демонстрации. Особенно массовыми они были в Кишинёве, Бельцах, Измаиле, Черновцах. Прогрессивные организации создавали комитеты содействия Красной армии, население оказывало войскам всяческую помощь.

«Я, будучи членом Военного совета Киевского особого военного округа, принимал активное участие в организации освобождения Бессарабии, — вспоминал впоследствии Н. С. Хрущев, являвшийся тогда 1-м секретарём ЦК КП(б)У. — Был детально разработан план продвижения наших войск и занятия исходных позиций, намечены переправы, созданы ударные группы. Одним словом, всё, что нужно сделать для того, чтобы успешно провести эту операцию, было планом предусмотрено».

Эти слова Хрущева, по сути, благодарность штабу Ватутина за качественную подготовку столь масштабного мероприятия. При его проведении всё было продумано до мелочей, учтены различные нюансы, что в конечном счёте

позволило избежать серьёзных ошибок, а самое главное — не допустить людских потерь.

Сразу после освободительного похода жизнь округа вновь вступила в привычную колею. Плотной чередой пошли занятия, учения, игры, на которых продолжал осваиваться тактический опыт, полученный Красной армией в ходе освободительных походов в Западную Украину, Северную Буковину и Бессарабию, во время советско-финляндской войны и в боях с японцами в районе реки Халхин-Гол. Брался на вооружение также опыт немецких войск, накопленный ими при проведении масштабных наступательных операций по захвату европейских стран.

В тот период Ватутин по поручению Жукова подготовил командно-штабную полевую поездку со средствами связи в Западную Украину, а именно в район Тернополя, Львова, Владимир-Волынского, Дубно. Что Жуков, что Ватутин — оба хорошо понимали — в случае войны с Германией главный удар гитлеровцы нанесут в первую очередь по названному району. С этой целью и проводилось учение, которое показало как положительные, так и отрицательные стороны работы командиров и начальников при решении возложенных на них задач.

Однако это командно-штабное учение стало для Ватутина последним в Киевском особом военном округе. В один из дней ему по ВЧ позвонил нарком обороны маршал Советского Союза С. К. Тимошенко. Справившись об оперативной обстановке в округе, уточнив некоторые вопросы, Семён Константинович сменил тему разговора.

— Николай Федорович, а не засиделся ли ты в округе? — спросил нарком. И, не дожидаясь ответа, продолжил:

— Тут я с Борисом Михайловичем Шапошниковым имел разговор, хотим тебя в Генштаб забрать. Так что закругляй дела, пакуй чемоданы и жди приказа. До встречи в Москве!

В трубке раздались короткие гудки. Сказать, что это предложение застало Ватутина врасплох, нельзя. Еще в 1932 году, когда он был начальником штаба 28-й горнострелковой дивизии Северо-Кавказского военного округа, Высшая аттестационная комиссия при Реввоенсовете СССР записала в протокол: «Считать целесообразным использовать тов. Ватутина Н. Ф. в Генеральном штабе РККА». В 1936 году также планировался его перевод в столицу из Новосибирска, где он был начальником Оперативного отдела штаба Сибирского военного округа. Но из-за того, что Ватутин

поехал учиться в Академию Генерального штаба, перевод отложили. С назначением Тимошенко наркомом обороны, который высоко ценил Ватутина как хорошо подготовленного штабного работника, вопрос о его переезде в Москву был предрешен. 27 июля 1940 года Ватутин был назначен начальником Оперативного управления — заместителем начальника Генерального штаба РККА.

Спустя несколько дней, сдав дела своему заместителю генерал-майору Г. К. Маландину и попрощавшись с Жуковым, коллективом штаба, Ватутин убыл в Москву.

На сей раз поезд надолго увозил Николая Федоровича в столицу. Колёса гулко отстукивали мелодии дальних дорог, оставляя позади украинские белые хаты, золотистые шапки подсолнухов над плетнями, высокие пирамидальные тополя, пышные скирды сена... В открытое окно врывались запахи спелых яблок и созревших хлебов. На душе было немного грустно. Ватутин любил Украину с тех самых пор, как девятнадцатилетним юношей надел солдатскую гимнастёрку. И вот теперь он расставался с этим благодатным и солнечным краем, где осталась частица его сердца. Через некоторое время Николай Федорович перевез в Москву и семью.

Глава 7

ТАМ, ГДЕ БЬЁТСЯ ПУЛЬС АРМИИ

Строгое здание с колоннами на углу Гоголевского бульвара, украшенное рельефными изображениями звёзд, пушек, самолётов и другой символикой, на все предвоенное время стало для Ватутина вторым домом. Здесь он ежедневно работал по 16—18 часов практически без выходных. Часто бывало, что оставался ночевать в служебном кабинете. Примерно в таком же режиме трудился весь аппарат Генерального штаба.

Оперативное управление, начальником которого он был назначен, являлось ведущим органом Генерального штаба. Его главное предназначение состояло в том, чтобы оперативно управлять войсками в мирное и военное время, осуществлять подготовку предложений военно-политическому руководству страны по вопросам военного строительства, планировать операции самого разного уровня. По сути, управление было основным рабочим ядром, «генератором» идей и замыслов военного ведомства. Кроме

A. Barry

Дом, где родился
Н. Ф. Ватутин

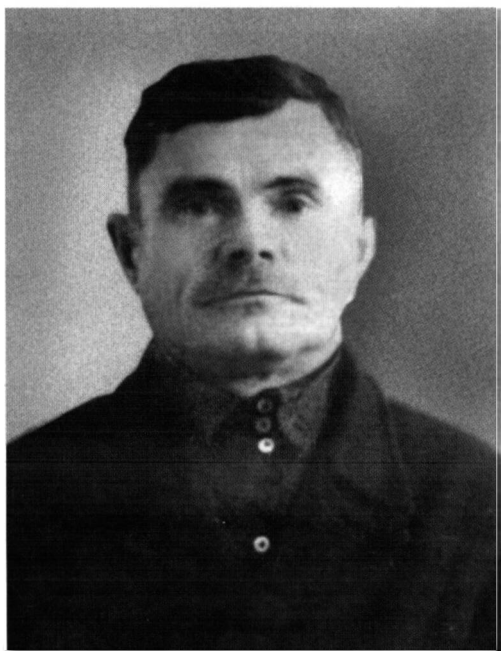

Николай Ватутин,
учащийся Уразовского
коммерческого
училища.
1917 г.

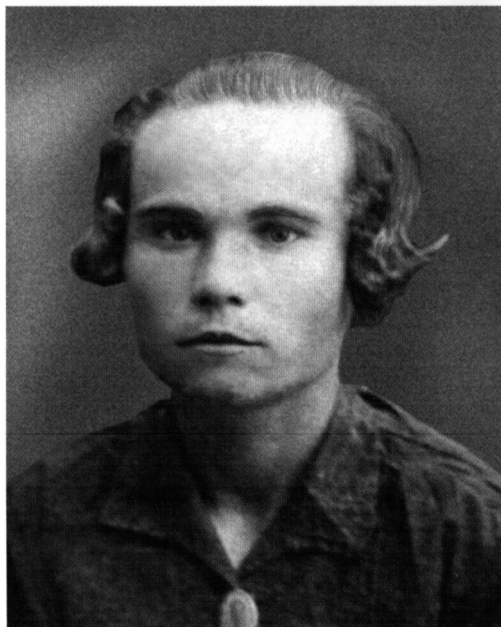
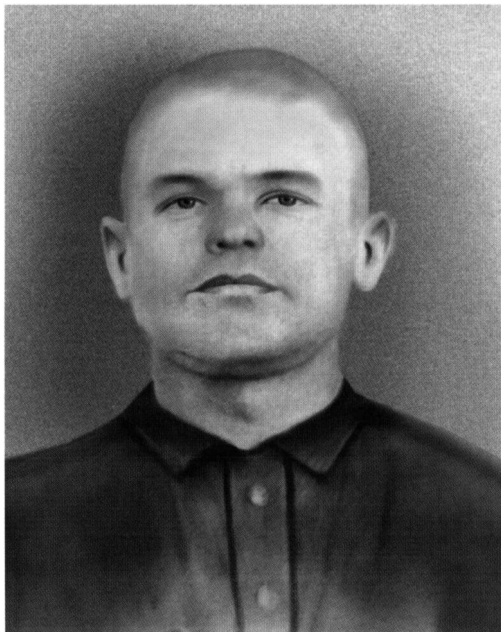
Мать
Николая Ватутина
Вера Ефимовна
Ватутина

Павел Федорович
Ватутин,
старший брат

Афанасий Федорович
Ватутин,
младший брат

Дарья Федоровна
Ватутина, сестра

Город Валуйки, где в земском училище учился Н. Ф. Ватутин

Здание Полтавского кадетского корпуса,
в котором размещалась 14-я пехотная школа командного состава

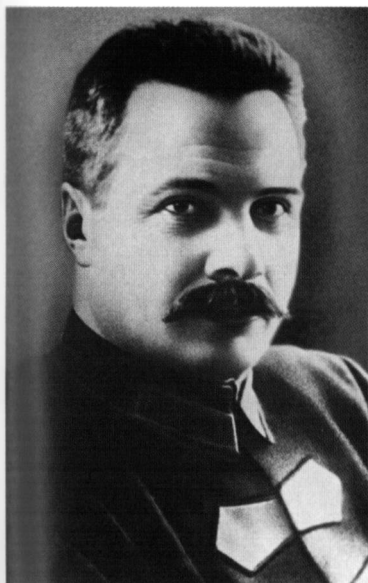

Махновцы

Плакат времен Гражданской войны

Командующий вооруженными
силами Украины и Крыма
М. В. Фрунзе

Командир роты Н. Ф. Ватутин.
Город Чугуев. 1925 г.

Н. Ф. Ватутин с женой Татьяной Романовной

Н. Ф. Ватутин (справа во втором ряду) в период службы на Украине

Н. Ф. Ватутин (в центре) с сослуживцами

Н. Ф. Ватутин —
слушатель Военной
академии
им. М. В. Фрунзе.
Москва. 1927 г.

Начальник, военный
комиссар и профессор
Военной академии
им. М. В. Фрунзе
Б. М. Шапошников

Преподаватель
Военной академии
им. М. В. Фрунзе
Д. М. Карбышев

Город Чернигов, где Н. Ф. Ватутин проходил службу
после окончания академии

На учениях

Группа бойцов
и командиров
28-й горнострелковой
дивизии.
1930-е гг.

Начальник штаба
28-й горнострелковой
дивизии полковник
Н. Ф. Ватугин

Заместитель
начальника штаба
Киевского военного
округа комбриг
Н. Ф. Ватутин.
1938 г.

Начальник штаба
Киевского особого
военного округа
комкор
Н. Ф. Ватутин.
1939 г.

Освободительный
поход Красной армии
в Западную Украину
и Западную
Белоруссию.
1939 г.

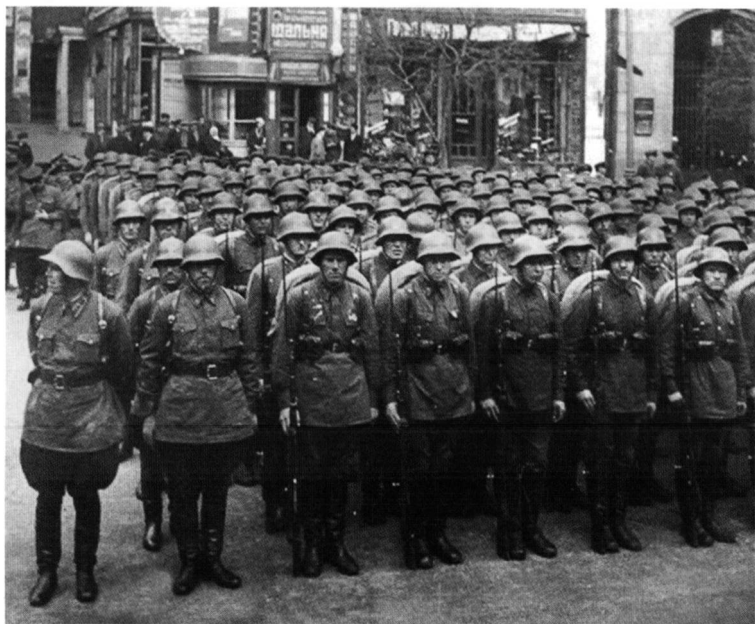

Командующий
Киевским
военным округом
С. К. Тимошенко

Командующий Киевским особым военным округом Г. К. Жуков

Военный парад в Киеве. 1939 г.

Начальник
Генерального штаба
РККА
К. А. Мерецков

Начальник
Оперативного
управления —
заместитель
начальника
Генерального штаба
РККА
генерал-лейтенант
Н. Ф. Ватутин.
1940 г.

«Всесоюзный староста» М. И. Калинин вручает орден Ленина генерал-лейтенанту Н. Ф. Ватутину

того, ни один вопрос не решался начальником Генерального штаба, если он не был согласован с Оперативным управлением. В свою очередь, названная структура запрашивала мнение других управлений Генштаба и Наркомата обороны. Только после прохождения процедуры согласования того или иного вопроса по конкретной тематике шёл доклад начальнику Генерального штаба. И он уже принимал окончательное решение.

Очень точное определение этому важнейшему звену Генштаба дал Виктор Суворов (Богдан Резун), автор известной книги «Ледокол», в которой он изложил альтернативную концепцию роли СССР во Второй мировой войне. Признаться честно: негоже цитировать перебежчика-предателя, но уж больно просто и доходчиво он объяснил суть деятельности управления, возглавляемого Ватутиным. Вот эта цитата: «Оперативное управление — это нечто вроде сборочного цеха. Работает огромный завод, а готовая продукция выходит только из одного цеха. Именно так весь штаб, в данном случае Генеральный, работает в интересах только одного своего подразделения — Оперативного управления. Готовая продукция — планы войны — выходит только отсюда. Есть другие управления в Генеральном штабе: разведывательное, организационное, мобилизационное, топографическое, укомплектования войск и пр. Но они характер грядущей войны не определяют и войну не планируют».

Ватутин возглавил Оперативное управление в жаркое для его работников время — они днями и ночами напряженно трудились над подготовкой плана сосредоточения и развёртывания вооруженных сил по отражению возможной агрессии. В генштабовском обиходе он назывался оперпланом. Работа над ним велась уже много месяцев. Непосредственно руководил подготовкой плана начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников, которому Ватутин представился, как только прибыл в Генштаб.

— Ну, здравствуйте, здравствуйте, голубчик, — широко распахнув руки, навстречу Ватутину из-за массивного стола вышел Шапошников.

После теплой встречи Борис Михайлович подробно расспросил Николая Федоровича об оперативной обстановке в Киевском особом военном округе, о том, как идёт обустройство войск в присоединенных к Советскому Союзу районах. Затем Шапошников ввел Ватутина в курс его новых обязанностей, особо заострив внимание на подго-

товке плана. Получив напутствие Бориса Михайловича, Ватутин сразу включился в эту ответственную работу, можно сказать, вступил с марша — в бой.

«Работали мы очень дружно и напряженно, — вспоминал впоследствии Маршал Советского Союза А. М. Василевский, на тот момент заместитель Ватутина. — Оперплан занимал в те месяцы все наши мысли. Наиболее вероятным и главным противником в нём называлась гитлеровская Германия. Предполагалось, что на стороне Германии может выступить Италия, но она, как отмечалось в плане, скорее всего, ограничится боевыми действиями на Балканах, созданием косвенной угрозы нашим государственным границам. По всей видимости, на стороне Германии могут выступить Финляндия (чьи руководители после разгрома Франции и краха английских войск под Дюнкерком взяли ориентацию на Берлин), Румыния (типичный “сырьевой придаток” Германии с 1939 года, а летом следующего года вообще отказавшаяся от нейтралитета в пользу фашистского блока) и Венгрия (в то время уже участник “Антикоминтерновского пакта”). Б. М. Шапошников считал, что военный конфликт может ограничиться западными границами СССР. На этот случай оперплан предусматривал концентрацию основных сил страны именно здесь. Не исключая нападения Японии на наш Дальний Восток, он предлагал сосредоточить там такие силы, которые гарантировали бы нам устойчивое положение. Говоря далее о предполагаемом направлении главного удара противника, Б. М. Шапошников считал, что самым выгодным для Германии, а следовательно, и наиболее вероятным является развертывание основных сил немецкой армии к северу от устья реки Сан. Соответственно в плане предлагалось развернуть и наши главные силы в полосе от побережья Балтийского моря до Полесья, то есть на участках Северо-Западного и Западного фронтов. Обеспечить южное направление должны были, согласно плану, также два фронта, но с меньшим количеством сил и средств. В целом предусматривалось, что Германии потребуется для развертывания сил на наших западных границах 10–15 дней от начала их сосредоточения. О возможных сроках начала войны в докладе ничего не говорилось. Таковы его общие контуры».

Основные идеи этого масштабного плана, безусловно, принадлежали Б. М. Шапошникову. Но завершавшие над ним работу Н. Ф. Ватутин, А. М. Василевский, В. Д. Иванов, А. Ф. Анисов, другие генералы и офицеры также вне-

сли много дельных и конкретных предложений. Уже к концу августа план был практически готов. Однако произошел неожиданный для всех перевод Шапошникова с поста начальника Генерального штаба на должность заместителя наркома обороны по строительству оборонительных сооружений и укрепрайонов.

Для Ватутина и всех остальных руководящих работников Генштаба причина перемещения Шапошникова на другую должность была не совсем понятной. Каждый хорошо знал, какую огромную роль играл Борис Михайлович в жизни Генерального штаба. Как никто другой он обладал всеми необходимыми качествами для работы в нём. И прежде всего глубоким знанием военного дела, огромным трудолюбием и высоким чувством ответственности. Благодаря Шапошникову, и это было всем известно, Генеральный штаб стал подлинным центром руководства военным планированием, боевой и оперативной подготовкой Красной армии. А что уж было говорить о человеческих качествах Шапошникова! Его личный пример гипнотически влиял на всех, кто с ним работал. Вежливость, скромность, тактичность, дисциплинированность и предельная исполнительность — всё это воспитывало у его подчинённых чувство собственного достоинства, ответственность, высокую культуру поведения.

Между тем руководителю страны И. В. Сталину было виднее. О том, что предшествовало перемещению Шапошникова на новую должность, Борис Михайлович рассказал позже Василевскому. Знал эту историю и Ватутин. Но обо всём по порядку.

В один из дней Сталин пригласил к себе Шапошникова. Разговор был доброжелательный. После советско-финского вооруженного конфликта, сказал Сталин, мы переместили Ворошилова и назначили наркомом Тимошенко. Относительно Финляндии вы оказались правы: обстоятельства сложились так, как предполагали вы. Но это знаем только мы. Между тем всем понятно, что нарком и начальник Генштаба трудятся сообща и вместе руководят вооруженными силами. Нам приходится считаться, в частности, с международным общественным мнением, особенно важным в нынешней сложной обстановке. Нас не поймут, если мы при перемещении ограничимся одним народным комиссаром. Кроме того, мир должен был знать, что уроки конфликта с Финляндией полностью учтены. Это важно для того, чтобы произвести на наших врагов должное

впечатление и охладить горячие головы на Западе. Официальная перестановка в руководстве как раз и преследует эту цель. Дисциплинированный человек, Шапошников ответил, что готов служить на любом посту, куда его назначат. Вскоре он занял пост заместителя наркома обороны.

Как видим, в планы Сталина не входило перемещать Шапошникова на другую должность. Тем более что он с огромным уважением относился к Шапошникову и всегда обращался к нему только по имени и отчеству. Также Борису Михайловичу, единственному из его ближнего окружения, было разрешено курить в кабинете вождя. Однако большая политика оказалась важнее профессионализма Шапошникова.

Новым начальником Генерального штаба был назначен генерал армии К. А. Мерецков. За плечами Кирилла Афанасьевича была несколько иная школа, чем у Б. М. Шапошникова. Между тем он тоже обладал немалым опытом военной службы, которую бывший слесарь начал в 1918 году комиссаром революционного отряда. В дальнейшем занимал различные командные и штабные должности: начальник штабов бригады, дивизии, корпуса, армии, округа; командир отряда, дивизии, командующий армией, военными округами, в том числе Ленинградским. До прихода в Генштаб Кирилл Афанасьевич являлся заместителем наркома обороны СССР.

Мерецков, хотя и знал штабную работу, но в теоретическом плане он, безусловно, был на несколько порядков ниже Шапошникова. Военную академию РККА, которую Кирилл Афанасьевич окончил в 1921 году, в то время трудно было назвать кузницей подготовки командных и штабных кадров, в связи с чем нельзя сделать однозначный вывод о каких-то глубоких военно-теоретических знаниях её выпускника.

По признанию самого Мерецкова, занятия в академии «часто прерывались», были «недостаточно организованными», «не всегда нам давали то, что более всего требовалось в условиях гражданской войны». Да и до учёбы в академии Кирилл Афанасьевич не мог похвастаться своим гражданским образованием. Четырёхклассная земская школа и воскресные вечерние классы — вот и все «университеты» будущего полководца Великой Отечественной. Тем не менее Мерецков был хорошим практиком, по оценке Василевского, «талантливым практиком». Поэтому, придя в Генштаб, Мерецков в своей работе стал опираться на тех

генералов, которые действительно олицетворяли «мозг армии». Ватутин, окончивший две военные школы и две академии, был одним из них.

Работа Мерецкова в Генштабе началась с приёмки уже известного читателю проекта оперплана, над которым сутками напролёт трудились Ватутин и его подчиненные. Кирилл Афанасьевич одобрил документ, а сделанные им замечания были учтены. Затем аналогичную процедуру план прошёл и у Тимошенко. Дальше оперплан докладывался в Кремле лично Сталину. Представляли его нарком обороны Тимошенко, начальник Генерального штаба Мерецков и начальник Оперативного управления Ватутин.

Ватутин впервые был в рабочем кабинете вождя. Быстро окинув его взглядом, Николай Федорович не увидел в нём ничего изысканного. Просторная комната. Длинный, покрытый зелёным сукном стол для совещаний. Обшитые морёным дубом стены, на которых слева и справа висели портреты К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. В глубине кабинета, у стены — рабочий стол Сталина, заваленный документами, бумагами, книгами... Сам Сталин произвёл на Ватутина впечатление человека спокойного, немногословного и рассудительного. Позже ему придется довольно часто встречаться с вождём, иногда даже по несколько раз за сутки. И видеть его разным — и таким, каким он был сейчас, и весёлым, и разгневанным...

В процессе рассмотрения плана Сталин, касаясь наиболее вероятного направления главного удара потенциального противника, высказал мнение, что Германия свои основные усилия направит не на Западном направлении, а на Юго-Западном. Свою точку зрения Сталин мотивировал тем, что противник в первую очередь постарается захватить наиболее богатые промышленные, сельскохозяйственные и сырьевые районы Советского Союза. В результате Генштабу было поручено исправить план, предусмотрев сосредоточение главной группировки советских войск на Юго-Западном направлении.

Странно, но никто из высших военных руководителей — ни Тимошенко, ни Мерецков — не выразил несогласия в связи с таким решением Сталина. Промолчал и Ватутин, который по определению и не должен был лезть в пекло поперёк своих отцов-командиров. Как показали потом события Великой Отечественной войны, прогноз «вождя народов» оказался ошибочным. Главный удар вермахт нанёс именно на Западном направлении, что стоило совет-

ским войскам огромных потерь как в людях, так и в технике. Командованию же пришлось исправлять допущенный просчёт и сосредоточить главные силы на Западном, Смоленско-Московском направлении.

С позиций человека начала XXI века ряд исследователей Великой Отечественной войны считают, что допустил ошибку не только Сталин. Ответственность за этот стратегический промах должны разделить и руководители Наркомата обороны, выходцы из Киевского военного округа — С. К. Тимошенко, Г. К. Жуков (он возглавил Генштаб в феврале 1941 года), а также Маландин. «Такое мнение представляется справедливым, — полагает военный историк Ю. В. Рубцов. — Перемещение верхушки командования КОВО в почти полном составе в руководящий эшелон наркомата обороны и Генштаба способствовало тому, что знакомый, тщательно изученный театр военных действий невольно приковывал внимание указанных военачальников, препятствовал объективной оценке фактов, противоречивших привычной установке на приоритет юго-западного направления».

Безусловно, доля ответственности лежит на «западниках» — так ещё называли выходцев из КОВО. Хотя «выходцы» громко сказано. Жуков прослужил в этом округе всего полгода. Ему бы больше подошло прозвище «сябр», поскольку Георгий Константинович немало лет прослужил в соседнем Белорусском военном округе. У Тимошенко стаж службы в КОВО был посолиднее, чем у Жукова, — два года. И только Ватутина можно с полным правом причислить к выходцам из КОВО — половина лет его службы была связана с Украиной. Что касается других выдвиженцев из КОВО, то перед самой войной Жуков перевел к себе в Москву несколько генералов. Ничего необычного в этом тоже нет. Любой руководитель опирается прежде всего на людей своей команды.

Но это как бы ремарка. Теперь об «объективной оценке фактов». В проекте оперплана военачальники как раз верно определили направление главного удара Гитлера на Советский Союз. То, что Сталин отверг их предложение и принял иное решение, не их вина. В те непростые годы, как известно, за Сталиным всегда было последнее слово. Идти наперекор вождю, не соглашаться с его оценками могло быть расценено как «непонимание», «вредительство» со всеми вытекающими отсюда последствиями. У каждого из военачальников ещё не выветрились из памяти громкие

процессы, на которых судили их предшественников. Как писал поэт, тогда «было мало виноватых, а было больше без вины...».

Также не следует забывать, что в тот период у всех военачальников была безграничная вера в Сталина, в «его политический ум, его дальновидность», о чём впоследствии они сами же напишут: и Жуков, и Тимошенко, и Конев, и Мерецков, и Василевский...

«Конечно, на нас, военных, — признавался впоследствии Жуков, — лежит ответственность за то, что мы недостаточно требовали приведения армии в боевую готовность и скорейшего принятия ряда необходимых на случай войны мер. Очевидно, мы должны были это делать более решительно, чем делали. Тем более что, несмотря на всю непререкаемость авторитета Сталина, где-то в глубине души у тебя гнездились червь сомнения, шевелилось чувство опасности немецкого нападения. Конечно, надо реально себе представить, что значило тогда идти наперекор Сталину в оценке общеполитической обстановки. У всех на памяти еще были недавно минувшие годы; и заявить вслух, что Сталин не прав, что он ошибается, попросту говоря, могло тогда означать, что, еще не выйдя из здания, ты уже пойдешь пить кофе к Берии.

И все же это лишь одна сторона правды. А я должен сказать всю. Я не чувствовал тогда, перед войной, что я умнее и дальновиднее Сталина, что я лучше его оцениваю обстановку и больше его знаю. У меня не было такой собственной оценки событий, которую я мог бы с уверенностью противопоставить как более правильную оценкам Сталина. Такого убеждения у меня не существовало. Наоборот, у меня была огромная вера в Сталина, в его политический ум, его дальновидность и способность находить выходы из самых трудных положений. В данном случае — в его способность уклониться от войны, отодвинуть ее. Тревога грызла душу. Но вера в Сталина и в то, что в конце концов все выйдет именно так, как он предполагает, была сильнее».

Ватутин не оставил воспоминаний. Но Николай Федорович, так же как Жуков и другие военачальники, тоже верил Сталину, находился под обаянием его личности.

Впрочем, присутствуй тогда в Кремле главный создатель плана Б. М. Шапошников, может быть, план бы так и остался в первоначальном варианте. У Сталина предложения Шапошникова, всегда глубоко продуманные и веские, как правило, не встречали особых возражений.

Если бы да кабы... Однако что произошло, то произошло. Теперь же, в соответствии с поручением, требовалось не позднее 15 декабря положить на стол Сталину переработанный оперплан. И вновь Ватутину и его подчиненным предстояло выполнить колоссальный объем работы. Причем надо было конкретно разработать все вопросы, касающиеся Наркомата обороны и Генерального штаба. Одновременно надо было учесть проблемы, связанные с Наркоматом путей сообщения, а также определить задания военным округам, с тем чтобы уже 1 января 1941 года командование и штабы округов могли приступить к подготовке своих планов.

Кроме работы над планом Ватутину приходилось решать ещё массу других задач. В военных округах, особенно приграничных, с нарастающей интенсивностью проходили командно-штабные игры, манёвры, учения с боевой стрельбой. И надо было, как говорится, держать руку на пульсе жизни.

В конце осени в Западном особом военном округе было намечено проведение крупной игры. Руководить ею должен был начальник Генштаба К. А. Мерецков. Но дата игры несколько раз переносилась: руководство страны опасалось, что проведение её в приграничном округе насторожит руководство Германии. Сам Сталин держал на личном контроле этот вопрос. Наконец он окончательно утвердил время, однако дал указание направить в Белоруссию Ватутина.

— Если учением будут руководить Тимошенко или Мерецков, — сказал Сталин, — немцы примут меры к тому, чтобы выяснить его характер. Да и вообще нам невыгодно, чтобы в Германии знали, чем занимаются сейчас нарком обороны и начальник Генштаба. Пускай едет Ватутин — якобы с инспекционными целями.

Вскоре Ватутин был в Минске. Командующий войсками округа генерал-полковник танковых войск Д. Г. Павлов, которого Николай Федорович знал ещё с конца 1920-х годов по учёбе в Военной академии им. М. В. Фрунзе, подготовил игру с учётом опыта недавних военных кампаний. Сам Павлов непосредственно воевал против японцев на Халхин-Голе, участвовал в гражданской войне в Испании, прошёл проверку боями в советско-финляндском конфликте. О том, что этот человек уже сполна понюхал пороху, красноречиво свидетельствовали «Золотая Звезда» Героя Советского Союза, три ордена Ленина и два ордена

Красного Знамени на его груди. К сожалению, блестящая карьера Павлова, ставшего генералом армии незадолго перед Великой Отечественной войной, закончится трагически. В трудные июньские дни 1941 года Западный фронт, которым он будет командовать, не устоит перед мощными ударами немецких армий и потерпит жестокое поражение под Белостоком. После взятия немцами Минска практически все армии фронта перестанут существовать как организованная военная сила.

Ныне известно, что главной причиной трагедии Западного фронта был грубейший просчет самого Сталина в оценке военно-стратегической обстановки и времени возможного нападения врага. Но тогда даже в мыслях ни у кого не могло возникнуть, что «великий и гениальный вождь» мог допустить какой-либо просчет или ошибку. Крайним оказалось всё командование Западного фронта. Приехавший по поручению Сталина на фронт заместитель наркома обороны СССР армейский комиссар 1-го ранга Л. З. Мехлис быстро нашел виновных. По его предложению и решению нового Военного совета Западного фронта командующий фронтом генерал армии Д. Г. Павлов, генерал-майоры В. Е. Климовских — начальник штаба фронта, А. Т. Григорьев — начальник связи фронта, Н. А. Клыч — начальник артиллерии фронта, А. А. Коробков — командующий 4-й армией вскоре были арестованы и преданы суду. Всех их приговорили к расстрелу за то, что в период начала боевых действий германских войск против Советского Союза они проявили трусость, нераспорядительность, допустили развал управления войсками, сдачу оружия противнику и самовольное оставление боевых позиций частями Красной армии, тем самым дезорганизовали оборону страны и дали возможность врагу прорвать фронт Красной армии.

Но всё это будет впереди. Пока же генерал-полковник танковых войск Павлов и вверенный ему командный состав частей и соединений отрабатывал на картах и на местности свои возможные действия на начальном этапе войны. В игре участвовали управление военного округа (в роли фронтового управления) и армейские управления. По исходной обстановке противник сосредоточил против войск Западного фронта значительно превосходящие силы и перешёл в решительное наступление. 3, 10 и 4-я армии Западного фронта, прикрывая сосредоточение и развёртывание главных сил фронта, с тяжёлыми боями отходили от рубежа к рубежу. При этом механизированными соединениями

проводились короткие контрудары с ограниченными целями, чтобы дать возможность подготовить войскам оборонительный рубеж или ликвидировать угрозу окружения. Отход продолжался до рубежа Слоним, Пинск, с которого прикрывающие армии совместно с подошедшими и развернувшимися свежими армиями перешли в контрнаступление. В результате противник потерпел поражение, был отброшен к его границе и были созданы условия для нового этапа наступательной операции.

В целом игра прошла слаженно и организованно. Вот как её описал впоследствии в своих мемуарах «Штаб армейский, штаб фронтовой» генерал армии С. П. Иванов, а тогда полковник, начальник штаба армейского корпуса: «Поздней осенью в соответствии с планом оперативной подготовки войск округа была проведена весьма интересная во всех отношениях фронтовая игра на местности со средствами связи. Руководил ею заместитель начальника Генерального штаба генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин — мой будущий командующий фронтом. Основное содержание оперативной игры составляли действия войск фронта в начале войны. Характерно, что для нас были созданы примерно такие же условия, в каких мы потом и оказались. По замыслу игры “западные”, сосредоточив значительно превосходящие силы, перешли в наступление. Армии прикрытия “восточных”, ведя тяжелые сдерживающие бои, отходили последовательно, от рубежа к рубежу. После упорных оборонительных действий на линии старых укрепленных районов и с подходом резервов из глубины страны “восточные” перешли в решительное контрнаступление и завершили разгром вторгшегося “противника”».

Делая разбор игры, Ватутин отметил, что командиры и начальники штабов в основном правильно решили как практические вопросы подготовки войск к войне, так и теоретические задания по ведению наступательной операции.

В Москву Николай Федорович возвратился в хорошем настроении. Положительную оценку учениям дали наркомат и руководство страны. В столице его ждали новые дела — по указанию ЦК партии Наркомат обороны и Генштаб развернули подготовку к проведению Всеармейского сбора высшего командного состава. В этой большой и многогранной организационной работе Ватутин принял самое активное участие.

Всеармейское совещание высшего комсостава проходило с 23 по 29 декабря 1940 года в Центральном доме

Красной армии. На заседании присутствовали руководители Наркомата обороны и Генерального штаба, начальники центральных и главных управлений, командующие и начальники штабов военных округов и армий, генерал-инспекторы родов войск, начальники военных академий, командиры некоторых корпусов и дивизий. Всего около 300 человек. В работе столь представительного совещания также приняли участие члены Политбюро ЦК ВКП(б).

Повестка дня совещания была насыщенной. После вступительного слова наркома обороны Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко с докладом «Итоги и задачи боевой подготовки сухопутных войск, ВВС и оперативной подготовки высшего состава» выступил начальник Генерального штаба генерал армии К. А. Мерецков. Приложил к этому руку и Ватулин. Доклад получился содержательным, острым, в нём нашли отражение все ключевые вопросы жизнедеятельности вооруженных сил.

Опираясь на опыт последних войн, учений и полевых поездок, Мерецков подверг критике недостаточную оперативную подготовленность и военную культуру высшего командного состава, войсковых штабов, армейских, фронтовых и особенно авиационных штабов. «Этим вопросом раньше не занимались, — сказал он. — Основной тормоз в том, что в течение многих лет отсутствовали указания по вождению крупных современных соединений, по вводу в бой вместе авиации и танков. Неясно было, как требуется применять крупные авиационные и механизированные соединения, куда направлять главное усилие авиации — на обеспечение ли войск или на самостоятельную операцию, или то и другое делать в меру необходимости».

Кроме того, Мерецков особо отметил, что в Красной армии устарели уставы. Они уже не отвечали требованиям современной войны. Так, боевые порядки в наступлении предлагались такие, при которых, как правило, только третья часть войск входила в ударную группу, а две трети попадали в сковывающую. Подобные недостатки были характерны и для боевых порядков при организации обороны, когда на основные направления выделялось недостаточное количество сил и средств за счет вторых эшелонов и маневра с неатакованных участков. Слабо также обстояло дело с разработкой вопросов обороны. Было время, подчеркнул Мерецков, когда мы вообще «боялись говорить, что можно обороняться». Между тем, учитывая опыт войны на Западе, командованию и штабам наряду с подготовкой к активным

наступательным действиям, необходимо иметь представление и готовить войска к современной обороне; оборона эта должна быть глубоко противотанковой и противовоздушной.

На совещании держали слово ещё пять основных докладчиков. С докладом «Характер современной наступательной операции» выступил командующий Киевским особым военным округом генерал армии Г. К. Жуков. Действиям авиации было посвящено выступление начальника Главного управления ВВС РККА генерал-лейтенанта авиации П. В. Рычагова, его доклад назывался «Военно-воздушные силы в наступательной операции и в борьбе за господство в воздухе». Доклад на тему «Характер современной оборонительной операции» сделал командующий Московским военным округом генерал армии И. В. Тюленев. Командующий войсками Западного особого военного округа генерал-полковник танковых войск Д. Г. Павлов привлёк всеобщее внимание своим докладом на тему «Использование механизированных соединений в современной наступательной операции и ввод механизированного корпуса в прорыв». Ещё один доклад на тему «Бой стрелковой дивизии в наступлении и обороне» прочитал генерал-инспектор пехоты генерал-лейтенант А. К. Смирнов.

В прениях по докладам выступили 60 человек, некоторые даже дважды, что свидетельствовало о важности вопросов, вынесенных на повестку совещания. Ораторы были единодушны в главном: если война против Советского Союза будет развязана Германией, то Красной армии придётся иметь дело с самой сильной армией Запада.

Но совещание продолжалось и в кулуарах, и в номерах гостиницы ЦДКА, где проживали его участники. Вне трибуны дебаты были гораздо острее и откровеннее. Но суть всех этих жарких споров командующих, командармов, комкоров, начальников штабов сводилась к одному — надо самым серьёзным образом готовиться к большой войне.

В последующем на основе выводов совещания Наркоматом обороны и Генштабом были подготовлены соответствующие приказы и инструкции, которые были направлены на то, чтобы коренным образом перестроить работу в округах, армиях и соединениях, готовить войска быстро и энергично к надвигающейся войне. Боевую подготовку вести по принципу «учить тому, что нужно на войне» и «делать всё так, как на войне». Был также принят ряд конкретных мер по дальнейшему укреплению единоначалия,

воинской дисциплины и уставного порядка в вооруженных силах.

После совещания большинство его участников разъехались по местам постоянной службы. Однако группа высшего состава была оставлена для участия в двух больших военно-стратегических играх на картах. Планы проведения игр готовились непосредственно Ватутиным, его заместителем генерал-майором А. М. Василевским, начальниками отделов Оперативного управления генерал-майором П. И. Кокоревым и полковником В. В. Курасовым. Особенно Николай Федорович требовал от операторов обязательного отражения в материалах игр последних действий вермахта в Европе. Кроме того, в них нашли свое практическое воплощение те идеи, которые прозвучали на только что завершившемся совещании. В соответствии с заданиями и полученными вводными участники принимали решения и исполняли в письменном виде директивы, боевые приказы, оперативные сводки и другие документы.

О том, как проходили эти игры, пойдёт речь чуть позднее. А пока сделаем небольшое отступление. По ту сторону границы уже с лета немцы планомерно готовились к нападению на Советский Союз. 31 июля начальник Генерального штаба сухопутных войск вермахта генерал-полковник Франц Гальдер записал в своем дневнике указание Гитлера: «Россия должна быть ликвидирована. Срок — весна 1941 года. Чем скорее мы разобьем Россию, тем лучше...» В первых числах декабря, а точнее 5 декабря, состоялось совещание военного и нацистского руководства, а также игры на картах. Педантичные немецкие генералы скрупулезно выверяли детали предстоящей агрессии, прикидывали, как лучше разгромить вооруженные силы СССР. 18 декабря 1940 года Гитлер утвердил окончательный план «Барбаросса». Главный замысел — германские вооруженные силы должны в ходе кратковременной кампании разгромить Советскую Россию. Основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в Западной России, следует уничтожить в смелых операциях посредством глубокого, быстрого продвижения танковых клиньев... Оставалось ждать день и час начала «Барбароссы»...

Секретное совещание нацистской верхушки и высшего командования вермахта, игры на картах... Всеармейский сбор советских военачальников, присутствие на нём руководителей партии, оперативные игры... Все мероприятия проходят в одно и то же время. Очень любопытное совпа-

дение! Но удивительного в этом ничего не было. Германия готовилась к войне, и это было очевидно. Её приближение всё явственнее ощущали и в Советском Союзе, в первую очередь люди в погонах. Поэтому игры, организованные в те декабрьские дни Генеральным штабом, являлись проверкой готовности советских войск на случай возможной агрессии.

Вот как описывал одну из игр Г. К. Жуков в своей книге «Воспоминания и размышления»: «Руководство игрой осуществлялось наркомом обороны С. К. Тимошенко и начальником генерального штаба К. А. Мерецковым; они “подыгрывали” за юго-западное стратегическое направление. “Синяя” сторона (немцы) условно была нападающей. “Красная” (Красная Армия) — обороняющейся.

Военно-стратегическая игра в основном преследовала цель проверить реальность и целесообразность основных положений плана прикрытия и действия войск в начальном периоде войны.

Надо отдать должное Генеральному штабу: во всех подготовленных для игры материалах в значительной степени были отражены последние действия немецко-фашистских войск в Европе.

На западном стратегическом направлении игра охватывала фронт от Восточной Пруссии до Полесья. Состав фронтов: западная (“синяя”) сторона — свыше 60 дивизий, восточная (“красная”) — свыше 50 дивизий. Действия сухопутных войск поддерживались мощными воздушными силами.

Игра изобиловала драматическими моментами для восточной стороны. Они оказались во многом схожими с теми, которые возникли после 22 июня 1941 года, когда на Советский Союз напала фашистская Германия...

По окончании игры нарком обороны приказал Д. Г. Павлову и мне произвести частичный разбор, отметить недостатки и положительные моменты в действиях участников.

Общий разбор И. В. Сталин предложил провести в Кремле, куда пригласили руководство Наркомата обороны, Генерального штаба, командующих войсками округов и их начальников штабов. Кроме И. В. Сталина, присутствовали члены Политбюро.

Ход игры докладывал начальник Генерального штаба генерал армии К. А. Мерецков. После двух-трех резких реплик Сталина он начал повторяться и сбиваться. До-

клад у К. А. Мерецкова явно не ладился. В оценках событий и решений сторон у него уже не было логики. Когда он привел данные о соотношении сил сторон и преимуществе “синих” в начале игры, особенно в танках и авиации, И. В. Сталин, будучи раздосадован неудачей “красных”, остановил его, заявив:

— Откуда вы берете такое соотношение? Не забывайте, что на войне важно не только арифметическое большинство, но и искусство командиров и войск.

К. А. Мерецков ответил, что ему это известно, но количественное и качественное соотношение сил и средств на войне играет тоже не последнюю роль, тем более в современной войне, к которой Германия давно готовится и имеет уже значительный боевой опыт».

После этого, пишет далее Жуков, Сталин сделал «ещё несколько резких замечаний, о которых вспоминать не хочется».

Эти замечания стали судьбоносными как для Мерецкова, так и для Жукова. Впрочем, обратимся теперь к мемуарам «На службе народу» К. А. Мерецкова. Он так описывает подведение итогов игры: «В начале января 1941 года большинство участников совещания разъехалось по местам. Группа руководящих работников осталась на оперативную игру на картах. Присутствовали секретари ЦК ВКП(б) Г. М. Маленков и А. А. Жданов. Руководил игрой лично нарком обороны. Оперативная игра прошла чрезвычайно интересно и оказалась очень поучительной. По окончании игры планировался ее разбор, причем для подготовки к нему отводились сутки. Но вдруг небольшую группу участников игры вызвали в Кремль. Заседание состоялось в кабинете И. В. Сталина. Мне было предложено охарактеризовать ход декабрьского сбора высшего комсостава и январской оперативной игры. На все отвели 15—20 минут. Когда я дошел до игры, то успел остановиться только на действиях противника, после чего разбор фактически закончился, так как Сталин меня перебил и начал задавать вопросы.

Суть их сводилась к оценке разведывательных сведений о германской армии, полученных за последние месяцы в связи с анализом ее операций в Западной и Северной Европе. Однако мои соображения, основанные на данных о своих войсках и сведениях разведки, не произвели впечатления. Тут истекло отпущенное мне время, и разбор был прерван. Слово пытался взять Н. Ф. Ватутин. Но Николаю Федоровичу его не дали. И. В. Сталин обратился к народ-

ному комиссару обороны. С. К. Тимошенко меня не поддержал. Больше никто из присутствовавших военачальников слова не просил. И. В. Сталин прошелся по кабинету, остановился, помолчал и сказал:

— Товарищ Тимошенко просил назначить начальником Генерального штаба товарища Жукова. Давайте согласимся!

Возражений, естественно, не последовало».

Сопоставляя рассказ Жукова и рассказ Мерецкова, нельзя не заметить, что Жуков в своих воспоминаниях не стал акцентировать внимание на эпизоде, когда Сталин подверг обструкции Мерецкова за якобы недостоверные разведданные. Как считает военный историк С. П. Куличкин, «Сталин хотел услышать совсем не то, что говорил Мерецков, и это его раздражало. Слишком уж обескураживающими были сведения начальника Генерального штаба». Обескураживающие, но правдивые и объективные данные готовил Ватутин, и он как раз попытался взять слово, доказать достоверность сведений и реальное положение дел. Однако слова ему не дали. Впервые Ватутин ощутил сталинский гнев, который рикошетом зацепил и его.

С начала февраля просторный кабинет Мерецкова уже обживал генерал армии Г. К. Жуков, третий при Ватутине начальник Генерального штаба РККА. Мерецков, предшественник Жукова, пробыл в этой должности всего полгода. Хотя всегда считалось, что для полноценного становления начальника Генерального штаба требуется не менее 3—4 лет. Примечательно, что на посту руководителя Оперативного управления тоже за несколько лет сменилось немало начальников. Кадровая чехарда, начавшаяся в 1937 году, к сожалению, считалась привычным явлением, что не способствовало качественному решению вопросов стратегического планирования и подготовке вооруженных сил к предстоящей войне.

Жуков непросто входил в роль начальника Генерального штаба. И на то были свои причины. Георгий Константинович до мозга костей был выраженным строевым командиром и никогда не тяготел к штабной службе, не было у него для этой должности и основательного образования. «Я не имел до этого опыта штабной работы, — рассказал он много лет спустя писателю К. М. Симонову, — и к началу войны, по моему собственному ощущению, не был достаточно опытным и подготовленным начальником Генерального штаба, не говоря уже о том, что по своей натуре и

по опыту службы тяготел не к штабной, а к командной деятельности».

О природной нерасположенности Жукова к штабной работе свидетельствуют записи старших начальников в его аттестациях. Вот одна из них: «Может быть использован с пользой для дела по должности помкомдива или командира мехсоединения при условии пропуска через соответствующие курсы. На штабную или преподавательскую работу назначен быть не может — органически её ненавидит». Подписал этот документ 8 ноября 1930 года командир 7-й Самарской кавдивизии К. К. Рокоссовский, будущий Маршал Советского Союза. А когда в кабинете Сталина в присутствии Жукова решался вопрос о новом начальнике Генштаба, Георгий Константинович прямо заявил вождю:

— Я никогда не работал в штабах. Всегда был в строю. Начальником Генерального штаба быть не могу.

Однако любые возражения Сталину в тот период были бесполезны. Поэтому Жукову пришлось занять должность и ещё сказать при этом вождю спасибо «за оказанное высокое доверие». Вскоре Георгий Константинович стал энергично и напористо, что было ему свойственно, осваивать новое ответственное дело.

«Весь февраль был занят тщательным изучением дел, непосредственно относящихся к деятельности Генерального штаба, — пишет он в «Воспоминаниях и размышлениях». — Работал по 15–16 часов в сутки, часто оставался ночевать в служебном кабинете. Не могу сказать, что я тотчас же вошел в курс многогранной деятельности Генерального штаба. Все это далось не сразу. Большую помощь мне оказали Н. Ф. Ватутин, Г. К. Маландин, А. М. Василевский, В. Д. Иванов, А. И. Шимонаев, Н. И. Четвериков и другие работники Генерального штаба».

Первой фамилию Ватутина Жуков поставил не случайно. Именно Николай Федорович сразу стал его правой рукой. И по должности (13 февраля 1941 года Ватутин был назначен 1-м заместителем начальника Генерального штаба, то есть Жукова), и по профессиональным качествам Ватутин являлся, без всякого преувеличения, одним из самых высокообразованных работников Генштаба и, говоря словами Жукова, обладал «широтой стратегического мышления». К сказанному добавим ещё один штрих. В феврале того же года Указом Президиума Верховного Совета СССР «за успешное выполнение боевых заданий и выдающиеся достижения в боевой и политической подготовке и вос-

питании войск» Ватутин был награждён высшим орденом страны — орденом Ленина. Эту награду Николай Федорович получил в Кремле из рук самого «всесоюзного старосты» М. И. Калинина. Так что опираться Жукову было на кого.

Новое повышение по службе, высокая награда Родины, полное доверие со стороны Жукова окрыляли Ватутина. Но он был не из тех людей, у кого могла закружиться голова от достигнутой высоты и блеска воинских отличий. «Звёздный» хмель ни раньше, ни сейчас его не дурманил. Трудился Николай Федорович без устали, не замечая ни дней, ни ночей, а при его напряженной работе они уже не шли — стремительно летели. Генеральный штаб, в котором он был вторым лицом, выполнял огромную оперативную, организационную и мобилизационную работу, являясь основным аппаратом наркома обороны.

В первой половине февраля Жуков и Ватутин подробно доложили наркому обороны Тимошенко о серьёзных недостатках в организации и боевой готовности войск Красной армии, а также о состоянии мобилизационных запасов, особенно по снарядам и авиационным бомбам. Кроме того, было отмечено, что промышленность не успевает выполнять заказы наркомата на боевую технику. Вызывало также особую тревогу сосредоточение большого количества немецких войск в Восточной Пруссии, Польше и на Балканах. Общий вывод руководителей Генштаба был неутешителен: ввиду сложности военно-политической обстановки оборона гигантской страны находится в неудовлетворительном состоянии, необходимо принять срочные меры и устранить имеющиеся недостатки в обороне западных границ и в вооруженных силах.

— Всё это хорошо известно руководству, — ответил Тимошенко. — Думаю, в данное время страна не в состоянии дать нам что-либо большее.

И тем не менее эти вопросы были доложены Сталину. По его поручению предложения руководителей военного ведомства были внесены в правительство. Надо сказать, что в принятом в последнем мирном народно-хозяйственном плане на 1941 год был предусмотрен значительный рост оборонной промышленности.

Безусловно, Ватутин, как и Жуков, реально смотрел на положение дел, хотя он не мог не понимать, что его доклады вряд ли воодушевят руководство армии и страны. В конце февраля того же года у наркома обороны состоялось совещание, на котором Ватутин выступил с докладом о со-

стоянии железных дорог в приграничных военных округах. Картина, которую он нарисовал, тоже оказалась безрадостной.

— Пограничные железнодорожные районы мало приспособлены для массовой выгрузки войск, — без всяких предисловий начал свой доклад Николай Федорович. — Об этом свидетельствуют следующие цифры. Железнодорожные дороги немцев, идущие к границе Литвы, имеют пропускную способность 220 поездов в сутки, а наша литовская дорога, подходящая к границе Восточной Пруссии, — только 84. Не лучше обстоит дело на территории западных областей Белоруссии и Украины: здесь у нас почти вдвое меньше железнодорожных линий, чем у противника. Железнодорожные войска и строительные организации в течение 1941 года явно не смогут выполнить те работы, которые нужно провести...

Тимошенко, внимательно слушавший Ватутина, неожиданно его перебил:

— А вы разве не знаете, что ещё год назад по заданию ЦК партии Наркомат путей сообщения разработал семилетний план технической реконструкции железных дорог?..

— Так точно, знаю, товарищ нарком, — последовал уверенный ответ Ватутина. — Однако пока ничего серьёзного не сделано, кроме перешивки колён и элементарных работ по приспособлению железнодорожных сооружений под погрузку и выгрузку массы войск и вооружения.

Не менее обстоятельными на этом совещании были выступления и других докладчиков, в частности, генерал-лейтенанта Г. К. Маландина и генерал-майора А. М. Василевского. Как и Ватутин, они заострили внимание на том, что в обстановке надвигающейся военной угрозы необходимо как можно скорее решать вопросы транспортных коммуникаций в приграничных округах. Люди военные, они хорошо понимали их роль и значение в период подготовки к войне.

Характерно, что ни Ватутин, ни его подчиненные не были здесь в роли фиксаторов имеющихся недостатков. В рамках своей компетенции они предпринимали все возможные меры к их устранению, а также решали массу других сложных задач. Как пишет в своих воспоминаниях А. М. Василевский, в тот период Генштаб работал с неослабевающим напряжением. Еще и еще раз анализировались операции первых лет Второй мировой войны и принципы их проведения. Глубоко изучались как наступательные

операции, так и вопросы стратегической обороны. В директивах наркома обороны руководящему составу Красной армии одновременно с задачами по отработке наступательных операций обязательно, причем конкретно и подробно, ставились задачи и по оборонительным операциям. В качестве практических мероприятий предусматривалось проведение зимой в каждой армии и округе армейского предназначения оперативной игры на тему армейской оборонительной операции, а в штабах округов фронтового предназначения — фронтовой оборонительной операции. Летом армии и округа осуществляли на тех же основаниях армейские или фронтовые двусторонние полевые учения. Основной, конечно, была наступающая сторона, а противоположная решала задачи оборонительного характера.

Вся эта многогранная работа проходила на фоне нарастающей переброски войск вермахта к советским границам. Договор о ненападении, заключенный с Германией в 1939 году, не вызывал иллюзий. Ложившиеся каждодневно на стол Ватутину разведсводки, другие сведения такого рода убедительно свидетельствовали о том, что угроза агрессии становится все более реальной. Если в конце 1939 года на оккупированных территориях Польши и Словакии Германия имела примерно 25 дивизий, то к концу 1940 года на границах с Советским Союзом уже находилось 68, включая финские соединения. В апреле 1941 года Германия выставляет до 100 дивизий, а ещё через несколько месяцев у советских рубежей сосредоточивается 150 дивизий.

Как писал в своей книге Маршал Советского Союза М. В. Захаров «Генеральный штаб в предвоенные годы», «к середине марта 1941 года общая численность вооруженных сил Германии, по расчетам нашего Разведывательного управления, составляла около 8 млн человек (в том числе в сухопутных войсках 6,5—7 млн человек). В боевом составе гитлеровских сухопутных войск было 262—272 дивизии (пехотных 220—230, танковых — 20, моторизованных — 22), 11—12 тыс. танков, более 52 тыс. орудий, около 19 200 самолетов».

Наряду с увеличением численности войск и количества единиц техники Германия активно осуществляла оборудование Восточного театра военных действий: строились новые аэродромы, склады, хранилища, мосты, дороги. Одновременно расширялись, реконструировались старые объекты и коммуникации.

События, подобно буре, приближались неумолимо и

грозно. «В этих условиях, — пишет А. М. Василевский, — Генштаб в целом и наше Оперативное управление вносили коррективы в разработанный в течение осени и зимы 1940 года оперативный план сосредоточения и развертывания Вооруженных Сил для отражения нападения врага с запада. План предусматривал, что военные действия начнутся с отражения ударов нападающего врага; что удары эти сразу же разыграются в виде крупных воздушных сражений, с попыток противника обезвредить наши аэродромы, ослабить войсковые, и особенно танковые, группировки, подорвать тыловые войсковые объекты, нанести ущерб железнодорожным станциям и прифронтовым крупным городам. С нашей стороны предусматривалась необходимость силами всей авиации сорвать попытки врага завоевать господство в воздухе и в свою очередь нанести по нему решительные удары с воздуха. Одновременно ожидалось нападение на наши границы наземных войск с крупными танковыми группировками, во время которого наши стрелковые войска и укрепленные районы приграничных военных округов совместно с пограничными войсками обязаны будут сдерживать первый натиск, а механизированные корпуса, опирающиеся на противотанковые рубежи, своими контрударами вместе со стрелковыми войсками должны будут ликвидировать вклинившиеся в нашу оборону группировки и создать благоприятную обстановку для перехода советских войск в решительное наступление. К началу вражеского наступления предусматривался выход на территорию приграничных округов войск, подаваемых из глубины СССР. Предполагалось также, что наши войска вступят в войну во всех случаях полностью изготовившимися и в составе предусмотренных планом группировок, что от мобилизации и сосредоточения войск будет произведено заблаговременно».

Далее Василевский говорит, что оперативный план отражения агрессии был тщательно увязан с мобилизационным планом Красной армии и страны в целом; отработаны расчеты и графики на перевозки войск и всего необходимого для них из глубины страны в районы сосредоточения и приняты должные меры для обеспечения перевозок по линии Наркомата путей сообщения СССР. План был отработан не только Генеральным штабом с соответствующими управлениями Наркомата обороны СССР, но и с командованием войск приграничных военных округов. Для этой цели в феврале—апреле 1941 года в Генштаб вы-

зывались командующие войсками, члены военных советов, начальники штабов и оперативных отделов Прибалтийского, Западного, Киевского особых и Ленинградского военных округов. Вместе с ними намечались порядок прикрытия границы, выделение для этой цели необходимых сил и формы их использования. При этом предусматривалось, что войска эшелонов прикрытия к началу действий врага, будучи полностью укомплектованными по штатам военного времени, развернутся на подготовленных оборонительных рубежах вдоль границы и вместе с укрепленными районами и пограничными войсками смогут, в случае крайней необходимости, прикрыть от мобилизацию войск второго эшелона приграничных округов, которым по мобилизационному плану отводили для этого от нескольких часов до одних суток.

Окончательная корректировка оперативного плана была проведена в мае — начале июня 1941 года. Над проектом этого документа, получившего название «Соображения по плану стратегического развёртывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и её союзниками», работали Ватутин вместе с Василевским. План был обсужден 24 мая на совершенно секретном совещании у Сталина, в котором принимал участие и Ватутин.

Здесь нужно сделать небольшое отступление, поскольку время от времени вокруг этого документа возникают серьёзные дебаты. Точнее, спор идёт из-за одного абзаца, в котором разработчики предложили «упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развёртывания и не успеет организовать фронт и взаимодействие родов войск». Некоторые исследователи считают, что именно эти «Соображения...» неопровержимо свидетельствуют о планах советского руководства нанести превентивный удар по Германии. Между тем подобная версия — не более чем малоубедительная гипотеза. Реально же известно, что Советский Союз не был готов начать войну с Германией в 1941 году. Сталин, что подтверждается документами, планировал до лета 1942 года завершить модернизацию вооруженных сил и оборонной промышленности. Но чтобы воевать?.. Воевать как раз собиралась Германия, поскольку обстановка для Советского Союза с каждым днём всё больше осложнялась. У западных границ уже стояли в ожидании приказа полностью от мобилизованные и развернутые вооруженные силы Германии. Все чаще и чаще в развед-

донесениях и шифровках стали появляться такие тревожные фразы: «выступление Германии против Советского Союза решено окончательно и последует в скором времени», «Оперативный план предусматривает молниеносный удар...». Не проходило дня, чтобы воздушное пространство СССР не нарушали немецкие самолёты. Полеты над советской территорией Германия цинично объясняла неопытностью своих лётчиков. Только за первую половину 1941 года, как свидетельствуют документы, было зафиксировано 324 таких случая. А советскими пограничниками за этот же период было задержано более двух тысяч лазутчиков.

В апреле 1941 года Ватутин провёл командно-штабные учения в Ленинградском военном округе (ЛенВО), для участия в которых были привлечены командование и штабы округа и армий. До этого, в марте, он контролировал разработку командно-штабных учений в Закавказском и Среднеазиатском военных округах. Игра в ЛенВО дала возможность изучить и отработать такие вопросы, как ведение оборонительных операций на широких фронтах против превосходящих сил противника. Учение принесло немалую пользу командирам и начальникам в деле укрепления навыков и расширения их оперативного кругозора на Северо-Западном театре боевых действий.

Одновременно Николай Федорович попросил командующего войсками округа генерал-лейтенанта М. М. Попова доложить ему о том, какие мероприятия мобилизационного характера проводятся в округе на случай внезапного вторжения вероятного противника. Попов, хотя и командовал округом всего два месяца, хорошо владел обстановкой, все нити управления войсками находились в его руках. На основе директивы наркома обороны, сказал он, в округе идёт формирование двух корпусов — стрелкового и механизированного. Кроме того, под Ленинградом, а также неподалеку от Новгорода формируются две стрелковые дивизии. Укомплектование всех частей личным составом планируется завершить к 15 мая, а полная их готовность определена к 1 июля. Наряду с этим одна дивизия переводится на новые штаты, а также начата передислокация ряда частей и соединений в приграничные районы.

Внимательно выслушав командующего, Ватутин тем не менее остался не удовлетворён его докладом.

— Медленно, медленно идёт работа, Маркиан Михайлович, — сказал он. — Обстановка складывается так, что каждый день сейчас на вес золота.

На медлительность в проведении мобилизационных мероприятий Ватутин по возвращении в Москву обратил внимание командования и других округов, в первую очередь Западного и Киевского особых округов.

Действительно, сроки поджимали. Однако за развертыванием новых корпусов и дивизий не поспевала оборонная промышленность. Не располагая необходимыми материальными ресурсами, она не в состоянии была своевременно и в нужных объемах обеспечить их вооружением и техникой, особенно моторизованные и танковые соединения. «Например, для оснащения армии недоставало 12,5 тыс. тяжелых и средних танков, 43 тыс. тракторов, около 298 тыс. автомобилей, — эти цифры приводит в своей книге «Генеральный штаб в предвоенные годы» Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза М. В. Захаров. — Обеспеченность формирований и механизированных войск по тяжелым и средним танкам составляла 24—31 процент. К началу Великой Отечественной войны танковый парк новейших машин составлял: тяжелых танков КВ — 625, средних Т-34 — 1225. Если бы наша промышленность производила ежегодно 4620 танков, 13 525 тракторов, 83 155 автомобилей, как это было предусмотрено планом на 1941 год, то некомплект по данным видам боевой техники можно было бы ликвидировать не ранее чем через пять лет. Подобная картина наблюдалась и с оснащением авиации. В ее парке недоставало 13,6 тыс. самолетов фронтовой и тыловой авиации, в авиационных частях полностью отсутствовали двухмоторные истребители, не хватало около половины ближних бомбардировщиков. Обеспеченность войск малокалиберной зенитной артиллерией и зенитными пулеметами не превышала 23—37 процентов. В войсках не хватало средств заправки и транспортировки горючего, имущества связи, особенно кабеля, полковых и армейских радиостанций».

Да было бы мирного времени побольше, возможно, военная промышленность справилась бы с заказами армии. Но его уже практически не осталось. Все тревожнее и тревожнее поступали разведдонесения, чуть ли не ежедневно происходили нарушения границы. В те дни Ватутин работал практически на износ, не зная ни сна и ни покоя. Домой приезжал на несколько часов, а то и вообще оставался ночевать в кабинете.

Не ко времени у Николая Федоровича случился острый приступ аппендицита. Он несколько дней терпел сильные боли, а в результате его прямо из кабинета забрал началь-

ник Центрального военного госпиталя Наркомата обороны СССР П. В. Мандрыка. Он же делал Ватутину операцию. Как потом выяснилось, Мандрыка приходился Николаю Федоровичу почти земляком. Когда Ватутин ещё был мальчишкой, Петр Мандрыка, выпускник Харьковского университета, работал земским врачом в Валуйском уезде, а потом заведовал в здешних краях больницей.

— Зачем же вы, товарищ генерал, терпели такие боли, — как ребёнку высказывал ему Мандрыка. — Хорошо, что всё обошлось без последствий...

Уже через неделю Николай Федорович был снова в строю.

Как раз в середине мая по директиве Генштаба, на разработке которой настаивал именно Ватутин, началось выдвижение ряда армий в районы сосредоточения вблизи западных границ. Всего из внутренних округов страны перебрасывалось 28 дивизий. Жизнь, хотя и катилась ещё по мирным рельсам, но по ним, тяжело грохоча, уже шли один за другим на Запад воинские эшелоны.

«В мае—июне 1941 года, — пишет в своих воспоминаниях А. М. Василевский, — по железной дороге на рубеж рек Западная Двина и Днепр были переброшены 19-я, 21-я и 22-я армии из Северо-Кавказского, Приволжского и Уральского военных округов, 25-й стрелковый корпус из Харьковского военного округа, а также 16-я армия из Забайкальского военного округа на Украину, в состав Киевского особого военного округа. 27 мая Генштаб дал западным приграничным округам указания о строительстве в срочном порядке полевых фронтовых командных пунктов, а 19 июня — вывести на них фронтовые управления Прибалтийского, Западного и Киевского особых военных округов. Управление Одесского округа по ходатайству окружного командования добилось такого разрешения ранее. 12—15 июня этим округам было приказано вывести дивизии, расположенные в глубине округа, ближе к государственной границе. 19 июня эти округа получили приказ маскировать аэродромы, воинские части, парки, склады и базы и рассредоточить самолеты на аэродромах».

Напряжение сохранялось, о чем свидетельствуют другие телеграммы, направляемые в приграничные округа. Вечером 18 июня после получения результатов авиаразведки, подтвердивших, что немецкие войска изготовились для нападения на СССР, из Генштаба ушла телеграмма о приведении в «повышенную боевую готовность» всех оставшихся

частей этих округов. Также 18 июня отдельными приказами Генерального штаба, подписанными Ватутиным, округам ставилась задача ускорить движение войск и закончить его к 22—23 июня. О чем оперативные отделы докладывали ежедневно, вплоть до вечера 21 июня.

Далее читаем у Василевского: «В мае — начале июня 1941 года на учебные сборы было призвано из запаса около 800 тыс. человек, и все они были направлены на пополнение войск приграничных западных военных округов и их укрепленных районов... К середине 1941 года общая численность армии и флота достигла более 5 млн человек и была в 2,7 раза больше, чем в 1939 году. Однако полностью провести в жизнь и завершить намеченные мобилизационные и организационные мероприятия не удалось. Сказался здесь и просчет в определении времени возможного нападения гитлеровской Германии на нашу страну, да и экономические возможности страны не позволили выполнить их в сроки, отведенные нам историей. Сыграли, конечно, в этом свою роль и те недочеты, которые были допущены военным руководством при планировании и практическом осуществлении этих мероприятий».

...Субботний день 21 июня близился к концу. Для Ватутина он прошёл, как обычно, в напряженном ритме: совещание у начальника Генштаба, работа с документами, телефонные переговоры с командованием округов и ещё куча других неотложных дел. Массивные часы, стоявшие в углу его просторного кабинета, показывали без четверти восемь. Но домой Николай Федорович не торопился — жена Татьяна Романовна с детьми находилась на отдыхе в санатории в Кисловодске. Поэтому Ватутин планировал быть на службе до поздней ночи. Впрочем, по такому неписаному распорядку Николай Федорович жил все последние месяцы. Ватутин аккуратно сложил в стопку часть прочитанных документов, собираясь положить их в сейф, как затрезвонил телефон. Звонил Жуков.

— Зайди-ка ко мне, — быстро бросил он.

Войдя в кабинет, Николай Федорович сразу обратил внимание на немного озабоченный вид Жукова. Заложив руки за спину, он прохаживался вдоль стола.

— Только что звонил генерал Пуркаев*, — сказал Георгий Константинович. — Сообщил, что к нашим погра-

* На тот момент генерал-лейтенант М. А. Пуркаев занимал пост начальника штаба Киевского особого военного округа.

ничникам перебежал немецкий фельдфебель. Перебежчик утверждает, что их войска уже выходят в исходные районы для наступления, которое начнётся утром 22 июня. Что думаешь, Николай Федорович, по этому поводу?

— Не исключаю, что это уже война, — ответил Ватутин.

— Я тоже такого мнения, — кивнул Жуков. — О перебежчике я доложил Тимошенко, а потом товарищу Сталину. Мне и наркому приказано прибыть в Кремль. Ты тоже едешь с нами, мало ли что потребуется.

Проект директивы о приведении войск в полную боевую готовность и занятии ими позиций для отражения удара противника был заготовлен давно — Николай Федорович постарился. И вот теперь этот документ был как нельзя кстати.

Сталин находился в кабинете один. Неторопливо прокраживаясь по мягкому ковру, он мрачно спросил:

— А не подбросили ли немецкие генералы этого перебежчика, чтобы спровоцировать конфликт? — И направил свой властный взгляд сначала на Тимошенко, потом на Жукова и Ватутина.

Как известно, Сталин всеми силами стремился оттянуть войну. В течение нескольких месяцев он не разрешал военным предпринимать каких-либо мер на Западном и Юго-Западном театре боевых действий. Вождь считал, что любое передвижение советских войск у границ может вызвать раздражение немцев и станет предлогом для начала войны. Вот и сейчас своей волей, как всегда, он опять хотел закрыть этот вопрос.

— Нет, товарищ Сталин, — в пику сталинским словам твердо ответил Семён Константинович. — Обстановка очень серьёзная. Считаем, что перебежчик говорит правду.

— Что будем делать?

— Нужно немедленно дать директиву о приведении войск приграничных округов в полную боевую готовность, — продолжал Тимошенко. — Проект такой директивы генерал армии Жуков имеет.

— Читайте, — сказал Сталин.

Жуков, сделав шаг вперед, привычно щелкнул каблучками сапог и, раскрыв папку, прочитал проект директивы.

Внимательно выслушав Жукова, Сталин прошелся изад-вперёд по кабинету. Затем остановился, вынул трубку изо рта, покачал головой:

— Нет, такую директиву давать преждевременно. Может быть, вопрос ещё уладится мирным путём. Надо направить короткую директиву, в которой указать, что нападение мо-

жет начаться с провокационных действий германских частей. Войска приграничных округов не должны поддаваться ни на какие провокации, чтобы не вызывать осложнений.

Сказанные Сталиным слова не подлежали обсуждению. Решение вождя всегда было окончательное. Не теряя времени, Жуков и Ватутин вышли в соседнюю комнату, чтобы срочно составить проект новой директивы. Именно рукой Николая Федоровича был написан этот ставший историческим документ.

Возвратившись в кабинет Сталина, Жуков и Ватутин попросили разрешения доложить. Подготовленный ими документ Сталин выслушал спокойно, взял текст, сам ещё раз прочитал. Потом, сев за стол, внёс незначительные поправки и передал проект на подпись Тимошенко. Текст директивы гласил:

«Военным советам ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО.

Копия: Народному комиссару Военно-Морского Флота.

1. В течение 22–23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности, встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

3. Приказываю:

а) в течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22.6.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно её замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить.

Тимошенко. Жуков.

21.6.41 г.».

Ватутин с подписанной директивой немедленно выехал в Генеральный штаб, чтобы передать её в округа. Шифрование и передача директивы были закончены в 00 часов 30 минут 22 июня 1941 года. После этого Николай Федорович вернулся в свой кабинет. Всем работникам Наркомата обороны и Генштаба было приказано оставаться на своих местах. До начала войны оставались считанные часы...

Глава 8 ВОЙНА

В роковую ночь с 21 на 22 июня 1941 года Ватутин, как и большинство офицеров и генералов Наркомата обороны и Генштаба, не спал ни минуты. На фоне безмятежно спящей Москвы в большинстве окон здания военного ведомства ярко горел свет. Возвратившийся из Кремля Жуков первым делом спросил Николая Федоровича о том, дошла ли директива до округов и как идёт работа по её выполнению. Ватутин доложил, что передача директивы завершена в 00.30, её получение подтверждено в округах и на флотах, на местах приступили к приведению войск в боевую готовность.

Однако ни Жукова, ни Ватутина не покидало чувство гнетущего беспокойства. Они отдавали себе отчёт в том, что если война начнётся в утренние часы, как об этом сообщил перебежчик, то в состоянии боевой готовности войска будут приведены лишь частично. Это в лучшем случае, в худшем — они даже не выдвинутся в заданные районы, не тронувшись с мест расквартирования. Так собственно и случится.

Многие дивизии были подняты по тревоге не в соответствии с полученными приказами и распоряжениями, и в результате бомбардировок и артиллерийских обстрелов немцев. Из-за выведенных из строя диверсантами проводных линий связи приказы адресаты не получили. Части и соединения, начав выдвижение в указанные районы, в большинстве случаев так и не дошли до них. Путь им преградили наступавшие танковые армады вермахта, и они вынуждены были вступать в бой с ходу. Войскам второго эшелона пришлось выдвигаться к границе под непрерывными ударами вражеских самолетов. Командиры не знали обстановки. Районы, в которые предписывалось прибыть соединениям, были уже заняты войсками вермахта, сумевшими

добиться тактической, оперативной, а затем и стратегической внезапности.

Но все это скоро произойдет. Сейчас же текли напряженные часы ожидания. Примерно в полночь из Киевского особого военного округа поступила ещё одна тревожная весть. К нашим пограничникам, переплыв речку, явился солдат 74-й пехотной дивизии. Он сообщил, что немецкие войска начнут наступление сегодня, 22 июня в четыре часа.

Под утро нарком обороны вызвал к себе Жукова и Ватутина, чтобы узнать, как в округах идет выполнение переданной директивы. Однако их доклады уже потеряли актуальность. От Чёрного до Баренцева моря государственная граница СССР содрогнулась от артиллерийских залпов, разрывов авиационных бомб, рёва танковых моторов... В украинских, белорусских и прибалтийских приграничных сёлах и городах зазвучала грубая немецкая речь.

Войну ждали, к ней готовились, но она пришла внезапно. В первые же часы враг вторгся на советскую землю на многие десятки километров. Его танки, взламывая оборону Красной армии как неокрепший лед, корежили своими гусеницами дороги, ведущие к Минску, Киеву, Москве... Никто не мог и представить, что на военных аэродромах Украины, Белоруссии, Прибалтики яркими факелами пылают краснозвездные крылатые машины, так и не успевшие взмыть в небо. Трудно было поверить и в тот факт, что на ряде важнейших участков фронта в клещах гитлеровцев оказалось немало воинских частей, с невероятным упорством пытавшихся вырваться из окружения.

Вот как описывает первые трагические минуты и часы начала Великой Отечественной войны Жуков:

«В 3 часа 07 минут мне позвонил по ВЧ командующий Черноморским флотом адмирал Ф. С. Октябрьский и сообщил: “Система ВНОС* флота докладывает о подходе со стороны моря большого количества неизвестных самолетов; флот находится в полной боевой готовности. Прошу указаний”.

Я спросил адмирала:

— Ваше решение?

— Решение одно: встретить самолеты огнем противовоздушной обороны флота. Переговорив с С. К. Тимошенко, я ответил адмиралу Ф. С. Октябрьскому:

— Действуйте и доложите своему наркому.

* ВНОС — войска наблюдения, оповещения и связи.

В 3 часа 30 минут начальник штаба Западного округа генерал В. Е. Климовских доложил о налете немецкой авиации на города Белоруссии. Минуты через три начальник штаба Киевского округа генерал М. А. Пуркаев доложил о налете авиации на города Украины. В 3 часа 40 минут позвонил командующий Прибалтийским военным округом генерал Ф. И. Кузнецов, который доложил о налетах вражеской авиации на Каунас и другие города.

Нарком приказал мне звонить И. В. Сталину. Звоню. К телефону никто не подходит. Звоню непрерывно. Наконец слышу сонный голос генерала Власика (начальника управления охраны):

— Кто говорит?

— Начальник Генштаба Жуков. Прошу срочно соединить меня с товарищем Сталиным.

— Что? Сейчас?! — изумился начальник охраны. — Товарищ Сталин спит.

— Будьте немедля: немцы бомбят наши города, началась война.

Несколько мгновений длится молчание. Наконец в трубке глухо ответили:

— Подождите.

Минуты через три к аппарату подошел И. В. Сталин.

Я доложил обстановку и просил разрешения начать ответные боевые действия. И. В. Сталин молчит. Слышу лишь его тяжелое дыхание.

— Вы меня поняли?

Опять молчание.

— Будут ли указания? — настаиваю я.

Наконец, как будто очнувшись, И. В. Сталин спросил:

— Где нарком?

— Говорит по ВЧ с Киевским округом.

— Приезжайте с Тимошенко в Кремль. Скажите Поскребышеву, чтобы он вызвал всех членов Политбюро.

В 4 часа я вновь разговаривал с Ф. С. Октябрьским. Он спокойным тоном доложил:

— Вражеский налет отбит. Попытка удара по нашим кораблям сорвана. Но в городе есть разрушения.

Я хотел бы отметить, что Черноморский флот во главе с адмиралом Ф. С. Октябрьским был одним из первых наших объединений, организованно встретивших вражеское нападение.

В 4 часа 10 минут Западный и Прибалтийский особые округа доложили о начале боевых действий немецких войск на сухо-

путных участках округов. В 4 часа 30 минут утра мы с С. К. Тимошенко приехали в Кремль. Все вызванные члены Политбюро были уже в сборе. Меня и наркома пригласили в кабинет.

И. В. Сталин был бледен и сидел за столом, держа в руках набитую табаком трубку.

Мы доложили обстановку. И. В. Сталин недоумевающе сказал:

— Не провокация ли это немецких генералов?

— Немцы бомбят наши города на Украине, в Белоруссии и Прибалтике. Какая же это провокация... — ответил С. К. Тимошенко.

— Если нужно организовать провокацию, — сказал И. В. Сталин, — то немецкие генералы бомбят и свои города... — И, подумав немного, продолжал: — Гитлер наверняка не знает об этом.

— Надо срочно позвонить в германское посольство, — обратился он к В. М. Молотову.

В посольстве ответили, что посол граф фон Шуленбург просит принять его для срочного сообщения.

Принять посла было поручено В. М. Молотову.

Тем временем первый заместитель начальника Генерального штаба генерал Н. Ф. Ватутин передал, что сухопутные войска немцев после сильного артиллерийского огня на ряде участков северо-западного и западного направлений перешли в наступление.

Мы тут же просили И. В. Сталина дать войскам приказ немедля организовать ответные действия и нанести контрудары по противнику.

— Подождем возвращения Молотова, — ответил он.

Через некоторое время в кабинет быстро вошел В. М. Молотов:

— Германское правительство объявило нам войну.

И. В. Сталин молча опустился на стул и глубоко задумался.

Наступила длительная, тягостная пауза.

Я рискнул нарушить затянувшееся молчание и предложил немедленно обрушиться всеми имеющимися в приграничных округах силами на прорвавшиеся части противника и задержать их дальнейшее продвижение.

— Не задержать, а уничтожить, — уточнил С. К. Тимошенко.

— Давайте директиву, — сказал И. В. Сталин. — Но чтобы наши войска, за исключением авиации, нигде пока не нарушали немецкую границу.

Трудно было понять И. В. Сталина. Видимо, он все еще надеялся как-то избежать войны. Но она уже стала фактом. Вторжение развивалось на всех стратегических направлениях».

Пока Тимошенко и Жуков находились в Кремле, Николай Федорович перенацелил управления и отделы Генштаба на режим работы в условиях военного времени. Все без исключения офицеры и генералы включились в решение новых задач, каждый стремился сделать максимум возможного на вверенном ему участке.

В 7 часов 15 минут в округа была передана одобренная Сталиным директива № 2:

«Военным советам ЛВО, ПриБОВО, ЗапОВО, КОВО, ОлВО

Копия нар[одному] ком[иссару] Воен[но-]мор[ского] флота.

22 июня 1941 года в 04 часа утра немецкая авиация без всякого повода совершила налеты на наши аэродромы и города вдоль западной границы и подвергла их бомбардировке.

Одновременно в разных местах германские войска открыли артиллерийский огонь и перешли нашу границу.

В связи с неслыханным по наглости нападением Германии на Советский Союз приказываю:

1. Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу. До особого распоряжения наземными войсками границу не переходить.

2. Разведывательной и боевой авиацией установить места сосредоточения авиации противника и группировку его наземных войск. Мощными ударами бомбардировочной и штурмовой авиации уничтожить авиацию на аэродромах противника и разбомбить основные группировки его наземных войск. Удары авиацией наносить на глубину германской территории до 100–150 км. Разбомбить Кенигсберг и Мемель. На территории Финляндии и Румынии до особых указаний налетов не делать.

Тимошенко

Жуков

Маленков

№ 2

22.6.41 г. 7.15».

Однако эта директива уже не отвечала сложившейся обстановке. Как станет вскоре известно, «мощные удары» наносить было практически некому. Только в первый день

ВВС Западного особого военного округа потеряли 738 самолётов, из них — 538 на аэродромах. Аналогичное положение было в Киевском и Прибалтийском особых военных округах. Уже с первых часов агрессии немецкие лётчики добились господства в воздухе, уничтожив за один день 22 июня 1200 советских самолётов. Огромны были потери в артиллерии, но особенно в танках.

События развивались с молниеносной быстротой. К восьми часам утра Ватутину удалось сложить из разрозненных и противоречивых сообщений общую картину проходивших боевых действий. Она выглядела так:

сильным ударам бомбардировочной авиации противника подверглись многие аэродромы Западного, Киевского и Прибалтийского особых военных округов (22 июня были преобразованы соответственно в Западный, Юго-Западный и Северо-Западный фронты), где серьезно пострадала прежде всего авиация, не успевшая подняться в воздух и рассредоточиться по полевым аэродромам;

бомбардировке подверглись многие города и железнодорожные узлы Прибалтики, Белоруссии, Украины, военно-морские базы Севастополя и в Прибалтике;

завязались ожесточенные сражения с сухопутными войсками немцев вдоль всей нашей западной границы. На многих участках немцы уже вступили в бой с передовыми частями Красной армии;

поднятые по боевой тревоге стрелковые части, входившие в первый эшелон прикрытия, вступали в бой с ходу, не успев занять подготовленных позиций;

на участке Ленинградского военного округа пока было спокойно, противник ничем себя не проявлял.

Тимошенко позвонил Сталину, доложил ему эту информацию и попросил разрешения приехать в Кремль, чтобы представить проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о проведении мобилизации и проект постановления об образовании Ставки Главного командования, а также обсудить ряд других вопросов. Сталин дал добро, и вскоре Тимошенко, Жуков и Ватутин вновь были в его кабинете. Николай Федорович взял для доклада карту с обстановкой стратегического фронта, которую потом разложит на зелёном сукне сталинского стола. Правда, на неё Сталин взглянет лишь мельком — смотреть на рассыпанные на ней веером синие и красные стрелы ему было неинтересно. Он ждал новостей, но к уже доложенным ему каких-то полчаса назад сведениям добавить было нечего.

В кабинете Сталина присутствовали все члены Политбюро. Вождь, как никогда, был суров и мрачен. Его тёмное лицо, побитое оспой, выражало явное недовольство. Быстро прочитав проект Указа о проведении мобилизации, Сталин передал его своему личному секретарю и заведующему Особым сектором ЦК ВКП(б) А. Н. Поскрёбышеву для утверждения в Президиуме Верховного Совета. Этим документом с 23 июня объявлялась мобилизация военнообязанных 1905—1918 годов рождения на территории 14 военных округов (то есть всех, за исключением Дальневосточного, Забайкальского и Среднеазиатского). Одновременно на всей европейской территории страны вводилось военное положение.

Ещё один документ — проект постановления о создании Ставки Главного командования Сталин оставил у себя, чтобы рассмотреть его на заседании Политбюро. Решение о создании Ставки Главного командования Вооружённых сил СССР — высшего органа руководства действиями армии и флота будет принято 23 июня Советом народных комиссаров (СНК) СССР и ЦК ВКП(б). В её состав вошли нарком обороны СССР Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко (председатель), начальник Генерального штаба РККА генерал армии Г. К. Жуков, И. В. Сталин, заместитель председателя СНК СССР и нарком иностранных дел В. М. Молотов, заместитель председателя СНК СССР Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов, заместитель наркома обороны СССР Маршал Советского Союза С. М. Будённый и нарком Военно-морского флота СССР адмирал Н. Г. Кузнецов. Предлагалось включить в состав Ставки и Ватутина, но Сталин не согласился. Однако он тут же собственноручно вписал его фамилию в состав постоянных советников при этом органе, куда были включены Б. М. Шапошников, К. А. Мерецков, Н. Н. Воронов, А. И. Микоян, Н. А. Вознесенский, А. А. Жданов, Л. З. Мехлис, другие военные, партийные и государственные деятели.

Из Кремля Ватутин снова вернулся в Генштаб. Направленцы непрерывно сообщали Николаю Федоровичу о стремительно меняющейся обстановке:

- Корпус Рокоссовского находится...
- Рябышев выступил...
- Потапов и Музыченко вступили в бой.
- Авиация противника продолжает бомбить Одессу, Севастополь...

Свидетелем этих докладов стал командир 21-го механизированного корпуса генерал-майор Д. Д. Лелюшенко, вызванный накануне в Генштаб. Утром 22 июня он прибыл к Ватутину по делам своего объединения. Но Николай Федорович смог уделить Лелюшенко лишь несколько минут.

— Скорее возвращайтесь в корпус, — сказал он. — Все указания вам будут посланы директивой.

«Мозг армии» работал в напряженном ритме. В середине дня по радио выступил с обращением к гражданам страны В. М. Молотов. Заключительные фразы «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами», сказанные Молотовым, прибавили Николаю Федоровичу немного настроения, но всё равно оно оставалось тяжким и тревожным.

После полудня ему позвонил Жуков, вызвал к себе. Разговор был недолгим.

— Только что разговаривал со Сталиным. Мне приказано срочно убыть на Юго-Западный фронт как представителю Ставки. Остаешься за меня, — сказал Георгий Константинович.

В своих воспоминаниях Жуков так описал своё срочное убытие на Украину:

«Примерно в 13 часов мне позвонил И. В. Сталин и сказал:

— Наши командующие фронтами не имеют достаточного опыта в руководстве боевыми действиями войск и, видимо, несколько растерялись. Политбюро решило послать вас на Юго-Западный фронт в качестве представителя Ставки Главного Командования. На Западный фронт пошлем Шапошникова и Кулика. Я их вызывал к себе и дал соответствующие указания. Вам надо вылететь немедленно в Киев и оттуда вместе с [1-м секретарем ЦК КП(б) Украины] Хрущевым выехать в штаб фронта в Тернополь.

Я спросил:

— А кто же будет осуществлять руководство Генеральным штабом в такой сложной обстановке?

И. В. Сталин ответил:

— Оставьте за себя Ватутина.

Потом несколько раздраженно добавил:

— Не теряйте времени, мы тут как-нибудь обойдемся».

Как принималось это решение — констатирует военный историк Д. А. Волкогон, автор книги «Триумф и трагедия Сталина»: «Не закончив обсуждения с Молотовым, Ждановым, Маленковым документа о создании Ставки Главного

командования, который привез Тимошенко, Сталин вдруг поднялся, походил по кабинету и приказал:

— Срочно направить авторитетных представителей Ставки на Юго-Западный и Западный фронты. К Павлову поедут Шапошников и Кулик, к Кирпоносу — Жуков. Вылететь сегодня же. Немедленно.

Подойдя к столу и оглядев всех присутствующих, вновь жестко и как бы с угрозой сказал:

— Немедленно!

Все согласно закивали...»

Возможно, так оно было. Жуков убыл на фронт искать порванные нити управления, а Ватутин стал исполнять обязанности начальника Генерального штаба. К сожалению, мы никогда не узнаем, о чём в те страшные, трагические дни думал Ватутин, взвалив на себя невероятно огромный груз ответственности. Но с уверенностью можно сказать, что все его дела и помыслы были подчинены одному — отдать все свои силы, а если потребуется, и жизнь во имя Родины. И как высокопарно это ни звучит, но судьба страны в тот поистине роковой период зависела и от действий Ватутина. Также, вне всякого сомнения, ему не раз вспоминались и слова Шапошникова о том, что «штаб — это первейший орган, с помощью которого командир проводит в жизнь свои решения». И сейчас Генеральный штаб являлся первейшим органом, на который был обращен взор руководства страны.

Николай Федорович хорошо понимал, что нарушение управления войсками, не говоря уже о его полной потере, серьёзно осложняет организацию отпора агрессору. Отсутствие постоянной связи с частями и соединениями, их штабами, что, собственно, и происходило на данный момент, лишало командиров и штабы возможности получать информацию о происходящих событиях. Из-за этого возникли большие трудности в принятии решений, выработке предложений, а также в осуществлении контроля за развитием и ходом боевых действий.

Шли часы, но даже к исходу дня 22 июня так и не удалось получить от штабов фронтов, армий и ВВС точные сведения об обстановке на фронтах, о глубине вторжения гитлеровских войск на территорию страны. Не было никаких данных о потерях в наземных войсках и авиации. Никто не знал, где находились командующие Западным и Северо-Западным фронтами Д. Г. Павлов и Ф. И. Кузнецов. А ведь именно на этих направлениях вовсю уже гремели кровопролитные бои.

В то же время Сталин постоянно требовал представить ему информацию том, что происходит в приграничных районах, какие меры принимаются по выполнению отпущенной в войска Директивы № 2. В течение суток он неоднократно об этом спрашивал лично или по телефону у Тимошенко, Жукова и Ватутина. А с убитием Жукова на Украину вождь обращался либо к Тимошенко, либо к Ватутину.

— Когда вы наконец доложите ясную картину на границе? — зло и нетерпеливо спрашивал он. — Что делают командующие, где они? Чем занимается, наконец, Генштаб?

Сталинские резкие слова били больно, а крыть их ни Тимошенко, ни Ватутину было нечем. По определению, Сталину невозможно было сообщать какие-то ориентировочные, а тем более преувеличенные данные. Он не терпел ответов наугад, приблизительных, всегда требовал исчерпывающей полноты. Сталин считал, что необходимы новые жесткие указания из центра. Именно они должны побудить штабы и войска к решительным действиям. По его поручению Ватутин к концу дня 22 июня подготовил ещё одну директиву, в которую Сталин внёс поправки, касающиеся нанесения именно «мощных ударов». Под этим документом, известным как Директива № 3, стоят подписи Тимошенко, Маленкова и Жукова. И хотя Жуков уже находился на Юго-Западном фронте, Сталин приказал Ватутину поставить и его фамилию. Незадолго до полуночи директива была отпущена на фронты. Приведем из неё лишь некоторые выдержки:

«Военным советам Северо-Западного, Западного, Юго-Западного и Южного фронтов

1. Противник, нанося главные удары из Сувалковского выступа на Олита и из района Замостье на Владимир-Волынский, Радзехов, вспомогательные удары в направлениях Тильзит, Шяуляй, Седлец, Волковыск, в течение 22.6, понеся большие потери, достиг небольших успехов на указанных направлениях. На остальных участках госграницы с Германией и на всей госгранице с Румынией атаки противника отбиты с большими для него потерями.

2. Ближайшей задачей войск на 23—24.6 ставлю:

а) концентрическими сосредоточенными ударами войск Северо-Западного и Западного фронтов окружить и уничтожить Сувалковскую группировку противника и к исходу 24.6 овладеть районом Сувалки;

б) мощными концентрическими ударами механизированных корпусов, всей авиации Юго-Западного фронта и других войск 5 и 6 А[рмий] окружить и уничтожить группировку противника, наступающую в направлении Владимир-Волынский, Броды. К исходу 24.6 овладеть районом Люблин...

3. ПРИКАЗЫВАЮ:

а) Армиям Северного фронта продолжать прочное прикрытие госграницы. Граница слева — прежняя.

б) Армиям Северо-Западного фронта, прочно удерживая побережье Балтийского моря, нанести мощный контрудар из района Каунас во фланг и тыл сувалкинской группировки противника, уничтожить ее во взаимодействии с Западным фронтом и к исходу 24.6 овладеть районом Сувалки. Граница слева — прежняя.

в) Армиям Западного фронта, сдерживая противника на варшавском направлении, нанести мощный контрудар силами не менее двух мехкорпусов и авиации во фланг и тыл сувалкинской группировки противника, уничтожить ее совместно с Северо-Западным фронтом и к исходу 24.6 овладеть районом Сувалки. Граница слева — прежняя.

г) Армиям Юго-Западного фронта, прочно удерживая границу с Венгрией, концентрическими ударами в общем направлении на Люблин силами 5 и 6 А[рмий], не менее пяти мехкорпусов и всей авиации фронта, окружить и уничтожить группировку противника, наступающую на фронте Владимир-Волынский, Крыстынополь, к исходу 26.6 овладеть районом Люблин...»

Между тем выполнить эту директиву командующим фронтами было крайне трудно. О проведении контрнаступления в условиях, когда мощные танковые и моторизованные соединения вермахта, поддерживаемые крупными силами авиации, продолжали неудержимо двигаться вперед, не могло быть и речи. В сложившейся обстановке единственно правильным решением могли быть только контрудары мехкорпусов против клиньев бронетанковых группировок противника.

Однако предпринятые контрудары войсками Северо-Западного и Западного фронтов, к сожалению, из-за слабого авиационного прикрытия, несогласованности действий, плохого артиллерийского обеспечения не достигли желаемого результата. Войска понесли большие потери. Особенно в тяжёлом положении оказались части и соединения 3-й и 10-й армий Западного фронта. Они оказались практи-

чески окружены и с трудом пробивались под непрерывными ударами авиации и танковых частей вермахта.

С этими горестными вестями Ватутин в очередной раз прибыл к Сталину — в те страшные дни он вместе с Тимошенко бывал в его кабинете не менее двух-трёх раз за сутки, не считая разговоров по телефону. Только в течение 25 июня Николай Федорович трижды находился на докладе у Сталина, о чём свидетельствует журнал регистрации лиц, которых тот принимал.

— Взламывая нашу оборону, немецкие войска продолжают продвигаться в глубину территории, — негромко, но чётко докладывал Ватутин. — На всех направлениях своих главных ударов немцы имеют 5—6 кратное превосходство... На подступах к Минску соединения 2-го стрелкового корпуса генерала Ермакова ведут кровопролитные бои с частями 3-й танковой группы врага...

— Что вы говорите, какие подступы к Минску?! — бросив вопрошающий взгляд, резко прервал Ватутина Сталин. — Вы что-то путаете?! Откуда у вас эти сведения?

— Никак нет, товарищ Сталин, не путаю, — также негромко, но всё же волнуясь, ответил Ватутин. — Данные представителей Генштаба, посланных в войска, и авиаразведки совпадают. Сегодня можно сказать, что части и соединения первого эшелона не смогли остановить противника у границы и обеспечить развертывание подходящих войск. Фактически Западный фронт прорван...

Неблагоприятная обстановка, далее докладывал Ватутин, была и на Северо-Западном фронте. С тяжелейшими боями 8-я армия генерал-майора П. П. Собенникова отходила к Риге, а 11-я армия генерал-лейтенанта В. И. Морозова — в направлении Полоцка. В ещё более трудном положении оказалась 27-я армия генерал-майора Н. Э. Берзарина. Её, сражавшуюся в районе Даугавпилса, вот-вот должны были обхватить цепкие танковые клещи немцев.

И опять свирепый гнев Сталина. Гнев, который только дезорганизовывал в той трудной обстановке и без того недостаточно отлаженную работу Генштаба. Что Тимошенко, что Ватутину невероятно тяжело было каждый раз выслушивать оскорбительные, бранные и злые тирады Сталина. В эти минуты каждый из них, вне всякого сомнения, хотел находиться не здесь, в разрываемом громами и молниями кабинете, а на фронте, в окопах, рядом с бойцами и командирами. Существует версия, что якобы в ответ на

очередные упрёки Сталина Тимошенко и Ватутин высказали просьбу направить их в войска, на фронт.

— Фронт от вас никуда не денется, — строго ответил им Сталин. — А кто будет в Генштабе расхлёбывать сложившуюся на фронтах обстановку? Кто будет исправлять положение?!

Жуков вспоминал: «Поздно вечером 26 июня я прилетел в Москву и прямо с аэродрома — к И. В. Сталину. В кабинете И. В. Сталина стояли навтыяжку нарком С. К. Тимошенко и мой первый заместитель генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин. Оба бледные, осунувшиеся, с покрасневшими от бессонницы глазами. И. В. Сталин был не в лучшем состоянии.

Поздоровавшись кивком, И. В. Сталин сказал:

— Подумайте вместе и скажите: что можно сделать в сложившейся обстановке? — и бросил на стол карту Западного фронта.

— Нам нужно минут сорок, чтобы разобраться, — сказал я.

— Хорошо, через сорок минут доложите.

Мы вышли в соседнюю комнату и стали обсуждать положение дел и наши возможности на Западном фронте.

Обстановка там сложилась действительно исключительно тяжелая. Западнее Минска были окружены и дрались в неравном бою остатки 3-й и 10-й армий, сковывая значительные силы противника. Остатки 4-й армии частично отошли в Припятские леса. С линии Докшицы — Смолевичи — Слуцк — Пинск отходили на реку Березину разрозненные части войск, понесшие в предыдущих боях серьезные потери. Эти ослабленные войска фронта преследовались мощными группировками противника.

Обсудив положение, мы ничего лучшего не могли предложить, как немедленно занять оборону на рубеже р. Зап[адная] Двина — Полоцк — Витебск — Орша — Могилев — Мозырь и для обороны использовать 13, 19, 20, 21-ю и 22-ю армии. Кроме того, следовало срочно приступить к подготовке обороны на тыловом рубеже по линии оз. Седижарово — Смоленск — Рославль — Гомель силами 24-й и 28-й армий резерва Ставки. Помимо этого, мы предлагали срочно сформировать еще 2—3 армии за счет дивизий Московского ополчения.

Все эти предложения И. В. Сталиным были утверждены и тотчас же оформлены соответствующими распоряжениями.

В своих предложениях мы исходили из главной задачи — создать на путях к Москве глубоко эшелонированную оборону, измотать противника и, остановив его на одном из оборонительных рубежей, организовать контрнаступление, собрав для этого необходимые силы частично за счет Дальнего Востока и главным образом новых формирований».

С возвращением Жукова в Москву работы у Ватутина не поубавилось, но всё же стало легче. До этого были сплошные бессонные дни и ночи. Усталость валила с ног. Ни на минуту не покидала внутренняя напряженность. Теперь же появилась возможность часок-другой прикорнуть — спал в кабинете, не раздеваясь. На доклады в Кремль ездили Тимошенко и Жуков, а Николай Федорович оставался на хозяйстве, решая с подчиненными всё новые и новые задачи Ставки Главного командования. Вот как описывает будни Генштаба того периода А. М. Василевский:

«Не переставая, работали “Бодо” — телеграфные аппараты, отправлявшие сразу несколько телеграмм по встречным курсам. Бывшие окружные штабы, а ныне фронтовые управления слали нам свои донесения. Мы передавали распоряжения Центра в войска. Людей не хватало. Главная работа сосредоточилась в большом зале, куда были стянуты основные кадры, обслуживавшие связь с войсками. Всюду карты — географические и топографические, разных масштабов и предназначений. Непрерывные донесения. Телеграфные или доставляемые самолетами связи, самолетами-разведчиками. Информация, как можно более полная и точная, необходима, как воздух. Что происходит на фронтах, где находятся войска, наши и вражеские, на каком рубеже идут бои? Куда направить подкрепления, где и какая необходима боевая техника? Лишь бы не сбиться с ритма, не опоздать, вовремя дать сведения Ставке...

Попытки Главного командования остановить быстрое выдвижение в глубь страны мощных группировок врага силами неизготовленных к этому и понесших серьезные потери войск приграничных округов не удалось. Поэтому оно пришло к единственно правильному в тех условиях решению — использовать подходившие из глубины страны отобюрокразированные эшелоны войск для создания нового стратегического фронта обороны. Оно решило ряд других довольно сложных проблем. Основные из них: немедленная организация прочной, устойчивой связи Главного командования с фронтами и во фронтах с войсками; выбор на

местности наиболее выгодных для организации обороны рубежей и подготовка их в инженерном отношении; создание на этих рубежах группировок войск, наиболее отвечающих складывающейся к тому времени фронтовой обстановке; своевременный вывод на эти рубежи войсковых группировок, развертывание и подготовка их к обороне; всемерное повышение политико-морального состояния и боеспособности войск, массовая и срочная подготовка в военном и политическом отношении людских ресурсов и создание новых мощных стратегических резервов; организация производства в этих тягчайших для страны условиях для обеспечения фронта всеми необходимыми материальными ресурсами, для более успешного ведения вооруженной борьбы с врагом».

Безусловно, работа проводилась огромная. И тем не менее обстановка на фронтах продолжала осложняться с каждым днём. Враг, несмотря на упорное и яростное сопротивление частей и соединений Красной армии, неумолимо двигался вперёд к намеченным целям — Киеву, Москве, Ленинграду... 29 июня стали поступать сообщения о том, что войска Западного фронта после тяжелых боёв оставили столицу Белоруссии — Минск. Сталин позвонил Тимошенко и в раздражённой манере, ставшей уже привычной, спросил:

— Что происходит под Минском? Как там дела?

В этот момент у наркома обороны не хватило мужества прямо ответить Сталину о том, что Минск действительно сдали. Тимошенко, вероятно, надеялся, что положение будет исправлено, поэтому сказал как-то неопределенно:

— Я не могу сейчас доложить, товарищ Сталин... — Нарком не закончил говорить, его тут же прервал Сталин:

— А вы обязаны постоянно знать все детали, товарищ Тимошенко, и держать нас в курсе событий. — И Сталин положил трубку.

В кабинете вождя в это время находились Молотов, Маленков и Берия. Выдержав небольшую паузу, Сталин сказал:

— Не нравится это их неведение. А может быть, мы сейчас поедem в Генштаб и сами посмотрим карты и донесения с фронтов.

Вот как описывает дальнейшие события, ссылаясь на воспоминания тогдашнего наркома иностранных дел В. М. Молотова, Герой Советского Союза писатель Владимир Карпов: «От Кремля до здания Наркомата обороны

по улице Фрунзе ехать всего несколько минут. Когда члены Политбюро вошли в массивные двери, часовой, увидев Сталина и идущих за ним Молотова, Маленкова и Берия, настолько оторопел, что даже не мог спросить пропуска или что-то вымолвить. Члены Политбюро молча прошли мимо часового и поднялись на второй этаж, где был кабинет наркома обороны. В кабинете в это время были Тимошенко, Жуков, Ватутин, генералы и офицеры Генштаба, они стояли около больших столов, на которых расстелены карты с обстановкой на фронтах.

Появление Сталина и других членов Политбюро было настолько неожиданно, что все присутствующие на некоторое время просто онемели. Тимошенко даже побледнел, однако, будучи старым служакой, он быстро пришел в себя и подошел к Сталину с рапортом, как и полагается в таких случаях:

— Товарищ Сталин, руководство Наркомата обороны и Генеральный штаб изучают обстановку на фронтах и вырабатывают очередные решения.

Сталин выслушал доклад, ничего не ответил и медленно пошел вдоль стола с картами. Он остановился у карты Западного фронта. Тем временем на цыпочках, один за другим вышли из кабинета работники Генерального штаба, кроме Тимошенко, Жукова и Ватутина.

Сталин довольно долго стоял у карты Западного фронта и разглядывал ее. Затем повернулся к генералам и, явно сдерживая себя и стараясь быть спокойным, сказал:

— Ну, мы ждем, докладывайте, объясняйте обстановку.

Тимошенко хорошо знал Сталина, не только уважал, но и очень боялся его. Он понимал, что у Сталина внутри все клокочет, иначе он не появился бы здесь так внезапно. Не ожидая для себя ничего хорошего, Тимошенко стал сбивчиво докладывать:

— Товарищ Сталин, мы еще не успели обобщить поступившие материалы. Многое не ясно... Есть противоречивые сведения... Я не готов к докладу.

И тут Сталин сорвался:

— Вы просто боитесь сообщить нам правду! Потеряли Белоруссию, а теперь хотите поставить нас перед фактом новых провалов?! Что делается на Украине? Что в Прибалтике? Вы управляете фронтами или Генштаб только регистрирует потери?!

Желая как-то разрядить обстановку и помочь Тимошенко, которого Жуков уважал, начальник Генерального штаба обратился к Сталину:

— Разрешите нам продолжать работу.

Тут вдруг иронически спросил Берия:

— Может, мы мешаем вам?

— Обстановка на фронтах критическая. От нас ждут указаний, — сказал Жуков, стараясь быть спокойным и ни к кому не обращаясь, но затем, взглянув прямо в глаза Берии, с некоторым вызовом спросил: — Может быть, вы сумеете дать эти указания?

— Если партия поручит, дадим, — отрезал Берия.

— Это если поручит! — твердо парировал Жуков. — А пока дело поручено нам.

Повернувшись к Сталину, Жуков, опять-таки стараясь быть спокойным, сказал:

— Простите меня за резкость, товарищ Сталин. Мы разберемся и сами приедем в Кремль...

Все молчали, ожидая, что решит и скажет Сталин. Но и Тимошенко не захотел в трудную минуту оставлять без поддержки своего начальника Генерального штаба и, пытаясь прийти ему на помощь, сказал:

— Товарищ Сталин, мы обязаны в первую очередь думать, как помочь фронтам, а потом уже информировать вас...

Попытка Тимошенко сгладить ситуацию обернулась против него. Сталин опять вспыхнул:

— Во-первых, вы делаете грубую ошибку, что отделяете себя от нас! А во-вторых, о помощи фронтам, об овладении обстановкой нам теперь надо думать всем вместе. — Сталин помолчал и, видимо решив, что всё-таки в такой ситуации лучше действительно дать военным возможность собраться с мыслями, сказал, обращаясь к своим спутникам:

— Пойдемте, товарищи, мы, кажется, действительно появились здесь не вовремя...

Члены Политбюро направились к двери и ушли, никем не сопровождаемые, так же как и появились здесь несколькими минутами раньше».

После того как Сталин и члены Политбюро покинули Наркомат обороны, Тимошенко поручил Жукову связаться с командующим Западным фронтом генералом армии Павловым. Обстановка там складывалась критическая. Как, впрочем, на Северо-Западном и Юго-Западном фронтах. 30 июня Павлов был вызван в Москву, фронт возглавил генерал-лейтенант А. И. Еременко.

В этот же день представителем Ставки на Северо-Западном фронте был назначен Ватутин. Ему ставилась зада-

ча разобраться на месте с положением дел и принять неотложные меры по исправлению ситуации.

Как принималось это решение — читаем в книге писателя Ивана Стаднюка «Война»: «Сталин забарабанил пальцами по столу и, не поднимая набухших желтоватых век, продолжил:

— Надо оказать помощь и командованию Северо-Западного фронта: послать туда кого-то из сильных генштабистов.

— Вероятно, речь может пойти о Ватутине? — Молотов пристально посмотрел на Сталина.

— Может быть... Кстати, он сам просился на фронт. — Сталин вскинул на собеседника задумчивый взгляд. — А что?.. Действительно, надо послать генерал-лейтенанта Ватутина... Пусть осмотрится, а потом возглавит штаб Северо-Западного...

— Не командующим? Зазвенел на столе один из телефонов, и Сталин, положив руку на аппарат, ответил Молотову:

— Он превосходный начальник штаба... А потом посмотрим...»

Что правда, то правда, Николай Федорович просился на фронт. Но в то тяжелое время, думается, его, чистого штабиста, нужно было всё-таки держать в Генштабе. Жуков позже дал оценку решению Сталина. В его мемуарах читаем: «Первый заместитель начальника Генштаба генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин на 9-й день войны, когда вопросы управления войсками приобрели исключительное значение, был взят из Генштаба и без особой надобности назначен начальником штаба Северо-Западного фронта. Это была большая утрата для Генштаба, так как Н. Ф. Ватутин хорошо знал войска, был исключительно четкий, оперативно грамотный и трудолюбивый генерал».

Но люди военные приказы не обсуждают. Перед отъездом Николай Федорович впервые с начала войны побывал дома. Он жил с семьей в тихом Большом Ржевском переулке. Слава богу, Татьяна Романовна и дети вернулись из Кисловодска. Правда, ехали оттуда почти неделю. Сборы Николая Федоровича были недолгими. Несколько часов, проведенные с женой и детьми, пролетели незаметно. Привыкшая к частым разлукам, Татьяна Романовна, крепко прижавшись к мужу, на этот раз не сдержала слёз, поскольку провожала своего Колю не на учения, а на войну.

— Не волнуйся, Танюша, — обнимая жену, сказал он. — Всё будет хорошо. Обязательно вернусь, береги себя и детей...

Глава 9

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ

На Москву опустились серые сумерки, улицы были пустынные и уже не освещались, когда Ватутин с группой офицеров и генералов Генштаба выехал в сторону Пскова. Колонна состояла из нескольких легковых машин. Николай Федорович ехал вместе с корпусным комиссаром Владимиром Николаевичем Богаткиным, который должен был занять должность члена Военного совета фронта. До этого Богаткин редактировал газету «Красная звезда», а чуть раньше являлся членом Военного совета Московского военного округа. Ехали быстро, практически без остановок. Вся ночь прошла в разговорах.

Но чем ближе подъезжали к Пскову, тем явственнее чувствовалась близость фронта. Все чаще и чаще навстречу попадались толпы беженцев. Вся эта большая река, состоящая из женщин, детей, подростков, стариков, повозок, тачек, домашней живности, текла и текла из приграничных районов страны... На дорогах то и дело возникали пробки, особенно у мостов. По словам беженцев, немцы вот-вот будут в Пскове, а Новгород якобы полностью разрушен вражеской авиацией. Но точно никто не мог сказать, так ли это на самом деле. Слухи были один тревожнее другого. Среди этого нескончаемого потока гражданского населения, двигавшегося на восток, встречались и группы военнослужащих. Несколько таких групп Николай Федорович вместе с Богаткиным развернул назад, направив их обратно к Пскову, где они должны были примкнуть к частям фронта.

Штаб Северо-Западного фронта находился в лесу южнее Пскова. Первое, что бросилось Ватутину в глаза, это последствия недавней бомбежки. Повсюду зияли глубокие воронки, валялись разбросанные в разные стороны ящики с документами, рваные куски палаток. Тут же лежали вырванные с корнем деревья, на которых болтались обрывки телефонных проводов. Кое-где продолжал гореть лес, источая горький дым. В разных местах застыли исковерканные машины. Суетились санитары, оказывая помощь раненым. С лиц солдат и офицеров ещё не сошли испуг и

напряжение. Вид у начальника штаба генерал-лейтенанта П. С. Клёнова был усталым и подавленным.

На вопросы Ватутина, где находится командующий фронтом генерал-полковник Ф. И. Кузнецов, каково положение армий, корпусов, их дислокация, начальник штаба не дал вразумительного ответа. Не владел обстановкой и член Военного совета фронта корпусной комиссар П. А. Диброва. Пообщавшись с военачальниками, Ватутин сразу почувствовал, что в составе командования фронта сложилась не совсем здоровая обстановка. Член Военного совета корпусной комиссар Диброва доложил, что начальник штаба генерал Клёнов постоянно болеет, работа штаба развалена. О командующем фронтом Кузнецове он сказал, что тот всё время создаёт нервозно-напряжённую атмосферу. Клёнов, в свою очередь, обвинил члена Военного совета во вмешательстве в работу штаба. Было ясно, что штаб фактически потерял управление подчиненными войсками, сложившиеся отношения между военачальниками не только не способствовали решению задач, а наоборот вредили.

Это подтверждает в своих воспоминаниях генерал-лейтенант А. В. Сухомлин, прибывший в составе ватутинской группы на Северо-Западный фронт. Сухомлин, в то время генерал-майор, пишет: «Северо-Западный фронт, ведя упорные бои с противником на линии: Тапа, Тарту, Резекне, отходил к северо-востоку и востоку. После ознакомления с обстановкой, которая была чрезвычайно сложной, у группы сложилось мнение, что командование фронта не справлялось с управлением войсками и не представляло истинной картины о положении своих соединений и частей. Необходимы были срочные меры по восстановлению функций эффективного управления войсками и организации боевых действий».

Ещё 26 июня Ватутин стал свидетелем жесткого разговора по «Бодо» Жукова с командующим фронтом генерал-полковником Ф. И. Кузнецовым. Тогда начальник Генштаба прямо сказал комфронта о том, что он как командующий очень плохо справляется с руководством войсками фронта, не знает, где соединения фронта и что они делают... «Имейте в виду, — требовательно говорил Жуков, — передовые моточасти немцев далеко оторвались от своей пехоты. Поэтому вам подвертывается удобный случай уничтожить их с тыла ночными действиями. Дайте задачу частям на широкие ночные действия...»

Однако по прошествии четырёх суток, как на месте вы-

иснил Ватутин, изменений в лучшую сторону не произошло. Под мощным натиском немцев войска фронта стихийно продолжали отступать, неся огромные потери.

— Я вынужден доложить о сложившейся ситуации в Ставку, — сказал Ватутин. — Не исключаю, что произойдёт смена командования фронта.

Так оно и случилось. По решению Сталина командующим фронтом был назначен командующий 8-й армией генерал-майор П. П. Собенников, членом Военного совета — корпусной комиссар В. Н. Богаткин. Штаб фронта было приказано возглавить непосредственно Ватутину. Телеграмма из Ставки заканчивалась словами: «...До прибытия Собенникова фронтом командовать Ватутину».

Хотя изначально, как пишут некоторые историки, на должность командующего фронтом рассматривался и Ватутин, но Сталин отклонил его кандидатуру.

Забегая вперёд, скажем, что спустя три недели, когда на южном фланге центрального участка советско-германского фронта был создан Центральный фронт, фамилия Ватутина вновь всплыла на совещании у Сталина. Жуков предложил Сталину поставить во главе нового фронта опытного и энергичного командующего. Конкретно он назвал Ватутина. Возможно, Николай Федорович и занял бы эту должность, если бы не произошёл конфликт между Сталиным и Жуковым. Во время обсуждения положения на Юго-Западном направлении, а обстановка там была крайне сложной, Жуков предложил целиком отвести Юго-Западный фронт за Днепр.

— Киев придётся оставить, — сказал Жуков. — На Западном направлении нужно немедленно организовать контрудар с целью ликвидации Ельнинского выступа. Этот плацдарм противник может использовать для удара на Москву.

Услышав эти слова, Сталин буквально взорвался.

— Какие ещё там контрудары, что за чепуха? — гневно спросил он. — Как вы могли додуматься сдать врагу Киев?

Человек крепкого закала, Жуков тоже не смог сдержаться. За словом в карман не полез, ответил не менее резко:

— Если вы считаете, что начальник Генерального штаба способен только чепуху молотить, тогда ему делать здесь нечего. Я прошу освободить меня от обязанностей начальника Генерального штаба и послать на фронт...

Строптивость Георгия Константиновича стоила ему должности начальника Генштаба. В тот же день он убыл

принимать под своё начало малозначимый Резервный фронт.

О Ватутине в пылу конфликта больше никто не вспомнил. Но, по всей видимости, и на сей раз Сталин не собирався назначать его командующим. Причина состояла в том, что в первые дни войны вождь был крайне недоволен работой руководства Наркомата обороны и Генштаба. Он неоднократно обрушивал свой гнев на Тимошенко и Жукова. Часто перепадало и Ватутину. В страшной катастрофе, случившейся с Красной армией, были виноваты все, кроме, естественно, Сталина. И хотя Ватутин в опалу не попал, но какую-то часть сталинского доверия он всё же утратил. Только этим можно объяснить тот факт, что его не назначили командующим. Есть ещё одна причина и, пожалуй, главная, по которой Николаю Федоровичу не доверили фронт: за его плечами не было школы командования соединениями и объединениями, а также большого боевого опыта.

Впрочем, вернёмся на Северо-Западный фронт. Честолюбивый, но не тщеславный, Николай Федорович спокойно воспринял своё новое назначение. Значит, так надо, рассудил он, вспомнив старую житейскую мудрость: не место красит человека, а человек — место.

С первых часов пребывания на фронте на плечи Ватутина легло огромное количество задач, решать которые надо было незамедлительно. Начал Николай Федорович с того, что потребовал от офицеров штаба выяснить, где находятся объединения и соединения фронта, и наладить с ними постоянную связь. Для этой цели были задействованы самолеты У-2. Лётчики буквально рыскали в поисках колонн войск, мест расположения не только штабов армий и дивизий фронта, но даже отдельных полков и вышедших из окружения групп. Задание было не из лёгких. Ведь пилотам приходилось садиться на случайные неровные площадки, а то и едва ли не в боевых порядках войск, и взлетать, передав распоряжение штаба фронта, под артиллерийским или миномётным огнём противника.

Новый начштаба также приказал усилить воздушную и войсковую разведку. Одновременно офицеры оперативной связи на мотоциклах и бронемашинах направлялись в те обнаруженные с воздуха части и соединения, где посадка самолёта вообще была невозможна. Из докладов уже возвратившихся из дивизий и бригад офицеров штаба фронта и сообщений делегатов связи обстановка начала посте-

ленно проясняться. Вся эта работа приносила свои плоды: связь с войсками налаживалась, почти полностью утраченное управление было восстановлено.

Ватутин навёл порядок и в штабе фронта. Настоящий профессионал штабной работы, Николай Федорович не терпел неразберихи, расхлябанности и анархии. Поэтому отделы, не принимавшие непосредственного участия в руководстве войсками, он отослал в тыл. Оставшиеся отделы усилил офицерами, приехавшими с ним из Москвы, их работа вошла, как и положено, в привычный ритм. Также по указанию Николая Федоровича в тыл отправили лишние автомобили, неиспользуемое имущество. За короткий срок были построены блиндажи, отрыты щели, организовано несение службы по охране и обороне как штаба, так и других объектов.

Действительно, при Ватутине штаб фронта стал соответствовать своему прямому назначению — готовил предложения, вырабатывал решения и управлял войсками. Подтверждением этому служит рассекреченное Министерством обороны Российской Федерации письмо генерал-лейтенанта К. Н. Деревянко, который был в то время полковником и заместителем начальника разведотдела штаба Северо-Западного фронта. Вот выдержка из его письма: «Несмотря на тяжелую обстановку, поступление разведданных от войск примерно с конца второй недели значительно улучшилось. Особенно это стало заметно с приходом на должность начальника штаба фронта генерал-лейтенанта (в то время) Ватутина, организовавшего с первых шагов работу штаба и добившегося значительного улучшения связи и управления войсками. До прибытия Ватутина штаб фронта не был в состоянии справляться со своими функциями, так как его отделы были лишь обозначены отдельными офицерами и техническими работниками. Основная часть офицеров штаба выполняла поручения командования фронта в войсках. Прибыв 29.6 в разведотдел штаба фронта, я застал в нём лишь одного офицера. Командование фронта в первые дни войны недооценило роль штаба, не принимало мер к его укреплению и использовало его не как орган управления войсками, а как группу офицеров для поручений. Одной из причин этого была неустойчивая техническая связь с войсками...»

Николай Федорович практически пошагово восстановил трагические события, происходившие на Северо-Западном фронте. В полосе фронта противник сконцентри-

ровал одно из трех мощнейших оперативно-стратегических объединений — группу армий «Север», которой командовал генерал-фельдмаршал Вильгельм фон Лееб. Кроме того, здесь были задействованы и левофланговые части группы армий «Центр», которая в основном действовала на Московском направлении.

В первый день войны, 22 июня, группа армий «Север», а также 3-я танковая группа и два левофланговых армейских корпуса 9-й армии группы армий «Центр», имея почти двукратное превосходство по числу личного состава, артиллерии и танков, нанесли сокрушительный удар по советским войскам. И было чем. Группировка насчитывала 42 дивизии, в том числе 7 танковых и 6 моторизованных. В её составе было около 725 тысяч солдат и офицеров, свыше 13 тысяч орудий и минометов всех калибров и не менее полутора тысяч танков (более 30% всех сил и средств, предназначенных для вторжения в пределы Советского Союза). Группировку с воздуха поддерживал 1-й воздушный флот, имевший около 1100 самолетов.

Вся эта армада расколола советскую оборону, словно острый топор полено. Не полностью укомплектованные 8-я армия генерал-майора П. П. Собенникова, 11-я армия генерал-лейтенанта В. И. Морозова, 27-я армия генерал-майора Н. Э. Берзарина, а также 3-й и 12-й механизированные корпуса генерал-майора танковых войск А. В. Куркина и комбрига Н. М. Шестопалова и ещё несколько отдельных дивизий и бригад дрогнули под натиском врага. Северо-Западный фронт был значительно слабее фронтов, действовавших в Белоруссии и на Украине. Всего он имел 25 дивизий (19 стрелковых, 4 танковые и 2 мотострелковые) и 4 бригады (1 стрелковая и 3 воздушно-десантные). В них насчитывалось 1 тысяча 150 танков, 6 тысяч 400 орудий и минометов, 877 боевых самолетов.

Удар вермахта был настолько силен, что уже к исходу 22 июня его соединения вклинились на глубину 60 километров. И продолжали дальше катиться вперед, развивая наступление.

Суммируя ход боевых действий фронта за первые десять дней войны, Ватутин пришёл к выводу, что трагический итог оборонительной операции стал возможен из-за того, что отсутствовало управление войсками, были допущены грубые ошибки и просчёты командования фронта и армий в оценке обстановки, принятии решений и организации выполнения поставленных задач.

Кроме того, не удалось отмотилизовать и развернуть армейский и фронтовой тылы. Части и соединения вынуждены были обороняться, не имея надёжного материально-технического обеспечения, то есть без горючего, транспорта, вооружения и боеприпасов. Как следствие — огромные потери, беспорядочное отступление войск на восток. И без того тяжелое положение отходивших частей усугубляли действия немецких авиадесантов и переодетых в советскую форму диверсионных групп, которые сеяли панику в тылу, выводили из строя проводные средства связи. Активно помогали им в этом националистически настроенные граждане Латвии, Литвы и Эстонии. По сути, они наносили советским войскам удар в спину.

Однако, несмотря на драматизм положения, войска фронта, отступая, сопротивлялись отчаянно. Как свидетельствуют документы, в тех районах, где войска успели занять оборонительные рубежи, они сражались стойко и наносили противнику существенный урон. Так, части 90-й стрелковой дивизии полковника М. И. Голубева 23 июня перешли у литовского города Таураге в контратаку, разбили врага и гнали его 18 километров.

Отважно сражалась 28-я танковая дивизия, которой командовал будущий полководец Великой Отечественной войны полковник И. Д. Черняховский. На одном из участков фронта его соединение не только остановило врага, но и вклинилось в его боевые порядки более чем на 5 километров, уничтожив при этом 14 танков, 20 орудий и около полка пехоты. Юго-западнее литовского города Шяуля танкисты Черняховского долго сдерживали противника, обеспечив отход 8-й армии на рубеж Западной Двины.

В боях под Даугавпилсом отличился 21-й механизированный корпус Героя Советского Союза генерал-майора Д. Д. Лелюшенко. В тесном взаимодействии с авиацией и десантниками корпус генерала «Вперёд» (так ещё называли Лелюшенко) нанёс серьёзный урон частям LVI моторизованного корпуса генерала Эриха фон Манштейна. Было подбито и уничтожено 42 танка, 34 орудия, 32 миномёта, 250 автомашин. На поле боя осталась почти тысяча немецких солдат и офицеров, в плен было взято еще около 300 человек. По тылам и флангам врага одновременно наносили удары соединения 11-й армии генерал-лейтенанта В. И. Морозова, отходившие от границы. В результате противник был задержан на Западной Двине у Даугавпилса с 28 июня по 2 июля.

В Центральном архиве Министерства обороны РФ хранится представление на заместителя политрука радиороты 415-го отдельного батальона связи 22-го Эстонского территориального стрелкового корпуса Северо-Западного фронта Арнольда Мери о присвоении ему звания Героя Советского Союза. Документ, подписанный командованием фронта, в том числе и Ватутиным, уникальный в своём роде. Это первое с начала Великой Отечественной войны представление на получение политработником высшей награды Родины. Указ Президиума Верховного Совета СССР был издан 15 августа 1941 года. Золотой Звездой Героя Арнольд Мери был награжден за то, что, дважды раненный, сумел остановить отступление батальона и возглавил оборону штаба корпуса. И таких примеров были сотни. Героизм и отвагу советских солдат подтверждает и сторона противника.

В 1947 году, когда в украинском городе Полтава проходил суд над военными преступниками, бывший командир танковой дивизии СС «Мертвая голова», кавалер Рыцарского креста с дубовыми листьями бригаефюрер СС и генерал-майор войск СС Гельмут Беккер сделал следующее признание: «В первый же час войны мы двинулись из Восточной Пруссии в Прибалтику, рассчитывая безостановочно идти к Ленинграду. Достигнув Двинска*, дивизия вынуждена была остановиться. В этот день мы вели тяжелый бой, и поле боя осталось за нами, но мы заплатили очень дорогой ценой за победу. За всю войну во Франции дивизия не имела таких потерь. Я хотел узнать, как русские строят оборону, и со своими офицерами обошел поле боя. Мы увидели высокое искусство инженерных сооружений и особенно маскировки: подходя к самым огненным позициям, трудно было их заметить. В окопах у пулеметов и на огневых позициях батарей лежали стрелки и артиллеристы, не покинувшие солдатского поста и раздавленные нашими танками. Силу огня русской артиллерии мы узнали сразу. К этому прибавились действия танков KV и Т-34, против которых были бессильны немецкие танки PzKw III и PzKw IV. Здесь я впервые увидел, что русские закапывают танки в землю и тогда их можно подбить только с ближней дистанции с большими для себя потерями».

Ещё один факт из многих. Из сводного отчёта 3-й не-

* Имеется в виду Даугавпилс, который в 1893—1920 годах носил название Двинск.

мецкой танковой группы: «Не было никаких признаков целеустремленного и планового руководства войсками противника в целом, сопротивление оказывалось отдельными, разобщенными друг от друга вражескими группами. Непосредственное управление войсками отличалось малоподвижностью, схематичностью. Отсутствовали быстрая реакция и быстрое принятие решений в связи с меняющейся боевой обстановкой. Ни один советский войсковой начальник не принимал самостоятельного решения уничтожать переправы и мосты. Многочисленные укрепления были недостаточно обеспечены гарнизонами или же не имели их вовсе. Там, где противник встречался, он оказывал ожесточенное и храброе сопротивление, стоял насмерть».

Справедливости ради надо сказать, если бы на героизм и жертвенность бойцов и командиров Красной армии наложить чёткую организацию и грамотное управление войсками, результаты первых боёв, вне всякого сомнения, были бы иными. Но что случилось, то случилось. Теперь вся ответственность за положение дел на фронте до прибытия генерал-майора Собенникова ложилась на Ватутина. На тот момент Николай Федорович определил для войск фронта следующие задачи: задержать немцев на рубежах обороны возможно дольше, с тем чтобы выиграть время для подтягивания резервов; нанести врагу как можно больше потерь; собрать максимум сил для нанесения контрударов.

Однако реализация этих задач затруднялась недостатком сил и средств. Отход с кровопролитными боями войск фронта продолжался. Штаб вынужден был передислоцироваться в район Новгорода. Немцы, ударив в стык 8-й и 27-й армий, устремились к Пскову. Не принесли желаемых результатов боевые действия на линии укрепленных районов по реке Великая. 11-я армия, ведя ожесточенные бои, отходила на Дно и Струги Красные. 6 июля передовые части 4-й танковой группы немцев заняли город Остров, 9 июля — Псков. 8-я армия окончательно оторвалась от частей фронта, отошла на линию Пярну — Тарту. Остатки 11-й и 27-й армий, отбиваясь от наседавшего противника, отступали. Гитлеровцы, не считаясь с потерями, рвались к Ленинграду.

Взятие Ленинграда Гитлер рассматривал как одну из основных военно-политических целей в войне против Советского Союза. 8 июля 1941 года перед группой армий «Север», стремительно двигавшейся вперёд на Ленинградском направлении, была поставлена задача — разгромить вой-

ска Северо-Западного и Северного фронтов. Затем отрезать Ленинград от основной территории страны и во взаимодействии с финскими войсками с ходу овладеть городом. Главный удар должна была нанести 4-я танковая группа, на которую возлагалась задача силами LVI моторизованного корпуса перерезать дорогу Ленинград — Москва у Чудова, а XXXXI моторизованному корпусу — прорваться к Ленинграду с юга через Лугу. 18-я армия вермахта должна была наступать за левым флангом 4-й танковой группы. В её задачу входило отсечь и уничтожить советские войска, действовавшие в Эстонии, от остальных сил Северо-Западного фронта, с одновременным захватом Таллина и Моозундских островов. Одновременно с севера на Карельском перешейке наносили удар на Ленинград финские войска. Наступление группы армий «Север» поддерживали 1-й воздушный флот, часть сил 5-го воздушного флота и финские ВВС. Всего группировка немецко-финских войск, нацеленных на Ленинград, насчитывала 810 тысяч человек, 5,3 тысячи орудий и минометов, 440 танков и 1,3 тысячи боевых самолетов.

К 10 июля создалась реальная угроза прорыва подвижных сил немцев к Ленинграду. У Ватутина состоялся малоприятный разговор по «Бодо» с начальником Генерального штаба Г. К. Жуковым.

«Жуков: Все ваши планы до сих пор в жизнь не проводились и оставались только фантазией, потому что эти планы до полков, рот, батальонов не доходили и никто это не контролировал...

Ватутин: Товарищ генерал армии, все указания ваши мне понятны. Сил не так много, как кажется...

Жуков: ...части при плохих руководителях, ничего существенно не сделав, теряют не только личный состав, но и вооружение...»

Сил действительно было мало, о чём свидетельствует донесение, отправленное Ватутиным в Генштаб ещё 4 июля. Документ объёмный, поэтому приведём данные только по 8-й армии. На её примере хорошо видно, что представляло собой это объединение после десяти дней изнурительных и жестоких боёв. В некоторых дивизиях оставалось от пяти-сот до полторы тысячи бойцов и командиров. Тогда как по штату военного времени их должно было быть почти 15 тысяч человек. Итак, согласно донесению в 8-й армии насчитывалось:

«10-я стрелковая дивизия: командного состава — 52,

младшего командного состава — 81, рядового состава — 429. Всего — 562. Лошадей — 10. Винтовок обыкновенных — 257, автоматических — 76, ручных пулемётов — 5, станковых — 3, ДП* — 6, автомашин — 9, повозок — 3, кухня — 1.

11-я стрелковая дивизия: личного состава — 1450; станковых пулеметов — 6, орудий 45-мм — 1, 122-мм — 3, бронемашин — 1.

48-я стрелковая дивизия: командного состава — 336, младшего командного состава — 348, рядовых — 1365. Всего — 2049. Лошадей — 765. Винтовок обыкновенных — 1445, автоматических — 198, ручных пулеметов — 45, станковых — 26, крупнокалиберных — 3, зенитных — 6, ДП — 89, орудий 45-мм — 15, 76-мм — 12, 76-мм зенитных — 3, 122-мм — 23, 152-мм — 1, автомашин — 91, радио — 14, тракторов — 15.

67-я стрелковая дивизия — сведений нет.

125-я стрелковая дивизия совместно с корпусными частями 11-го стрелкового корпуса: командного состава — 681, младшего командного состава — 550, рядового состава — 5489. Всего — 6720. Лошадей — 501. Винтовок обыкновенных — 6496, автоматических — 35, ручных пулемётов — 80, станковых — 25, зенитных — 23, ДП — 35, орудий 45-мм — 5, 76-мм — 12, 122-мм — 10, 152-мм — 46, автомашин — 292, мотоциклов — 1, тракторов — 87.

10-й стрелковый корпус с корпусными частями: командного состава — 170, младшего командного состава — 246, рядового — 1439. Всего — 1855. Винтовок обыкновенных — 850, ручных пулемётов — 63, станковых — 11, зенитных — 2, раций — 5, орудий 45-мм — 1, 76-мм — 2, 76-мм зенитных — 26, 122-мм — 26, 152-мм — 9, автомашин — 61, тракторов — 42.

12-й механизированный корпус: управление и корпусные части: личного состава — 1550, танков — 32.

23-я танковая дивизия: командного состава — 384, младшего командного состава — 347, рядового состава — 2467. Всего — 3198. Винтовок — 2008, ручных пулеметов — 42, орудий 37-мм — 12, 45-мм — 10, 122-мм — 7, танков — 11, бронемашин — 2, автомашин — 167.

28-я танковая дивизия: командного состава — 464, младшего командного состава — 578, рядовых — 2692. Всего — 3734. Винтовок обыкновенных — 2276, автоматических — 2,

* Ручной пулемёт ДП (Дегтярёва пехотный).

минометов — 2, ручных пулеметов — 59, зенитных — 2, ДП — 41, орудий 45-мм — 0, 37-мм — 6, 76-мм — 1, 122-мм — 2, 152-мм — 1, танков — 3, автомашин — 384.

9-я артиллерийская бригада противотанковой обороны: командного состава — 226, младшего командного состава — 356, рядового состава — 1549. Всего — 2131. Винтовок обыкновенных — 1686, автоматических — 6, пулеметов ручных — 27, ДП — 3, орудий 76-мм — 13, 85-мм — 7, автомашин — 64, раций — 12, мотоциклов — 3, тракторов — 3.

Управление 65-го стрелкового корпуса: командного состава — 63, младшего командного состава — 245, рядового — 245. Всего — 553. Винтовок обыкновенных — 286, ручных пулеметов — 3, автомашин — 30, раций — 3.

По 2-й танковой дивизии, мотоциклетному полку 3-го механизированного корпуса сведений не поступало.

202-я моторизованная дивизия: командного состава — 114, младшего командного состава — 46, рядового — 875. Всего — 1035. Винтовок — 306, ручных пулеметов — 22, ДП — 2, орудий 76-мм — 2, 122-мм — 6, танков Т-26 — 5, Т-38 — 1».

Аналогичными силами располагали другие армии фронта, но и они от боя к бою таяли. Между тем Ставка требовала во что бы то ни стало остановить врага, выстоять до создания Лужского рубежа обороны. Во время очередного разговора по «Бодо» Жуков сообщил Ватутину о том, что для создания эшелонированной обороны на дальних подступах к Ленинграду Ставка привлекает часть сил Северного фронта, объединённых в Лужскую оперативную группу под командованием генерал-лейтенанта К. П. Пядышева. В эту группу были включены четыре стрелковые дивизии, три дивизии народного ополчения, Ленинградские стрелково-пулемётное и пехотные училища, а также горнострелковая бригада.

— Если Лужская оборона окажется устойчивой, то XXXXI моторкорпус немцев там завязнет, а у нас будет возможность нанести контрудар по LVI корпусу Манштейна, — начал излагать в ответ свои предложения Ватутин.

— Ударим по сходящимся направлениям по флангам, которые у немцев сейчас оголены. Слишком увлеклись они наступлением...

Жуков одобрил предложение Николая Федоровича, попросил тщательно подготовить план операции. К этому времени к обязанностям командующего фронтом уже приступил генерал-майор П. П. Собенников. Петр Петрович

был опытным военачальником. Ещё в Гражданскую войну он, бывший царский офицер, командовал дивизией. В последующие годы занимал различные командные должности, а незадолго до начала войны был назначен командующим армией. Ватутин подробно доложил Собенникову замысел операции. Вдвоём они ещё раз проработали все вопросы на карте. К месту оказалась и немецкая карта, которую нашли партизаны у убитого в ходе перестрелки немецкого офицера. Нанесенная на карту оперативная обстановка по 4-й танковой группе противника совпадала с данными разведки штаба фронта.

Получив разрешение Ставки, 14 июля сразу четыре дивизии 11-й армии — 21-я танковая, 237, 70 и 183-я стрелковые — нанесли мощный контрудар по флангам и тылам прорвавшегося к Новгороду LVI моторизованного корпуса Манштейна. Поддерживали операцию не менее 200 самолётов. Удар был настолько неожиданным и хорошо подготовленным, что противник первое время был буквально парализован. Прорвав слабые фланговые прикрытия, советские войска отсекали главную группировку корпуса — 8-ю танковую и 3-ю мотопехотную дивизии, часть сил дивизии СС «Мёртвая голова» — и начали её планомерное уничтожение.

В ходе пятидневных боёв немецкие части были практически полностью уничтожены, а их остатки отброшены более чем на 40 километров. На полях сражений осталось большое количество боевой техники и трупов солдат. Только от ударов советской авиации противник потерял более 30 танков. В 8-й немецкой танковой дивизии после наступления советских войск из 200 танков в наличии осталось всего 80 машин. Жуков в «Воспоминаниях и размышлениях» писал: «Наступавший моторизованный корпус противника был атакован частями 11-й армии в районе Сольцы. Контрудар 11-й армии был хорошо организован. Его поддержала авиация. От неожиданности противник повернул вспять и начал поспешный отход. Преследуя вражеские войска, части 11-й армии нанесли им большие потери. Если бы не помощь подоспевшей 16-й немецкой армии, LVI мехкорпус Манштейна был бы полностью уничтожен. С подходом дополнительных сил противника 11-й и 27-й армиям Северо-Западного фронта пришлось отойти на рубеж Старая Русса — Холм.

Группа армий «Север», наступавшая в составе двух армий и одной танковой группы, встретив упорное сопро-

тивление на Лужском укрепленном рубеже, в районе Дно, на рубеже Старая Русса — Холм, а также в районе Кингисепп — Сиверский, понесла большие потери и без дополнительного усиления уже не могла наступать на Ленинград».

Высокую оценку операции дал и Василевский. Читаем в его мемуарах «Дело всей жизни»: «Войсками фронта был нанесен ряд контрударов по захватчикам, в числе которых хочу особо выделить контрудар под городом Сольцы с 14 по 18 июля. Кичливый враг был вынужден несколько отступить, а остатки его моторизованных соединений бежали в панике. И как следствие несколько остывают у фашистских стратегов восторг и ликование, а на их место начинают приходиться настроения уныния и мрачной озабоченности».

Действительно, дивизии Манштейна, опьяненные легкими победами в Польше и Франции, быстро отрезвели от ударов советских войск. После боёв под Сольцами они, изрядно потрепанные и поредевшие, были сняты с фронта на переформирование.

Описывая спустя годы те события в своих мемуарах «Утерянные победы», Манштейн вынужден был признать: «Нельзя было сказать, что положение корпуса в этот момент было весьма завидным. Мы должны были задаться вопросом: не шли ли мы на слишком большой риск? Не слишком ли мы под влиянием своих прежних успехов недооценили противника на нашем южном фланге?.. Последующие несколько дней были критическими, и противник всеми силами старался сохранить кольцо окружения».

На следующей странице своих воспоминаний Манштейн сделал ещё одно признание. «В дни окружения, — пишет он, — советские войска захватили у нас важные секретные уставы». Будущий немецкий фельдмаршал несколько не покривил душой.

Как свидетельствуют документы, 15 июля в боях восточнее Пскова при отступлении немецких частей советские воины захватили несколько секретных пакетов и химическое имущество 2-го батальона 52-го миномётного химического полка. В одном из пакетов, с педантично нанесенными надписями «Ни в коем случае не отдавать в руки врага» и «Открыть только после получения сигнала "Индантрен" из штаба Верховного командования», находилась секретная инструкция ИД № 199 «Стрельба химическими снарядами и минами». Там же лежали грифованные дополнения

к инструкции, разосланные войскам 11 июня 1941 года, то есть за 11 дней до начала войны. Захваченные эти и другие документы указывали на то, что правительство Гитлера нарушило Женевское соглашение от 17 июня 1925 года, подписанное Германией в 1929 году, которым запрещено применение на войне удушающих, ядовитых и бактериологических средств. Германия никак не отреагировала на инцидент нарушения международного соглашения, хотя советская и зарубежная печать придала его огласке. Однако по факту утраты пакетов Манштейну пришлось давать объяснения Верховному командованию вермахта, как «оказалось возможным», что совершенно секретный документ попал в руки русских.

Вернёмся к боям под Сольцами. Примечательно, что это было первое, но не последнее поражение, которое нанёс русский генерал Ватутин Манштейну. Справедливости ради следует сказать, что Эрих фон Манштейн был одним из наиболее одаренных стратегов вермахта и талантливых военачальников Второй мировой войны. Выходец из семьи потомственных прусских офицеров фон Левински, где только по прямой генеалогической линии 16 предков являлись генералами, Манштейн смолоду начал службу. В Первую мировую войну он проявил себя незаурядным офицером на различных командных и штабных должностях. В дальнейшем прославился в войне с Францией, искусно разгромив в течение нескольких недель армию этой страны. Границу Советского Союза он переступил во главе корпуса. Впереди будет много месяцев войны, будет немало битв и сражений, в которых племяннику генерал-фельдмаршала Пауля фон Гинденбурга Манштейну и внуку солдата-героя Плевны Ватутину придётся не раз помериться своими полководческими талантами.

Здесь надо сделать ещё одно отступление. Полным ходом идут, не прекращаются упорные бои. Враг давит со всех сторон. Измученные, истекающие кровью дивизии продолжают героически сражаться. И в эти самые дни, 14 июля, Ватутин, оставшийся за командующего фронтом, издаёт необычное распоряжение. Трудно даже поверить... «Об улучшении отдыха бойцов и командиров, а также их питания». Вызвано это было тем, что со стороны ряда командиров и политработников отсутствовала «надлежащая забота об отдыхе и питании подчиненного им состава во многих частях и подразделениях». Вот строки из этого, почти восьмидесятилетней давности пожелтевшего документа:

«Постоянно проявлять должную заботу о подчиненных бойцах и командирах.

Сообразуясь с обстановкой, обеспечить части и подразделения отдыхом, выводя последние на короткое время из боя.

В местах отдыха частей и подразделений организовать горячую пищу.

Командирам соединений и отдельных частей проявить максимум инициативы об отдыхе и питании бойца и командира, выводя для отдыха в безопасные места в районе расположения части, в первую очередь наиболее уставшие подразделения. Одновременно иметь постоянную боевую готовность».

Этот документ — показатель отношения Ватутина к людям. Внимание, чуткость к бойцам и командирам, забота о них — были всегда отличительной чертой Николая Федоровича. Даже к врагам он относился с некоторым снисхождением, хотя хорошо понимал, что им, как и предателям, изменникам Родины, никакой пощады быть не должно.

В жестоких боях под Сольцами советскими войсками было пленено немало солдат и офицеров противника, в том числе из дивизии СС «Мёртвая голова». Группу эсэсовцев взяли при весьма странных обстоятельствах. Несколько немецких танков двигались по Новгородскому шоссе. Захватчики так вольготно и уверенно чувствовали себя на чужой земле, что сидели в боевых машинах в одних трусах. И даже тогда, когда подбили головной танк, а их самих автоматными очередями выкурили из башен, немцы не сразу сообразили, что оказались в плену. Они просто не верили в случившееся. Так в исподнем и сапогах-раструбах их и доставили к русскому генералу.

— Ком цу мир, — скомандовал переводчик, подводя их поближе к Ватутину. Николай Федорович с улыбкой смотрел на этих вояк, стараясь понять их психологию, а те медленно приходили в себя. Невольно вспомнился 1939 год, Львов. Его первая встреча с офицерами и генералами вермахта. Надменные, циничные, спесивые. И вот сейчас — подавленные, растерянные. Правда, не все. Один из них — высокий, белобрысый немец с амулетом на груди держался нахально. Затем шагнул вперед, грубо выкрикивая какие-то слова. Резануло слух «русиш генерал».

— Интересно, о чём это он? — спросил Ватутин.

— Выказывает недовольство, что так глупо попал в плен к русскому генералу, — ответил переводчик. — Говорит, он

офицер, воевал в Польше и во Франции, награждён двумя Железными крестами. И ещё обещает, что когда их доблестные войска войдут в Ленинград, они отомстят за его пленение. А сейчас он готов к расстрелу.

— Смотрите, в плену, а угрожает! — не смог сдержать улыбки Ватутин.

— Ещё бы! Они ведь сверхчеловеки и своим сапогом придавили чуть ли не всю Европу, — подключился к разговору член Военного совета фронта корпусной комиссар В. Н. Богаткин.

— Переведите немцу, что мы пленных не расстреливаем, — продолжил Николай Федорович. — Для меня он не офицер. Офицеры в трусах не воюют. А Ленинград был и останется нашим...

По заключению военных экспертов и историков, контрудар под Сольцами, разработанный Ватутиным, был первым значительным успехом Красной армии с начала Великой Отечественной войны. В те трудные дни таких крупных побед у неё практически не было.

Об этом красноречиво свидетельствуют рассекреченные ныне Министерством обороны РФ оперативные сводки боевых действий, распоряжения, приказы, подписанные командованием Северо-Западного фронта, в том числе и Ватутиным. В них — суровая правда о том, как советским солдатам, офицерам и генералам чаще, чем их врагам, приходилось отступать, ощущать горечь поражений, переносить многочисленные утраты боевых друзей и товарищей.

Безусловно, на первоначальном этапе войны вермахт был сильнее, организованнее. Спустя три недели он, перегруппировав свои силы, продолжил яростное наступление на Ленинград. 8 августа противник атаковал советские войска по всему фронту. 18-й немецкой армии удалось рассечь на две части в Эстонии 8-ю армию и выйти к побережью Финского залива, а затем атаковать Таллин, который защищал 10-й корпус 8-й армии. Три недели шли тяжёлые бои за город. Но сил было недостаточно, и советские войска вынуждены были оставить столицу Эстонской ССР.

Однако наиболее сильные удары немцы нанесли с юга и юго-запада. 8 августа они перешли в наступление с небольшого плацдарма в направлении Красногвардейска*,

* Красногвардейском в 1929–1944 годах назывался город Гатчина Ленинградской области.

а 10 августа устремились вперед на Лужско-Ленинградском и Новгородском направлениях. И опять, несмотря на мужество и героизм войск фронта, врагу, располагавшему почти трехкратным превосходством в живой силе и технике, удалось сломить оборону и 15 августа занять Новгород.

Казалось, уже ничто не сможет остановить это, вооруженное до зубов, полчище. Захватчики, расстегнув свои мышинные мундиры, с пилотками за ремнем и засученными рукавами, под звуки губных гармоник уверенно шагали вглубь чужой страны:

Jawohl, meine Herren, so haben wir es gern
und von heut an gehört uns die Welt. [...] *Und wer uns stört, ist eh' er's noch begreift
längst von uns schon eingeseift. [...]*
Jawohl, Jawohl, Jawohl.

Так точно, господа, отныне и навсегда
Весь мир будет наш, — говорим.
А тому, кто попробует нам помешать, прежде чем он что-то поймет,
Намылим мы шею ему.
Да, да, да!*

Гитлеровская пропаганда радостно и упоённо трубила: ещё один напор и — можно будет рассматривать в бинокль купол Исаакиевского собора. Недолго осталось ждать и того часа, когда доблестные солдаты фюрера пройдут парадным строем по знаменитой Дворцовой площади.

В сложившихся условиях Ватутин разработал план контрудара в районе Старой Руссы, расположенной к югу от Новгорода. За два дня боёв войска фронта продвинулись вперед на 60 километров, заставив командование группы армий «Север» в срочном порядке перебросить из-под Новгорода и Луги две мотопехотные дивизии, а также переключить сюда силы авиационного корпуса. К сожалению, изменившееся соотношение сил и средств не позволило советским войскам развить успех, и они вынуждены были с боями отойти на новые рубежи обороны. Тем не менее в результате этого контрудара противник опять понёс существенные потери, а главное — удалось сорвать планы Гит-

* Слова из очень популярной в Германии песни «Так точно, господа», исполненной Гейнцем Рюманом и Гансом Альберсом в комедии «Человек, который был Шерлоком Холмсом» (1937).

лера по захвату Ленинграда и лишить немцев возможности объединиться с финской армией.

В своей записке о дальнейшем ведении войны против Советского Союза от 22 августа Гитлер честно признал, что «группа армий “Север” не в состоянии в ближайшее время обеспечить продвижение... на Ленинград с целью окончательного окружения и ликвидации этого опорного пункта и обороняющих его русских сил. Теперь обстановка требует ускоренной переброски на этот фронт дополнительных сил...».

В те горестные дни, выкроив свободные минуты, Николай Федорович сообщал домой с фронта: «Милая Танечка! Шлю сердечный горячий привет и крепко целую тебя и Ленусю. Горячий привет и Витюше.

Не удивляйтесь, пожалуйста, и не обижайтесь, что пишу редко. На фронте работы очень много. Все мысли заняты тем, как бы лучше организовать дело и побольше уничтожить врага, не упустить ни одного случая, чтобы нанести ему поражение. Часто нам это удается... Мы на фронте твердо настроены бить врага до конца. Вы в тылу также не падайте духом.

Русский народ никогда не будет побежден. Теперь кратко о себе. Пока здоров. Очень часто вспоминаю вас, дорогие мои! Ленусечку прошу получше заниматься. Не забывайте меня. Я без вас скучаю. Пишите, как здоровье. Горячо целую, любящий твой Коля, твой папа. До свиданья».

Работы у Ватутина действительно было много. Боевые действия в полосе Северо-Западного фронта, отличавшиеся большой степенью ожесточения, не прекращались ни на один день. Передышки, конечно, были. Но они использовались для подготовки, организации и проведения новых оборонительных или наступательных действий. Однако были и другие моменты. Неприятные, словно горечь поражения.

В разгар сентябрьских боёв, когда под ударами немецких танковых, мотопехотных и авиационных частей начала беспорядочно отходить 34-я армия, из Москвы для исправления ситуации прибыла присланная Сталиным специальная группа уполномоченных. В её состав входили заместитель председателя СНК СССР Н. А. Булганин, генерал армии К. А. Мерецков и заместитель наркома обороны СССР, начальник Главного политического управления РККА армейский комиссар 1-го ранга Л. З. Мехлис. Ключевой фигурой в этой группе являлся Лев Захарович

Мехлис, чьё имя уже не раз упоминалось в нашем повествовании. Как правило, каждый его выезд на тот или иной участок фронта ничем хорошим для должностных лиц не заканчивался. Пользуясь доверием Сталина, Мехлис устраивал разносы командирам и политработникам, чинил над ними несправедливые судилища, сообщал вождю обо всём, на что следовало обратить внимание, обо всем, что могло вызывать недоверие к тому или иному человеку. Не случайно ещё до войны Мехлиса негласно окрестили в армейской среде «инквизитором Красной армии», а его аппарат «клеткой с бешеными псами».

В своём первом донесении, которое Булганин, Мерцков и Мехлис направили 10 сентября Верховному главнокомандующему, они оценили сложившуюся обстановку как «крайне неблагоприятную». Накануне, 8 сентября, в ходе очередного прорыва немцы захватили Демянск. Дальше противник двинулся на север, вышел в тылы 27, 34 и 11-й армий. Создалась угроза Валдаю и тылам Новгородской оперативной группы. Сам фронт был очень сильно ослаблен: численность некоторых дивизий не превышала нескольких сотен солдат и офицеров, не было ни одного танкового батальона. По заключению уполномоченных Ставки, крайне нужны были хотя бы одна танковая бригада, три танковых батальона и одна свежая стрелковая дивизия. «Командующий фронтом Курочкин* еще не овладел обстановкой. Штаб фронта не знает точного расположения дивизий и их действий» — этими словами заканчивалось донесение.

Фамилия Ватутина не названа в документе, но нельзя не видеть, в чей огород полетел камень. Причем незаслуженно. Как никто другой, Николай Федорович знал обстановку, месторасположение соединений, наличие в них людских и материальных ресурсов. Другими словами, что и где делается в любой час. Однако комиссии надо было показать свою работу. В противном случае — по печальной традиции 1937 года — уполномоченные сами рисковали попасть в число виноватых.

Особенно усердствовал Мехлис, нрав которого Ватутин знал ещё со времени освободительного похода Красной армии в Западную Украину. В сентябре 1939 года Мехлис,

* Генерал-лейтенант П. А. Курочкин сменил генерал-майора П. П. Собенникова на посту командующего Северо-Западным фронтом 23 августа 1941 года.

прибыв в район действий Украинского фронта, регулярно устраивал по делу и без дела разности командирам и политработникам. В результате некоторые из них лишились должностей. В дальнейшем, когда Ватутин являлся 1-м заместителем начальника Генштаба, он неоднократно пересекался с Львом Захаровичем на различных совещаниях, где «око Сталина» не раз спускал собак на виновных и невиновных.

Вот и теперь в условиях, когда части и соединения фронта отступали, часто панически, Мехлис использовал различные рычаги, которые заставили бы отступавших бойцов и командиров прийти в себя, поверить в собственные силы, воевать героически. Надменный, уверенный в собственной непогрешимости, он видел происходящее либо в белом, либо в чёрном цвете. Иными словами, искал «козлов отпущения».

— Товарищ Сталин требует от нас, военных руководителей, большевистской жесткости, — жестикулируя руками, с пафосом говорил Мехлис. — Без повелительной, властной воли, которая простирает своё влияние вплоть до последнего звена, невозможно умелое руководство войсками. А вы потворствуете трусам и паникёрам, миндальничаете с ними... Партия строго спросит с вас за промахи и упущения...

Однако в отношении Курочкина и Ватутина, которых Мехлис обвинил в безволии, неумении управлять войсками, не было принято каких-то жестких мер — всё ограничилось лишь угрозами. В то же время некоторые военачальники поплатились собственной жизнью.

С подачи Мехлиса был расстрелян командарм-34 генерал-майор К. М. Качанов. Он был обвинен в том, что, вопреки приказу командующего фронтом, самовольно приказал частям армии отходить с занимаемого рубежа. В дальнейшем, потеряв управление, командарм бросил войска и «позорно ушёл в тыл». Хотя, как стало известно спустя годы, обвинение Качанова в неисполнении приказа было необоснованным. Не оставлял он и поля боя, поскольку все это время находился в войсках, которые сражались с наступавшим противником. Не обнаружено никаких сведений о якобы проявленной им трусости.

Такая же горькая участь постигла и начальника артиллерии 34-й армии генерал-майора артиллерии В. С. Гончарова. Как явствует из приказа, написанного рукой Мехлиса, Гончаров проявил «полную бездеятельность в выводе ма-

териальной части артиллерии», вдобавок «убежал трусливо в тыл» и «двое суток пьянствовал». Генерала Гончарова, удостоенного ранее двух орденов Красного Знамени, расстреляли публично перед строем командиров штаба 34-й армии. Руководил расстрелом лично Мехлис.

Безусловно, никто не снимает ответственности ни с Качанова, ни с Гончарова за их действия в те критические для Северо-Западного фронта дни. Но вряд ли они заслуживали столь суровой кары. В любом случае судьба каждого из них не должна была зависеть от самодурства и произвола Мехлиса. Впоследствии генералы Василий Максимович Качанов и Василий Сафронович Гончаров были реабилитированы.

В расстрельном списке Мехлиса оказался ещё один генерал — начальник тыла фронта генерал-майор Н. А. Кузнецов. Его обвинили в утрате военного имущества частями фронта. Однако Кузнецова удалось отстоять, за его судьбу боролся и Ватутин.

С середины сентября обе стороны — советская и немецкая, не имея больших сил для крупных наступательных операций, перешли к обороне. Положение несколько стабилизировалось. Войска Северо-Западного фронта прочно закрепились на линии от озера Ильмень до озёр Селигер и Волго. Все попытки противника пересечь эту линию с целью выйти на Валдай и Бологое не имели успеха. Зарывшись в землю, оборудовав заграждения из колючей проволоки и установив минные поля, противоборствующие стороны перешли к позиционной войне, которая активными действиями не отличалась. В основном шли артиллерийско-миномётные перестрелки, вели «охоту» снайперы. Изредка предпринимались частные наступательные операции, целью которых становился захват небольших высоток и плацдармов. «Бои местного значения» — так говорилось в военных сводках.

Между тем Ставка фюрера вынашивала планы новых наступлений. В октябре 1941 года войска Северо-Западного, Калининского и Западного фронтов сорвали замысел немецкого командования обойти Москву с севера. Для отражения немецкого удара фашистов из района Калинина* на Торжок, что давало им возможность выйти в тыл Северо-Западного фронта и к Бологому, по указанию Ставки ВГК была создана специальная оперативная группа. Её

* Название Калинин в 1931—1990 годах носил город Тверь.

возглавил Ватутин, временно передав свои обязанности начальника штаба фронта своему заместителю. Эта группа нанесла в районе Медного, на полпути между Калинином и Торжком сильный контрудар по войскам противника и нарушила его планы. Наступление советских войск с разных направлений явилось для него совершенно неожиданным. Части оперативной группы Ватутина вышли в тыл прорвавшейся на Торжок группировке противника и отрезали её от города. Остатки разгромленных войск противника бежали на правый берег Волги.

Чтобы представить, как немцы ощутили этот контрудар, обратимся к письму простого солдата — ефрейтора Ганса Леке, убитого в бою под Калинином. Письмо, обращённое жене, датировано 19 октября: «...Мы уже стояли за 5 километров от Ленинграда, сегодня мы стоим 150 километров от Москвы и теперь наступаем на Москву. Нам говорят, что должны наступать еще 100 километров и тогда сможем вернуться на родину. Но теперь уже нельзя никому верить... 16 октября 1941 года имели очень тяжелый бой у города Калинина... Не можете себе представить, какой тяжелый бой произошел... Ты пишешь, что цензура открыла мое письмо. Но это меня не волнует, потому что лучше сидеть 10 лет в тюрьме, чем остаться один месяц в России».

Однако на войне — как на войне. В ходе операции командир 8-й танковой бригады полковник П. А. Ротмистров принял решение отвести свою бригаду в район Лихославля. Да, тот самый Ротмистров, танковая армия которого 12 июля 1943 года будет сражаться под Прохоровкой. Но сейчас комбриг дал слабину, отступил. Это был едва ли не самый критический момент в оборонительной операции советских войск в районе Калинина.

В боевом донесении на имя командующего Калининским фронтом генерал-полковника И. С. Конева Ротмистров так обосновал своё решение: «Сообщаю, 8 тбр 17.10 была атакована танковой дивизией противника при поддержке мотоциклистов и авиации, которая бомбила бригаду все светлое время 17.10. Вследствие открытого моего правого фланга и превосходящих сил противнику удалось прорваться у с. Медное через р. Тверца и захватить вторую переправу у Марьино через р. Логовеж. В силу сложившейся общей обстановки, общего отхода частей Красной Армии из этого района я произвел рокировку и сосредоточил бригаду в 12–15 км северо-восточнее Лихославля, в лесу, непосредственно восточнее Поторочкино».

Конев отреагировал по законам военного времени — мгновенно и сурово. В телеграмме на имя Ватутина командующий фронтом был категоричен: «Ротмистрова за невыполнение боевого приказа и самовольный уход с поля боя с бригадой арестовать и предать суду военного трибунала». Текст телеграммы типичен для начального этапа войны. Характерным было и исполнение таких резолюций. Людей арестовывали, предавали суду, лишали званий и наград, расстреливали, о чём уже шла речь в нашем повествовании. Не исключено, что подобная участь могла ждать и комбрига Ротмистрова. Однако Ватутин, никогда не рубивший сплеча, тщательно оценив обстановку и положение остальных соединений оперативной группы, потребовал от Ротмистрова: «Немедленно, не теряя ни одного часа времени, вернуться в Лихославль, откуда совместно с частями 185 сд стремительно ударить на Медное, уничтожить прорвавшиеся группы противника, захватить Медное. Пора кончать с трусостью!»

Положение было исправлено. Бригада выполнила поставленную задачу. Этот суровый урок пошел на пользу комбригу полковнику Ротмистрову, которого Ватутин, надо прямо сказать, спас от суда военного трибунала. В последующих боях 8-я танковая бригада воевала бесстрашно, получила наименование гвардейской, а Ротмистров стал Героем Советского Союза. После войны Павлу Алексеевичу было присвоено воинское звание главного маршала бронетанковых войск.

Активные действия оперативной группы, возглавляемой Ватутиным, не дали возможности противнику выйти в тыл Северо-Западного фронта. Немцы не смогли дальше развить наступление на Торжок, Лихославль и Бежецк, была ликвидирована угроза окружения 22-й и 29-й армий, войск левого крыла Северо-Западного фронта, обеспечена бесперебойная работа железнодорожной линии Рыбинск — Бологое. В ходе боёв были разгромлены 1-я танковая дивизия и 900-я моторизованная бригада. Немецко-фашистское командование вынуждено было перебросить в район Калинина 6, 26, 161-ю пехотные и 14-ю мотопехотную дивизии, сняв их с других направлений.

Успех войск Ватутина мог получить дальнейшее развитие. Это была реально действующая ударная группировка из пяти соединений, имевшая возможность освободить Калинин от фашистов. Однако как раз в это время было принято решение о её расформировании. Вот что

Ватутин указывал в отчете о боевых действиях оперативной группы:

«17.10.41 г. создается Калининский фронт. Войска оперативной группы включаются в состав войск Калининского фронта. 18.10 генерал-полковник Конев отдает боевой приказ № 00122, ставящий войскам задачу окружения и уничтожения Калининской группировки противника.

Главный удар должны были нанести войска оперативной группы Северо-Западного фронта с форсированием реки Волги и действиями в общих направлениях: Медное — Калинин; Станишино, Даниловское, Калинин. Однако этот приказ прибыл в группу с опозданием и без учета элемента времени на ликвидацию Медновской группировки противника и сосредоточения войск. Несмотря на это, обстановка в районе Калинина все же благоприятствовала выполнению этого приказа. Противник еще не подтянул свежие резервы в район предполагаемых переправ оперативной группы Северо-Западного фронта.

В самые ответственные дни войска оперативной группы передаются 31-й армии, которая не могла быстро наладить связь с войсками. В последующие дни следуют новые приказы от Калининского фронта для армии, по которым вся группировка войск оперативной группы раздается по армиям и часть дивизий выводится во фронтовой резерв...

Таким образом, войск оперативной группы Северо-Западного фронта, как единого организма, не стало. Единственная ударная сила в районе Калинина была рассредоточена по армиям.

Это было ошибкой командования Калининского фронта, так как, пока шла перегруппировка дивизий по армиям, противник, предвидя возможную переправу наших войск у Нестерова и Акишева, выбрасывает сюда свежую 6-ю пехотную дивизию, упреждает нас и срывает намеченные активные действия 46-й, 54-й кавалерийских и 183-й стрелковой дивизий».

После расформирования оперативной группы Ватутин приступил к исполнению прежних обязанностей. Однако его умелое командование не осталось незамеченным. Спустя месяц Николай Федорович был награжден орденом Красного Знамени. В наградном листе, подписанном командующим Северо-Западным фронтом генерал-лейтенантом П. А. Курочкиным и членом Военного совета фронта генерал-майором В. Н. Богаткиным, сказано: «Тов. Ватутин, являясь начальником штаба Северо-Западного фронта, с

начала войны с германским фашизмом проявил себя исключительно добросовестным, трудолюбивым, энергичным командиром. Умело сколотил работников штаба и тем самым обеспечил руководство войсками фронта.

Помимо своей основной деятельности тов. Ватутин неоднократно выполнял боевые задания Военного совета фронта. Нередко, в самые ответственные минуты операций (в период прорыва противника на том или ином участке фронта), возглавлял части, организуя отпор врагу (Новгородское и Калининское направления)...»

Известно, что в начале войны, особенно в первые драматические месяцы, награждали людей мало. Число солдат и офицеров, удостоенных орденов и медалей, не превышало 3%. Отмеченных же наградами генералов, к коим относился и Ватутин, можно по пальцам сосчитать. В те горестные дни военачальников чаще наказывали, чем поощряли. Николай Федорович стал тем редким исключением из генеральского списка, кто как раз получил орден.

Сухие строки наградного листа вобрали в себя тяжелейшие бои и сражения лета и осени 1941 года, в ходе которых Ватутин проявил себя не только как хороший организатор операций, но и как храбрый командир. Его видели в штабах и в атакующих цепях, среди танкистов и артиллеристов.

Несколько раз Ватутин, что называется, находился на волоске от смерти. Так, при переезде на новый командный пункт на колонну, в которой он следовал, налетели «юнкерсы». Одна из бомб разорвалась прямо перед его машиной. Только какое-то чудо спасло Николая Федоровича от неминуемой гибели.

Во время другого массированного налёта — немецкая авиация была полновластной хозяйкой в небе — около дома, где располагался штаб фронта, упала тяжёлая бомба. Николай Федорович в это время разговаривал по телефону. Когда помощники Ватутина буквально влетели в его кабинет, они увидели, что взрывной волной вынесло оконные рамы и осколки изрешетили все стены. Несколько осколков лежали прямо на столе, на котором была расстелена оперативная карта с разбросанными на ней отточенными цветными карандашами. Но хозяин кабинета был цел и невредим. Ни один мускул не дрогнул на его лице, спокойным и ровным оставался его голос.

— В сорочке родились, товарищ генерал, — радостно воскликнул кто-то из подчинённых, всматриваясь в зияющий провал большого окна.

— Это точно, — спокойно ответил Ватутин. — Всем нам сейчас крепко повезло...

Тем не менее контузию он все-таки получил. И немудрено, поскольку взрывная волна была очень сильной.

В разгар битвы за Новгород Николай Федорович находился в боевых порядках 28-й танковой дивизии, которой командовал полковник И. Д. Черняховский. Уже само присутствие начальника штаба фронта добавляло офицерам и солдатам соединения сил и уверенности в отражении вражеских атак. К тому же Ватутин прибыл на передовую не с пустыми руками, а с двумя тяжёлыми танками КВ, прозванными в войсках за свою неповоротливость «бронированными комодами». Но как эти «комоды» были нужны защитникам города! Да и немцы боялись КВ, с первых дней войны окрестив эту бронированную махину «Сталинским гигантом».

— Всё, что пока можем, — как бы извиняясь, сказал тогда Ватутин Черняховскому.

По-другому сказать не мог, потому что ни у него, ни у командующего фронтом даже в резерве не было ни одного танка.

— Хочу надеяться, что вы, товарищ Черняховский, — продолжил Николай Федорович, — умно будете воевать с зарвавшимися фашистами. — Улыбнулся. — Я вас запомню, буду следить за вами...

Это была первая встреча Ватутина и Черняховского — двух будущих полководцев Великой Отечественной, двух верных сынов Родины, чья звездная слава уже начала зажигаться в тех ярых боях 1941 года. В дальнейшем они ещё не раз встретятся на трудных дорогах войны. Как, впрочем, встретится с ними на страницах нашего повествования и читатель.

Мало кому сегодня известен тот факт, что в период пребывания на Северо-Западном фронте Николай Федорович, выкроив время, написал две статьи «Правда о боях в районе озера Ильмень» и «Бои под Новгородом». Обе были написаны по горячим следам и опубликованы в газете «Красная звезда». В каждой из них автор обстоятельно рассмотрел действия советских войск в оборонительных боях с фашистами, а также поделился опытом проведения наступательных операций. «Наша оборона — активная оборона, соединенная с контратаками. Стойко удерживая рубежи в районе Новгорода, части Красной Армии своей боевой активностью неустанно изматывают вражеские войска, системати-

чески истребляют немецких захватчиков», — подчеркивает Ватутин в статье «Бои под Новгородом». Именно этот тактический прием от обороны к наступлению Николай Федорович будет часто использовать в последующих сражениях с войсками вермахта.

К слову сказать, главный редактор «Красной звезды» Д. И. Ортенберг вполне справедливо называл Ватутина постоянным автором издания, поскольку он и раньше сотрудничал с газетой. Сам же Николай Федорович очень уважительно относился к военным корреспондентам, многие из которых оставили о нём теплые воспоминания.

В последний месяц 1941 года на Северо-Западном фронте, в отличие от Западного, Юго-Западного, Ленинградского и Калининского фронтов, чего-либо существенного не происходило. Ни советские войска, ни вермахт активных действий не предпринимали. В основном противоборствующие стороны занимались лишь укреплением своих оборонительных позиций. Для наступления не было ни сил, ни средств.

Однако в первых числах января 1942 года Ставка ВГК, проанализировав результаты успешных операций под Москвой, Тихвином и Ростовом, приняла решение продолжить общее наступление Красной армии на широком фронте от Ленинграда до Крыма. На долю Северо-Западного фронта выпала задача участвовать одновременно в двух операциях. Своим правым крылом фронт должен был совместно с войсками Ленинградского и Волховского фронтов разгромить группу армий «Север» и деблокировать Ленинград. Левому же крылу предстояло поддержать Калининский, Западный и Брянский фронты с целью окружить и уничтожить главные силы группы армий «Центр».

Подробные указания командованию фронта были изложены в директиве Ставки ВГК № 005868 от 18 декабря 1941 года: «Не позднее 26 декабря 1941 г. нанести удар силами не менее шести усиленных стр. дивизий из района Осташкова в общем направлении на Торопец, Велиж, Рудня, имея задачу во взаимодействии с войсками Калининского фронта отрезать пути отхода противнику и не дать ему возможности задержаться для обороны на заранее подготовленном рубеже оз. Отолово, Андреаполь, зап. берег р. Западная Двина, Ярцево. В дальнейшем ударом на Рудню отрезать Смоленск с запада... Не позднее 24 декабря 1941 г. силами 11-й армии нанести удар в общем направлении Старая Русса, Сольцы. Ближайшая задача: путем обхода

овладеть Старой Руссой, в дальнейшем ударом на Дно и Сольцы во взаимодействии с войсками Волховского фронта отрезать пути отхода противника со стороны Новгорода и Луги. При проведении операции обратить особое внимание на максимальное использование авиации, применение РСов*, а также на прикрытие флангов ударных группировок со стороны Демянска; с этой же целью активными действиями войск 34-й армии сковать противника на Демянском направлении».

Но выполнение директивы было временно отложено, поскольку фронт не располагал ещё достаточным количеством сил и средств, чтобы одновременно решать две задачи оперативно-стратегического масштаба. На тот период фронт при общей ширине полосы в 250 километров имел в наличии всего 800 орудий, 510 миномётов и 170 танков. Ещё хуже дела обстояли с авиационной поддержкой — на аэродромах базировалось всего 69 самолётов. Что касается личного состава, то левофланговые части и соединения укомплектованы были неплохо.

Ватутин при разработке любой операции всегда старался продумать и рассчитать всё до мелочей, хорошо понимая, что только при таком подходе можно рассчитывать на успех. Не изменил он этому правилу и теперь, первым делом изучив сильные и слабые стороны врага. Сплошной полосы обороны противника перед фронтом не было. Однако немцы блокировали все мало-мальски пригодные для движения пути-дороги. А вести наступление в лесах и болотах, по пояс в снегу означало вести людей на верную гибель. Кроме того, гитлеровцы превратили хутора, деревни и посёлки в мощные опорные пункты, укрепив и оборудовав их по всем законам инженерной науки и тактики. Укрытые снегом оборонительные сооружения могли в одночасье превратиться в кромешный ад, как только советские войска начнут наступление. Каждый метр пространства хорошо простреливался из пулеметов, миномётов и орудий.

Николай Фёдорович хорошо понимал, что противник силён и сила его как раз состоит в созданной им прочной обороне. Поэтому тактику действий армий фронта подсказывала сама обстановка, исходя из которой Ватутин подготовил подробный доклад командующему фронтом генерал-лейтенанту П. А. Курочкину.

Павел Алексеевич Курочкин и Ватутин были однокаш-

* Реактивная артиллерия (от сокращения РС — реактивная система).

никами по Академии Генерального штаба. Оба имели одинаковые звания. И по возрасту они были почти ровня. Но Курочкин обладал гораздо большим командным и боевым опытом, чем Ватутин. Если Николай Фёдорович всё время занимал штабные должности, то Курочкин ещё до Великой Отечественной войны успел покомандовать и бригадой, и стрелковым корпусом во время советско-финской войны, и двумя военными округами — Забайкальским и Орловским. С первых дней войны он — командарм 20-й армии на Западном фронте, позднее вывел из окружения из-под Смоленска сразу две армии — 16-ю и 20-ю. В дальнейшем, по решению Ставки ВГК, Курочкин был назначен её представителем на Северо-Западном фронте, а в конце августа 1941 года стал его командующим. Примечательно, что через два года роли Курочкина и Ватутина поменяются. Николай Фёдорович будет командовать 1-м Украинским фронтом, а Павла Алексеевича переведут к нему 1-м заместителем. Правда, это уже другая история. Сейчас же Курочкин внимательно слушал доклад Ватутина, лишь изредка уточняя или дополняя некоторые детали.

— По данным нашей разведки и сведений, полученных от партизан, немцы превратили каждую деревню, каждый хутор в своеобразную крепость, — спокойно и обстоятельно излагал свои соображения Ватутин. — Таких крепостей у них много и в первой линии, и в глубине, где они подготовили вдоль рек Пола и Ловать ещё один оборонительный рубеж. Подавить опорные пункты мы не сможем, так как не богаты артиллерией. Поэтому можем рассчитывать только на маневр. Обязательно нужно использовать незанятые промежутки, обходить через них опорные пункты немцев, выбрасывать вперед наши лыжные батальоны, перерезать коммуникации противника в его тылу...

Своё выступление Ватутин сопровождал показом на карте, на которую были нанесены населенные пункты, планируемые маршруты движения войск, направления ударов... В конце доклада Николай Фёдорович предложил командующему несколько необычный вариант проведения наступления.

— Немцы любят внезапность — это их конёк, — сказал Ватутин. — Но мы тоже не лыком шиты. Давайте начнём наступление не утром, а вечером...

— А что, идея хорошая! — поддержал своего начштаба командующий. — Для немцев это будет полной неожиданностью. Но Ставка поставила задачу операцию начать 7 января...

— В этот день и начнём, — ответил Николай Федорович. — Но только вечером...

Крепкий мороз. Ледяной ветер. Свирепая метель. Таким выдался день наступления. Как позднее вспоминал Курочкин, 7 января, едва только опустились сумерки, на правом крыле фронта противника атаковала 11-я армия. Остальные армии перешли в наступление 9 января. Используя полную внезапность атаки, войска 11-й армии смогли уже в первый день операции прорвать вражескую оборону и продвинуться до семи километров. Развивая наступление, ударная группировка армии в составе 182-й стрелковой дивизии полковника М. С. Назарова, 84-й генерал-майора П. И. Фоменко и 188-й полковника Т. И. Рыбакова за несколько дней боев по снежной целине продвинулась более чем на 50 километров, обошла правый фланг 290-й пехотной дивизии противника и завязала бой на северной и восточной окраинах Старой Руссы. Выброшенные вперед лыжные батальоны перерезали дороги, ведущие от Старой Руссы на Шимск. Часть сил армии сумела блокировать ряд опорных пунктов на реке Ловать северо-восточнее и восточнее города, чтобы отрезать его гарнизон от Демянской группировки и от главных сил группы армий «Север».

Не упоминавшийся почти два месяца в оперативных сводках Совинформбюро Северо-Западный фронт теперь был на слуху.

— Говорит Москва! От Советского информбюро. — Суровый голос Левитана доносил до людей последние известия.

Сдержанные сообщения, которые звучали из хрипящих репродукторов на вокзалах и в цехах военных заводов, на строевых плацах и сельских площадях, вселяли уверенность, поднимали моральный дух как людей в погонах, так и тех, кто находился в тылу: «...Войска Северо-Западного и Калининского фронтов после жестоких боёв прорвали укрепленную линию противника южнее городов Осташков и Селижарово и начали продвигаться вперёд. Выполняя поставленную задачу, наши войска продвинулись более чем на 100 км вперёд. После ожесточённых боёв нами заняты города: ПЕНО, АНДРЕАПОЛЬ, ХОЛМ, ТОРОПЕЦ, г. ЗАП. ДВИНА, СЕЛИЖАРОВО, ОЛЕНИНО, СТАРАЯ ТОРОПА.

Таким образом, одна из главных коммуникационных линий немецких войск, железная дорога Ржев — Великие Луки, перерезана и захвачена нашими войсками.

Освобождено от немецких захватчиков свыше 2000 населенных пунктов.

С 9 по 22 января захвачены трофеи: орудий — 350, танков и бронемашин — 52, станковых и ручных пулеметов — 430, миномётов — 90, автомашин — 740, мотоциклов — 480, велосипедов — 846, радиостанций — 20, мин — 26 145, снарядов — 71 300, патронов — 805 000, кабеля телефонного — 360 километров, один понтонный переправочный парк, мотопонтонов — 16, тягачей — 32, один катер и 8 двигателей, железнодорожных вагонов — 355 и много другого вооружения и имущества.

В г.г. **ТОРОПЕЦ** и **АНДРЕАПОЛЬ** захвачены армейские склады с запасом горючего, продовольствия, боеприпасов и другого имущества, учёт которого производится.

За время с 9 по 22 января немцы потеряли свыше 17 000 человек убитыми и несколько сот пленными.

В боях отличились войска генерал-полковника т. **ЕРЕМЕНКО** и генерал-лейтенанта т. **ПУРКАЕВА**».

Через неделю-другую могучий голос диктора вновь на высокой ноте оглашал очередную сводку, поступившую из этого же района боевых действий: «...Войска Северо-Западного фронта (командующий фронтом генерал-лейтенант **КУРОЧКИН**), начавшие в районе Старой Руссы окружение 16-й немецкой армии дней 10 назад, на днях закончили его. Ввиду отказа 16-й немецкой армии (командующий генерал-полковник фон Буш) сложить оружие наши войска начали атаку. В результате первого этапа атаки разгромлены 290-я пехотная дивизия 2-го армейского корпуса (командующий генерал Брокдорф), 30-я пехотная дивизия 10-го армейского корпуса (командующий генерал Ганзен) и дивизия СС. Немцы оставили на поле боя 12 тысяч человек убитыми.

Наши трофеи: орудий — 185, миномётов — 135, танков — 29, пулемётов — 340, автоматов и винтовок — 4150, автомашин — 450, мотоциклов — 320, велосипедов — 560, тракторных тягачей — 15, вагонов — 125, паровозов — 8, артснарядов — 14 000, мин — 9700, патронов — 1 300 000, ручных гранат — 6350, понтонов — 53, телефонного кабеля — 105 километров, радиостанций — 27, парашютов — 385, лошадей — 335.

Захвачены также склады продовольствия, боеприпасов и обмундирования...

В боях отличились войска генерал-лейтенанта т. **МОРОЗОВА**, генерал-майора т. **ГРЯЗНОВА** и генерал-майора т. **БЕРЗАРИНА**».

Однако не всё было так радужно. Добиваться побед приходилось в условиях тяжелого северного климата и сложного рельефа местности. По воспоминаниям фронтовиков, местность тут была гиблая. Везде, куда ни глянешь, замшелые пни и кочки. Шагнешь в любую сторону — и тут же твой след покрывает смолянисто-чёрная, словно сметана, жижа. Болота источали её из всех своих пор. Ещё одна беда — выгоревшие торфяники, в огромные пустоты которых проваливались люди, техника. Про дороги вообще нечего было говорить — сплошная лежнёвка, изматывающая не только тело, но и душу. Офицеры горько шутили:

— Воюем в местах, где Господь забыл разделить небо и землю.

Фронту практически не выделяли резервов. Было и такое, что снимали соединения для поддержки других фронтов. Не хватало боеприпасов, горючего. И тем не менее операции, запланированные Ставкой, в целом явились важным вкладом в ход всего зимнего наступления Красной армии. Например, Торопецко-Холмскую операцию можно по праву назвать самой успешной наступательной операцией зимней кампании 1942 года. Выйдя глубоко в тыл главным силам группы армий «Центр», войска левого крыла Северо-Западного фронта в огромной мере способствовали усилению глубокого кризиса, переживаемого врагом на всем центральном участке. Они нарушили взаимодействие между группами армий «Север» и «Центр», потребовали отвлечения сил группы армий «Центр» к ее северному флангу, что облегчило наступление Калининского и Западного фронтов в зимнем наступлении 1942 года.

Между тем бои на Северо-Западном фронте то затихали, то вновь возобновлялись с новой силой. Как, впрочем, и на других фронтах. В Генеральном штабе — на прежнем месте службы Ватутина в этот период шла реорганизация, в ходе которой начальниками направлений стали назначаться генералы, командовавшие фронтами и армиями и руководившие штабами объединений. Предполагалось, что эти военачальники, обладающие авторитетом и опытом, сумеют более оперативно осуществлять связь с действующей армией и лучше влиять на происходящие там события. Им предоставлялось право бывать в Ставке и лично делать доклады по направлению деятельности.

Исполнявший обязанности начальника Генерального штаба генерал-лейтенант А. М. Василевский решил вернуть Ватутина назад в Генштаб. Была ещё одна причи-

на — главный рабочий орган Ставки буквально задыхался без квалифицированных штабных работников, поскольку прежний его костяк практически весь находился на фронте. Причём многих генералов Сталин лично туда и отправил.

— Там он нужнее, — говорил он о том или ином работнике Генштаба.

Поэтому вопрос о переводе Николая Федоровича в Москву надо было решать непосредственно с Верховным. Выбрав удобный момент, Василевский обратился к Сталину, на что тот серьёзно спросил:

— А что Ватутин не годится на фронте?

— Годится, товарищ Сталин, — ответил Василевский. — Но в Генштабе он будет нужнее.

Надо отдать должное Василевскому, он всё-таки сумел убедить Сталина в необходимости возвращения Николая Федоровича в Москву. Вообще Александр Михайлович умел постоять за свою точку зрения — такой у него был характер. Но делал он это тактично и одновременно твердо. Также в беседе со Сталиным Василевский положительно охарактеризовал службу Ватутина на Северо-Западном фронте. В результате Верховный согласился.

Незадолго перед убитием Ватутина в Москву, а дело шло к празднику 1 Мая, на фронт пришло много подарков. В посылках, присланных из республик, краёв и областей, городов и сёл, были теплые вещи, мыло, табак, различное продовольствие... Николай Федорович получил из далёкой Сибири персональный подарок — наручные золотые часы, а к ним письмо-грамоту. Впрочем, приведем этот документ полностью:

«Товарищу Ватутину Н. Ф.

Дорогой Николай Федорович! Президиум Верховного Совета, Совет Народных Комиссаров Бурят-Монгольской АССР и Бурят-Монгольский Областной Комитет ВКП(б) от имени и по поручению трудящихся Республики горячо приветствуют и поздравляют Вас, одного из славных, боевых руководителей частей Красной Армии, наносящей сокрушительные удары немецко-фашистским войскам на Северо-Западном фронте, с торжественным праздником 1 Мая и сердечно желают Вам сил, доброго здоровья и больших боевых успехов в великой, священной борьбе за счастье, честь и свободу нашей любимой Отчизны и её народа.

Трудящиеся БМАССР, вместе с самыми добрыми пожеланиями и приветом, посылают Вам, дорогой Николай

Федорович, свой первомайский подарок — золотые часы № 244986.

Председатель Верховного Совета БМАССР [Г. А.] Цыленова

Председатель Совета Народных Комиссаров БМАССР [С. М.] Иванов

Секретарь Бурят-Монгольского Областного Комитета ВКП(б) [С. Д.] Игнатъев».

Николай Федорович был тронут этим дорогим подарком. Выбрав свободную минуту, он написал ответ, в котором тепло поблагодарил руководителей республики за высокую оценку его ратного труда. Одновременно сообщил, что на Северо-Западном фронте храбро сражаются с немецко-фашистскими захватчиками бойцы и командиры почти всех национальностей Советского Союза, в том числе и бурят-монголы. Особо Ватутин отметил доблесть и отвагу снайпера Жамбыла Тулаева (впоследствии Герой Советского Союза), чья слава гремела тогда по всему фронту. «Бывший охотник Тулаев, — писал Николай Федорович, — уничтожил больше ста фашистов и представлен к ордену Красного Знамени». В заключение Ватутин заверил руководителей республики, что лично он и все воины фронта будут и впредь беспощадно громить фашистского зверя во имя свободы и независимости любимой Родины.

Рассказ о часах будет неполным, если не добавить к нему ещё несколько штрихов. В тот период такого рода подарки подлежали учёту, что тыловики добросовестно и сделали. Но часы при этом остались у Николая Федоровича. Он с гордостью их носил, сверяя по ним время начала операций, которых у него впереди будет ещё очень много.

Глава 10

«НАЗНАЧЬТЕ МЕНЯ КОМАНДУЮЩИМ...»

В первых числах мая 1942 года Ватутин, сдав дела новому начальнику штаба фронта генерал-майору И. Т. Шлёмину, прибыл в Москву. Без малого год он не видел столицу. И хотя фронт уже далеко отодвинулся от её стен, она по-прежнему жила по строгому распорядку войны. Это было видно по наклеенным бумажным крестам на окнах домов, противотанковым ежам и многочисленным вооружённым патрулям на улицах. А еще бросались в глаза зенитные орудия, крупнокалиберные пулеметы и звукоулавливатели

на крышах зданий... Но весну никто не отменял: воздух был чист, улицы умыты первыми ливнями, а березы и тополя источали неповторимые запахи распускавшихся листьев.

В соответствии с приказом наркома обороны Ватутин занял пост заместителя начальника Генерального штаба по Дальнему Востоку. До этого такой штатной должности в Генштабе не существовало. Она была введена в связи с усилением мобилизационной активности Японии в регионе. Значительные силы японских войск были сосредоточены в Маньчжурии, что не могло не беспокоить советское руководство, несмотря на имевшийся между Советским Союзом и Японией договор о нейтралитете. Японцы часто нарушали государственную границу, вторгались в советские территориальные воды и воздушное пространство.

Правда, поражение немецких войск под Москвой несколько охладило агрессивный пыл японцев, однако от захватнических намерений они не отказались. Страна восходящего солнца выжидала подходящий момент для нападения на СССР, чтобы завладеть Сибирью и Дальним Востоком. Этим подходящим моментом должны были стать решающие успехи Германии на Восточном фронте. И хотя, как известно, условия для этого так и не сложились, Генеральный штаб был вынужден пристально следить за недобрым поведением соседа и держать в готовности дальневосточную группировку войск на случай агрессии.

Однако на новой должности Ватутину пришлось заниматься не столько Дальним Востоком, столько решением вопросов, касающихся действующей армии. большей частью Василевский использовал Николая Федоровича для планирования наступательных и оборонительных операций на различных направлениях советско-германского фронта.

Генерал армии С. М. Штеменко в своих мемуарах «Генеральный штаб в годы войны» вспоминал: «Я и сейчас помню, как еще летом 1942 года, будучи заместителем начальника Генерального штаба по Дальнему Востоку, Н. Ф. Ватутин целыми ночами колдовал над картами других операционных направлений, разрабатывая различные варианты действий наших войск на советско-германском фронте. Мы с удовольствием брали его разработки и использовали, что было можно».

Не прошло и двух месяцев, а за это время Ватутин успел ещё побыть и представителем Ставки ВГК на Брянском фронте, в его судьбе произошел очередной поворот —

он был назначен командующим войсками Воронежского фронта. Кому-то покажется странным, но инициатором этого назначения стал сам Николай Федорович. Было это так.

В Ставке, располагавшейся в особняке в районе станции метро «Кировская»*, шло совещание, в котором принимал участие и Ватутин. Обсуждалась обстановка на Курско-Воронежском направлении, которая, начиная с первых чисел июля, резко ухудшилась. Вот как её описывает А. М. Василевский, назначенный 26 июня приказом ВГК начальником Генерального штаба РККА:

«После неудачи под Харьковом наши войска перешли к обороне. 28 июня гитлеровские войска группы генерал-полковника Вейкса перешли в наступление из районов восточнее Курска. Фашистское командование рассчитывало этим наступлением и ударами из Волчанска на Воронеж окружить и уничтожить войска Брянского фронта, прикрывавшие воронежское направление, а затем поворотом на юг, с дополнительным ударом из района Славянска, уничтожить войска Юго-Западного и Южного фронтов и открыть себе дорогу к Волге и на Северный Кавказ. С этой целью врагом была создана за счет группы армий «Юг» группа армий «Б» (под командованием возвращенного на советско-германский фронт генерал-фельдмаршала Ф. фон Бока) в составе 2-й и 6-й полевых, 4-й танковой немецких и 2-й венгерской армий. Для действий на северокавказском направлении была создана группа армий «А» во главе с прежним командующим оккупационными войсками на Балканах, одним из организаторов фашистских преступлений в Югославии и Греции генерал-фельдмаршалом В. Листом, в которую входили 11-я и 17-я полевые, 1-я танковая немецкие и 8-я итальянская армии. Всего противник сосредоточил для решения первой задачи к 1 июля 1942 года 900 тыс. солдат и офицеров, более 1200 танков, свыше 17 тыс. орудий и минометов, 1640 боевых самолетов. У нас в составе войск Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов к тому времени насчитывалось в общей сложности 1715 тыс. человек, около 2,3 тыс. танков, 16,5 тыс. орудий и минометов, 758 боевых самолетов».

Данные, которые привёл Василевский, свидетельст-

* Эта станция Сокольнической линии с 1990 года носит название «Чистые пруды». Имеется в виду городская усадьба Докучаева—Солдатенкова, ныне по адресу: Мясницкая улица, дом 37.

вовали о том, что по количеству людей и танков Красная армия на этом участке советско-германского фронта превосходила немцев примерно в полтора — два раза. Но уступала по самолётам. Располагая такими силами, её части и соединения должны были успешно противостоять натиску противника. Однако ослабленные в зимних и весенних наступательных боях советские войска не смогли остановить врага и вынуждены были отходить под ударами его превосходящих сил.

В результате на стыке Брянского и Юго-Западного фронтов немцы прорвали оборону советских войск и продвинулись вперёд на глубину до 80 километров. Это наступление, по сути, развязало немцам руки для продвижения вперёд с целью захватить Воронеж. Город являлся крупным военно-промышленным и экономическим центром. Здесь, на авиационном заводе, выпускались знаменитые штурмовики Ил-2, прозванные немцами «черной смертью». С конвейера другого — экскаваторного имени Коминтерна — сходили легендарные реактивные миномёты «катюша». Правда, до прихода немцев эти предприятия всё же успели эвакуировать вглубь страны. Расположенный по берегам двух рек — Дона и Воронежа — город имел водный путь, идущий к Азовскому, Чёрному и Каспийскому морям. Сухопутные и железнодорожные артерии также связывали Воронеж с другими городами страны.

Командующий германской группировкой генерал-полковник барон Максимилиан фон Вейхс 7 июля объявил своим солдатам об окончательном взятии города. О победном шествии частей Вейхса к Воронежу сразу громко ратрубили немецкие репортёры, воспев непобедимый дух германцев: «Это был строй римских легионов, перенесённых ныне в двадцатый век для укрощения монголо-славянских орд». Однако в реальности всё было далеко не так, поскольку в руках немцев находилась только правобережная часть города. Упорные бои за столицу Черноземья продолжались.

Ставка, заслушав доклад вернувшегося из района боев генерал-полковника Василевского, приняла решение создать Воронежский фронт, разделив Брянский фронт на два фронта (директива о создании Воронежского фронта была подписана Сталиным и Василевским в 21 час 7 июля). Вопрос о назначении командующих этими двумя фронтовыми объединениями также рассматривался в Ставке. Василевский и Ватутин называли возможных кандидатов, а

Сталин, привычно прохаживаясь по кабинету, комментировал предложения военачальников. Для Брянского фронта кандидатура была подобрана быстро: Василевский назвал имя генерал-лейтенанта К. К. Рокоссовского, хорошо зарекомендовавшего себя на посту командующего армией. Сталин сразу с этим согласился. Несколько сложнее оказалось с кандидатурой на должность командующего Воронежским фронтом. Ни одна из предложенных кандидатур Верховного не устроила. Повисла пауза... Неожиданно прозвучал немного прерывистый от волнения голос Ватутина:

— Товарищ Сталин! Назначьте меня командующим Воронежским фронтом.

— Вас? — Просьба, похоже, озадачила Верховного. Он удивленно поднял брови и сразу повернулся в сторону Василевского:

— А что по этому поводу думает товарищ Василевский?

Безусловно, Василевскому не хотелось расставаться с Ватутиным. Не для того он «вытащил» его к себе замом с Северо-Западного фронта. По сути, Ватутин был правой рукой Василевского, постоянно оставался за него, когда тот выезжал в войска. Но и отказать подчиненному, получившему редкий шанс проявить себя в должности командующего фронтом, Александр Михайлович не мог. И если бы Ватутин являлся для него только подчиненным! Он, как мы знаем, был его однокашником по альма-матер, их связывали дружеские отношения. Это тоже сыграло свою роль, когда Александр Михайлович держал слово перед Сталиным в поддержку Ватутина. Правда, он честно признался, что ему «очень жаль отпускать его из Генерального штаба».

Сталин, внимательно выслушав Василевского, немного помолчал, посмотрел на Ватутина и сказал:

— Ладно. Если товарищ Василевский согласен, я не возражаю.

Потом после небольшой паузы, пройдясь вдоль стола, вновь обратился к Василевскому:

— А товарищ Голиков пусть послужит заместителем у товарища Ватутина, чтобы пострадал своим самолюбием... Так ему и надо!

Что побудило Ватутина обратиться с такой просьбой к самому Верховному главнокомандующему? Ответ на этот вопрос дает его сослуживец, бывший начальник штаба Юго-Западного фронта, Герой Советского Союза генерал армии С. П. Иванов. В своих мемуарах «Штаб армейский, штаб фронтовой» он привёл интересный разговор, который

отчасти раскрыл переживания Ватутина в связи с его назначением командующим войсками Воронежского фронта: «Гораздо позднее, когда мы довольно близко сошлись с командующим [Ватутиным], он рассказал мне, какой внутренней борьбы стоил ему тот шаг.

— Штабную работу я люблю и очень высоко ценю, — говорил Николай Федорович, — но давно уже испытывал непреодолимое стремление испробовать себя на командном посту. Находясь длительное время на должности начальника штаба Северо-Западного фронта, я не раз чувствовал, что, будь у меня возможность самому реализовать разработанные штабом под моим руководством планы той или иной операции, я смог бы это сделать не хуже, чем мои тогдашние командующие. Утвердило меня в принятии этого решения то обстоятельство, что, по моему тогдашнему убеждению, положение под Воронежем могло стать столь же критическим, как весной под Харьковом, и там нужен был командующий, способный смело взять на себя ответственность при резком изменении обстановки. Сталина, как мне представлялось, вынуждала отвергать предлагаемые кандидатуры именно излишняя осторожность этих генералов.

— Знаешь, Семен Павлович, — Ватутин вдруг перешел на “ты”, что было ему совершенно не свойственно, — этот мой поступок, наверное, напоминает решение сержанта принять командование ротой, когда он видит, что вокруг в данную минуту нет никого более подходящего, и отваживается мгновенно, хотя в мыслях успело пронестись столько противоречивых чувств.

— И тем не менее, — отозвался я, — все это решалось, очевидно, не с ходу? Ведь перед этим вы побывали на еще не разделенном Брянском фронте и досконально изучили там обстановку.

— Да, хотя и не досконально, но, думаю, основательно ознакомился с ней. Однако переоценил значение Воронежа. Подумал, что главные летние баталии разыграются там, а оказалось — под Сталинградом.

Неожиданно Ватутин умолк, глубоко задумался, а потом спросил:

— Не догадываешься, зачем я рассказал всю эту историю?

Я пожал плечами.

— Хочу узнать, как другой штабник поступил бы в подобной ситуации.

Наступил мой черед поразмыслить, благо дилемма, стоявшая передо мной, была лишь теоретической.

— Наверное, поступил бы так же, — ответил я, — тем более учитывая, что Верховный главнокомандующий, видимо, не случайно командировал вас на Брянский фронт перед его разделением: идея этой акции была, как я догадываюсь, ваша?

Николай Федорович утвердительно кивнул головой.

...Ватутин вылетел на Воронежский фронт с группой офицеров 12 июля. Прямо с полевого аэродрома Николай Федорович отправился в войска. Стоял жаркий день. На выцветшем холсте неба висело утомленное солнце, над землей плыл горький запах горящих хлебов и перегретого металла. Далеко окрест была слышна артиллерийская канонада, гулко ухали разрывы снарядов и мин, до слуха долетали торопливый говор пулемётов и частая дробь автоматных очередей. Иногда с надрывным воем проносились самолеты, заходя на позиции немцев, находившихся на правом берегу Дона...

Это были отчие края Николая Федоровича. До близкой сердцу Чепухинки отсюда по прямой — около 200 километров. Но в Чепухинке уже хозяйничали немцы. Там остались мать, сестры, маленькие племянники... Как они, живы ли? Незадолго перед вылетом Василевский с укором спросил у него:

— Родные там остались? Что же ты раньше ничего не говорил?! Надо было вывезти своих. Ведь не пощадят их немцы, если узнают, чьи они родственники...

— Неудобно как-то было. Да и никто не предполагал такой поворот событий, — ответил он ему.

Но сейчас Ватутин старался меньше всего об этом думать. Однако не всегда это получалось. От нехороших мыслей сжималось сердце. Оставалось только уповать на судьбу-удачу. И все же мысли, дела были подчинены одному — преградить путь врагу через Дон, не дать ему возможности двигаться дальше, вглубь страны.

Продолжавший ещё командовать на тот момент войсками фронта генерал-лейтенант Ф. И. Голиков, с которым Ватутин встретился на командном пункте 60-й армии, доложил оперативную обстановку. Она была напряженной. В соответствии с директивой Ставки войска фронта с 11 июля вели наступление между реками Дон и Воронеж из района Севрюковка — Рамонь на юг в направлении на Подгорное, Малышево. Их задача заключалась в том, чтобы «в течение

11 и 12 июля совершенно очистить восточный берег р. Дон в районе Подклетное — Семилуки — Малышево — Воронеж и все пространство между р. Дон и р. Воронеж от противника и прочно закрепиться на р. Дон, обеспечив за собой переправы через него».

Так что новому командующему пришлось, что называется, с колёс принять руководство войсками фронта. Фронт — оперативно-стратегическое объединение вооруженных сил, предназначенное для решения оперативно-стратегических задач на нескольких операционных (иногда на одном стратегическом) направлениях континентального театра военных действий. Свои задачи фронт выполняет путём проведения фронтовых операций, как правило, во взаимодействии с другими фронтами, объединениями и соединениями различных видов вооруженных сил, участвующими в стратегической операции, в некоторых случаях и самостоятельно.

Вникать в дела фронта Ватутин начал с докладов командующих родов войск, начальников управлений и служб. Заслушав их доклады, Николай Федорович получал исходные данные для работы, из которых складывал общую картину о текущей обстановке и состоянии войск.

На тот момент в состав фронта входили три общевойсковых объединения: 6-я армия генерал-майора Ф. М. Харитонова, 60-я армия генерал-лейтенанта М. А. Антонюка, 40-я армия генерал-лейтенанта М. М. Попова, ряд корпусов и 2-я воздушная армия генерал-майора авиации С. А. Красовского. Между тем нельзя было сказать, чтобы эти армии могли на равных сражаться с немецкими частями. Первые две перебросили из резерва, но они ещё не были до конца оснащены техникой и вооружением, а также не имели боевого опыта. 40-я армия, наоборот, прошла испытания боями, однако была очень сильно ослаблена после выхода из окружения. Что касается воздушной армии, то она не располагала достаточным количеством самолётов.

Безусловно, сил и опыта было маловато, но Ватутин не стал останавливать механизм наступления, запущенный прежним командованием фронта. 13 июля ТАСС сообщило: «В районе Воронежа ожесточенные сражения не прекращаются ни днем, ни ночью. Враг продолжает контратаковать и вводить в бой крупные силы. Прикрываясь артиллерией и авиацией, немцы стремятся перебросить через водный рубеж как можно больше сил. Враг несет огромные потери. С каждым днем крепнет сила наших контрударов...

Сегодня, как и вчера, упорные сражения шли у переправ. В одном месте огнем нашей артиллерии и танков на понтонах уничтожены 9 противотанковых орудий противника, 17 пулеметов, 2 минометные батареи. Другая переправа была разрушена летчиками. Они подожгли 10 немецких танков, уничтожили 79 автомашин с пехотой и боеприпасами. Желая улучшить свое положение на одном из участков, где наши части наносят противнику заметно сильные удары, немцы бросили в бой 2-ю венгерскую бригаду. Атаки успешно отбиты. Наши части захватили трофеи и пленных... Бои в районе Воронежа продолжаются с возрастающим ожесточением». Однако вскоре стало ясно: мощного натиска не получилось. 18-й танковый корпус и несколько дивизий 60-й армии заняли лишь небольшой район в северной части Воронежа.

Спустя неделю была проведена новая операция, в которой принимали участие части 38-й и 60-й армий, 2-го и 11-го танковых корпусов. Планировалось разгромить противника ударами сразу с двух направлений: из района Подгорное в обход Воронежа с запада и по западному берегу Дона в общем направлении на Семилуки.

К сожалению, эта операция также закончилась без каких-либо существенных результатов. Генерал-майор М. И. Казаков, назначенный 18 июля к Ватутину начальником штаба, позднее вспоминал: «Дело осложнилось в данном случае тем, что нам пришлось наступать на укрепления, построенные нашими же войсками весной 1942 года. Атаке предшествовала так называемая “ускоренная артподготовка” при незначительной плотности артиллерии, а перед атакующими подразделениями оказалась прочная позиционная оборона с развитой системой траншей. Дивизии понесли потери, а цели опять не достигли».

В те дни Николай Федорович практически безвылазно находился в войсках. Его темно-зеленый «виллис» в сопровождении бронетранспортера боевого охранения колесил по местам дислокации частей и соединений фронта. Прибыв на тот или иной участок фронта, Ватутин терпеливо выслушивал доклады командармов, комкоров, комдивов и комбригов, изучал районы боевых действий, выяснял причины неудач, ставил перед подчиненными новые задачи. Командующий фронтом считал для себя обязательным делом встречаться и с простыми солдатами, непосредственно находившимися в окопах, в башнях танков, у прицелов орудий... Не случайно поэтому Николая Федоровича

практически сразу стали называть в войсках «наш командующий». У Ватутина к этому главному «сословию» войны тоже было уважительное отношение, поскольку он сам вышел из солдатской шинели.

Портрет своего командующего очень точно нарисовал корреспондент—организатор газеты Воронежского фронта «За честь Родины» С. М. Борзунов, ставший впоследствии известным писателем. Прочитаем его рассказ: «Впервые мы, небольшая группа военных журналистов только что созданной фронтовой газеты “За честь Родины”, увидели Николая Федоровича в двадцатых числах июля 1942 года на его командном пункте северо-восточнее Воронежа, в деревне Углянец...

Все были приятно удивлены, когда увидели молодого, круглолицего, подтянутого, с живыми пронизательными глазами генерала, на петлицах которого блестели три звезды. Это и был командующий фронтом Николай Федорович Ватутин — генерал-лейтенант по званию. Держался он очень просто и уверенно. Говорил не спеша, размеренно и спокойно, хотя обстановка под Воронежем, как мы узнали из его сообщений, была очень сложной и опасной. Но, повторяю, во всем поведении командующего, его манере говорить тихо и спокойно, в умении логично убеждать подчиненных ему людей и отдавать четкие распоряжения чувствовались знание обстановки, уверенность, сильные волевые качества военачальника. И потому, очевидно, мы не увидели в штабе ни беготни, ни суматохи, характерных для первых месяцев войны. Спокойствие командующего, его продуманные, уверенные распоряжения и действия, его лучистые глаза магически действовали на всех нас, вселяли надежду на скорую победу под Воронежем».

Прибытие на фронт нового командующего не осталось незамеченным и у немцев. Буквально через несколько дней над позициями войск фронта они стали разбрасывать листовки: «Этому штабному генералу под Воронежем успеха не иметь». Когда одну из таких листовок показали Николаю Федоровичу, он не мог сдержать улыбки:

— Сколько внимания моей персоне! Но, как говорят у нас на Руси, поживём — увидим...

Итогом поездок Ватутина по частям и соединениям стал его приказ, в котором был дан обстоятельный анализ действий войск фронта в период с 8 по 24 июля. В нем, в частности, отмечалось, «что одной из главных причин медленных темпов наступления и зачастую топтания на месте,

является неудовлетворительное управление своими частями и подразделениями со стороны командиров дивизий, полков и батальонов. Штабы и командиры дивизий, как правило, отрываются от своих частей и, оставаясь глубоко в тылу, теряют с частями связь, не имеют собственного наблюдения за полем боя, а потому не знают обстановку и не могут вовремя реагировать на изменения обстановки массированными ударами огня всех видов, вводом в бой второго и последующих эшелонов или же изменением направления удара. Нередко также отрываются от своих подразделений командиры полков и батальонов, что еще более пагубно отражается на ходе боя. Многие командиры дивизий, полков и батальонов вместо того, чтобы стремительно наступать за танками и в тесном взаимодействии с ними, отрываются от танков со своими подразделениями... В результате такие командиры вместо наступления переходят по существу к обороне, а в оправдание этого они начинают выдвигать целую уйму причин, ссылаясь на отставание соседей, на фланкирование их огнем противника. Они проявляют самолётобоязнь, ссылаются на обстрел их минометным и артиллерийским огнем, как будто бы на войне всего этого не должно быть. Проявляя пассивность, такие командиры не умеют использовать свои огневые средства и технику для подавления огня противника и уничтожения живой силы. Они не используют благоприятных моментов боя для броска вперед».

Особый упор в этом документе был сделан и на вопросы взаимодействия, которые крайне важны в период наступления. Однако между танковыми, пехотными и артиллерийскими начальниками они отрабатывались недостаточно, особенно в звене батальон, дивизион, рота и батарея. Слабо также проводилась разведка противника, не были выявлены его слабые места. Само наступление велось прямолинейно, в лоб, без обходов и обхвата. Кроме того, атака переднего края врага танками производилась на низких скоростях, а стрельба — с длинных остановок, что давало противнику возможность расстреливать танки.

Однако разбор действий командного состава частей и соединений не ограничился лишь сухими строками приказа, который, заметим, был доведен до командиров и политработников под роспись, чтобы в случае чего было с кого спросить. В те дни у Ватутина состоялось и немало жестких, нелюбезных разговоров с некоторыми военачальниками. А иначе в той тяжелой обстановке и быть не могло.

Вот что пишет в своих воспоминаниях «Жизнь в авиации» маршал авиации С. А. Красовский, в то время генерал-майор авиации, командующий 2-й воздушной армией Воронежского фронта:

«У нас [с Ватутиным] состоялась не очень дружелюбная беседа.

— Плохо работает авиация! — заявил Ватутин.

— Воевать без войск не умею.

— А вот другие умеют! — Ватутин повернулся к окну и стал смотреть на тянувшиеся по дорогам толпы жителей. Помолчав немного, он тяжело вздохнул и негромко добавил: — До глубинки России допустили немца, до исконно русских городов — Орла, Курска, Воронежа... Нет, так воевать дальше нельзя».

Находясь в 60-й армии, Ватутин признал «неудовлетворительной, не отвечающей требованиям выполняемых задач» работу её штаба. Так, начальник штаба генерал-майор С. П. Крылов имел «смутные, неточные и неясные представления о своих частях». Ещё хуже владел обстановкой начальник оперативного отдела подполковник П. Н. Лашенко, который в своём докладе не мог точно указать дислокацию полков и соединений, о некоторых частях располагал неточными сведениями. А когда потребовалось показать на карте места огневых позиций артиллерии и других средств огневой поддержки, Лашенко не сумел это сделать.

Ватутин жестко потребовал от начальника штаба армии и его подчиненных «в кратчайший срок устранить отмеченные недостатки, организовать работу штаба армии, всех управлений и отделов, добиваясь плановости, системы в работе, четкости и точности». Надо сказать, штаб фронта сделал правильные выводы, указанные командующим фронтом недостатки были устранены. И ещё один показательный штрих. Попавший под огонь справедливой критики начальник оперативного отдела подполковник Лашенко больше подобных ошибок не допускал. Вскоре этот 33-летний офицер был назначен командиром соединения, где проявил себя самым достойным образом. В боях за Днепр ему было присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Представление на награждение подписал Ватутин. В послевоенные годы Павел Николаевич Лашенко дослужился до генерала армии и нередко вспоминал строгий урок, полученный от Ватутина.

Новый командующий сделал и ряд кадровых перестав

повок. В частности, от должности командующего 60-й армией был отстранен генерал-лейтенант М. А. Антонюк. Что предопределило такое решение? 19 июля Ватутин приказал Антонюку нанести силами армии удар по фашистам с запада из района населенного пункта Подгорного в обход Воронежа. Командарм поручил осуществить эту операцию 18-му танковому корпусу. Примечательно, что этим корпусом командовал уже знакомый нам по Северо-Западному фронту генерал-майор танковых войск И. Д. Черняховский. Планируя наступление, Антонюк решил предварить атаку корпуса Черняховского «ускоренной артподготовкой». Поясним: это когда огонь по позициям противника ведётся при незначительной плотности артиллерии.

К сожалению, ноу-хау Антонюка, выражаясь современным языком, обернулось провалом операции, поскольку артподготовка не причинила противнику практически никакого вреда. Рванувшие в атаку танки Черняховского натолкнулись на стену огня немцев, в результате чего на поле боя остались десятки подбитых машин, а самим танкистам пришлось отступить. Крайним оказался Черняховский, которого Антонюк обвинил в неумении управлять боем. Тот свою вину не признал, прямо заявив:

— Задача не была выполнена из-за того, что артиллерия не смогла уничтожить огневые точки гитлеровцев.

В ответ Антонюк устроил разнос Черняховскому, пригрозил ему соответствующими оргвыводами.

Однако Николай Фёдорович, разобравшись, возложил ответственность за срыв операции на Антонюка. Не умаляя прежние заслуги командарма, Ватутин и находившийся в тот момент в войсках фронта представитель Ставки, начальник Генерального штаба генерал-полковник А. М. Василевский единодушно пришли к выводу, что Антонюк не справляется со своими обязанностями. В частности, как командующий армией, воюет по лекалам Гражданской войны, не понимает роли танков, рассматривая их всего лишь как придаток стрелковых дивизий. Кроме того, не заботится о поддержке действий танковых частей артиллерией и авиацией. Были и другие веские аргументы.

О своём намерении заменить командующего 60-й армией генерал-лейтенанта Антонюка Ватутин доложил Сталину, поскольку такого рода решения принимались непосредственно Верховным главнокомандующим. Новым командармом Николай Фёдорович предложил назначить генерал-майора танковых войск Черняховского, которого

хорошо знал по Северо-Западному фронту. Танкист, а по специальности артиллерист, Иван Данилович имел и опыт командования общевойсковым соединением. В предыдущих боях он проявил себя как думающий, требовательный и заботливый командир. Обо всем этом Ватутин сказал Верховному. Примечательно, что Сталин был сторонником замены военачальников старой школы на молодые кадры, поэтому поддержал предложение Ватутина.

Верховный лично объявил о своём решении 24 июля и Антонюку, и Черняховскому. Произошло это во время заседания Военного совета 60-й армии. Как вспоминал комиссар 17-го танкового корпуса В. Г. Гуляев, в момент выступления Антонюка позвонил по ВЧ Сталин. Командарм прервался на полуслове и поспешил в переговорную комнату к аппарату. Вскоре он вышел оттуда бледный.

— Черняховский, вас... — Антонюк жестом показал на дверь, за которой находился телефон прямой связи с Москвой.

Участники совещания молча переглядывались. Каждый, по-видимому, мысленно строил всякого рода догадки.

Разговор Черняховского по ВЧ с Верховным главнокомандующим был недолгим.

— Ватутин попросил назначить вас командующим 60-й армией, — прозвучал в трубке неторопливый голос с кавказским акцентом. — Мы не возражаем. А как вы сами смотрите на это?

— Как прикажете, товарищ Сталин. Ваше высокое доверие постараюсь оправдать всей своей жизнью, — взволнованно ответил Черняховский.

— Вот и хорошо. Принимайте армию, — сказал Верховный.

Время показало: «крестник» Ватутина с честью оправдал это доверие. Молодой, энергичный командарм достойно проявил себя как в боях на Воронежском фронте, так и на других полях сражений. В дальнейшем Черняховский будет командовать 3-м Белорусским фронтом, он станет генералом армии и дважды Героем Советского Союза.

В таких кадрах новой военной школы, как Черняховский, Ватутин видел залог побед над противником. Николай Федорович тоже принадлежал к «младому племени», являясь на тот период самым молодым по возрасту командующим фронтом. Не случайно и часть управления фронта он сформировал из офицеров ускоренного (трех-, четырехмесячного) курса обучения в Военной академии им.

М. В. Фрунзе. Это были молодые офицеры, но некоторые из них уже успели поучаствовать в боях осенью и зимой 1941 года. Несмотря на отсутствие опыта практической работы в крупных штабах, они с исключительной добросовестностью брались за выполнение любых заданий. Спустя время новички научились готовить сводки, донесения, отрабатывать боевые распоряжения, оформлять решения комфронта...

Да сам и Николай Федорович любил подать пример молодежи. Ночью, когда меньше трезвонили телефоны, он брал карандаш и лично писал донесение в Ставку или набрасывал текст распоряжения войскам. Ему, вчерашнему штабному работнику, это доставляло удовольствие. Как говорится, кто не любит «тряхнуть стариной»...

«Генерал Н. Ф. Ватутин с неизменным вниманием относился к нуждам и запросам штаба, с его стороны штабисты всегда встречали полное понимание и поддержку, — вспоминал уже знакомый читателю генерал армии С. П. Иванов. — Да это и не удивительно. Ведь пройдя все ступени штабной службы, вплоть до [1-го] заместителя начальника Генерального штаба, он знал все профессиональные тонкости, о событиях судил масштабно, сразу схватывал суть дела. Это был настоящий генштабист, человек отменной работоспособности, сильной воли и исключительно деловой целеустремленности. В нём, как нельзя лучше, сочетались черты командующего и руководителя крупного штаба. Самым тесным образом Н. Ф. Ватутин поддерживал контакты с войсками, куда он часто выезжал, причём о своих поездках ставил в известность и штаб. Он всегда знал о запросах, настроениях не только командного, но и рядового состава, и при необходимости оперативно оказывал действенную помощь».

Из двух неудачных наступательных операций Ватутин сделал серьёзные выводы. Тщательно изучив обстановку, он скрытно произвёл перегруппировку войск фронта, сосредоточил их на важных направлениях и имеющимися силами, собранными в кулак, организовал ряд ощутимых контрударов.

В середине июля очередная операция была проведена в районе города Коротояк. Неподалеку от этого города, у села Петропавловки, вспоминал начальник штаба фронта М. И. Казаков, немцам удалось захватить небольшой плацдарм на северном берегу Дона. Ватутин приказал ликвидировать его. Эта задача была поставлена перед 174-й стрел-

ковой дивизией. Одновременно ей предстояло захватить плацдарм на южном берегу. Стремительным ударом противник был выбит из Коротояка и потеснен по ту сторону Дона на пять километров по фронту и три километра в глубину. Немцы встревожились. Ими тут же стали предприниматься непрерывные попытки выбить советские части обратно за реку. Командующий 2-й венгерской армией генерал-полковник Густав Яни бросил сюда две дивизии. Пришла и одна немецкая дивизия, а с ней до сотни танков. Настойчивые атаки противника не прекращались целую неделю, и в течение всего этого времени 174-я стрелковая дивизия стойко отражала их. Только по приказу командующего фронтом во избежание лишних потерь её командир генерал-майор С. И. Карапетян отвел свои части на северный берег. За умелые действия, за мужество и стойкость это соединение удостоилось тогда звания гвардейского.

Сталинградская битва, в которой решалась судьба страны, началась 17 июля 1942 года. Гитлер планировал захватить Сталинград — крупный транспортный узел стратегически важных речных и сухопутных маршрутов, объединявших центр страны с южными регионами. Овладев городом на Волге, немцы не только перерезали бы крупную артерию Советского Союза и создали серьёзные проблемы со снабжением Красной армии, но и надёжно прикрыли бы свои наступающие на Кавказ войска.

Поэтому в тот период всё внимание Ставки было приковано к Сталинграду. Операции других фронтов, в том числе Воронежского, носили скорее вспомогательный характер. Но это вовсе не означало, что они не вели активные боевые действия. Ставка ВКГ требовала от командования Воронежского фронта регулярно наносить удары по противнику, не давая ему возможности перебрасывать свои танковые и моторизованные части с Воронежского направления на Сталинградское. Ранее несколько боеспособных соединений с правобережья Дона противник всё же успел туда перебросить. На смену закаленным в боях германским дивизиям пришли войска сателлитов — итальянцы и венгры. Однако это не снизило накала боёв. Они продолжались на дальних и ближних подступах к Воронежу, в пригороде и на улицах, на захваченных больших плацдармах и маленьких пятках земли... По подсчётам историков, сражение за Воронеж длилось 212 дней и ночей, половина из них пришлась на время командования фронтом Ватутиным.

В последних числах июля в штаб фронта поступил при-

каз № 227 «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций», получивший сразу название как приказ «Ни шагу назад!». Николай Федорович знал, что его проект готовил Василевский. Потом дорабатывал Сталин, он же и подписал этот документ 27 июля. Жесткий, категоричный тон приказа обращал на себя внимание суровостью правды, нелицеприятностью разговора Верховного главнокомандующего с каждым, кто сейчас находился на фронте, начиная от простого солдата и кончая командующим фронтом.

Читая приказ, Ватутин с горечью воспринимал резкие слова, адресованные и в свой адрес. Нет, в документе не назывались конкретные имена и фамилии, но в нём шла речь о Воронежском направлении, за которое он, как командующий фронтом, теперь отвечал в первую очередь:

«Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется вглубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге у ворот Северного Кавказа.

Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа. Часть войск Южного фронта, идя за паникерами, оставила Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа из Москвы, покрыв свои знамена позором.

Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной Армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную Армию, а многие из них проклинаят Красную Армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама утекает на восток».

Куда более жесткие формулировки в нём содержались дальше: «Наша Родина переживает тяжелые дни. Мы должны остановить, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы это нам ни стоило... Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять Родину. Паникеры и трусы должны истребляться на месте. Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование — ни шагу назад без приказа высшего командования».

Особую ответственность этот суровый документ возлагал непосредственно на командующих фронтами:

«1. Военным советам фронтов и прежде всего командующим фронтами:

а) безусловно ликвидировать отступательные настроения в войсках и железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны якобы отступить и дальше на восток, что от такого отступления не будет якобы вреда;

б) безусловно снимать с поста и направлять в Ставку для привлечения к военному суду командующих армиями, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования фронта;

в) сформировать в пределах фронта от одного до трех (смотря по обстановке) штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить свои преступления против Родины».

По поручению Ватутина этот приказ немедленно был зачитан в частях и подразделениях до роты (эскадрильи) включительно. Сам Николай Федорович сразу же выступил перед офицерами и генералами управления фронта.

— Этот приказ, — сказал Ватутин, — должен знать каждый командир, политработник и боец, где бы он ни находился — на передовой, во втором эшелоне, в госпитале... Дальше отступать мы не можем и не имеем права. Иначе останемся без хлеба, топлива и металла. И ваш первейший долг, товарищи, помочь донести это до сознания каждого воина нашего фронта. Пусть каждый поймет, что от его мужества и отваги во многом зависит судьба родины. Надо сказать всем суровую и горькую правду, и люди нас поймут.

«Приказ нам доводили под роспись, чтобы каждый лично нес ответственность за его неукоснительное выполнение, — рассказывал автору этих строк Герой Советского Союза генерал-майор в отставке Ф. В. Ванин, в 1942 году командовавший стрелковой ротой 836-го стрелкового полка 240-й дивизии Воронежского фронта. — В течение первых дней после выхода приказа № 227 одному из взводов моей роты пришлось выполнять функции заградотряда. Приказом, как известно, предписывалось сформировать в пределах армии 3—5 хорошо вооруженных заградительных отрядов, поставить их в непосредственном тылу неустой-

чивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей расстреливать на месте паникеров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизий выполнить свой долг перед Родиной. К счастью, моим подчиненным не довелось стрелять по своим. В то же время они задержали несколько человек, которые самовольно оставили боевые порядки. Одним из задержанных был офицер в звании капитана. Он шел в тыл под видом раненого. Правая рука у него была перебинтована. Но при проверке оказалось, что на теле капитана нет ни единой царапины. Задержанный был передан в особый отдел дивизии».

Приказом Ватутина на Воронежском фронте был сформирован отдельный штрафной батальон, позднее получивший номер «9». Больше на тот момент не требовалось, поскольку трусов, паникеров и дезертиров в массовом количестве не отмечалось. Дело было здесь не в страхе перед наказанием. Вернее, не только в нём. Важнее другое: люди понимали, что дальше пускать немцев нельзя, их надо остановить во что бы то ни стало, доказать, что русский солдат на своей земле сильнее и крепче захватчика. В целом фронт в тот период крепко держал оборону, одновременно постоянно контратакуя противника.

В первых числах августа войска 6-й армии заняли Сторожевский плацдарм на правом берегу Дона в 55 километрах к югу от Воронежа. На военных картах этот участок местности, состоящий из меловых утёсов, был обозначен как высота 187,7. Здесь действовала 25-я гвардейская стрелковая дивизия под командованием гвардии полковника П. М. Шафаренко. Её поддерживали несколько артиллерийских полков, гвардейские минометы («катюши») и авиация. Поставленная Ватутиным задача была успешно выполнена: советские войска захватили плацдарм в 13 километров по фронту и 8 километров в глубину.

Непосредственный участник событий тех лет капитан в отставке А. Н. Потемкин вспоминал: «В ночь перед форсированием противника непрерывно бомбили наши славные “ночные ведьмы”*». На незащищенных самолетах По-2 не давали врагу ни сна, ни отдыха... Среди ночи со своих “русфанер” они бросали бомбы в хаты, где спят неведомо зачем забравшиеся на Дон венгры. При взрыве бомб за Доном мы дружно кричали: “Ур-ра!”».

* Так называли бойцов женского 588-го (с 8 февраля 1943 года 46-го гвардейского) ночного легкомбардировочного авиационного полка.

А вот как описал эти события в своём дневнике незадолго до смерти ефрейтор 1-й венгерской танковой дивизии Иштван Балои:

«7 августа. Русские переправились через реку Дон. Идем, чтобы отрезать им путь отступления.

8 августа. 2-я рота 1-го батальона понесла большие потери, погибли 4–5 офицеров.

9 августа. В 11 часов заговорил “Сталинский орган” [реактивная установка БМ-13 или «катюша»]. Сердце остановилось. Все бежали, куда могли...

10 августа. Идем на наше старое место — русские опять прорвали фронт... Очень сильный бой. Мы отошли. После этого в пехотном полку разразилась настоящая паника. Пришлось сдерживать бегущих и возвращать их. Артобстрел. Русские снаряды попали в машины с боеприпасами 2-го полка. Они взорвались одна за другой.

12 августа. Я думаю, что из нас никто не останется в живых от такого обстрела. В Воронеже погибло много венгров. Об этом сообщают русские листовки, они предлагают нашим солдатам сдаваться в плен.

14 августа. В 1-м батальоне убито 50 и около 100 раненых.

15 августа. В пять часов начинается наступление. Русские упорно держатся. Этот ужас нельзя описать. У нас много раненых. Пять раз стрелял “Сталинский орган”.

16 августа. Грустное воскресенье. Много венгерских солдат полили своей кровью русскую землю. Убитые покрывают землю. Не успеваем вывозить раненых...

17 августа. Два раза ходили в наступление, оба раза пришлось отступать. Много убитых и раненых. Теперь только бог нам может помочь. Ему мы доверяем.

19 августа. Не дождалось улучшения положения. Много стреляют русские снайперы. Стоит только показаться, как они тебя продырявят. Обычно смертельно.

20 августа. ...День святого Стефана. В 15.15 началось наступление. Боже, помоги нам, чтобы счастливо окончить бой. Верно, что после этого нас сменят. В роте нас осталось двое со званием — я и главный ефрейтор Мату...

21 августа. Они опять наступают...»

Вплоть до 17 сентября продолжались жаркие бои за Сторожевский плацдарм, противник потерял почти 9 тысяч солдат и офицеров убитыми и ранеными, 48 орудий, 28 танков, 4 самолёта, много другой техники. Но ему так и не удалось сбросить советские войска в Дон. В результа-

те противник вынужден был перейти к обороне, укрепив её новыми резервами.

Вслед за 25-й гвардейской стрелковой дивизией, то есть через три дня после взятия Сторожевских круч бойцы 309-й стрелковой дивизии 6-й армии, нанеся урон противнику, отбили высоту 160,7. По сути, это была узкая полоска земли между селами Щучье и Переезжее. Долгих 158 дней и ночей советские воины держали здесь оборону, сковывая вокруг себя силы врага.

Николай Федорович практически ежедневно бывал в воюющих частях и соединениях. Поводы были разные: от постановки задач на проведение очередной операции до вручения наград отличившимся в боях солдатам и офицерам. В штабе 6-й армии, дивизии которой сражались на Сторожевском плацдарме и на высоте 160,7, у Ватутина произошла неожиданная встреча с Мехлисом. Правда, Лев Захарович уже не занимал прежних постов. За провал в мае 1942 года операции на Крымском фронте, а это выразилось в его профессиональной некомпетентности, неумении организовать дело, Сталин освободил своего любимца от должности заместителя наркома обороны и начальника Главного политуправления РККА, а заодно понизил его в звании до корпусного комиссара. Трудно было представить, что подобное могло случиться.

Теперь Мехлис являлся всего лишь членом Военного совета 6-й армии. Представляясь Ватутину (так требует устав, когда младший по должности докладывает старшему по должности), Мехлис бросил на Николая Федоровича свой колючий взгляд. Но это был уже не тот Мехлис, каким его видел Ватутин на Северо-Западном фронте. От былой несильности главного политработника Красной армии не осталось и следа. Говорят, кто прошлое помянет тому глаз вон. Ватутин, в отличие от Мехлиса, не был злопамятным человеком и счёты с ним сводить не собирался. Война и так всё расставила по своим местам.

В конце августа 1942 года Ватутин поставил задачу командующему 40-й армией генерал-лейтенанту М. М. Попову захватить плацдарм на правом берегу Воронежа. В историю битвы за Воронеж этот участок земли размером пять километров по фронту и два в глубину войдёт как Чижовский плацдарм. В послевоенные годы историки и журналисты будут сравнивать его с ленинградским Невским пятачком и Малой Землёй Новороссийска. И это сравнение уместно, поскольку здесь непрерывно шли кровопро-

литные бои за каждую улицу, за каждый дом. Чтобы занять плацдарм, войскам было необходимо форсировать реку Воронеж. Для этого инженерные войска фронта соорудили переправу, которая на полметра уходила под воду реки и не просматривалась авиацией с воздуха. Строили её по ночам из бетонных осколков и битого кирпича. По ней в одну из ночей на правый берег были переправлены техника и пехота. Для гитлеровцев это стало полной неожиданностью. В результате внезапно нанесенного удара советские войска захватили плацдарм в правобережной части города. Попытки немцев отбросить русских назад оказались безуспешными. Сражение на Чижовском плацдарме не прекращалось до самого освобождения города.

Немецкий военный корреспондент Густав Штебе, автор брошюры «Штурм и оборона Воронежа», изданной по горячим следам летних и осенних боёв 1942 года, писал: «В этой битве потеряли жизнь и многие немецкие товарищи. Кресты немецких солдатских могил стоят везде, где солдатский долг потребовал последней и величайшей жертвы: посреди разрушенного города, между сторевшими фасадами и баррикадами, перед заводами, в скверах и на улицах, и на берегах Дона...»

За время летне-осенних боёв войсками фронта было захвачено около десяти плацдармов на западных берегах рек Дон и Воронеж, наиболее важными из которых были Чижовский в правобережной части Воронежа, а также Сторожевский и Щучьенский плацдармы на верхнем Дону. Для советских войск эти и другие плацдармы стали своего рода трамплинами для проведения в январе 1943 года победоносных Острогожско-Россошанской и Воронежско-Касторненской операций, в ходе которых противник потерял 320 тысяч человек, а количество пленных только в Острогожско-Россошанской операции составило более 86 тысяч человек. Под Воронежем была разгромлена 200-тысячная венгерская армия. Её гибель, по оценкам зарубежных экспертов, стала самым крупным поражением за всю почти тысячелетнюю историю этого европейского государства. В заснеженных черноземных степях нашли свою погибель солдаты, офицеры, генералы итальянского альпийского и 2-го немецкого танкового корпусов...

Но всё это будет впереди, пока же войска фронта вели тяжёлые и вязкие оборонительные бои, перемежая их с частными наступательными операциями. Ватутин рассматривал эти действия в интересах общей стратегии, а она за-

ключалась в том, чтобы непрерывными контратаками сковывать силы врага.

Уже упоминавшийся в нашем повествовании маршал авиации С. А. Красовский в своих мемуарах вспоминает: «Когда наступление вражеских войск приостановилось и немцы вынуждены были перейти к обороне, командующий фронтом Н. Ф. Ватутин организовал несколько мощных контрударов. Именно поэтому фашистское командование не решалось снимать из-под Воронежа части и соединения для использования их на других направлениях. Многие наши генералы и офицеры стали называть Ватутина “генералом от наступления”. Он заставлял командиров всех степеней напряженно думать, искать уязвимые места в обороне противника и наносить контрудары».

Безусловно, боевая активность войск Ватутина не приводила к внешне эффектным успехам. Поэтому даже в среде командиров и политработников тогда не все понимали, почему их командующий с такой настойчивостью организует атаки безымянных высот и безвестных деревень. Однако в Ставке, наоборот, высоко оценивали деятельность Ватутина. И было за что. Постоянными контратаками он не только не допустил переброску фашистских войск с Воронежского фронта к Сталинграду, но и притянул к себе значительные силы врага, следовавшие туда мимо вверенного ему фронта.

Как пишет М. Г. Брагин, первый биограф Ватутина, «этой же активной борьбой, частыми контратаками и контрударами Николай Федорович не только не ослаблял, как могло показаться, свои войска, но готовил их к общему контрнаступлению, не давал им “застаиваться” в обороне и терять свою способность к активным, решительным боям. Ватутин пользовался каждым случаем, чтобы развить частный успех. Так, однажды, когда батальон, которому была поставлена задача наступать на плацдарме за Доном с ограниченной целью, выполнил эту задачу и продолжал наступление, Ватутин немедленно развил местный успех батальона, двинув в этом же направлении целую дивизию».

— Отсиживаться в обороне нам никак нельзя, — часто повторял Ватутин. — Скорее наоборот. Надо атаковать немца любыми силами: ротой, батальоном, полком, дивизией, армией. Наша первостепенная задача — оттягивать резервы от Сталинграда.

Не раз бывало так, что соединения противника, снятые с Воронежского фронта, в результате контратак войск Ва-

тутина спешно возвращались обратно, чтобы остановить продвижение советских частей. Случалось, что дивизии противника, следовавшие в эшелонах южнее Воронежа на Сталинградский фронт, вынуждены были в авральном порядке выгружаться и выдвигаться в район Воронежа, чтобы восстановить положение на том или ином участке обороны. В общей сложности Воронежский фронт удерживал перед собой не менее тридцати вражеских дивизий, которые очень быгодились немцам под Сталинградом.

В те дни Николай Федорович писал жене Татьяне Романовне и дочери Елене: «Целую Вас крепко и шлю сердечный горячий привет с самыми наилучшими пожеланиями. О себе скажу очень кратко. Дела на фронте идут неплохо. Беспощадно истребляем немцев под Воронежем. Здесь перебито их уже очень много, но предстоит еще большая и трудная задача. Мы её выполним во что бы то ни стало. Над этим я и работаю. Очень беспокоюсь о вас».

С первого дня пребывания на Воронежском фронте Николай Федорович не мог смириться с тем, что практически весь город, расположенный на правом берегу реки Воронеж, находился в руках врага. Поэтому он всё время вынашивал план выбить оккупантов из столицы Чернозёмного края.

К началу сентября под руководством Николая Федоровича была подготовлена масштабная наступательная операция, в основе замысла которой лежало окружение и уничтожение всей группировки противника в районе Воронежа. В ней планировалось задействовать 60-ю армию генерал-майора И. Д. Черняховского и 40-ю армию генерал-лейтенанта М. М. Попова, а также некоторые дивизии 38-й армии генерал-лейтенанта Н. Е. Чибисова, переподчинённой к тому времени Воронежскому фронту. Провести операцию предполагалось концентрическими ударами из района Подгорное на Семилуки и из района Придача, в обход Воронежа с юга. Ещё один удар, вспомогательный, должен был быть осуществлён в направлении Нижняя Верейка и Ольховатка.

Для доклада разработанного плана операции Ватутин был вызван в Ставку. О том, как шло его утверждение, засвидетельствовал в своих мемуарах «Солдатский долг» Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский, тогда генерал-лейтенант и командующий Брянским фронтом: «Во второй половине августа меня внезапно вызвали в Ставку. У Сталина я застал и нашего левого соседа Н. Ф. Ватутина. Рас-

сма­тривался вопрос об освобождении Воронежа. Вату­тин предлагал наступать всеми силами Воронежского фронта непосредственно на город. Мы должны были помочь ему, сковывая противника на западном берегу Дона активными действиями левофланговой 38-й армии. Я знал, что Вату­тин уже не раз пытался взять Воронеж лобовой атакой. Но ничего не получалось. Противник прочно укрепился, а нашим войскам, наступавшим с востока, прежде чем штур­мовать город, надо было форсировать реки Дон и Воро­неж. Я предложил иной вариант решения задачи: основной удар нанести не с восточного, а с западного берега Дона, используя удачное положение 38-й армии, которая нависает над противником севернее Воронежа. Для этого надо только перегруппировать сюда побольше сил, причем по возможности скрытно. При таком варианте удар по Воро­нежской группировке наносился во фланг и выводил наши войска в тыл противнику, занимавшему город. Кроме того, этот удар неизбежно вынудил бы противника ослабить свои силы, наступавшие против Юго-Западного фронта. В той обстановке такой вариант, по моему глубокому убеждению, был наиболее правильным.

Но Вату­тин упорно отстаивал свой план, а мои до­воды, по-видимому, оказались недостаточно убедительными. Не подействовало и обещание, что, если будет принят мой вариант, Брянский фронт выделит в распоряжение соседа все войска, которые сможем собрать без ущерба для своей обороны. Сталин утвердил предложение Вату­тина, обещав при этом усилить Воронежский фронт дополнительными соединениями из резерва Ставки, а также гвардейскими минометными полками, вооруженными реактивными установками М-31 со снарядами большой разрушительной мощности.

На этом визит у Сталина закончился. Выйдя в соседнюю комнату, мы с Вату­тиным оговорили все вопросы, связанные с действиями 38-й армии, которая на время операции переподчинялась Воронежскому фронту, и разъехались каждый к себе».

В свой штаб Николай Федорович вернулся 30 августа. Настроение было приподнятое: план не только утвердили, но и подкрепили его материально. Для поддержки сил фронта из резервов Ставки ВГК было выделено четыре стрелковых соединения. Кроме того, дополнительно ищ­кали боеприпасы для артиллерии: по полтора боеком­плекта для средних калибров (180 снарядов на орудие) и по

два боекомплекта для тяжёлых калибров (240 снарядов на орудие). Это было хорошее подспорье для начала операции.

Дата наступления была определена на раннее утро 9 сентября. Вплоть до её начала в войсках шла интенсивная подготовка. С командующими армиями и командирами дивизий Николай Федорович лично проиграл на карте и на рельефном плане местности динамику предстоящих действий. В свою очередь командармы отработали эти задачи с командирами дивизий и полков. Особое внимание было уделено взаимодействию родов войск. Поближе к переднему краю были выдвинуты пункты управления армий и фронта.

Сам Ватутин в то время буквально дневал и ночевал в войсках: проверял их готовность, заслушивал доклады командармов и комкоров, ставил задачи, уточнял вопросы взаимодействия, отдавал последние распоряжения, настраивал людей. Однако за два дня до начала операции в штаб фронта позвонил по ВЧ Сталин. На проводе с ним был начальник штаба генерал-майор М. И. Казаков — Ватутин в это время находился в одной из частей 38-й армии.

— Четыре стрелковые дивизии, полученные для участия в наступательной операции, в передовую линию не вводить, — как всегда, лаконично сказал Сталин. — Их нужно готовить немедленно к отправке в район Царицына [Сталинграда]. Операцию, которую вы готовите, разрешается временно отложить...

Затем Верховный спросил у Казакова, как скоро Воронежский фронт может начать отправку указанных дивизий и какие меры необходимо предпринять для ускорения этого дела. Казаков доложил, что у фронта на данный момент имеется небольшой оперативный резерв подвижного состава. Одну дивизию уже можно отправить ближайшей ночью. Сталин, как вспоминал Казаков, остался удовлетворен ответом и приказал немедленно доложить его указания Ватутину.

Казаков тут же вышел на связь с Николаем Федоровичем и почти дословно передал ему содержание состоявшегося разговора с Верховным главнокомандующим. Свалившаяся как снег на голову новость, конечно, не обрадовала Ватутина. Ведь, начиная ещё с середины июля, Николай Федорович жил этой операцией, не спал ночей, вкладывал в её разработку всю душу. И вот, выходит, все его и штаба многодневные труды идут насмарку...

Возвратившись в штаб фронта, Ватутин сразу свя-

зался по ВЧ с Василевским, долго ему доказывал целесообразность проведения операции. В конце концов убедил Александра Михайловича в том, что и без четырех дивизий, которые снимаются с фронта, можно проводить наступление и добиться желаемых результатов. Аналогичный разговор у Ватутина состоялся и с Верховным. Сталин согласился с доводами Ватутина и дал добро на проведение операции. Правда, сроки её начала были сдвинуты на шесть дней. Наступление началось 15 сентября.

Впрочем, предоставим слово непосредственному участнику тех событий — генерал-майору артиллерии А. В. Чапаеву, сыну легендарного героя Гражданской войны. В боях на Чижовском плацдарме он, майор, командовал дивизионом реактивных миномётов. Чапаев-младший вспоминал: «С вечера, предшествовавшего сентябрьскому наступлению, пойма реки Воронеж между основной частью города и Придачей была заставлена сотнями снарядов М-30. Это реактивные снаряды крупного калибра (диаметр 300 мм, вес 100 кг). Они не были приспособлены для пуска с машин, как М-13 (“Катюша”), а устанавливались на грунт в деревянной арматуре, служившей одновременно и рамой для придания угла возвышения перед пуском. Снаряды соединялись проводами и запускались электромашинной. Иногда случалось, что при пуске стабилизатор снаряда цеплял арматуру, и снаряд летел вместе с ней. Солдатам это зрелище нравилось. Они смеялись и говорили: немец сокрушается, что Русь сундуками швыряется. Ночью подготовили проходы для танков, и наши батареи заняли исходное положение на противоположном берегу реки Воронеж у Чижовки.

...Наступил ясный, солнечный день. Громадные огненные шлейфы устремились к противнику. Загрохотали орудия. Началась артиллерийская подготовка. Через несколько минут всё вокруг заволочло дымом и пылью. Позже взятые в плен немцы выглядели как вытасщенные из тины чумазные караси. Перепачканные, они жадно глотали насыщенный пороховым дымом и гарью воздух. Один из плененных упорно сопротивлялся, не желая идти, пока ему не покажут “Катюшу”. Масса танков в ожидании атаки теснилась у Чижовки. Развернуться им было негде. Атаковать тоже предстояло не в лучших условиях — в узкой полосе и на подъем, в направлении училища связи и кирпичного завода. Справа город не позволял развернуть танки, а слева — крутой подъем. Городские здания, особенно окраинные, были использованы противником для создания прочной

обороны. Приспособлены были и многочисленные деревянные домики, стоявшие на крутом спуске к реке. Под домами немцы устроили блиндажи и убежища, а от домов в разные стороны тянулись траншеи. «Выкуривать» противника было чрезвычайно трудно, для этого потребовалось бы разрушить до основания каждый дом.

Преодолев пойму реки, которая представляла собой сплошное минное поле, пехотинцы взбирались по круче вверх. Когда артиллерийский огонь уже становился опасным для них и его перенесли вглубь немецкой обороны, из-под домов, стоявших у крутого пуска к реке, стали выскакивать немцы. Они быстро рассредоточивались по траншеям, завязалась рукопашная схватка. Сраженные падали вниз, но их товарищи смело лезли и забрасывали немцев гранатами, стараясь угодить в траншеи, которые им снизу не были видны. Нашим артиллеристам невозможно было стрелять даже прямой наводкой, чтобы не поражать своих. Но вот солдаты одного из подразделений, прижимаясь к земле, отошли несколько ниже, чтобы их не могли видеть и забрасывать гранатами фашисты. Воспользовавшись этим, мы стали бить по немецким траншеям. Поднялась наша пехота и ринулась в атаку.

Самым жарким местом была Чижовка. На скопление наших танков немцы бросили свою авиацию. Шла непрерывная ожесточенная бомбежка. Одна группа самолетов еще кружилась над Чижовкой, а уже заходила другая, и так непрерывно на протяжении целой недели. Легче было только по ночам. И танкисты использовали эти короткие часы для атак».

Но более подробный анализ наступательным действиям войск фронта дал генерал-майор М. И. Казаков: «Утро 15 сентября началось мощной артиллерийской подготовкой на участках намеченного прорыва. С наблюдательного пункта командарма 40 хорошо просматривалась восточная окраина Чижовки — первого объекта атаки главной группировки армии. Зрелище было весьма эффектным. Нам казалось, что все огневые средства противника хорошо поражаются артиллерийским огнем. Но, как потом выяснилось, мы недооценили прочности каменных построек, использованных противником для обороны. Артиллерии не удалось разрушить их, и наступление с самого начала стало развиваться в медленных темпах, с большими осложнениями.

В течение первых двух дней войска 40-й армии добились лишь некоторого тактического успеха (овладели Чижов-

кой и южной окраиной Воронежа, а дивизия, наступавшая в центре города, очистила от противника еще несколько улиц). Но войска 60-й армии совершенно не имели продвижения. Не удался и вспомогательный удар 38-й армии; она сумела овладеть лишь деревней Гнездилово, и на этом все замерло.

Командующий фронтом да и командарм 40 никак не хотели примириться с неудачей. В течение еще целой недели они настойчиво добивались дальнейшего продвижения войск. В Чижовку был переправлен 25-й танковый корпус под командованием генерал-майора П. П. Павлова. Переправа осуществлялась в сложных условиях — ночью, по каменной дамбе, покрытой слоем воды в 50—70 сантиметров. Этот своеобразный брод неподалеку от электростанции Придача оказался для нас настоящей находкой. Воздушная разведка противника не сумела обнаружить его, и появление в Чижовке наших танков было для гитлеровцев полной неожиданностью.

Вводом в бой танкового корпуса командующий фронтом рассчитывал сломить сопротивление противника на южной окраине города. Но, к нашему большому огорчению, расчеты эти не оправдались. С наблюдательного пункта командарма 40 мы видели, как горят танки, пытавшиеся наступать в боевых порядках пехоты. Наши танкисты, равно как и пехота, находились в явно невыгодном положении. Они наступали снизу вверх по открытому пространству. Противник же в полной мере использовал свое господствующее положение на местности и прочные каменные постройки. Прицельным кинжальным огнем он наносил атакующим большой урон.

С каждым днем все острее чувствовалось, что операция затухает. Но признаться в этом не хотелось.

В Генеральном штабе стали понимать бесцельность наших попыток уже 20 сентября. Однако и там, видимо, питали еще надежду на какое-то чудо. Лишь в конце сентября директивой Ставки Воронежскому фронту было приказано перейти к обороне...»

Любая война — это не только радость победы, но и горечь поражения. В судьбе практически каждого советского военачальника Великой Отечественной было и то и другое. На начальном этапе войны едва ли не всем командующим фронтами и армиями пришлось испить до дна горькую чашу разгрома. Некоторые из них даже поплатились своей жизнью. Безусловно, Ватутин болезненно переживал не-

удачную операцию фронта, хотя Ставка не ставила ему это в вину. Фронт не выиграл, но и не проиграл. Перед началом Сталинградской битвы Ставка определила Воронежскому фронту задачу помочь выстоять Сталинграду, и войска под командованием Ватутина её успешно выполнили. По сути, фронт стал буфером на пути немецких войск.

«Даже не всегда удачные, но активные действия войск Воронежского фронта в течение лета 1942 года серьезно обеспокоили вражеское командование, — продолжает в своих мемуарах Казаков. — Мы “висели” над флангом группы армий “Б”, и противника нервировало любое, самое незначительное наше продвижение к югу или юго-западу. Он беспокоился за свои весьма растянутые коммуникации в направлении Сталинграда.

Не прошло бесследно и в общем-то огорчительное для нас сентябрьское наступление наших войск в районе Воронежа. Оно настолько встревожило противника, что сюда стали стягиваться силы с других направлений... К приезду нового командующего Воронежский фронт удерживал перед собой не менее тридцати вражеских дивизий, которые очень быгодились немецко-фашистскому командованию под Сталинградом».

Объективно оценила события июля—сентября на Воронежском направлении и немецкая сторона. В частности, генерал пехоты вермахта Курт фон Типпельскирх, который в тот период являлся немецким представителем при штабе 8-й итальянской армии, в своей книге «История Второй мировой войны» написал: «Русские, чтобы облегчить положение своих войск на юге, оказывали постоянное давление на позиции немцев в районах Воронежа и севернее. Летом и осенью 1942 года в этих районах шли тяжелые бои, которые потребовали большого напряжения немецких дивизий, не позволяли осуществить переброску войск в интересах наступающих армий, а в районах Воронежа даже заставляли немецкое командование спешно перебросить из-под Сталинграда одну дивизию». И далее: «В районе западнее Дона решающих успехов добиться не удалось... Дальнейшее развёртывание наступления было затруднено, так как левое крыло, которое по первоначальному плану должно было продвигаться через Воронеж на Саратов, застряло у Дона».

Аналогичное признание сделал генерал-фельдмаршал Фридрих Паулюс. В своих воспоминаниях он написал, что Гитлер придавал большое значение Воронежу в будущей перспективе: «Значение рубежа Сталинград —

Воронеж, захваченного немецкими войсками, заключалось в том, что он представлял собой выгодное исходное положение для нанесения удара на Москву и восточнее ее. Этот удар в сочетании с одновременным предпринятым немецким прорывом на Центральном фронте, примерно из района восточнее Смоленска, на Москву оказал бы серьезную опасность для советских Вооруженных Сил и ведения всей войны советским командованием. Неважно, что в оперативных директивах немецкого командования на летнюю и осеннюю кампании 1942 года еще не было речи о наступлении на Москву. По тому, как проходили операции, наступление на Москву можно было провести только весной 1943 года, после соответствующих перегруппировок сил».

После тяжелых сентябрьских боёв Воронежский фронт вновь перешел к обороне. Ватутин поставил перед командующими армиями очередные задачи. Так, 38-я и 60-я армии организовали оборону с оперативным построением в два эшелона при плотности 10–15 километров на дивизию. 40-я армия заняла оборону в один эшелон с плотностью на дивизию 15 километров. Наименьшая плотность была определена для 6-й армии, перед фронтом которой находился довольно слабый противник — 2-я венгерская армия и части итальянского альпийского корпуса.

Одновременно командованием фронта были тщательно проанализированы результаты сентябрьской операции. Буквально «по косточкам» на заседании Военного совета, различных совещаниях и сборах разобрали прошедшие бои, извлекли из них серьёзные уроки. На основе сделанных выводов в войска фронта были направлены соответствующие директивы, приказы, методические рекомендации, касающиеся управления войсками и работы штабов, повышения уровня огневой подготовки, уменьшения потерь личного состава.

Так, в директиве № 1793 командующий предписал «в первую очередь активизировать огонь пехоты из всех видов оружия», увеличивать количество снайперов не только из винтовок, но и из других видов оружия. Указания претворялись в конкретные дела. В частях и соединениях фронта получило широкий размах снайперское движение. Только с августа по сентябрь 1942 года было уничтожено 9699 солдат и офицеров противника, а за 20 дней октября — 2174 оккупанта. «Русские ужасно отчаянный народ — воюют до последней минуты. У них замечательные стрелки. Не дай

бог оказаться их целью», — записал в своем дневнике венгерский ефрейтор.

В этой же директиве Ватутин ставил задачу шире использовать 50-мм минометы, «с наступлением темноты подтягивать их поближе к позициям противника и сосредоточенным огнем его уничтожать, практиковать залповый огонь из винтовок по выгодным целям».

В другом документе, более категоричном, Ватутин с целью уменьшения потерь личного состава потребовал от командармов и комдивов «особое внимание обратить на быстрейшее выполнение планов инженерного оборудования обороны, создание укрытий от осколков, а затем и от мин, снарядов и авиабомб. Улучшить маскировку». Заботясь о сохранении жизней солдат и офицеров, командующий запретил «открытые передвижения подразделений и отдельных бойцов и командиров в зоне огня противника», приказал виновных «в нарушении этого строго наказывать». Кроме того, он обязал начсостав принять меры к недопущению простудных заболеваний войск, «во всех боевых порядках построить отопление блиндажей для обогрева и отдыха личного состава. Из поступавшего теплого обмундирования в первую очередь обеспечивать боевые части...».

В начале октября Николай Федорович начал готовить очередную наступательную операцию. Она планировалась не на пустом месте. Войска фронта пополнялись новыми маршевыми ротами. В свои части из госпиталей в строй возвращались бойцы, получившие ранения в летних боях. С Урала, из Сибири, других глубинных районов страны поступали новая техника, боеприпасы. Постепенно на оборонительных рубежах 6-й и 40-й армий были созданы необходимые резервы. По поручению Ватутина командующие родами войск, другие руководящие работники фронтового управления побывали в частях и соединениях. На особо ответственных участках состояние обороны лично проверяли сам Ватутин или его 1-й заместитель генерал-лейтенант Р. Я. Малиновский.

Однако в Ставке были другие планы. Там полным ходом шла подготовка к контр наступлению советских войск под Сталинградом, и, безусловно, проводить еще одну масштабную наступательную операцию на Воронежском фронте было нецелесообразно. 28 сентября из Ставки пришла директива № 170627, она предписывала войскам фронта лишь закреплять занимаемые рубежи, в резерв выводились 17-й и 24-й танковые корпуса.

Во второй половине октября 1942 года Николая Федоровича неожиданно вызвали в Москву. Встретившись с начальником Генерального штаба Василевским, он узнал от него, что подготовлен план наступательной операции «Уран» по окружению и разгрому немецких войск под Сталинградом, его основные положения утверждены Верховным.

— Сейчас пришло время ознакомить всех командующих и приступить к непосредственной подготовке контр-наступления, — сказал Василевский.

И продолжил:

— Тебе, Николай Федорович, придется принять командование вновь создаваемым Юго-Западным фронтом. Верховный одобрил твою кандидатуру. Вот проект приказа. — Василевский протянул Ватутину бланк с отпечатанным текстом.

Ватутин быстро пробежал глазами по лаконичным строкам документа: «Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. К 31 октября 1942 г. сформировать Юго-Западный фронт.

2. В состав Юго-Западного фронта включить: 63 армию, 21 армию, 5 танковую армию.

3. Управление Юго-Западного фронта развернуть на базе управления 1-й гвардейской армии и дислоцировать в районе Ново-Анненский.

4. Назначить командующим Юго-Западным фронтом генерал-лейтенанта т. Ватутина, освободив его от должности командующего Воронежским фронтом. Начальником штаба Юго-Западного фронта назначить генерал-майора т. Стельмаха.

Командующим Воронежским фронтом назначить генерал-лейтенанта тов. Голикова».

Пока Ватутин дочитывал текст, Василевский уже давал ему напутствие:

— Так что, Николай Федорович, готовься претворять свои наступательные идеи в жизнь. Но для начала тебе предстоит сформировать управление фронта, принять войска. Времени у тебя в обрез, наступать твоему фронту предстоит раньше Сталинградского...

— Не привыкать, Александр Михайлович, — ответил Ватутин.

— Помощь окажем, можешь не сомневаться, — заверил Василевский. — За твой фронт отвечает Жуков, но я буду всегда рядом.

За время совместной учёбы в Академии Генерального штаба, а затем работы в Генштабе Ватутин и Василевский научились понимать друг друга с полуслова. Их отношения, как уже было сказано выше, давно были дружескими, но они никогда не переходили рамки отношений служебных. Как говорится, дружба дружбой, а служба оставалась службой.

— Александр Михайлович, прошу разрешения повидаться с семьёй, — обратился Ватутин к Василевскому. — С июля своих не видел...

— Святое дело, — ответил Василевский. — А кто у тебя там сейчас на хозяйстве?

— Первый заместитель генерал Малиновский.

— Родиона хорошо знаю, на него можно положиться, — одобрительно кивнул Василевский. — Так что давай встречайся с семьёй. А как мать, сестры? Братья?

— Слава богу, живы! Но пока ещё под оккупантами... Братья воюют.

После нескольких месяцев разлуки Николай Федорович повидал семью. Его неожиданное появление вызвало неопишемую радость у Татьяны Романовны и детей Лены и Вити. Все дружно повисли на крепких отцовских плечах. Поцелуи, слезы... Дома он пробыл только одну ночь. Рано утром, когда дети ещё спали, Ватутин, попрощавшись с женой, вновь убыл на Воронежский фронт. Там, скоро сдав дела новому командующему генерал-лейтенанту Ф. И. Голикову, он отправился в район Сталинграда.

Уместно добавить, что Ватутин оставил своему преемнику крепко сколоченное, имеющее боевую практику фронтовое управление, а также войска, владеющие опытом как оборонительных, так и наступательных действий. Всё это в дальнейшем позволит успешно провести Острогожско-Россошанскую и Воронежско-Касторненскую наступательные операции.

Глава 11

ГОРЯЧИЙ СНЕГ СТАЛИНГРАДА

Хмурым утром 28 октября Ватутин вместе со своим адъютантом майором Я. В. Сируком прибыл на железнодорожную станцию Филоново. Первое, что бросилось в глаза, — это в кучах битого кирпича разрушенные либо искореженные непрерывными бомбежками пристанцион-

ные постройки. О былой ухоженности станции напоминали лишь снесенная наполовину водокачка да черное от копоти, без окон небольшое здание вокзала, на углу которого сиротливо болталась вся посеченная осколками вывеска с надписью «Кипяток». Деревьев тоже не было — одни обгоревшие чёрные пеньки. Эту невеселую картину дополняла на редкость ветреная и дождливая погода.

В нескольких километрах от станции находились станция Филоновская, хутор Новоаннинский, село Анновка и другие населенные пункты, в которых уже начали размещаться прибывающие части нового фронта. Сам штаб располагался непосредственно в станице Филоновской. От неё до Сталинграда, где дни и ночи шли жестокие бои, было 200 с лишним километров.

Николая Федоровича встретил генерал-майор С. П. Иванов, назначенный вскоре заместителем начальника штаба Юго-Западного фронта — начальником Оперативного управления. Он доложил, что из нового начальства прибыл только командующий артиллерией фронта генерал-майор артиллерии М. П. Дмитриев. Остальные находятся пока в пути, в том числе член Военного совета корпусной комиссар А. С. Желтов и начальник штаба фронта генерал-майор Г. Д. Стельмах.

Примечательно, что на генерала Иванова новый командующий фронтом поначалу не произвел никакого впечатления. Впоследствии он так описал свою первую встречу с Ватутиным:

«Если честно, то при встрече его в тот пасмурный октябрьский день я был, пожалуй, разочарован. Все командующие фронтами, которых я знал до этого, исключая В. Н. Гордова*, и внешне были незаурядны. С. К. Тимошенко — с кавалергардским ростом, телосложением и выправкой, А. И. Еременко — богатырь вроде Микулы Селяниновича. Статный и элегантный К. К. Рокоссовский... Иначе смотрелся новый командующий: мал ростом, преждевременно располнел, лицо скуластое, поведение, я бы сказал, какое-то нарочито обыденное...

Надо сказать, что Николай Федорович в те дни сильно недомогал и, возможно, поэтому мое первое впечатление о

* Генерал-лейтенант Василий Николаевич Гордов с 23 июля по 12 августа 1942 года командовал Сталинградским фронтом. Юго-Западный фронт формировался заново, а не на базе Сталинградского, который к этому моменту был уже переименован в Донской.

нем было двойственным. Он не спешил приступить к делу, более получаса сидел за столом, пил с наслаждением горячий крепкий чай — отличная заварка оказалась у его расторопного адъютанта Якова Владимировича Сирука.

Разговор командующий вел неторопливо, что находилось в разительном контрасте с темпом нашей жизни и работы в последние дни. Вопросы задавал отвлеченные — о прежней службе, об общих знакомых. Создавалось не очень-то приятное впечатление, будто он беседует со мной как с человеком, встретившимся на перепутье».

Однако спустя каких-то полчаса мнение генерала Иванова о новом командующем изменилось. Когда перед Николаем Федоровичем на двух сдвинутых походных столах разложили большую карту, на которой были нанесены данные о расположении советских и гитлеровских войск, он будто преобразился, куда-то ушли усталость и недомогание. Командующий буквально впился глазами в графический документ. У профессионалов-штабников, как известно, особенно развита способность трансформировать условности картографии в реальные ландшафты. Сейчас, глядя на карту, Николай Федорович зримо представлял убегающую на десятки километров за горизонт бескрайнюю степь, выгоревшие от солнца красновато-жёлтые балки, многочисленные буераки, петляющие змеями реки и речушки, глинобитные хаты казачьих хуторов и станиц... Мысленно видел движение танковых армاد, висящие в небе эскадрильи самолётов...

Тщательно изучив карту, Николай Федорович официально, но доброжелательно поблагодарил генерал-майора Иванова и его помощников за хорошо выполненную работу.

— Сразу два приятных сюрприза для меня, — сказал Николай Федорович, — готовность варианта плана фронтовой операции в первом приближении и упрочение плацдарма у Клетской. Это замечательно. Маловат, правда, плацдарм, но, думаю, сумеем изловчиться и сосредоточить на нем необходимое количество войск.

Командующий между тем продолжал:

— Набросав вчерне план фронтовой операции, вы помогли мне выкроить больше времени для ознакомительных поездок в войска и рекогносцировок районов будущих действий.

По плану Ставки войска Юго-Западного фронта должны были действовать в полосе шириной 245 километров от Верхнего Мамона до Клетской. Времени на всё про всё Ва-

тутину дали мало — всего три недели. К середине ноября на левом крыле фронта должна была быть создана ударная группировка войск. Ставка передала Юго-Западному фронту из Донского 63-ю и 21-ю армии и дополнительно 5-ю танковую армию. В дальнейшем этой группировке во взаимодействии с войсками Донского фронта предстояло перейти в наступление, разгромить на своём пути противника, соединиться в районе города Калач-на-Дону с ударной группировкой Сталинградского фронта и тем самым завершить окружение гитлеровских дивизий, стремящихся овладеть Сталинградом.

Как командующему огромным объединением, Ватутину нужно было не только создать гибкий и оперативный механизм, но и подтянуть и подготовить к масштабному наступлению прибывающие части и соединения, произвести перегруппировку войск, накопить необходимое количество снаряжения, переправочных средств, продовольствия и боеприпасов.

Причём сделать это надо было на абсолютно голой местности, где не имелось ни лесов, ни дорог, ни мостов. Как говорится, степь да степь кругом... Мешала переброске резервов и материальных средств осенняя распутица. Шли дожди, расквашенные дороги напоминали жидкую сметану. Не хватало подъездных путей. В район сосредоточения войск вели лишь три одноколейные железные дороги. Николай Федорович строжайше запретил железнодорожникам скапливать эшелоны на крупных станциях и использовать узловые станции для сортировок. Одновременно дал указание пропускать поезда к линии фронта только в ночное время, а днём задерживать их на разъездах и тщательно маскировать. Для того чтобы ускорить дело, Ватутин приказал выгружать прибывающие части вдали от фронта и ночью направлять их в выжидательные районы.

В соответствии с директивой Генерального штаба все мероприятия проводились в строжайшем секрете. В частности, переписка и телефонные переговоры, связанные с предстоящей операцией, были категорически запрещены. Все распоряжения и приказы отдавались в устной форме и только непосредственным исполнителям.

— Для нас сейчас самое главное — это надёжная маскировка, — говорил на совещании в 21-й армии Николай Федорович, обращаясь к командному составу. — Прошу вас обеспечить строжайший режим в использовании средств радиосвязи и связи в целом. Рации всех вновь прибывших

частей должны молчать. Никаких привлекающих внимание телефонных переговоров штаба армии с соединениями, частями и внутри самих соединений и частей...

Работа в дни подготовки к операции «Уран» не прекращалась ни на минуту. Из родного Воронежского фронта Николай Федорович получил в своё распоряжение 8-й кавалерийский корпус, а также одну стрелковую дивизию и пять артиллерийских полков. Одновременно из Донского фронта прибыли четыре стрелковых соединения, танковый и кавалерийский корпуса, 11 артиллерийских и 5 зенитных полков. Непосредственно из резерва Ставки для фронта было выделено 5 стрелковых дивизий, 2 танковых и кавалерийский корпуса, танковая бригада, 3 танковых, 13 артиллерийских, 7 миномётных полков и 6 полков гвардейских миномётов («катюши»). Включенная в состав фронта 17-я воздушная армия пополнилась 1-м смешанным авиационным корпусом.

Приём войск, прибывавших из резерва Ставки, осуществлялся одновременно с подготовкой плана операции. Особых усилий потребовало принятие и сосредоточение в исходном районе 5-й танковой армии. В целях маскировки её соединения вначале размещали на северном берегу Дона, в 30—40 километрах от линии фронта.

Наибольшие трудности вызвала организация переправ через многочисленные большие и малые реки. В планах указывалось, какие части, когда и где будут перебрасываться. Необходимо было добиться максимальной загруженности переправ. Пришлось все маршруты, ведущие к ним, а также въезды и выезды обозначить вехами и другими условными знаками. Чтобы сохранить в тайне подготовку, передвижения осуществлялись исключительно ночью. К рассвету все перегруппировки прекращались, а районы сосредоточения войск тщательно маскировались. Удалось добиться того, что подавляющее большинство передвижений и переправ прошло организовано. Этому способствовала поздняя осень с её длинными ночами.

Жуков в «Воспоминаниях и размышлениях» рассказывает: «При подготовке контрнаступления предстояло провести колоссальные перевозки войск и материально-технических средств для всех фронтов, особенно для вновь создаваемого Юго-Западного фронта. Надо отдать должное Генеральному штабу и штабу тыла Красной Армии. Они блестяще справились с сосредоточением сил и средств для операции.

На перевозке войск и грузов работало 27 тысяч машин. Железные дороги ежедневно подавали 1300 вагонов грузов. Войска и грузы для Сталинградского фронта перевозились в исключительно сложных условиях осеннего ледохода на Волге. С 1 по 20 ноября через Волгу было переправлено свыше 111 тысяч человек, 427 танков, 556 орудий, 14 тысяч автомашин, около 7 тысяч тонн боеприпасов».

В соответствии с замыслом и планом операции «Уран» по окружению группировки гитлеровцев между Доном и Волгой Юго-Западному фронту Ватутина отводилась особая роль. Для достижения цели операции на её первом этапе из состава Юго-Западного фронта привлекалось значительно больше сил и средств, особенно подвижных средств, чем из остальных фронтов. На тот момент в войсках фронта насчитывалось около 200 тысяч человек личного состава, 4200 орудий и миномётов, 560 танков.

Однако противник располагал не меньшими силами, а в некоторых случаях он превосходил советские войска. По данным разведки, 8-я итальянская армия, занимавшая оборону от Красно-Орехового до Базковского, имела в своем составе чуть более 100 тысяч человек. В рядах 3-й румынской армии, дислоцировавшейся от Базковского до Клетской, имелось 130 тысяч человек личного состава. Находившийся во втором эшелоне за итальянцами и румынами XXIX армейский корпус вермахта насчитывал 35 тысяч пехотинцев. В общей сложности Ватутину противостояло около 265 тысяч человек. Что касалось техники и вооружения, то он располагал 4222 орудиями и 320 танками. Общее соотношение сил и средств выглядело следующим образом: в личном составе 1,3:1 в пользу противника, по орудиям и минометам — 1:1, по танкам — 1,7:1 в пользу советских войск.

За прошедшие два месяца войска «оси» создали мощную линию обороны. Главная её полоса состояла из нескольких позиций, расположенных на расстоянии 3—5 километров друг от друга. Каждая такая позиция имела одну общую траншею с целым рядом выдвинутых вперёд и соединённых с ней ходами сообщений окопов на отделение-извод. Такие окопы были отрыты с интервалами 60—100 метров. Также на ряде участков были оборудованы вторые и третьи линии окопов. Кроме того, в большинстве населённых пунктов и на стратегически важных рубежах противником были созданы узлы сопротивления по принципу круговой обороны. Передний край проходил в основном

по господствующим высотам, а перед ними были оборудованы противотанковые и противопехотные минные поля. Некоторые участки состояли из сплошных траншей с дзотами и блиндажами, проволочными заграждениями.

Дни летели метельным вихрем. В первых числах ноября в штабах фронтов Сталинградского направления состоялись итоговые совещания по проверке готовности к предстоящей наступательной операции. 3 ноября такое совещание прошло на Юго-Западном фронте. Председательствовал на нём генерал армии Г. К. Жуков, представитель Ставки на Юго-Западном и Донском фронтах. Кроме командования фронта и армий в совещании приняли участие командиры корпусов и соединений. Присутствовал на совещании и представитель Ставки на Сталинградском фронте генерал-полковник А. М. Василевский.

— Ставка пришла к выводу, что наиболее благоприятные стратегические и оперативные условия для нанесения поражения одной из главных и активных группировок Гитлера сложились на южном крыле, — сказал Жуков. — Разгром противника на Волге является важнейшей составной частью общего плана зимней кампании 1942/43 года. Её стратегическая цель заключается, по меньшей мере, в нарушении оперативной устойчивости всего южного крыла немецко-фашистских войск, захвате стратегической инициативы и создании перелома в ходе войны в пользу Советского Союза.

На этом совещании были тщательно рассмотрены вопросы взаимодействия с артиллерией, танками и авиацией при прорыве обороны противника; взаимодействия с танковыми и кавалерийскими соединениями при вводе их в прорыв и при действиях в глубине обороны противника; взаимодействия с соседними войсковыми объединениями и соединениями; организации управления войсками на всех стадиях операции.

Обстоятельным и конкретным было выступление Ватутина. Николай Федорович доложил, что главный удар он решил нанести силами 5-й танковой и 21-й армий с плацдарма юго-западнее Серафимовича в общем направлении на Калач. Ударной группировке фронта поставлена задача прорвать оборону 3-й румынской армии на двух участках общим протяжением 22 километра, после чего подвижными соединениями развить наступление в юго-восточном направлении, разгромить оперативные резервы врага, выйти во фланг и тыл его главной группировки, действовавшей

в районе Сталинграда. На третий день операции предусмотрено соединение танковых корпусов ударной группировки в районе Калач, Советский с войсками Сталинградского фронта и завершение окружения противника.

Как вспоминал впоследствии генерал С. П. Иванов, оживленный обмен мнениями вызвал вопрос о концентрации сил на направлении главного удара и создании танкового резерва. Василевский считал целесообразным иметь в резерве фронта несколько танковых бригад и кавалерийских полков. Такого же мнения был и Ватутин. Однако Жуков придерживался своего первоначального вывода о необходимости максимальной концентрации сил на направлении главного удара.

— Сто процентов танков и самолетов, — сказал он, — семьдесят процентов артиллерии и половину стрелковых соединений задействуем мы на направлении главного удара. Залог успеха в существующей ситуации — это максимальная пробивная мощь и стремительность первого натиска. Мы должны замкнуть кольцо до того, как Паулюс и Гот опомнятся и бросят нам навстречу крупные подвижные силы, сняв их с неатакованных участков.

На следующий день в таком же конструктивном ключе прошло совещание руководящего состава Юго-Западного и Донского фронтов, а также 21-й и 65-й армий. Жуков поручил провести это совещание Ватутину.

— Николай Федорович, я решил сегодня послушать со стороны, — сказал Георгий Константинович. — Так что совещание будешь проводить ты.

Ватутин тут же возразил, что это может обидеть Рокоссовского.

— Костя не обидчивый, — улыбнувшись, сказал Георгий Константинович. — Мы с Рокоссовским по службе бывали в разных взаимоотношениях, и я ходил под его началом, а вот с двадцать пятого года, с ленинградских курсов, никак не отвыкну: нет-нет да и назову его совершенно не по-уставному.

Открывая совещание, Николай Федорович был немногословен. В коротком сообщении он изложил участникам совещания сущность замысла Ставки, акцентировав внимание на отработке вопросов взаимодействия, выявлении степени готовности войск, анализе и обобщении имеющихся разведданных.

Затем были заслушаны подробные доклады о готовности артиллерии к наступлению, действиях танковых соеди-

нений, инженерном и тыловом обеспечении. В частности, многое уже было сделано инженерными войсками. За короткое время они сумели проложить сотни километров различных дорог, навели несколько десятков мостовых и паромных переправ, в том числе пять ложных. Один из таких ложных мостов был построен у станицы Еланской. Не раз появлявшиеся над Доном немецкие самолёты-разведчики принимали этот мост за действительный. Вражеская авиация сбросила на него более 200 бомб, но ни одна не попала в цель. А действующий мост, расположенный ниже ложного, немцы так и не обнаружили.

Тут же, на совещании, Жуков отметил старательную работу инженерных частей.

— Сам ездил и видел: и мосты, и паромы, и гати, — одобрительно сказал он. — Всё в надлежащем порядке. Саперы трудятся сноровисто и споро.

Острый разговор получился по вопросу авиационного обеспечения предстоящего наступления. Когда слово было предоставлено командующему ВВС Красной армии генерал-лейтенанту авиации А. А. Новикову, командующий Донским фронтом генерал-лейтенант К. К. Рокоссовский его предварил:

— Многие пехотные и танковые командиры молят Бога о плохой погоде в дни наступления, чтобы выключилась из дела вражеская авиация. И их можно понять — ведь во всех предшествующих операциях немцы имели подавляющее превосходство в самолетах и нередко их авиация прямо-таки на корню срывала наши наступательные замыслы.

— А вот сейчас Александр Александрович с фактами в руках и расскажет нам, каково положение в авиации, будет ли она готова к началу контрнаступления, — сказал Жуков.

Однако доклад Новикова получился пространным, в общих чертах, вызвав реплику заместителя наркома обороны СССР генерал-лейтенанта Я. Н. Федоренко.

— Это теория, — вставил Федоренко, — а надо бы конкретно по действиям авиации на Юго-Западном и Донском фронтах.

— При подготовке авиационного обеспечения наступления этих фронтов, — по-прежнему невозмутимо говорил Новиков, — трудностей у нас еще очень много, особенно по Юго-Западному. У меня нет никаких оснований упрекать командующего 17-й воздушной армией генерала Степана Акимовича Красовского и начальника ее штаба полковника Константина Ивановича Тельнова. Они сами и их

подчиненные делают всё, что в человеческих силах и сверх этого, но нельзя забывать, что начинать им пришлось с нуля. Армия еще не закончила формирование, строит аэродромы, летчики осваивают новую технику, не вся матчасть еще поступила...

— В общем, делается много, но все же дай бог нелетную погоду, — шутливо заметил со своего председательского места Ватутин.

Но Новиков не принял шутки:

— В случае необходимости я попрошу товарища Сталина перенести срок начала операции.

— Нет уж, извините, — раздраженно отрезал Жуков. — Вы доложите конкретно, что необходимо сделать, чтобы довести готовность авиации до максимально возможного предела. Мы вместе подсчитаем, сколько для этого потребуется времени, и тогда я сам, а не вы поставлю перед Верховным вопрос о необходимости переноса начала операции.

Жёсткий разговор не прошёл бесследно для командования ВВС. Забегая вперёд, скажем, что для наращивания авиации под Сталинградом были приняты все необходимые меры. В частности, 2-я воздушная армия, входившая в состав Воронежского фронта, была передана в оперативное подчинение Ватутину. Для решения задач контрнаступления задействовали авиацию дальнего действия. Ей было разрешено не наносить бомбовые удары на других направлениях. В целом соотношение военно-воздушных сил перед началом операции составило: у Красной армии — 1350 самолетов, у вермахта — 1216 самолётов.

После проведенных итоговых совещаний (ещё одно состоялось 10 ноября на Сталинградском фронте) представители Ставки генералы Жуков и Василевский убыли в Москву для доклада Верховному главнокомандующему. 13 ноября уточненный план операции «Уран» ими был представлен лично Сталину, а затем членам Государственного Комитета Обороны и Политбюро ЦК партии. Из доклада Жукова и Василевского следовало, что складывающаяся обстановка под Сталинградом позволяет рассчитывать на успех предстоящего контрнаступления, поскольку главные силы немецких войск — 6-я полевая армия генерал-полковника Фридриха Паулюса и 4-я танковая армия генерал-полковника Германа Гота — были по-прежнему втянуты в затяжные бои в районе города. На флангах этих армий, то есть на направлениях главных ударов советских войск, стояли

румынские части. Значительных резервов на Сталинградское направление за последнее время не поступало. Не отмечалось и каких-либо существенных перегруппировок в действовавших здесь войсках противника. В целом находившиеся на этом участке фронта силы сторон, по имеющимся данным, к началу наступления были примерно равны. На направлениях же предстоящих ударов трёх фронтов удалось создать превосходящие врага ударные группировки.

В своих мемуарах «Дело всей жизни» А. М. Василевский вспоминал: «С чувством особого удовлетворения мы докладывали Ставке о высоком моральном состоянии и боевом настроении наших войск, об их уверенности в успехе. Несмотря на все трудности, в которых пришлось работать железнодорожному и водному транспорту, сосредоточение войск, предназначенных Ставкой для контрнаступления, и необходимых ресурсов заканчивалось с весьма незначительными отклонениями от графика. Боевые задачи войсками усвоены правильно, а выполнение их практически отработано на местности. Основная роль в начале операции, как и предусматривалось, отводилась Юго-Западному фронту. Для этого он имел все необходимое. К исходу третьего или на четвертый день операции намечалась встреча танковых и механизированных корпусов Юго-Западного и Сталинградского фронтов в районе Калача. Она должна замкнуть кольцо окружения главной группировки врага в районе Сталинграда».

После доклада плана операции Жуков и Василевский вновь убыли в район Сталинграда. 15 ноября Жуков, находясь в войсках Ватутина, получил от Верховного телеграмму: «Товарищу Константинову.

Только лично.

День переселения Федорова и Иванова [дата наступления фронтов Ватутина и Ерёменко. — Н. К.] можете назначить по Вашему усмотрению, а потом доложите мне об этом по приезде в Москву. Если у Вас возникнет мысль о том, чтобы кто-либо из них начал переселение раньше или позже на один или два дня, то уполномочиваю Вас решить и этот вопрос по Вашему усмотрению.

Васильев.

13 часов 10 минут 15.11.42 г.».

Жуков и Василевский, переговорив между собой, назначили срок перехода в наступление для Юго-Западного фронта и 65-й армии Донского фронта 19 ноября, для Сталинградского фронта — 20 ноября. Сталин утвердил их решение.

В оставшиеся до начала операции дни Ватутин не знал покоя, постоянно находясь в войсках. Спал урывками, в основном в машине, когда ехал в ту или иную армию, корпус, дивизию... Много работал с картами, вновь и вновь в деталях прорабатывая план предстоящего наступления. Под рукой Николай Федорович всегда имел небольшую карту, на которой прорисовывал направления ударов, фиксировал особенности оперативного построения войск противника, систему его обороны. На обороте карты он своим бисерным почерком ухитрялся вписать на площади обычного листа основные параграфы плана и произвести необходимые расчёты сил и средств.

По разбитым и непролазным дорогам Николай Федорович продолжал объезжать командные пункты частей и соединений, где его ожидали генералы и офицеры с докладами, донесениями о складывающейся обстановке и положении дел.

Накануне операции — за два-три дня — с командным составом армий фронта прошли проигрыши предстоящего наступления. В ящиках с песком — на военном языке это называется «сыграть на ящике» — были воссозданы рельефы местности, по которой предстояло наступать. Их сделали так искусно, что можно было наглядно видеть, где какие леса, рощи, балки, овраги, реки, где минные поля, траншеи врага... Макеты местности наглядно демонстрировали, куда двигаться частям и соединениям, в каком месте взаимодействовать, откуда ожидать возможные контрудары противника. Такого рода занятия стали хорошим подспорьем командному составу в ходе проведения операции.

В преддверии наступления командование Юго-Западного фронта передислоцировалось в Серафимович — небольшой казачий городок, расположенный на берегу Дона. Штаб разместили в здании бывшей женской гимназии. Под кабинет Ватутина отвели учительскую. Николай Федорович особо попросил тыловикив подыскать ему стол побольше, на котором помещалась бы, не свешиваясь, любая оперативная карта. После настойчивых поисков тыловики нашли в местном клубе бильярдный стол и удачно приспособили его для размещения больших карт. Ватутин был доволен. Теперь у него и начальника штаба не возникало проблем работать с картами разных размеров.

...Наступление Юго-Западного и правого крыла Донского фронтов началось, как и было определено планом, утром 19 ноября. Ватутин ещё с ночи уехал в 5-ю танко-

вую армию генерал-майора танковых войск П. Л. Романенко, чтобы оттуда руководить наступлением. В соответствии с планом операции эта армия наносила основной удар на Юго-Западном фронте.

Перед отъездом Николай Федорович поручил начальнику штаба фронта генерал-майору Г. Д. Стельмаху в 7.20 утра подать по телефону сигнал «Сирена». По этому сигналу артиллеристы и миномётчики, сосредоточенные на трёх узких участках общей протяжённостью 28 километров, должны были закончить все приготовления к открытию огня. Именно так всё и происходило. Но в эти же минуты Ватутину позвонил командующий 21-й армией генерал-майор И. М. Чистяков:

— Что делать, товарищ командующий? Туман. Видимость плохая. Авиацию не поднять...

— На нашем участке такая же картина, — ответил Ватутин. — Но о переносе операции не может быть и речи.

И далее спросил:

— Артиллерии много?

— В достатке! — последовал ответ Чистякова.

— Тогда наступай без авиации. Желаю успеха!

Ровно в 7.30 воздух с шипением распорол красные ракеты. Одновременно по различным каналам связи была передана команда: «Огонь!» И сразу же мокрое от густого тумана и снега утро прорезали огненные трассы гвардейских минометных частей. Вслед за «катюшами» оборонительные позиции противника начали обрабатывать пушки. Могучий гул стоял над безбрежными донскими степями. Всё вокруг было расцвечено оранжево-красными молниями огня. Так начала всходить яркая заря наступления советских войск.

В общей сложности неприятельскую оборону крошили более трёх тысяч орудий и миномётов. Артиллерийские группировки работали слаженно, словно хороший оркестр. Один час вёлся огонь на разрушение и двадцать минут — на подавление. Блиндажи и бункеры рушились, погребая под землей и бревнами сотни людей. Застигнутые врасплох оккупанты с ужасом метались, пытаясь найти спасение хоть где-нибудь от смертоносного огня, глохли от страшного грохота разрывов.

Как уже сказано, из-за непогоды не удалось использовать боевую авиацию, особенно штурмовую. Плохие метеословия снизили эффективность и артиллерийского огня. Тем не менее мощная артподготовка нанесла немалый

урон врагу и произвела на него сильное моральное воздействие.

Когда канонада стихла, поступил сигнал на атаку стрелковым частям и танкам непосредственной поддержки пехоты. В 8 часов 50 минут противник услышал зловещий рёв моторов советских танков. Войска пошли вперёд под лозунгом «За кровь загубленных захватчиками, за пролитую кровь наших товарищей!». На острие первого эшелона 5-й танковой армии действовали 47-я гвардейская, 119-я и 124-я стрелковые дивизии. Во втором эшелоне находилась 159-я стрелковая дивизия, в эшелоне развития успеха — 1-й и 26-й танковые, 8-й кавалерийский корпуса и 8-й мотоциклетный полк, в сковывающей группе — 14-я гвардейская стрелковая дивизия и 1166-й стрелковый полк 346-й стрелковой дивизии. В резерве оставались два полка 346-й стрелковой дивизии.

В первые два часа соединения 5-й армии, «прорубив» позицию главной полосы обороны гитлеровцев, продвинулись в глубину на 2—3 километра. Однако некоторые из соединений, встречая упорное сопротивление противника и отражая его постоянные контратаки, наступали очень медленно. Им пришлось в ряде случаев преодолевать ненарушенные участки обороны, в том числе минные поля, полосы заграждений, глубокие рвы.

Вот как описывает в своих воспоминаниях начало наступления Герой Советского Союза генерал-майор Г. С. Зданович, а в дни Сталинградской битвы — полковник, командир 203-й стрелковой дивизии: «Целый день дивизия вгрызалась в передний край противника. Вечером нас с Беспалько* вызвали на командный пункт армии. Там оказался командующий Юго-Западным фронтом генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин. Он... выслушал мой доклад, дал указание, как действовать дальше.

— Обидно, товарищ командующий, — обратился я к Ватутину. — Казалось, всё учли, всё проверили, отрепетировали даже, и вот — заминка, потери.

— Какие?

— К исходу дня в медсанбат поступило около шестисот раненых... Убитых, к счастью, немного.

Командующий фронтом прошелся по блиндажу, помолчал. Потом медленно повернулся ко мне:

* Майор И. Ф. Беспалько был начальником политотдела 203-й стрелковой дивизии.

— Пора знать, полковник, что не каждое наступление заканчивается успехом. Но каждое — связано с потерями... Поэтому сейчас уныние не поможет ни вам, ни тем, кто ранен, ни успеху общего дела. Расчет, энергия, уверенность и еще раз расчет решают дело, которое нам доверили выполнить. Так-то. А кровь бойцами вашей дивизии пролита сегодня не зря. Оттянув на себя огонь, они помогли 14-й гвардейской стрелковой дивизии и другим соединениям глубоко вклиниться в оборону врага.

Слова командующего фронтом одновременно и успокаивали, и придавали сил...»

Любой общевойсковой офицер хорошо знает, что оборона — это вид боя. Она имеет целью отразить наступление превосходящего противника, нанести ему максимальные потери, удержать важные районы местности и тем самым создать благоприятные условия для перехода в наступление. Именно на это рассчитывало гитлеровское командование, заранее создавая мощные препятствия на пути движения советских войск. Но в любой обороне, какой бы она крепкой ни была, есть слабые звенья. Главным недостатком неприятельской обороны являлась её линейность.

Вскоре Николай Федорович принял решение ускорить темп наступления и осуществить обязательный прорыв всей тактической зоны вражеской обороны. В сражение были одновременно введены 1-й танковый корпус генерал-майора танковых войск В. В. Будкова и 26-й танковый корпус генерал-майора танковых войск А. Г. Родина. Их танковые бригады с ходу прорвали оборону врага и, разгромив встречавшиеся на пути войска противника, сумели продвинуться за день на 20 километров. Наиболее успешно действовали танкисты 26-го корпуса. Они нанесли тяжелое поражение 1-й немецкой танковой дивизии и разгромили штаб V румынского армейского корпуса. Одна часть личного состава в панике бежала, другая — сдалась в плен. Это была победа.

Тяжело сначала «ломала» оборону противника и 21-я армия генерал-майора И. М. Чистякова, наступавшая с Клетского плацдарма. Враг оказывал жесткое сопротивление, но потом был вынужден всё-таки попятиться назад, о чём Чистяков тут же доложил Ватутину.

— Давай, Иван Михайлович, ещё поднажми, фрицы уже выдыхаются, — старался подбодрить командарма Ватутин.

Николай Федорович знал Чистякова ещё по Северо-За-

падному фронту, когда тот умело командовал прославленной 8-й гвардейской Панфиловской дивизией. Его соединение в январе—апреле 1942 года совершило героический рейд по вражеским тылам, пройдя с боями более 200 километров. И сейчас командующий фронтом был твердо уверен в том, что поставленные задачи армия Чистякова успешно выполнит. Так оно и было. Танкисты Чистякова не подвели. Особенно отличился 4-й танковый корпус генерал-майора танковых войск А. Г. Кравченко, продвинувшийся вперёд на 30—35 километров.

Спустя годы Иван Михайлович Чистяков, став генералом армии и Героем Советского Союза, в книге «Служим Отчизне» так написал о своём командующем: «С Н. Ф. Ватутиным я был знаком, когда командовал 8-й гвардейской Панфиловской стрелковой дивизией. Уже тогда, общаясь с ним, понял, какой большой военной культурой, широтой оперативного кругозора он обладает! Н. Ф. Ватутин умел удивительно просто и ясно излагать обстановку, предвидеть развитие событий и, что не менее важно, вселять уверенность в успехе задуманного.

И еще было одно замечательное качество у Николая Федоровича. Он умел слушать других, не давить своими знаниями и авторитетом. С ним мы, его подчиненные, чувствовали себя свободно, что, понятно, развязывало инициативу. Даже когда он подсказывал верное решение, то делал это, как и К. К. Рокоссовский, так незаметно и в то же время убедительно, что подчиненный принимал его решение как свое».

...В жарком пламени боёв сгорел первый день наступления. К его исходу войска Юго-Западного фронта, прорвав на двух участках (юго-западнее Серафимовича и в районе Клетской) оборону 3-й румынской армии, вышли на оперативный простор. В результате были полностью разгромлены II и III румынские корпуса, а их остатки вместе с VI армейским корпусом, находившимся в районе Распопинской, охватили, словно клещами, с флангов.

Однако противник был силен, и это хорошо понимал Ватутин. Николай Федорович несколько не сомневался в том, что грядущий день будет ещё сложнее и драматичнее. По данным разведки, командование группы армий «Б», пытаясь остановить или хотя бы замедлить продвижение войск Ватутина вперёд, начало срочно перегруппировывать силы 6-й армии. Вечером 19 ноября командующий группой армий «Б» генерал Вейхс направил генералу Па-

улюсу приказ немедленно прекратить все наступательные действия его армии. Вейхс потребовал выделить из состава 6-й армии несколько дивизий, подчинив их штабу XIV танкового корпуса. С утра эти соединения должны были нанести удар по наступающей группировке Юго-Западного фронта в северо-западном и западном направлениях.

Как и предполагал Ватутин, 20 ноября сопротивление противника во всей полосе Юго-Западного фронта заметно усилилось. Немецким и румынским частям и соединениям на ряде участков удалось втянуть основные силы наступающей группировки фронта в затяжные бои. Но Николай Федорович предвидел, что такое может случиться, и поэтому накануне принял соответствующие меры. Прямо с утра на обозначившиеся опасные направления он направил штурмовую авиацию сразу трёх воздушных армий — благо погода не подвела. Одновременно Ватутин ввёл в прорыв 8-й и 3-й гвардейский кавалерийские корпуса генерал-майоров М. Д. Борисова и И. А. Плиева. Решительными действиями бесстрашные конники начали закреплять успех танковых корпусов и продолжили расширять фронт наступления.

В этот же день в наступление перешла и ударная группировка войск Сталинградского фронта. Это стало для немецкого командования полной неожиданностью. Только теперь оно осознало всю серьезность угрозы для своих войск в районе Сталинграда, поняло, что 6-й армии Паулюса окружения не избежать. Советские танки вырвались на оперативный простор, их тактика сбивала с толку и деморализовала противника. Боевые машины появлялись то здесь, то там, обстреливая штабы, уничтожая узлы связи, склады, а затем, словно летучие голландцы, скрывались в дымно-синих туманах. В штабах врага царила дикая паника, немцы в спешке сжигали документы. По войскам разнеслись слухи, что у них в тылу высадилась «особая сталинская дивизия», которую нельзя остановить и нельзя определить, откуда она наносит удары.

Возможно, за «особую сталинскую дивизию» немцы приняли бойцов 4-го танкового корпуса. Действуя севернее Калача, они вполне могли захватить в плен командующего 6-й немецкой армией Паулюса. Но танкисты, к сожалению, не знали тогда, что в районе Голубинской находился его штаб. Позже пленные свидетельствовали, что неожиданное появление русских танков поблизости этого района вызвало панику в штабе. Паулюс немедленно улетел в район станицы Нижне-чирской, а штаб передислоцировался в Сталинград.

Действительно, события развивались стремительно. Пока гитлеровское командование искало варианты предотвращения надвигающейся катастрофы, наступление советских войск продолжалось. И этот ураган уже невозможно было остановить. Танкисты 26-го корпуса генерала Родина и 4-го корпуса генерала Кравченко безостановочно двигались в район Калача, где должны были соединиться с частями 4-го механизированного корпуса генерал-майора В. Т. Вольского из состава Сталинградского фронта. К концу дня 21 ноября расстояние, разделяющее передовые соединения ударных группировок двух фронтов, сократилось до 80 километров. Оставалось дело за малым — в кратчайшие сроки перерезать последние коммуникации 6-й армии Паулюса. Для этого по приказу Ватутина 26-й танковый корпус должен был форсировать Дон, 8-й кавалерийский корпус — развивать наступление в направлении Обливской, а 1-й танковый корпус генерал-майора танковых войск В. В. Буткова — выбить противника с железнодорожной станции Суровикино.

Однако нужно было выполнить ещё одну неотложную задачу — уничтожить в районе Распопинской группировку румынских войск, которая оказалась в мешке советских войск к вечеру 21 ноября. Её решение Ватутин возложил на 21-ю армию Чистякова, приказав ликвидировать окружённую группировку не позднее 10 часов 23 ноября. Дело в том, что существовала опасность прорыва из окружения. Это угрожало бы тылам и боевым порядкам советских войск, действующих в районе Калача. Вырвавшись из мешка, румынские части могли двинуться на Калач и в дальнейшем соединиться с главными силами Сталинградской группировки.

Чистяков получил приказ от Ватутина в первой половине дня 21 ноября. Ему отводились всего лишь сутки на выполнение поставленной задачи.

— Задача не из лёгких, товарищ командующий, — прямо сказал Чистяков. — Румыны дерутся с остервенением. Чтобы уложиться в срок, нужно усилить нас хотя бы одной танковой бригадой. Есть ещё вариант: направить к окруженным румынам парламентёров с предложением сдаться...

Николай Федорович внимательно выслушал Чистякова. Затем со свойственным ему спокойствием сказал:

— Да, Иван Михайлович, положение у тебя очень тяжелое, но помочь ничем не могу. Нет у меня сейчас таких возможностей...

— Товарищ командующий, а если мы всё же направим к румынам парламентёров. Может, и правда пошлем, — чуть ли не с мольбой в голосе закончил Чистяков.

— Меня, Иван Михайлович, агитировать за советскую власть не надо, — продолжал Ватутин. — Ты не хуже меня знаешь, что враг сейчас в бешенстве. Поэтому можем напрасну погубить людей. Впрочем, чем чёрт не шутит... Каждый командир, если он хочет добиться победы, вынужден брать на себя риск. Давай, Иван Михайлович, рискнём...

Утром 22 ноября парламентёры 63-й стрелковой дивизии капитаны И. К. Стулин и Е. И. Иткис выбрались из траншеи, развернули белые флаги и пошли в сторону румынских позиций. Это были самые напряженные минуты. Что с одной стороны, что с другой следили за каждым шагом парламентёров. Пальцы советских и румынских солдат застыли на спусковых крючках снайперских винтовок, автоматов и пулемётов. Откроет ли противник по ним огонь? — этот тревожный вопрос волновал советское командование. Ведь можно было ожидать и такое. Но вот навстречу советским офицерам вышли два румынских офицера и три солдата. Завязали им глаза и увели в свои траншеи. В ультиматуме для командования окруженной группировки было сказано: «Желая избежать напрасного кровопролития, советское командование предлагает окруженным войскам ультиматум — прекратить сопротивление и сдаться в плен».

Однако парламентёры вернулись ни с чем. Командующий окруженной группировкой бригадный генерал Траян Стэнеску отклонил ультиматум. Передышка, длившаяся примерно три часа, закончилась. Позиции вновь ожили стрельбой, разрывами мин и снарядов. Показательный штрих. После возвращения парламентёров румыны около двадцати раз переходили в яростные контратаки, очевидно пытаясь доказать, что они ещё сильны и способны выйти из окружения. Но все их атаки были отбиты.

О том, что противник отклонил ультиматум, Чистяков доложил Ватутину, который тут же приказал:

— В таком случае продолжайте уничтожать противника. Не дайте ему выскочить из кольца.

Как дальше развивались события — читаем в книге И. М. Чистякова «Служим Отчизне»: «Мы стали прикидывать, как же нам быть с этим распопинским противником, сил-то у нас, как я уже говорил, явно не хватало.

Начальник штаба инженерных войск подполковник В. А. Любимов предложил двинуть к переднему краю обо-

роны противника колонну автомашин и танков, чтобы создать иллюзию, будто мы готовимся к большому наступлению крупными механизированными силами. Эта мысль мне понравилась, и я доложил о ней командующему фронтом, попросив подбросить несколько тракторов для большего шума.

— Очень хорошо, — одобрил наш замысел Н. Ф. Ватутин. — Тракторы пришлю.

Несколько часов ушло на подробную разработку ложной операции. С наступлением темноты к переднему краю противника потянулись десятки парных светящихся точек, сопровождаемых гулом моторов. К линии фронта машины шли с зажженными фарами, а обратно с потушенными. А поскольку машин было все-таки маловато, то к каждой из них мы прицепляли по несколько саней с фонарями. Гул танков имитировали тракторы. Движение вкруговую продолжалось до рассвета.

Кочующие батареи, меняя позиции, не давали покоя противнику короткими огневыми налетами. По радио и по телефону отдавались ложные приказы и распоряжения.

И противник клюнул на нашу хитрость. Генерал Стэнеску решил, что мы подтянули крупные механизированные войска, дальнейшее сопротивление бесполезно, надо сдаваться.

Вскоре полковник Козин доложил мне, что к нему прибыли четыре румынских офицера. Парламентеры были направлены в штаб 291-го стрелкового полка 63-й стрелковой дивизии, где по моему приказанию с ними вел переговоры полковник Н. Д. Козин. Он предъявил условия капитуляции, которые были даны нам штабом Юго-Западного фронта: прекратить ведение огня, сдать всё оружие. Было указано, что советское командование гарантирует всем сдавшимся в плен жизнь, хорошее обращение, сохранность личных вещей.

Условия капитуляции были приняты, и в ночь на 24 ноября в направлении штаба 63-й стрелковой дивизии медленно двинулись автомашины, в которых находились генерал Траян Стэнеску и его свита. За ними в строю шагала колонна старших офицеров».

На километры выстроились колонны солдат, понуро двигавшиеся в темени ненастной ночи за своими начальниками. Дул, по волчьим завывая, пронизывающий степной ветер. При встрече с советскими солдатами пленные румыны, боясь скорой смерти, виновато произносили заученные на немецкий лад фразы:

— Антонеску капут!

— Сталин гут!

— Рус камрат гут!

Всего при ликвидации распопинской группировки противника советские войска взяли в плен 27 тысяч солдат и офицеров, а также трёх генералов. Было захвачено много вооружения и военного имущества. Примечательный факт. Против румын, которые обладали тройным превосходством, действовало всего лишь 10 тысяч бойцов и командиров Красной армии.

Между тем дальнейшая обстановка складывалась следующим образом. Командование противника, пытаясь преградить путь наступающим войскам Юго-Западного и Сталинградского фронтов, бросило туда из-под Сталинграда 16-ю и 24-ю танковые дивизии. Но их действия были запоздалыми, захватчики уже не могли устоять под ударами ринувшихся на сближение советских танков.

И вот наступил исторический день 23 ноября 1942 года. К 16 часам 45-я танковая бригада подполковника П. К. Жидкова из 4-го танкового корпуса Юго-Западного фронта, круша последние очаги сопротивления врага, вышла к Советскому. Навстречу ей с северной окраины хутора двигались танки и пехота 36-й механизированной бригады подполковника М. И. Родионова из 4-го механизированного корпуса Сталинградского фронта. Клещи надежно сомкнулись.

Фронтовые кинооператоры и фотокорреспонденты запечатлели эти незабываемые минуты. Танкисты открыли люки своих машин. Небо поливают струи красных ракет. В воздух летят шапки, каски, шлемофоны... Бойцы и командиры двух фронтов держат друг друга в крепких объятиях. Обнимаются, целуются, пляшут. Над стылым заснеженным полем гремит долгое, протяжное «ура-а-а-а!».

В это же время «ледяной ветер выл и стонал над степью, наметая сугробы снега. Температура упала ниже нуля. На сотни километров к западу и востоку от Дона земля казалась безжизненной. Но в степи были люди — группы полужамерзших немцев и румын брели по снегу, гонимые желанием выжить, найти пристанище и пищу и укрытие под защитой немецких орудий». Так описывал поражение немцев американский историк У. Грейг.

Уместно также привести отрывок из воспоминаний непосредственного участника событий — офицера штаба 6-й немецкой армии полковника В. Адама:

«Страшная картина! Подхлестываемые страхом перед советскими танками мчались на запад грузовики, легковые машины, мотоциклы, всадники и грузовой транспорт; они наезжали друг на друга, застревали, опрокидывались, загромождали дорогу. Между ними пробирались, протискивались, карабкались пешеходы. Тот, кто спотыкался и падал на землю, уже не мог встать на ноги. Его затапывали, переезжали, давили.

В лихорадочном стремлении спасти собственную жизнь люди оставляли всё, что мешало поспешному бегству, бросали оружие и снаряжение. Неподвижно стояли на дороге машины, полностью загруженные боеприпасами, полевые кухни и повозки из обоза — ведь верхом на выпряженных лошадях можно было быстрее двигаться вперед».

Окружение завершилось. В «котле» оказалось 22 дивизии и 160 отдельных частей 6-й и 4-й танковой немецких армий общей численностью свыше 300 тысяч человек. Ещё недавно они самоуверенными и высокомерными победителями шагали к Волге. Теперь же эти люди из разных земель Германии были обречены на смерть. В бескрайней степи, ландшафт которой они сравнивали с североафриканской пустыней, русские уготовили им гигантскую братскую могилу.

К исходу 25 ноября были созданы внешние и внутренние фронты окружения. Первый образовали войска всех трёх фронтов, принимавших участие в операции «Уран», второй был создан частью сил Юго-Западного и Сталинградского фронтов.

Николай Федорович искренне радовался успеху своего фронта, вклад которого в завершившуюся операцию, бесспорно, являлся решающим. Как и значителен был личный вклад самого командующего в её разработку и реализацию. Но время для ликования ещё не пришло, считал он. Да и не любил Николай Федорович никогда выпячивать свои заслуги, относя все успехи на счёт вверенных ему войск. А они действительно отличились — корпуса, соединения, бригады, полки... Сотни подвигов совершили бойцы и командиры.

Прямо в разгар наступления Ватутин дал указание представить к званию Героя Советского Союза двух офицеров — командира передового отряда 26-го танкового корпуса подполковника Н. Г. Филиппова и командира 19-й танковой бригады 4-го танкового корпуса подполковника Н. М. Филиппенко. Это произошло в ночь на 23 ноя-

бря. Перед танкистами подполковника Филиппова стояла задача захватить два моста через Дон, расположенные почти рядом с городом Калач. Первый мост, на который они вышли, к сожалению, оказался взорванным. Второй мост хорошо охранялся, но его взяли хитростью. Филиппов взял с собой пять танков, две роты мотопехоты, артиллерийскую и миномётные батареи и двинулся с зажженными фарами к мосту. Танки Филиппова немцы приняли за свою учебную часть, оснащенную русскими трофейными машинами. Ничего не подозревая, часовые ждали своей смены, со смехом швыряясь снежками друг в друга. Когда разобрались, было уже поздно. На полном ходу колонна ворвалась на мост, часть охраны была уничтожена, часть взята в плен. Противник несколько раз пытался сбросить с моста отряд, но его усилия оказались напрасными.

Позже, когда допрашивали пленных немцев, у них спросили:

— Как же вы допустили танки на мост?

Они ответили:

— Мы никак не могли предположить, что танки русских могут наступать с зажженными фарами. Мы думали, что это наша техника возвращается с передовой...

Вскоре по мосту, захваченному отрядом Филиппова, вперед пошли танки бригады подполковника Филиппенко. До Калача оставалось всего два километра. Филиппенко, несмотря на малое количество танков, атаковал город с ходу. Бой за Калач продолжался всю ночь. Немцы упорно сопротивлялись, но вскоре подошли передовые части основных сил корпуса и город был взят.

Наряду с присвоением звания Героя Советского Союза подполковникам Филиппову и Филиппенко, орденов и медалей были удостоены их подчиненные.

После окружения 6-й немецкой армии войска Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов готовились к выполнению новых задач. Советскому командованию было ясно, что противник не смирится с таким положением дел и попытается деблокировать свои окруженные под Сталинградом войска. Чтобы не допустить снятия блокады вражеской группировки, Ставка приняла решение продолжать активные боевые действия по её ликвидации.

План советского командования состоял в том, чтобы ударами по сходящимся направлениям на Гумрак расчленить группировку Паулюса и уничтожить её по частям. К выполнению этой задачи привлекались: с запада —

21-я армия Юго-Западного фронта, усиленная 26-м и 4-м танковыми корпусами; с севера — 65, 24 и 66-я армии Донского фронта; с востока — 62, 64 и 57-я армии Сталинградского фронта.

Войскам 1-й гвардейской и 5-й танковой армий Юго-Западного фронта необходимо было прочно закрепиться на занятых рубежах по рекам Кривая и Чир, не допустив контрудара врага с юго-запада. С юга обеспечение операции возлагалось на 4-й кавалерийский корпус и стрелковые дивизии 51-й армии Сталинградского фронта.

Уже с утра 24 ноября войска приступили к уничтожению окруженных войск противника, не давая ему передышки ни днём ни ночью. Одновременно в Ставке созрели замыслы новых наступательных операций. Когда представитель Ставки Василевский доложил Сталину о развёртывании действий по ликвидации окруженной группировки врага, Верховный предложил, исходя из благоприятно сложившейся для советских войск на среднем Дону обстановки, провести одну из таких операций. В ней предстояло задействовать войска Юго-Западного и левого крыла Воронежского фронтов. Цель — расширить фронт наступления Красной армии и нанести врагу дополнительный и по возможности как можно более чувствительный удар в общем направлении на Миллерово и Ростов-на-Дону. Предполагалось, что успех этой операции может создать условия для полного разгрома противника на южном крыле советско-германского фронта и вместе с тем, при наличии активных действий советских войск на Тормосинском направлении, надежнее обеспечить с запада ход ликвидации окруженной группировки врага.

План операции, получившей название «Сатурн», был рассмотрен в Ставке 2 декабря. Однако ни Ватутин, ни начальник штаба фронта генерал-майор Г. Д. Стельмах в Ставку приехать не смогли. Оба в это время, с разрешения Сталина, находились в самом пекле боёв, руководили действиями войск, занятых в операции по уничтожению окруженной в Сталинграде группировки. Доклад о готовности войск Юго-Западного фронта к операции сделал заместитель начальника штаба фронта генерал-майор С. П. Иванов.

Операция «Сатурн» предусматривала нанесение двух охватывающих ударов в общем направлении на Миллерово — Каменск-Шахтинский: одного — смежными флангами 1-й гвардейской армии Юго-Западного фронта и 6-й

армии Воронежского фронта с Осетровского плацдарма (южнее Верхнего Мамона); другого — 3-й гвардейской армии Юго-Западного фронта из района Боковской. На первом этапе операции планировалось окружить и разгромить 8-ю итальянскую армию, а на втором — совместными усилиями развить удар на Миллерово, Ростов-на-Дону.

Ставка без каких-либо особых изменений утвердила окончательный план операции «Сатурн». Её начало планировалось на 10 декабря. Но ввиду того, что сосредоточение войск затянулось, операцию перенесли на 16 декабря. К этому времени фронт Ватутина уже набрался крепких сил. В распоряжение Николая Федоровича прибыли 5 стрелковых дивизий, 18, 24 и 25-й танковые и 1-й гвардейский механизированные корпуса, 6 отдельных танковых и 16 артиллерийских и минометных полков. Воронежский фронт получил 3 стрелковые дивизии, одну стрелковую бригаду, 17-й танковый корпус и 7 артиллерийских и минометных полков.

Незадолго до предстоящего наступления Ватутин получил приятное известие — 7 декабря Указом Президиума Верховного Совета СССР ему было присвоено воинское звание генерал-полковник. Для человека военного повышение в звании является знаковым событием, и, безусловно, Николай Федорович был рад этому. Принимая поздравления от Сталина, А. М. Василевского, Г. К. Жукова, представителя Ставки ВГК на Юго-Западном фронте генерал-полковника артиллерии Н. Н. Воронова, других военачальников, он заверил их, что будет и впредь достойно служить Родине, не жалея сил громить немецко-фашистских захватчиков. Не нарушил Николай Федорович и давнюю офицерскую традицию: в кругу своих заместителей, начальников родов войск, командармов фронтовыми стаграммами отметил прибавление на погонах третьей звезды. Но накоротке, по-фронтовому. Нужно было готовиться к новым серьёзным испытаниям. И не без оснований.

Немецким командованием для деблокады группировки Паулюса, восстановления утраченного положения под Сталинградом и создания необходимых условий для отвода части сил с Кавказа была сформирована новая группа армий — «Дон». Её возглавил «старый знакомый» Ватутина по Северо-Западному фронту генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн. Он прибыл в район Сталинграда 24 ноября из-под Витебска. Манштейн должен был приехать раньше, но задержался из-за того, что полотно железной доро-

ги взорвали партизаны. На любимца фюрера возлагались большие надежды.

Общая протяженность фронта, которую занимала группа армий «Дон», достигала 600 километров — от Вешенской до реки Маныч. В её состав входили смешанная румыно-немецкая оперативная группа «Холлидт», остатки 3-й румынской армии, сводная армейская группа «Гот» (в неё были включены избежавшие окружения части и соединения 4-й немецкой танковой и 4-й румынской армий) и, наконец, непосредственно окруженная в районе Сталинграда 6-я армия Паулюса. Только фронту Ватутина противостояли 17 дивизий противника. Кроме того, поддерживали группу армий «Дон» не менее 500 самолётов 4-го воздушного флота.

Как вспоминал Манштейн в своих мемуарах «Утерянные победы», в первую очередь нужно было освободить и спасти 6-ю армию: «Это была самая неотложная задача. Она была прежде всего самой существенной также и с оперативной точки зрения, так как едва ли можно предположить, что без сохранения сил 6-й армии может быть восстановлено положение на южном крыле Восточного фронта, а следовательно, и на Востоке вообще».

Первоначальный вариант плана Манштейна предусматривал нанесение ударов по советским войскам с двух направлений — из района Тормосин и Котельниково. Однако наступление откладывалось из-за медленного сосредоточения войск и опаздывающих эшелонов с резервами. Один срок начала операции по деблокированию армии Паулюса, получившей кодовое название «Зимняя гроза», прошёл, а второй, намеченный на 12 декабря, находился под угрозой срыва. В создавшихся условиях Манштейн принял решение: не дожидаясь создания ударной группировки в районе Тормосин, начать наступление из района Котельниково.

С рассветом 12 декабря две дивизии 57-го танкового корпуса немцев сильно и зло атаковали советские войска на узком участке фронта вдоль железной дороги Тихорецк — Сталинград. Боевые порядки наступавших были усилены тяжелыми танками. На флангах действовали румынские пехотные соединения. Удар врага отражали ослабленные в боях три стрелковые, две кавалерийские дивизии и одна танковая бригада. Противнику удалось прорвать на этом участке оборону советских войск, он начал их теснить на северо-восток. 51-я армия Сталинградского фронта, которая держала здесь оборону, оказалась в тяжелом положении.

В этой непростой обстановке Ставка ВГК вынуждена была внести изменения в замысел операции «Сатурн». Согласно директиве, которую получил Ватутин 13 декабря, войска его фронта должны были быть перенацелены на разгром группы армий «Дон». В директиве предписывалось «главный удар направить не на юг, а на юго-восток в сторону Нижний Астахов и с выходом на Морозовск, с тем чтобы Боковско-Морозовскую группу противника взять в клещи, пройдишь по её тылам и ликвидировать её одновременным ударом с востока силами [5-й танковой армии генерал-лейтенанта П. Л.] Романенко и [3-й гвардейской армии генерал-майора Д. Д.] Лелюшенко и с северо-запада силами [1-й гвардейской армии генерал-лейтенанта В. И.] Кузнецова и приданных ему подвижных частей. Задача Филиппова* при этом будет состоять в том, чтобы помочь Кузнецову ликвидировать итальянцев, выйти на реку Богучар в районе Кременков и создать серьезный заслон и против возможного удара противника с запада».

Теперь операция получила наименование «Малый Сатурн». В соответствии с директивой Ставки Николай Федорович принял решение главный удар нанести силами 1-й и 3-й гвардейских армий на тех же участках фронта, которые были намечены прежним планом, но не в сторону Миллерово и Лихая, а по сходящимся направлениям на Тацинскую и Морозовск. На 6-ю армию Воронежского фронта возлагалась задача после прорыва немецкой обороны на своём участке обеспечить поддержку главной ударной группировки Юго-Западного фронта с запада.

Все эти дни Ватутин находился в войсках. Вместе с командармами, начальниками штабов проводил рекогносцировочные мероприятия, уточнял на испещренных красными стрелами картах направления предстоящих ударов, проверял готовность частей и соединений к выполнению поставленных задач. От него требовалось нечеловеческое напряжение.

Но, как назло, Николаю Федоровичу нездоровилось. Злая и опасная своими осложнениями болезнь туляремия одолевала командующего. Теплая бекеша, валенки, глубоко надвинутая на уши папаха не спасали его от противного озноба. Температура скакала до 40°. Свалиться от болезни в

* Под фамилией Филиппов значился командующий Воронежским фронтом генерал-лейтенант Филипп Иванович Голиков.

такой критический момент — значит снять с себя ответственность за всю операцию. В силу своего характера Николай Федорович этого допустить не мог. Поэтому он всячески старался скрыть свой недуг.

— В госпиталь вам треба, товарищ генерал, — чуть ли не приказным тоном выговаривал ему адъютант майор Сырык. — Отлежаться бы трохи...

— Ты мне лучше, Яша, чайку сделай покрепче да погорячее, — следовал ответ Ватутина.

Но помощь докторов все равно потребовалась. Лечили Николая Федоровича не в госпитале, а прямо на рабочем месте. Лучшие терапевты фронта постоянно находились рядом с ним и вскоре подняли на ноги своего командующего.

Перед грядущим наступлением воинам 1-й и 3-й гвардейских армий был зачитано обращение Военного совета Юго-Западного фронта. «Вы слышите стоны замученных и обездоленных советских людей: отцов и матерей, жён и детей наших, — говорилось в документе. — Ваши сердца преисполнены священной ненавистью к фашистской мерзости, отродью рода человеческого. Так же, как и в боях под Москвой, Ростовом и Тихвином, вы ждёте приказа — идти вперёд на разгром врага, на освобождение наших городов и сёл, наших семей.

Настал грозный час расплаты с лютым врагом. Приказ дан. Вперёд, всесокрушающей лавиной, славные воины!»

Утро 16 декабря, как и памятный день 19 ноября, выдалось туманное. Применять авиацию было нельзя. Но переносить дату операции никто не собирался. Как только стрелки часов подошли к заветной черте — морозный воздух тут же раскололи залпы артиллерийских орудий, с диким воем в сторону немецких позиций полетели снаряды «катюш». После артиллерийской подготовки войска ударных группировок Юго-Западного и Воронежского фронтов перешли в наступление. Ватутин находился на командном пункте 1-й гвардейской армии и с нетерпением ждал докладов. Однако наступление развивалось в невысоком темпе. За первую половину дня 1-я гвардейская армия генерал-лейтенанта В. И. Кузнецова и 6-я армия генерал-майора Ф. М. Харитонова Воронежского фронта сумели продвинуться вперёд только на 2—3 километра.

— Топчемся, топчемся на месте, — раздраженно выказывал свои претензии Ватутин генералу Кузнецову.

— Так точно, товарищ командующий, топчемся, — со-

глашался Кузнецов. — Я уже ввёл 25-й танковый корпус, но танки попали на минные поля. Пять машин уже потеряли...

— Как попали? Но ты же мне докладывал, что саперы заранее сделали проходы для танков, обозначили вешками... Получается, немцы снова заминировали проходы? Разберитесь немедленно!

Вскоре последовал доклад Кузнецова:

— Немцы ставили мины ещё летом, затем осенью и вот сейчас, зимой. Саперы извлекли те, которые были наверху. А мины, скрытые под снегом, вмерзшие в землю, не сумели обнаружить.

— Выходит, немцы нам торт многослойный приготовили?

— Так точно, многослойный!

Ватутин на некоторое время задумался, пристально всматриваясь в степь, на которую быстро опускались зимние сумерки. Продолжать наступление по неразминированным проходам означало дальше гробить технику и терять людей.

— Танки вернуть на исходные, — с металлом в голосе сказал Ватутин. — Пехоту тоже. Пока не будут разминированы проходы, вперёд ни на шаг. Артиллерии вести беспокоящий огонь...

На следующий день, 17 декабря, после артиллерийской подготовки, а также при поддержке авиации — на этот раз погода благоприятствовала — наступление возобновилось. Причем сразу две армии — 1-я гвардейская Кузнецова и 6-я Харитоновна взяли хороший старт. Следом за ними вперёд пошла 3-я гвардейская армия генерала Д. Д. Лелюшенко. Как свидетельствуют документы, за три дня боев ударные группировки сумели основательно взломать оборону противника. На участке 1-й гвардейской и 6-й армии прорыв составил 60 километров по фронту и 40 километров в глубину. Гвардейцы Лелюшенко в полосе наступления прорвали вражескую оборону на 20 километров. В результате боёв две немецкие и две итальянские дивизии были разгромлены полностью.

«К рассвету все было закончено, — писал в те дни военный корреспондент газеты «Красная звезда» М. А. Вистинецкий. — Перестрелка стихла. На юго-восток потянулись колонны наших частей, разгромивших врага. На север поплелись многочисленные колонны пленных. Четыре неприятельские дивизии прекратили свое существование... Когда мы прибыли сюда вскоре после боя, высоко в небе кружился немецкий самолет. Он долго петлял над полем,

не открывая огня и не сбрасывая бомб. Очевидно, этот самолет был прислан, чтобы разведать, что же здесь произошло, куда девались четыре гитлеровские дивизии. Наши бойцы, посмеиваясь, говорили: «Смотри, смотри, обрадуешь Гитлера»».

А 20 декабря вся та же «Красная звезда» поместила на первой полосе портрет Ватутина, под которым в рубрике «В последний час» говорилось о решительном наступлении частей и подразделений Юго-Западного фронта в районе среднего течения Дона и провале операции германского командования с целью деблокировать окруженную группировку. Вся страна, можно сказать, увидела одного из своих талантливых полководцев. В дальнейшем портрет Николая Федоровича еще не раз будет появляться на страницах газет в ознаменование побед вверенного ему фронта.

Успешные действия советских войск вынудили противника принимать экстренные меры. Манштейн срочно снял с Котельнического направления 6-ю танковую дивизию и спешно бросил её против Ватутина. Сообщение разведки об этом Николай Федорович встретил со свойственным ему спокойствием. Потом привычно склонился над картой. Нужно было всё обдумать и принять решение. После этого он вышел на связь со Ставкой, доложил создавшую обстановку и попросил в целях улучшения управления войсками подчинить ему 6-ю армию Воронежского фронта. Получив «добро» Ставки, Ватутин тут же связался с командармами и потребовал от них ещё больше активизировать действия наступающих частей, особенно танковых корпусов.

Надо сказать, что танковые корпуса проявили себя с самой лучшей стороны. Не ввязываясь в бои за опорные пункты немецко-фашистских войск, поддерживаемые авиацией, они стремительно вышли в тыл главных сил 8-й итальянской армии и оперативной группы «Холлидт». Стрелковые же части, наступая за подвижными соединениями, успешно окружали и уничтожали расчлененные группировки немцев и итальянцев, блокировали и штурмовали их опорные пункты.

Генерал-фельдмаршал фон Манштейн бросил против вырвавшихся далеко вперед танковых корпусов Ватутина всю имевшуюся авиацию, а в район Миллерово, Тацинская и Морозовск были срочно подтянуты свежие пехотные, танковые и альпийские части и соединения. С других участков советско-германского фронта, а также из Европы было переброшено восемь дивизий, из них — четыре тан-

ковые. Но они уже не могли предотвратить надвигающуюся на них катастрофу.

«Докладывая по “Бодо” 28 декабря Ставке о ходе наступательной операции, — пишет в «Воспоминаниях и размышлениях» Г. К. Жуков, — командующий Юго-Западным фронтом Н. Ф. Ватутин так охарактеризовал обстановку:

— Все, что было ранее перед фронтом, то есть около 17 дивизий, можно сказать, совершенно уничтожено, и запасы захвачены нами. Взято в плен свыше 60 тысяч человек, не менее этого убито: таким образом, жалкие остатки этих бывших войск сейчас не оказывают почти никакого сопротивления, за редким исключением.

Перед войсками фронта противник продолжает упорно обороняться на фронте Обливская — Верхне-Чирская. В районе Морозовска сегодня уже захвачены пленные 11-й танковой дивизии и 8-й авиационной полевой дивизии, которые раньше были перед армией Романенко. Наибольшее сопротивление армии Лелюшенко и нашим подвижным войскам оказывают части противника, которые из района Котельникова переправились через реку Дон и выдвинулись на фронт Чернышковский — Морозовск — Скоырская — Тацинская. Эти войска противника стремятся занять рубеж, чтобы воспрепятствовать дальнейшему наступлению наших подвижных соединений и обеспечить тем самым возможность отхода своих войск. А может быть, противник при благоприятных для него условиях попытается вообще удержать за собой весь этот выступ, с тем чтобы потом выручить через него свою окруженную группировку. Однако это ему не удастся. Все силы будут приложены к тому, чтобы отрезать этот выступ.

Авиаразведка ежедневно отмечает выгрузку войск противника в районах Россоши, Старобельска, Ворошиловграда, Чеботовки, Каменска, Лихой, Зверева. О намерениях противника судить трудно, видимо, он основной рубеж обороны готовит по реке Северский (Северный) Донец. Противник вынужден в первую очередь затыкать сделанную нашими войсками брешь шириной по прямой 350 километров. Было бы хорошо без особой паузы продолжать бить противника, однако для этого надо давать сюда подкрепление, так как те силы, которые здесь есть, заняты завершением “Малого Сатурна”, а для “Большого Сатурна” нужны дополнительные силы.

У телеграфного аппарата находились Верховный и я.
— Первая ваша задача — не допустить разгрома корпу-

са Баданова и поскорее направить ему на помощь Павлова и Руссиянова, — сказал И. В. Сталин. — Вы правильно поступили, что разрешили Баданову в самом крайнем случае покинуть Тацинскую. Ваш встречный удар на Тормосин 8-го кавалерийского корпуса хорошо бы подкрепить еще какой-либо пехотной частью. Что касается 3-го гвардейского кавалерийского корпуса и одной стрелковой дивизии, направляемых через Суворовский на Тормосин, это очень кстати.

Для того чтобы превратить “Малый Сатурн” в “Большой Сатурн”, мы уже передали вам 2-й и 23-й танковые корпуса. Через неделю получите еще два танковых корпуса и три-четыре стрелковые дивизии... У нас имеется сомнение насчет 18-го танкового корпуса, который вы хотите направить в Скоырскую, лучше оставить его в районе Миллерово — Верхне-Тарасовское вместе с 17-м танковым корпусом. Вообще вам надо иметь в виду, что танковые корпуса лучше пускать на дальнейшее расстояние парой, а не в одиночку, чтобы не попасть в положение Баданова.

— Где сейчас 18-й танковый корпус? — спросил я Н. Ф. Ватутина.

— Он находится непосредственно восточнее Миллерова и не будет изолирован.

— Помните Баданова, не забывайте Баданова, выручайте его во что бы то ни стало!

— Приму абсолютно все возможные меры, и Баданова выручим, — заверил Н. Ф. Ватутин».

Что же произошло с корпусом генерал-майора танковых войск В. М. Баданова? Почему даже Верховный главнокомандующий был озабочен его судьбой? События разворачивались следующим образом. 17 декабря под покровом опустившейся темноты 24-й корпус вошёл в прорыв северо-восточнее Богучара и стремительно устремился вперёд к станции Тацинской — главной фронтовой базе противника, с аэродрома которой самолёты снабжали 6-ю армию Паулюса боеприпасами и продовольствием. Корпус двигался форсированным маршем, громя по пути тыловые части противника. За пять дней танковые бригады корпуса, несмотря на зимние условия, прошли с боями около 300 километров. На пути к железнодорожной станции Тацинская ими было уничтожено почти семь тысяч вражеских солдат и офицеров, захвачено большое количество военного имущества.

Утром 24 декабря танкисты атаковали станцию, посе-

лок и ворвались на аэродром, где базировалось более двухсот немецких самолётов, готовых к вылету. Но взлететь им не дали, они были раздавлены танками. Позднее Ватутин шутил, что Баданов крепко прижал хвост Герингу. Шутку командующего тут же подхватили в войсках фронта. На аэродроме царила невообразимая паника. Полураздетые немецкие лётчики и техники с воплями выбегали из домиков и казарм, пытаясь спастись в ближайших балках и оврагах. Но редко кому из захватчиков удавалось это сделать — их тут же расстреливали в упор, давили гусеницами танкисты Баданова. Бывший лётчик люфтваффе Курт Штрайт, чудом вырвавшийся тогда из Тацинской, так описывал эту трагедию в газете «Дойче золдатен цайтунг»: «Утро 24 декабря 1942 года. На востоке брезжит слабый рассвет, освещающий серый горизонт. В этот момент советские танки, ведя огонь, внезапно врываются в деревню и на аэродром. Самолёты сразу вспыхивают как факелы. Всюду бушует пламя. Рвутся снаряды, взлетают в воздух боеприпасы. Мечутся грузовики, а между ними бегают отчаянно кричащие люди. Всё, что может бежать, двигаться, лететь, пытается разбежаться во все стороны...

Начинается безумие... Со всех сторон вырываются на стартовую площадку и стартуют самолёты. Всё это происходит под огнём и в свете пожаров. Небо расплестёрлось багровым колоколом над тысячами погибающих, лица которых выражают безумие.

Вот один Ju. 52, не успев взлететь, врежется в танк, и оба взрываются со страшным грохотом в огромном облаке пламени. Вот в воздухе сталкиваются «Юнкерс» и «Хейнкель» и разлетаются на мелкие куски вместе со своими пассажирами. Рёв танков и авиамоторов смешивается со взрывами, орудийным огнём и пулёмётными очередями в чудовищную симфонию. Всё это создаёт полную картину настоящей преисподней...»

Однако в стремительном, безостановочном наступательном порыве корпус Баданова настолько оторвался от основных сил, что потерял связь со штабом фронта. Автомобильные радиостанции не имели возможности развернуться для работы, а маломощные радиостанции не могли действовать на таком расстоянии. «Большая вина, конечно, лежала на штабе корпуса, который обязан был, при всех условиях, связаться со штабом фронта и донести ему о действиях корпуса, — вспоминал впоследствии маршал связи И. Т. Пересыпкин, а на тот момент генерал-лейтенант

войск связи, заместитель наркома обороны СССР. — Мощные радиостанции штаба фронта непрерывно вызывали радиостанцию корпуса, но все вызовы оставались без ответа. Где находится корпус, что он делает, каковы результаты его действий, было неизвестно».

Командованием фронта были приняты все возможные меры, чтобы разыскать корпус Баданова. В район поиска была направлена автомобильная радиостанция с опытным экипажем, для обнаружения корпуса непрерывно высылались самолёты, продолжались настойчивые вызовы по радио из штаба фронта...

У Ватутина отлегло от сердца, когда он наконец получил от Баданова долгожданную радиограмму. Но радоваться было ещё рано. Корпус оказался отрезанным от основных сил фронта. Манштейн бросил на Тацинскую резервы, в том числе 11-ю танковую дивизию. Баданов, имея всего 54 танка, ограниченный запас горючего и боеприпасов, занял круговую оборону. Пять суток танкисты отражали непрерывные атаки врага.

Николай Федорович держал прямую связь с Бадановым, направил ему на помощь 25-й танковый и 1-й гвардейский механизированные корпуса. 29 декабря корпус сумел вырваться из вражеского кольца и уже через несколько дней громил фашистов у Морозовска.

За потерю связи с командованием фронта Баданов, безусловно, заслуживал наказания. Тем более у него были все возможности для её бесперебойной работы. Надо было лишь делать короткие остановки для того, чтобы развернуть автомобильные радиостанции для передачи и приема сообщений. Радиосвязь же с корпусом прекратилась из-за безостановочного движения его штаба. Но, как говорят, победителей не судят. По представлению Ватутина за высокое воинское мастерство, стойкость и мужество личного состава при действиях в глубоком тылу корпус был преобразован во 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус и награжден орденом Ленина. Генерал-лейтенант танковых войск В. М. Баданов* стал первым в стране кавалером полководческого ордена Суворова 2-й степени. Высоких наград Родины были удостоены и многие солдаты, командиры и политработники корпуса.

Операция «Малый Сатурн» близилась к завершению.

* Звание генерал-лейтенант танковых войск ему было присвоено 27 декабря 1942 года.

Стрелковые дивизии 1-й и 3-й гвардейских армий Юго-Западного фронта во взаимодействии с 18-м танковым и 1-м гвардейским механизированным корпусами, расчленив в районе Алексеево, Лозовое основные силы 8-й итальянской армии, планомерно начали их уничтожение. Такая же участь вскоре постигла и группировку врага, окруженную в районе Арбузовки и Кантемировка. Здесь отличилась 6-я армия ставшего 20 декабря генерал-лейтенантом Ф. М. Харитонов, усиленная 17-м танковым корпусом генерал-майора танковых войск П. П. Полубоярова.

В канун Нового года, после напряженных боёв войска Юго-Западного фронта, пройдя 200 километров, вышли на линию Новая Калитва — Кризское — Чертково — Волошино — Миллерово — Морозовск, создав прямую угрозу всей Кавказской группировке немцев. Вторая встреча Ватутина с Манштейном закончилась победой русского генерала, войска которого освободили 1246 населённых пунктов, уничтожили и захватили 485 самолётов, 350 танков, 2200 орудий, 8500 автомашин. Кроме того, противник потерял убитыми, ранеными и пленными более 100 тысяч солдат и офицеров. Оригинальность этой операции заключалась в организации и осуществлении сильного флангового удара в сочетании с рядом фронтальных.

Разбитая Котельниковская группировка противника к концу декабря отошла на линию Цимлянская — Жуковская — Дубовское — Зимовники. Понесшая серьезные потери Тормосинская группировка отошла на линию Чернышевская — Лозовое — Цимлянская.

Однако в окончательном завершении Сталинградской битвы войска Ватутина уже не участвовали. По решению Ставки ликвидацию окруженной группировки Паулюса поручили Донскому фронту под командованием генерал-полковника К. К. Рокоссовского. Перед войсками Юго-Западного фронта были поставлены новые задачи.

Между тем вклад Николая Федоровича в победу советских войск под Сталинградом был огромен, о чём свидетельствует оценка, данная ему Василевским: «Великолепно справились в Сталинградской битве со своими сложными задачами и командующие войсками фронтов — Н. Ф. Ватутин, А. И. Еременко и К. К. Рокоссовский, их Военные советы и штабы, проявив при этом возросшее искусство в управлении войсками. Вопросы использования в этой сложной операции крупных подвижных войск, тесное, четкое и своевременное взаимодействие всех родов войск и на

всех стадиях операции, организация окружения, создания внешнего фронта, изолировавшего столь крупную вражескую группировку от подходящих резервов, вопросы противовоздушной обороны и материального обеспечения войск были решены с большим знанием дела. Битва показала высокий уровень советского военного искусства и по существу стала достойным, поучительным уроком истории. В то же время победа под Сталинградом явилась и неопровержимым свидетельством огромной мощи, роста военного мастерства Красной Армии в целом. Она послужила отличным примером и толчком для проведения в 1943 году целой серии новых наступательных операций, важнейшим этапом на пути к нашей полной победе в Великой Отечественной войне».

«За умелое и мужественное руководство боевыми операциями и за достигнутые в результате этих операций успехи в боях с немецко-фашистскими захватчиками» Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 января 1943 года Ватутин был награжден вновь учреждённым орденом Суворова 1-й степени. Примечательно, что орден Суворова 1-й степени за № 1 получил Г. К. Жуков. Орденом № 2 был награждён А. М. Василевский, № 3 — командующий артиллерией РККА Н. Н. Воронов. На знаке ордена, который получил Ватутин, стояла цифра «4». Орден № 5 вручили А. И. Ерёменко, № 6 — К. К. Рокоссовскому. Случайности в порядке награждения быть не могло: каждого из вышеперечисленных военачальников оценили по степени его заслуг. В те дни газета «Красная звезда» в своей передовой писала: «Наши генералы, чьи подвиги ныне отмечены народом высокой наградой, являются выразителями суворовских принципов, они творчески используют наследие нашей военной истории, громя по-суворовски врага в сложных условиях современной войны».

Ещё одно знаменательное для Ватутина событие произошло через две недели — 12 февраля ему было присвоено воинское звание генерал армии. В целом его действия в ходе сражения на Волге показали, что его талант как полководца раскрылся во всей полноте. Кроме того, оно обогатило его новыми знаниями, выводами, идеями.

Однако вернёмся к началу января. Наступивший 1943 год практически по всему советско-германскому фронту ознаменовался наступательными операциями. Войска Донского фронта довершали разгром группировки Паулюса. На Северо-Западном направлении части и соедине-

ния Ленинградского и Волховского фронтов в ходе операции «Искра» 18 января прорвали блокаду Ленинграда. Многострадальный и непокоренный город-воин стал постепенно оживать. Войска Воронежского фронта, перейдя в решительное наступление, провели сразу две успешные операции — Воронежско-Россошанскую и Воронежско-Касторненскую, в результате которых были разгромлены 2-я венгерская и 2-я немецкая армии. От оккупантов была очищена большая территория Центрального Черноземья, в том числе и Валуйский район — малая родина Ватутина. С 1 января по 18 февраля успешно прошла Ростовская наступательная операция, завершившаяся освобождением Ростова-на-Дону. С 3 января по 4 февраля длилась Нальчикско-Ставропольская операция, её итогом стало изгнание врага с Северного Кавказа и освобождение Ставрополя. Войска Северо-Западного фронта приступили к ликвидации Демянского плацдарма, а войска Калининского и Западного фронтов — Ржевского выступа. На острие ударов находился и Юго-Западный фронт. 26 января в печати был опубликован приказ Верховного главнокомандующего по войскам Юго-Западного, Южного, Донского, Северо-Кавказского, Воронежского, Калининского, Волховского и Ленинградского фронтов, в котором была дана оценка их действиям в ходе указанных выше завершившихся или ещё продолжающихся наступательных операций. Вот выдержки из этого документа:

«В результате двухмесячных наступательных боёв Красная Армия прорвала на широком фронте оборону немецко-фашистских войск, разбила сто две дивизии противника, захватила более 200 тысяч пленных, 13 000 орудий и много другой техники и продвинулась вперёд до 400 километров. Наши войска одержали серьёзную победу. Наступление наших войск продолжается.

Поздравляю бойцов, командиров и политработников Юго-Западного, Южного, Донского, Северо-Кавказского, Воронежского, Калининского, Волховского, Ленинградского фронтов с победой над немецко-фашистскими захватчиками и их союзниками — румынами, итальянцами, венграми под Сталинградом, на Дону и Северном Кавказе, под Воронежем, в районе Великих Лук, южнее Ладожского озера.

Объявляю благодарность командованию и доблестным войскам, разгромившим гитлеровские войска на подступах к Сталинграду, прорвавшим блокаду Ленинграда и освободо-

дившим от немецких оккупантов города — Кантемировка, Беловодск, Морозовский, Миллерово, Старобельск, Котельниково, Зимовники, Элиста, Сальск, Моздок, Нальчик, Минеральные Воды, Пятигорск, Ставрополь, Армавир, Валуйки, Россошь, Острогожск, Великие Луки, Шлиссельбург, Воронеж и многие другие города и тысячи населенных пунктов...»

Как следует из текста приказа, Сталин назвал первым Юго-Западный фронт. И это не случайно. Войска Ватутина, без всякого преувеличения, проявили себя с наилучшей стороны. Внезапность, манёвр, смелость стали отличительными чертами действий частей и соединений фронта. Причём побеждать врага удавалось не столько за счёт превосходства в технике и людях, сколько за счёт накопленного опыта командиров и возросшего боевого мастерства сержантского и рядового состава. Безусловно, решающая роль в этих победах принадлежала Ватутину, чей почерк умелого вождения войск стал ещё увереннее, тверже и энергичнее. Тогда же с легкой руки Сталина Николая Федоровича стали называть «генералом наступления».

В упомянутом приказе был сделан важнейший вывод: оборона противника была взломана на широком фронте, что давало возможность советским войскам продолжать наступление. Так считал и Ватутин. После выхода войск Юго-Западного фронта в район Старобельска, Лисичанска, Ворошиловграда* у Николая Федоровича созрел замысел новой наступательной операции. 19 января он доложил её план в Москву. На следующий день операция была одобрена и получила кодовое название «Скачок».

Практически одновременно, 23 января, Сталин утвердил и план операции «Звезда» Воронежского фронта. Левым флангом соседний фронт должен был овладеть Харьковским промышленным районом, а правым — наступать в общем направлении на Касторное, Курск, уничтожить противостоящего противника и взять Курск.

Николай Федорович был полон оптимизма. Ничто не вызывало беспокойства. Вермахт серьёзно ослаблен, спешно отступает, резервы застряли в пути. Как говорится, сам Бог велел воспользоваться возможностью, чтобы освободить от захватчиков Донбасс, захватить основные переправы через Днепр у Запорожья и Днепропетровска... Ставка

* В 1935–1958 и 1970–1990 годах название Ворошиловград носил город Луганск.

определила для фронта Ватутина следующие способы и задачи: «Армии Юго-Западного фронта, нанося главный удар с фронта Покровское, Старобельск на фронт Краматорская, Артёмовск и далее в направлении Сталино*, Волноваха, Мариуполь, а также нанося мощный удар из района юго-западнее Каменска в направлении Сталино, отрезают всю группировку противника, находящуюся на территории Донбасса и в районе Ростова, окружают её и уничтожают, не допуская выхода её на запад и вывоза какого бы то ни было имущества». В соответствии с планом операции уже на седьмой день войска Ватутина должны были выйти в район Мариуполя. Одновременно намечалось силами подвижных фронтовых резервов захватить основные переправы через Днепр. Операция проводилась во взаимодействии с Южным фронтом, на который возлагалась задача наступать вдоль побережья Азовского моря.

Начавшееся 29 января наступление первоначально развивалось успешно. Вспарывая оборону немцев, войска фронта неудержимо устремились вперёд. Нипочём были даже непролазные снега, в которых вязли гусеницы танков. И вот уже позади десятки километров пройденного пути и множество освобожденных от захватчиков населенных пунктов Донбасса. Но чем быстрее двигались части и соединения, тем острее ощущалась нехватка боеприпасов и горючего. Разрыв между войсками и станциями снабжения в отдельных случаях превышал 200—300 километров. Доставлять грузы приходилось автотранспортом, но его не всегда хватало. Как свидетельствуют документы, в наличии имелось 1300 бортовых автомашин и 380 автоцистерн, которые могли взять лишь 900 тонн горючего вместо 2000 тонн, необходимых войскам. Одновременно фронт нуждался в боеприпасах и продовольствии.

Немцы же, откатываясь назад, наоборот, приблизились к своим базам снабжения. Более того, они приняли ряд срочных мер для того, чтобы любыми способами вернуть себе стратегическую инициативу, утерянную в жестоких сражениях под Сталинградом.

В район боевых действий немецкое командование перебросило из Франции и Германии свежие моторизованные дивизии СС «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер», «Рейх», «Мёртвая голова», из группы армий «Центр» — мо-

* В 1961 году город Сталино (до 1924 года Юзовка) был переименован в Донецк.

топехотную дивизию «Великая Германия». Иными словами, здесь собралась вся увенчанная лаврами элита гитлеровских войск, не говоря уже о прибывших новых частях и соединениях. 12 февраля группа армий «Дон» была переименована в группу армий «Юг»: прежнее название утратило свой смысл — слишком далеко отогнали советские войска захватчиков от донских берегов. «Старый знакомый» Ватутина генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн, а его оставили командовать переименованной группировкой, обосновался со своим штабом в Запорожье. Но и сюда уже доносились гулкие залпы пушек советских танков.

К середине февраля войска Ватутина освободили Красный Сулин, Ворошиловград и другие населенные пункты. Ещё раньше, 6 февраля, они овладели Балаклеей и Изюмом. 11 февраля 9-я гвардейская танковая бригада и 4-й гвардейский танковый Кантемировский корпус захватили важный дорожный узел Красноармейское и перерезали коммуникации гитлеровцев. Сильные бои разгорелись у Краснодона. На подступах к городу противник перешёл в яростную контратаку. При отражении её героически действовала батарея 116-го гвардейского артиллерийского полка гвардии лейтенанта Ивана Войтенко. На позиции артиллеристов двигалось более 20 танков. Атаки следовали одна за другой. Три дня продолжался поединок с фашистами. Гвардейцы сожгли 18 вражеских танков. Но и артиллеристы понесли тяжелые потери. В живых остались только командир и два солдата. Когда Ватутина доложили о подвиге Войтенко, он сразу же распорядился представить отважного лейтенанта к званию Героя Советского Союза, а затем подписал на него наградные документы. Вскоре гвардии лейтенант Войтенко был удостоен высшей награды Родины.

На подступы к Днепропетровску и Запорожью передовые части Юго-Западного фронта вышли 18–19 февраля, собираясь в ближайшее время форсировать Днепр. Однако выполнить задачу по полному освобождению Донбасса от захватчиков им оказалось уже не под силу. Измотанные и поредевшие войска с отставшими на много километров тылами споткнулись об окрепшую оборону немцев. 19 февраля началось контрнаступление противника. Армады танков — семь танковых и моторизованных дивизий при мощной авиационной поддержке (по самолетам немцы превосходили советские войска в 2,4 раза) — буквально навалились на советские войска. Надо было отходить назад. Вдвойне обидно и горько это было делать накануне 23 февраля, в

25-ю годовщину со дня создания Красной армии... Но любая война состоит не только из побед. Также история не знает непобедимых армий...

Генерал армии С. М. Штеменко вспоминал: «До сих пор остается загадкой, как это Ватутин — человек, безусловно, осмотрительный и всегда уделявший должное внимание разведке противника, на сей раз так долго не мог оценить размеры опасности, возникшей перед фронтом. Объяснить такое можно лишь чрезвычайной его убежденностью в том, что враг уже не в состоянии собрать силы для решительных действий. В действительности же до этого было ещё очень далеко. Гитлеровские генералы не собирались уступать нам победы».

Безусловно, даже потерпев поражение, вермахт был ещё силён. Даже очень силён. И забывать об этом Николаю Федоровичу не стоило. Однако чрезмерная уверенность в своих силах и, наоборот, в слабости врага привела к тому, что не была проведена необходимая перегруппировка войск, выделено мало резервов, отсутствовала оперативная пауза. Тем не менее трагедии, какие случались в 1941 и 1942 годах, не произошло. «Хотелось бы заметить, что даже при всей неожиданности вражеского контрнаступления наш отход не носил на себе следов растерянности и сумятицы, — вспоминал впоследствии А. М. Василевский. — Ни порядок, ни руководство войсками не нарушилось, хотя все тяжело расставались со столь дорогими нашему сердцу городами и районами».

Войска Ватутина с двадцатых чисел февраля отошли на разных участках на 100—120 километров. Николай Федорович, оттягивая назад вырвавшиеся вперед части 3-й танковой армии и 69-й армии, сумел организовать плотные боевые порядки западнее и юго-западнее Харькова. Намного хуже была ситуация у соседей — Воронежского фронта, войска которого вынуждены были оставить ранее освобожденные от захватчиков крупные города Харьков, Белгород, другие населенные пункты. Отступление вызвало гнев у Сталина. Он тут же позвонил члену Военного совета Н. С. Хрущёву и, по свидетельству Жукова, «резко отчитал его», припомнив постыдные неудачи Юго-Западного фронта летом 1942 года.

Для исправления ситуации на Воронежский фронт срочно был направлен представитель Ставки Г. К. Жуков, получивший недавно звание Маршала Советского Союза. Он доложил Верховному главнокомандующему, что обста-

новка на месте оказалась намного хуже, чем докладывал командующий Воронежским фронтом генерал-полковник Ф. И. Голиков. Более того ни Голиков, ни член Военного совета Хрущёв не могли что-либо конкретно доложить о складывающейся обстановке.

— Эх, вы, магнаты! — бросил им со злостью Жуков, резко махнул рукой и отвернулся.

В этот критически-тревожный момент Георгий Константинович вынужден был взять управление войсками на себя. Его твердость и решительность спасли фронт. В разгар одного из оборонительных боёв из Генштаба запросили, что доложить Сталину об обстановке на Воронежском фронте. Жуков твердо ответил, что враг будет остановлен и дальше не продвинется ни на шаг. Вскоре так оно и случилось. Как ни пытались гитлеровцы возобновить наступление, но так и не продвинулись вперед. Понеся ощутимые потери, особенно в танках, они закрепились на достигнутых рубежах. Касаясь дальше дел фронта, Жуков прямо заявил:

— Командующего Голикова надо немедленно сменить и поставить на этот горячий фронт генерала Ватутина.

Позже эти же слова Георгий Константинович повторил в разговоре со Сталиным. Но Верховному, хотя он и одобрил кандидатуру Ватутина, мнения Жукова было, похоже, недостаточно. Поэтому он обсудил это назначение с одним из «своих людей», а именно с членом Военного совета Воронежского фронта генерал-лейтенантом Н. С. Хрущёвым. «Свои люди» у Сталина — это члены Политбюро ЦК партии и другие доверенные лица. Хрущев входил в их число, как и уже знакомые читателю Л. З. Мехлис и Н. А. Булганин. В этом же списке значились Л. М. Каганович, Г. М. Маленков, А. А. Жданов... Назначенные членами Военных советов важнейших фронтов, они отвечали за проведение политики партии в войсках, решали кадровые вопросы, осуществляли надзор за военачальниками, давали им оценку, сообщали об их недостатках. Разговор Верховного с Хрущевым как раз и проходил в рамках выполняемых членами Военных советов функций.

— Мы думаем назначить Ватутина командующим войсками Воронежского фронта, — сказал Сталин. — Вы знаете генерала Ватутина?

— Я генерала Ватутина знаю, и даже очень хорошо знаю, — ответил Хрущев. — Я высокого о нём мнения.

И далее Хрущев дал Ватутину следующую характери-

стику: «Этот генерал какой-то особый. Особенность его заключается в том, что он человек почти непьющий. Я вообще не видел, товарищ Сталин, чтобы он пил вино. Кроме того, он очень трудоспособен и очень хорошо подготовлен в военном отношении. Ватутин был одно время начальником штаба в Киевском особом военном округе, а потом заместителем начальника Генерального штаба. Как к начальнику штаба, как к человеку, знающему военное дело, и как к члену партии отношусь к нему с большим уважением. Но не знаю, как он себя проявит в качестве командующего. Здесь требуются, помимо знаний, распорядительность и умение пользоваться правом командующего, умение приказать и потребовать выполнения приказа. Разработать операцию он может, тут я не сомневаюсь в нём, а вот другие его качества мне совершенно неизвестны. В этом отношении он для меня новый человек, тут я нигде с ним не соприкасался...»

Хрущев несколько не покривил душой, когда говорил Сталину о тех или иных качествах Ватутина. И Верховный, надо сказать, прислушался к его словам. По признанию Хрущева, Сталин с ним считался, «несмотря на своё бешенство в моменты тяжелейшего положения для страны». 22 марта 1943 года вышел приказ Ставки ВГК о назначении Ватутина командующим Воронежским фронтом.

На тот момент советские войска в районе Курска, Орла и Белгорода заняли прочную оборону. Непосредственно вокруг самого Курска образовалась своеобразная дуга, направленная в сторону немцев. С севера над ней нависал находившийся в их руках Орловский выступ. С юга линия фронта тянулась примерно по белгородской параллели. Западный конец дуги шёл немного восточнее городов Севск, Рыльск и Сумы. Для советской стороны, равно как и немецкой, наступившая пауза была очень выгодна. Она давала возможность передохнуть, выработать новые стратегические решения и, безусловно, основательно подготовиться к новым боям и сражениям.

Планы немецкого командования сводились к тому, чтобы в ближайшие месяцы провести крупную наступательную операцию против группировки советских войск, располагавшейся внутри Курской дуги, и попытаться повторить стратегический замысел, который не удалось реализовать ранней весной 1943 года. Вот что писал о намерениях немцев А. М. Василевский: «13 марта [Верховное] командование сухопутных войск отдало за подписью Гит-

лера оперативный приказ № 5, в котором излагались директивные указания на ведение боевых действий на Восточном фронте в ближайшие месяцы. В нем ставилась задача после весенней распутицы упредить советские войска в наступлении на отдельных участках фронта и навязать тем самым Красной Армии свою волю. В соответствии с этим приказом группе армий “Юг”, которой командовал Манштейн, надлежало к середине апреля создать сильную танковую группировку севернее Харькова, а группе армий “Центр”, командующим которой стал генерал-полковник Клюге*, — сосредоточить ударную группировку южнее Орла. Обе группировки должны были встречным ударом сторон в общем направлении на Курск окружить и уничтожить наши войска внутри Курской дуги. Задачи войск и мероприятия по их обеспечению в новой наступательной операции, получившей условное наименование “Цитадель”, были изложены в оперативном приказе № 6. Гитлер подписал его 15 апреля 1943 года».

Заглянем в этот документ, изобилующий весьма самоуверенными указаниями нацистского вождя: «Я решил, как только позволят условия погоды, провести операцию “Цитадель” — первое наступление в этом году. Этому наступлению придается решающее значение. Оно должно завершиться быстрым и решающим успехом. Наступление должно дать в наши руки инициативу на весну и лето текущего года.

В связи с этим все подготовительные мероприятия необходимо провести с величайшей тщательностью и энергией. На направлении главных ударов должны быть использованы лучшие соединения, наилучшее оружие, лучшие командиры и большое количество боеприпасов. Каждый командир, каждый рядовой солдат обязаны проникнуться сознанием решающего значения этого наступления. Победа под Курском должна явиться факелом для всего мира.

Я приказываю:

1. Целью наступления является: сосредоточенным ударом, проведенным решительно и быстро силами одной ударной армии из района Белгорода, и другой — из района южнее Орла, путем концентрического наступления, окру-

* Александр Михайлович несколько не точен: Гюнтер фон Клюге был не генерал-полковником, а генерал-фельдмаршалом (с 1940 года) и командовал группой армий «Центр» уже более года — с 18 декабря 1941 года.

жить находящиеся в районе Курска войска противника и уничтожить их. <...>

5. Сосредоточение сил обеих групп армий для наступления осуществить в глубине, вдали от исходных позиций с тем, чтобы, начиная с 28.4, на шестой день после отдачи приказа главным командованием сухопутных войск, они могли начать наступление. При этом следует принять все меры по маскировке, сохранению тайны и введению противника в заблуждение. Самым ранним сроком наступления является 3.5. Выдвижение на исходные позиции для наступления должно осуществляться только ночью при соблюдении всех правил маскировки.

6. Для введения противника в заблуждение продолжать в полосе группы армий "Юг" подготовку операции "Пантера". Подготовку надлежит усилить всеми средствами (демонстративные рекогносцировки, выдвижение танков, сосредоточение переправочных средств, радиопереговоры, действия агентуры, распространение слухов, применение авиации и т. д.) и проводить ее как можно дольше. Эти мероприятия по введению противника в заблуждение должны эффективно поддерживаться также соответствующими мероприятиями обороноспособности находящихся там войск. <...> В полосе группы армий "Центр" не следует проводить в крупном масштабе мероприятия по введению противника в заблуждение, однако всеми средствами необходимо скрыть от противника истинную картину обстановки (отвод войск в тыл и ложные переброски, передвижение транспорта в дневное время, распространение ложных сведений о сроках начала наступления лишь в июне и т. д.).

В обеих группах армий соединения, вновь прибывающие в состав ударных армий, должны соблюдать радиомолчание.

7. В целях соблюдения тайны в замысел операции должны быть посвящены только те лица, привлечение которых абсолютно необходимо. Новые лица должны знакомиться с замыслом постепенно и по возможности позже. На этот раз необходимо непременно избежать того, чтобы вследствие неосторожности или небрежности противнику стало что-либо известно о наших замыслах. Путем усиления контрразведки обеспечивать постоянную борьбу с вражеским шпионажем.

8. Войска, предназначенные для наступления, учитывая пространственно ограниченные и точно известные цели наступления (в отличие от прежних операций), должны

оставить в тылу весь транспорт, без которого можно обойтись в наступлении, а также всякий обременяющий их балласт. Все это только мешает и может отрицательно повлиять на наступательный порыв войск и затруднить быстрый подвод последующих сил. Поэтому каждый командир должен быть проникнут стремлением взять с собой только то, что необходимо для боя. Командиры корпусов и дивизий должны строжайшим образом контролировать выполнение этого требования. Необходимо ввести строгое регулирование передвижений на дорогах. Оно должно осуществляться самым решительным образом...»

Впереди советские войска — пехотинцев и артиллеристов, танкистов и лётчиков — ждали новые суровые испытания, тяжелые бои и сражения, в самом пекле которых вновь будет находиться Ватутин. Но вряд ли он предполагал, что фронтовая судьба приведёт его в отчие края.

Глава 12

ОГНЕННАЯ ДУГА

Ватутин прибыл на Воронежский фронт 21 марта. Весна постепенно вступала в свои права. Солнце пригревало вовсю. Из-под серых чёрствых сугробов настырно пробивались говорливые ручьи. Во многих местах уже были расквашены дороги. Проходившие по ним танки, тракторы и прочая техника всё больше превращали их в жирное чёрное месиво, выбраться из которого с каждым днём становилось всё труднее. Время от времени в образовавшихся тестообразных колеях можно было встретить по кузов осевшие машины. Матушка-пехота, двигавшаяся по этим растворившимся в весенних водах дорогам, тоже вязла в тягучем чернозёмном киселе. В условиях распутицы проводить любые передвижения войск и техники — дело сложное и волокитное. Наступать тоже. В обороне было как-то спокойнее.

Штаб фронта временно располагался в одной из хат в селе Стрелецком, неподалеку от небольшого городка Обо-янь. О своём прибытии Николай Фёдорович тут же доложил представителю Ставки Жукову, который ждал его приезда. Маршал и генерал армии крепко обнялись. Последний раз они виделись под Сталинградом.

Фронт, хотя и был для Ватутина своим — как-никак командовал им прежде почти четыре месяца, но вникать в его дела пришлось всё равно заново. За пять месяцев, что он

возглавлял Юго-Западный фронт, на Воронежском фронте произошло много перемен: обновился штаб, сменились некоторые командармы, комкоры и комдивы, прибыли из резерва свежие части и соединения.

«Вступив в командование, Николай Федорович с присущей ему энергией взялся за укрепление войск фронта и создание глубоко эшелонированной обороны, — вспоминал Жуков. — В конце марта и в начале апреля мы с Н. Ф. Ватутиным побывали почти во всех частях фронта».

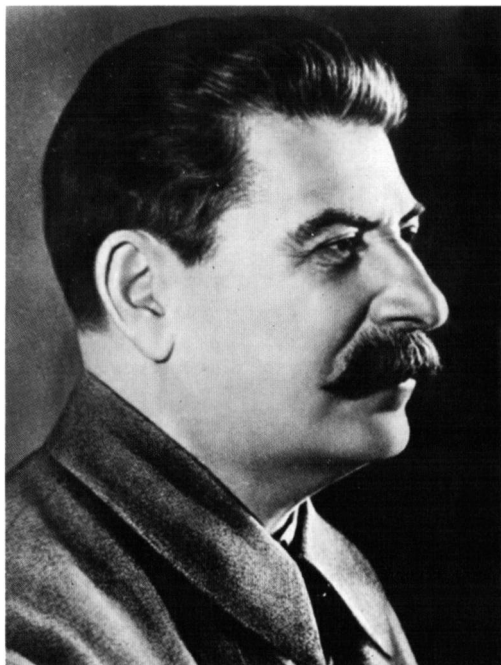
После отъезда представителя Ставки Ватутин продолжал знакомиться с обстановкой в каждой армии и соединениях первого эшелона, с силами и состоянием немецких войск. Николай Федорович интересовался, как обеспечена оборона того или иного участка фронта, рубежа или танкоопасного направления, оценивал ситуацию, уточнял задачи и необходимые меры на случай перехода противника в наступление, подсказывал, как усилить оборону. В свою очередь командующие армиями и соединениями делились с ним своими предложениями и замыслами, открыто обсуждали многие наболевшие вопросы.

Воронежский фронт оборонял южную часть Курской дуги протяженностью около 250 километров. Все оставшиеся дни марта и первую неделю апреля новый командующий буквально дневал и ночевал в войсках, всё глубже погружаясь в дела фронта. 31 марта Николай Федорович издал под грифом «Совершенно секретно» приказ № 0093, в соответствии с которым предусматривалось: «Создать большую глубину обороны, для чего занять войсками не только главную оборонительную полосу, но также промежуточные и тыловые рубежи и иметь сильные ударные группы для производства контрударов и перехода в контр наступление». Контрудары согласно приказу должны были проводить танковые корпуса, входившие в резерв фронта. Причём командиру 5-го гвардейского танкового корпуса генерал-майору танковых войск А. Г. Кравченко надлежало к утру 3 апреля 1943 года «быть готовым нанести контрудар в направлениях на Обоянь, на Белгород и на Корочу, Волчанск». Командиру 2-го гвардейского танкового корпуса генерал-майору танковых войск В. М. Баданову указывалось на готовность нанесения контрударов.

Командующий фронтом также потребовал: «Привести в образцовый порядок работу тыла к 8.4.1943 г. Довести до полной нормы войсковые запасы боеприпасов, горючего и продфуража. <...> Ускорить перебазирование войсковых,

Генерал армии Николай Федорович Вату́тин

Верховный
главнокомандующий
И. В. Сталин

Начальник штаба
Северо-Западного
фронта
генерал-лейтенант
Н. Ф. Ватулин.
1941 г.

Член Военного совета фронта корпусной комиссар В. П. Богаткин, командующий фронтом генерал-лейтенант П. А. Курочкин, начальник штаба фронта генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин. *Северо-Западный фронт. 1942 г.*

Бойцы оружейного расчета. *Северо-Западный фронт. 1941 г.*

Командующий Воронежским фронтом Н. Ф. Ватутин
перед выездом в войска

Пленные венгерские солдаты. *Воронежский фронт. 1942 г.*

Первый заместитель
командующего
Воронежским фронтом
генерал-майор
Р. Я. Малиновский.
1942 г.

Командующий
60-й армией
Воронежского фронта
генерал-майор
И. Д. Черняховский

На заседании Военного совета Юго-Западного фронта.
Слева направо: Н. Ф. Ватутин, А. С. Желтов, С. А. Красовский,
В. В. Вознюк, С. П. Иванов. 1943 г.

Генерал-фельдмаршал Фридрих Паулюс

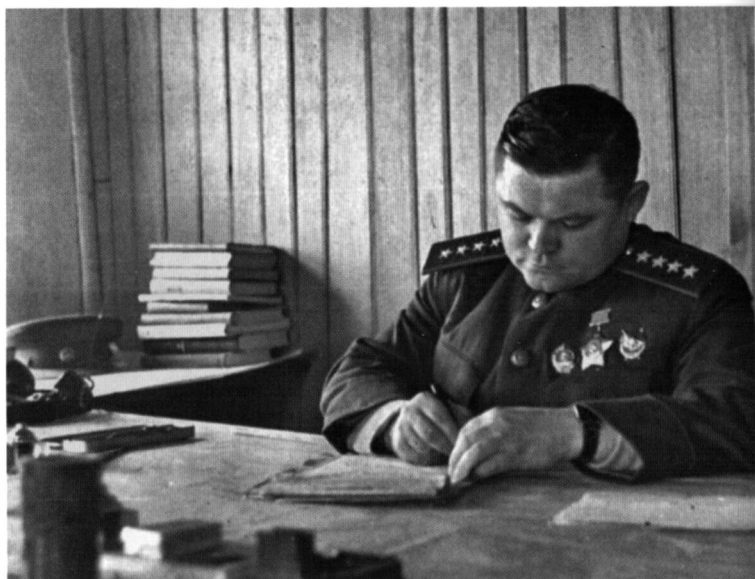

Легендарные «катюши» в действии. Юго-Западный фронт. Ноябрь 1942 г.

Сталинград стал для солдат, офицеров и генералов вермахта крахом.
Февраль 1943 г.

Командующий Воронежским фронтом генерал армии Н. Ф. Ватутин.
1943 г.

Командующий Воронежским фронтом генерал армии Н. Ф. Ватутин
вручает гвардейское знамя командиру одного из танковых соединений
фронта

Командующий Воронежским фронтом генерал армии Н. Ф. Ватутин и член Военного совета Воронежского фронта генерал-лейтенант Н. С. Хрущев сфотографировались на память с награжденными солдатами и офицерами фронта

Саперы строят оборонительные сооружения. *Курская дуга. Июнь 1943 г.*

Начальник
Генерального
штаба РККА
Маршал
Советского Союза
А. М. Василевский

На снимке
(слева направо):
генерал армии
И. Р. Апанасенко,
генерал-майор
А. И. Родимцев,
генерал-лейтенант
танковых войск
П. А. Ротмистров.
Курская дуга.
Июль 1943 г.

Генерал-фельдмаршал
Эрих фон Манштейн

Поле битвы.
Курская дуга.
Июль 1943 г.

Н. Ф. Ватутин
с сыном Виктором.
Воронежский фронт.
Август 1943 г.

Н. Ф. Ватутин
с дочерью Еленой.
Воронежский фронт.
Август 1943 г.

Идет форсирование Днепра. Октябрь 1943 г.

Командующий 1-м Украинским фронтом генерал армии Н. Ф. Ватутин с командующими армиями фронта. 1943 г.

Представитель Ставки Верховного главнокомандования Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, начальник штаба 1-го Украинского фронта генерал-лейтенант А. Н. Боголюбов и командующий 1-м Украинским фронтом генерал армии Н. Ф. Ватутин. 1944 г.

Командующий 1-м Украинским фронтом генерал армии Н. Ф. Ватутин выступает на торжественном митинге по случаю освобождения столицы Украины Киева от немецко-фашистских захватчиков

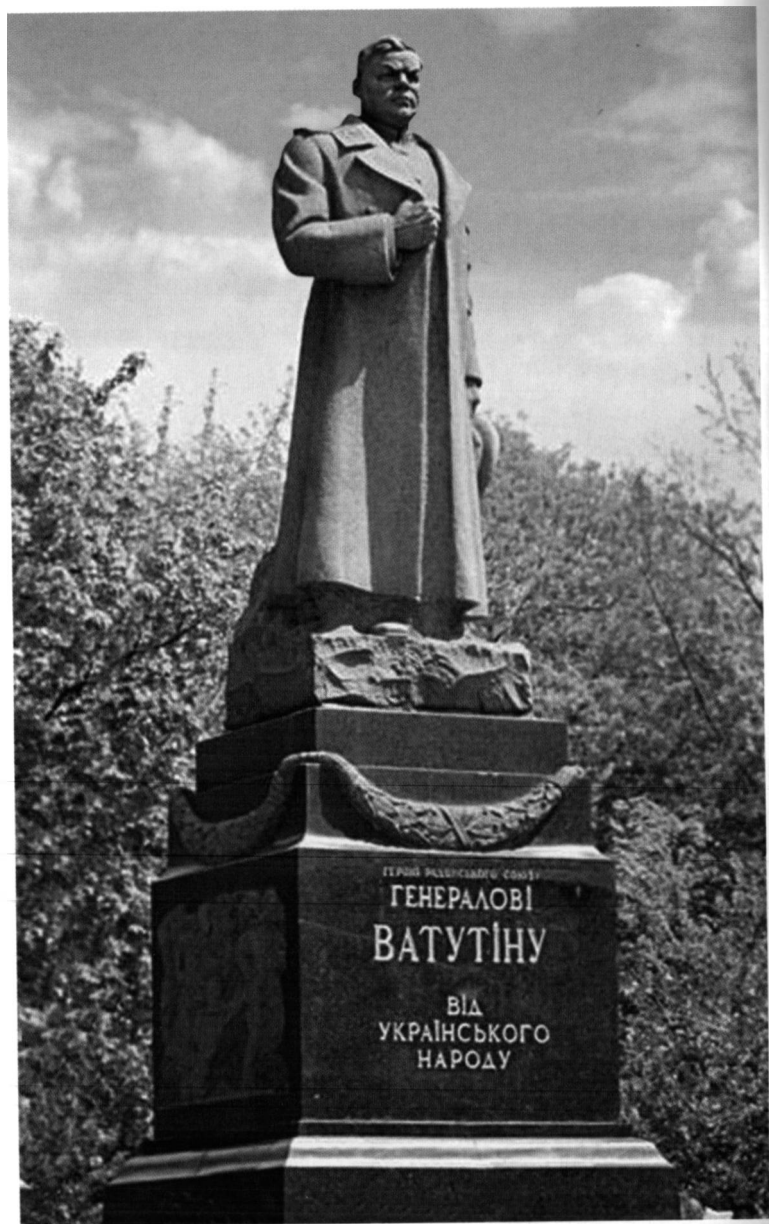

Похороны генерала армии Н. Ф. Ватутина в Киеве. 17 апреля 1944 г.

Музей Н. Ф. Ватутина в его родном селе

Памятник Герою Советского Союза генералу армии Н. Ф. Ватутина в Киеве

армейских и фронтовых запасов из глубокого тыла, ближе к войскам, сократив тем самым растяжку подвоза». Кроме того, войска должны были «всемерно совершенствовать позиции в инженерном отношении и срочно провести минирование танкодоступных участков».

В один из тех дней по ВЧ Николаю Федоровичу позвонил Сталин.

— Здравствуйте, товарищ Ватутин, — проговорил он в трубку своим приглушенным голосом с кавказским акцентом. — Как освоились на новом месте? Что можете сказать об обстановке на фронте, часто ли беспокоят немцы?

Ватутин доложил, что всё идёт нормально, войска фронта держат прочную оборону.

— По данным разведки, товарищ Сталин, — продолжал Ватутин, — противник подтягивает свежие силы, но наступать пока не собирается...

Разговор закончился тем, что Верховный попросил Ватутина к 12 апреля представить соображения по оценке фронтовой обстановки и по плану предстоящих действий фронта. В тот же день аналогичную задачу Сталин поставил и командующему войсками Центрального фронта генералу армии К. К. Рокоссовскому.

Вскоре такой документ командование Воронежского фронта подготовило. Под ним поставили свои подписи Ватутин, член Военного совета фронта генерал-лейтенант Н. С. Хрушев и начальник штаба фронта генерал-майор Ф. К. Корженевич. Поскольку это донесение дает полное представление о складывающейся на тот момент оперативной обстановке, приведем его полностью.

«Начальнику Генштаба КА
на № 1 1990 12.4.43 г.

Перед Воронежским фронтом в настоящее время установлено:

1. Пехотных дивизий в первой линии девять (26, 68, 323, 75, 255, 57, 332, 167-я и одна дивизия невыясненной нумерации). Эти дивизии занимают фронт Красно-Октябрьское — Большая Чернетчина — Краснополье — Казацкое. Дивизия неизвестной нумерации, по показаниям пленных, выдвигается к району Солдатское и должна сменить 332-ю пехотную дивизию.

Эти данные проверяются. Есть непроверенные данные, что во втором эшелоне имеются шесть пехотных дивизий. Положение их пока не установлено, и эти данные также проверяются.

В районе Харькова, по данным радиоразведки, отмечается штаб венгерской дивизии, которая может быть выдвинута на второстепенное направление.

2. Танковых дивизий всего сейчас шесть («Великая Германия», «Адольф Гитлер», «Мертвая голова», «Райх», 6-я и 11-я), из них три дивизии — в первой линии и три дивизии («Великая Германия», 6-я и 11-я) — во второй линии. По данным радиоразведки, штаб 17-й танковой дивизии переместился из Алексеевского в Ташаговку, что говорит о выдвижении 17-й танковой дивизии на север. По наличию сил противник имеет возможность вывести дополнительно в районе Белгорода до трех танковых дивизий с участка Юго-Западного фронта.

3. Таким образом, следует ожидать, что противник перед Воронежским фронтом сможет создать ударную группу силой до 10 танковых дивизий и не менее шести пехотных дивизий, всего до 1500 танков, сосредоточения которых следует ожидать в районе Борисовка — Белгород — Муром — Казачья Лопань. Эта ударная группа может быть поддержана сильной авиацией численностью примерно до 500 бомбардировщиков и не менее 300 истребителей.

Намерение противника — нанести концентрические удары из района Белгорода на северо-восток и из района Орла на юго-восток, с тем чтобы окружить наши войска, находящиеся западнее линии Белгород — Курск.

В дальнейшем следует ожидать удара противника в юго-восточном направлении во фланг и тыл Юго-Западному фронту, с тем чтобы затем действовать в северном направлении.

Однако не исключена возможность, что в этом году противник откажется от плана наступления на юго-восток и будет проводить другой план, именно после концентрических ударов из района Белгорода и Орла он наметит наступление на северо-восток для обхода Москвы.

С этой возможностью следует считаться и соответственно готовить резервы.

Таким образом, перед Воронежским фронтом противник вероятнее всего будет наносить главный удар из района Борисовка — Белгород в направлении на Старый Оскол и частью сил на Обоянь и Курск. Вспомогательные удары следует ожидать в направлении Волчанск — Новый Оскол и Суджа — Обоянь — Курск.

Для крупного наступления противник сейчас еще не готов. Начала наступления следует ожидать не ранее 20 апреля с.г., а вероятнее всего в первых числах мая.

Однако частных атак можно ожидать в любое время. Поэтому от наших войск требуем постоянной, самой высокой готовности.

Фёдоров, Никитин, Федотов*,
№ 55/к».

Двенадцатого апреля вечером в Ставке состоялось совещание, в котором участвовали Сталин, Жуков, Василевский и заместитель начальника Генштаба генерал-полковник А. И. Антонов. После тщательного анализа сложившейся обстановки все сошлись во мнении, что наиболее вероятной целью летнего наступления вермахта станет окружение и уничтожение основных сил Воронежского и Центрального фронтов на Курской дуге. В последующем не исключалось развитие противником наступления, в том числе и на Москву. Поэтому на совещании было принято решение главные усилия сосредоточить к северу и югу от Курска, встретить немецкое наступление преднамеренной глубокой, непреодолимой обороной, измотать и обескровить противника обороной, а затем, перейдя в наступление, завершить разгром ударных группировок. В дальнейшем имелось в виду развернуть общее наступление Красной армии, нанося главный удар в направлении на Харьков, Полтаву и Киев. На совещании был предусмотрен и другой вариант действий: переход советских войск к активным действиям в случае, если фашистское командование не предпримет наступления под Курском в ближайшее время и оттянет его на длительный срок. Как вспоминал впоследствии Василевский, Сталина беспокоило — и он не скрывал этого — выдержат ли наши войска удар крупных масс танков. Однако шел уже не 1941 год. Красная армия закалилась в сражениях, приобрела огромный боевой опыт, имела хорошее вооружение и новую боевую технику. Теперь уже немцы боялись советских войск. И колебания были отброшены.

В войсках Воронежского и Центрального фронтов развернулась всесторонняя и тщательная подготовка к предстоящим боевым действиям. В сжатые сроки на Курском выступе предстояло создать прочные, глубоко эшелонированные рубежи. Такая работа, причем значительная по своим объёмам, незамедлительно началась. Непосредственная оборона Курского выступа на южном фланге дуги, как уже было сказано, возлагалась на войска Воронежского фрон-

* Фёдоров было кодовым именем Н. Ф. Ватутина, Никитин — Н. С. Хрущёва, Федотов — Ф. К. Корженевича.

та. Теперь всё инженерное обеспечение фронта было подчинено общему замыслу — в оборонительной операции максимально ослабить ударные группировки противника и сохранить свои силы и средства за счёт развития системы оборонительных полос и рубежей, применения минно-взрывных заграждений.

По воспоминаниям участников событий, Ватутин интересовался буквально всеми мелочами, касавшимися инженерного оборудования оборонительных полос и позиций, уделяя особое внимание созданию системы инженерных заграждений. Кочуя в те весенние дни по вязким и разбитым дорогам из одной армии в другую, Николай Федорович не раз мысленно переносился в родную Чепухинку. Она была совсем рядом, до неё, как говорится, теперь вообще было рукой подать. В минуты нахлынувших чувств ему очень хотелось побывать дома, повидать мать, сестер. Еще в январе 1943 года, когда в ходе Острогожско-Россошанской операции от немецко-фашистских захватчиков был освобожден Валуйский район, Ватутин получил оттуда первую весточку. Секретарь Валуйского райкома ВКП(б) П. И. Тихонов сообщил, что его родные живы и здоровы. Сразу будто тяжёлый камень упал с души. Потом пришло письмо от младшей сестры Елены, которая от имени матери подробно написала о житье-бытье всей семьи. И вот, выбрав момент и получив разрешение от представителя Ставки Г. К. Жукова, Николай Федорович приехал в Чепухино.

Весть о приезде земляка-генерала моментально облетела село. И стар, и млад потянулись к хате Ватутиных. А в это время Николай Федорович общался с родными. Расцеловался с сёстрами, обнял за плечи маму. Слезы радости катились из глаз матери и сестёр. От них он узнал, как им жилось в оккупации. Когда фронт приблизился к Валуйкам, они собрались было эвакуироваться, но тяжело заболела одна из сестёр. Пришлось задержаться, а потом было поздно. В районе города Россошь, куда Ватутины сумели добраться, немцы перерезали дорогу, и они были вынуждены вернуться назад. Чепухино уже находилось в оккупированной зоне. Правда, немцев в селе не было. Но если бы они узнали о том, что там живёт семья советского генерала, то ни матери, ни сёстрам было бы несдобровать. Однако всё обошлось, хотя староста, носивший зловещее и очень подходившее ему прозвище «Каюк», обещал это сделать. Но не успел — партизанская пуля настигла предателя. Других пособников оккупантов в селе больше не нашлось.

— Конечно, сынок, боялись, что за нами придут, — рассказывала мать Николаю Федоровичу. — Ведь Каюк выдал немцам нашего председателя колхоза Щеголева, которого они расстреляли. Следующие на очереди должны были быть мы. Он так и заявил: «Кончилась ваша жизнь. Не наши вы люди, Ватутины...»

Вера Ефимовна вытерла передником слезы:

— А как жили, сынок, ты спрашиваешь?.. Жили, как и все наши чепухинцы. И терпели со всеми одинаково.

Всего каких-то пять быстротечных часов провёл Ватутин с матерью и сёстрами. За это же время он успел пообщаться и с односельчанами, которых у родительской хаты собралось тогда чуть ли не всё село. Земляки попросили Николая Федоровича временно оставить у себя брошенных оккупантами раненых и больных коней. Они пообещали их вылечить и, поработав на них в посевную, по первому требованию военкомата передать в действующую армию. Командующий удовлетворил просьбу земляков, а также подписал распоряжение выделить фураж для содержания трофейных коней. Другим распоряжением Ватутин поручил соответствующим службам фронта помочь чепухинцам отремонтировать неисправные тракторы. Ватутину хотелось еще побыть дома, но торопили неотложные дела. Тепло попрощавшись с родными, односельчанами, Николай Федорович уехал. Однако сюда — к меловым горам, вербам у реки ему уже не суждено было вернуться...

Фронт находился в преддверии больших событий. Круглые сутки шла подготовка к предстоящим боям и сражениям. В середине апреля представители Ставки, руководящего состава Генштаба и Наркомата обороны провели проверку готовности войск Центрального и Воронежского фронтов к боевым действиям. К этому времени, по данным разведки, противник сосредоточил перед этими фронтами до 16 хорошо укомплектованных танковых дивизий с 2500 танков. Наиболее мощная группировка находилась перед Воронежским фронтом, здесь немецкое командование выставило 11 танковых и до 20 пехотных соединений.

В те дни Военный совет Воронежского фронта доложил в Ставку о результатах своей практической деятельности и мероприятиях на ближайшее время. Вот строки из этого донесения:

«а) построение глубокой обороны, для чего не только подготавливается ряд рубежей, но эти рубежи теперь же за-

няты войсками. Это не должно позволить противнику произвести оперативный прорыв;

б) организация плотной и развитой на большую глубину противотанковой обороны, особенно на важнейших танкоопасных направлениях, для чего тщательно отрабатываются планы ПТО, создаются эшелонированные в глубину противотанковые районы, возводятся инженерные противотанковые препятствия, минные поля как перед передним краем, так и в глубине, используются огнемётные средства, подготавливается огонь артиллерии, РС и удары авиации на направлениях возможного движения танков противника. На большую глубину подготавливаются оперативные заграждения. Во всех частях и соединениях имеются противотанковые подвижные резервы;

в) организация надежной противовоздушной обороны путем создания укрытий для боевых порядков, маскировки и массированного использования зенитных средств на важнейших направлениях. Однако наиболее эффективным способом ПВО явится уничтожение авиации противника на аэродромах и уничтожение запасов горючего, для чего своевременно необходимо использовать авиацию всех фронтов, а также авиацию дальнего действия;

г) подготовка и осуществление маневра как основы успеха в обороне. Приняты меры к обеспечению маневра противотанковыми средствами, артиллерией, частями РС, танками, вторыми эшелонами и резервами, с тем чтобы на направлениях атак противника быстро создавать еще большую плотность и глубину обороны, быстро накапливать силы для производства контрударов и достигать превосходства сил для перехода в контрнаступление».

В первых числах мая переход врага в наступление приобрёл уже реальную форму. По данным советской разведки, 3—4 мая в Мюнхене состоялось совещание высшего руководства вермахта, на котором обсуждался вопрос о наступлении на советско-германском фронте. На этом сборе, проходившем под руководством Гитлера, был уточнён и окончательно утверждён план операции «Цитадель». Именно на эту операцию Гитлер возлагал большие надежды. Она должна была завершиться разгромом войск Центрального и Воронежского фронтов и в случае победы к немцам возвращалась стратегическая инициатива, утраченная под Сталинградом. Так что теперь наступление противника можно было ожидать в любой момент. Тем более внезапность всегда была козырем гитлеровских генералов.

В сложившейся обстановке советским войскам нужно было быть начеку. 8 мая командующие Брянским, Центральным, Воронежским и Юго-Западным фронтами получили из Москвы очередную телеграмму: «По некоторым данным, противник может перейти в наступление 10—12 мая на орловско-курском или на Белгородско-обояньском направлении, либо на обоих направлениях вместе.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает к утру 10 мая иметь все войска как первой линии обороны, так и резервов, в полной боевой готовности встретить возможный удар врага. Особенное внимание уделить готовности нашей авиации, с тем чтобы в случае наступления противника не только отразить удары авиации противника, но и с первого же момента его активных действий завоевать господство в воздухе.

Получение подтвердить. О принятых мерах донести».

Как положено в таких случаях, Ватутин отдал приказ войскам быть в готовности, а в случае наступления противника встретить его во всеоружии. Однако прошли первые сутки, вторые... Явных приготовлений к наступлению у немцев не наблюдалось. По утрам — обычно в это время они начинали боевые действия — за их окопами стояла странная тишина.

— Спят фрицы, товарищ командующий, — ни свет ни заря вышел на связь с Ватутиным командующий 6-й гвардейской армией генерал-лейтенант Чистяков. — Я только что вернулся с передовой. На данный момент разведка не выявила никаких передвижений противника в полосе обороны армии. Прямо-таки божественное умиротворение, как в пустом храме. Зато соловьи поют, будто войны нет.

— У нас тоже распелись, заслушаешься, — на минуту отвлёкся Николай Федорович. — С детства люблю слушать их трели. Я ведь, Иван Михайлович, здешний, мои края испокон века зовутся соловьиными...

Но лирическое отступление продолжалось недолго. Разговор вновь пошел о делах текущих. Ватутин поставил задачу быть готовыми к любым неожиданностям со стороны противника.

Затишье стояло и на других участках фронта. Ни в период 10—12 мая, ни в последующие дни ожидаемого наступления не случилось. Вместо него над советскими и немецкими позициями лишь раскатисто прогремывали, словно орудия, первые весенние громы. Причина отмены наступления гитлеровцев заключалась в том, что они еще не успе-

ли получить в достаточном количестве новые танки и самоходные орудия. К тому же сильно тормозили прибытие свежих сил врага активные действия партизан, регулярно устраивавших диверсии на путях следования гитлеровских эшелонов к фронту.

Спустя десять дней, 19 мая, Генштабом были получены данные о намерении врага начать наступление в период 19—26 мая. Как и в первый раз, командующих фронтами строго обязали не ослаблять бдительность и боевую готовность войск, продолжать вести разведку и захват пленных с целью получения новых данных о группировке противника и его замыслах.

Между тем переносы сроков наступления заставили Ватутина засомневаться в том, что гитлеровское командование вообще решится наступать в ближайшее время. Поэтому он выступил с инициативой самим начать наступление и нанести противнику упреждающий удар, о чём и доложил Сталину. План Ватутина заключался в следующем: сосредоточить основные усилия южнее Курска и нанести удар на Харьков, Днепропетровск с задачей овладеть крупным плацдармом на правом берегу Днепра с последующим выходом на рубеж Кременчуг, Кривой Рог, Херсон, а при благоприятных условиях — и на рубеж Черкассы, Николаев. Именно здесь наступление позволит достичь решающих для исхода войны результатов. Оно вывело бы из строя группу армий «Юг» — наиболее мощную группировку вермахта, лишило бы оккупантов богатейшей продовольственной базы и таких важных промышленных районов, как Донбасс, Криворожье, Харьков и Днепропетровск. Кроме того, советские войска приблизились бы к границам Румынии и Болгарии и тем самым ускорили бы выход этих стран из войны. В операции Ватутин предлагал использовать войска своего фронта, а также Юго-Западного, Южного, а на заключительном этапе и Центрального фронтов.

Сталин очень серьёзно заинтересовался планом операции, разработанной «генералом наступления». Но по мере его дальнейшего детального рассмотрения, а в этом принимали участие и Жуков, и Василевский, и Антонов, в нём были выявлены определенные изъяны. По этой причине военачальники убедили Верховного в нецелесообразности проведения такой операции.

Генерал армии С. М. Штеменко вспоминал: «Идея разгрома южного фланга противника была заманчивой. Но этот план всё-таки отвергли. Он не затрагивал центр совет-

ско-германского фронта и, главное, западное стратегическое направление, не обезвреживал основную группировку противника — группу армий “Центр”, которая в этом случае угрожала бы флангам наших важнейших фронтов, оставлял в стороне направление на Киев, весьма важное в политическом, экономическом и чисто военном отношении.

Удар на Харьков, Полтаву, Киев был, по мнению Генерального штаба, наиболее перспективным. Выход Красной Армии к столице Украины — важному экономическому центру страны — давал большие стратегические результаты. При этом достигалось всё, что сулило наступление в направлении Днепропетровска, и вдобавок еще расчленился фронт противника (особенно в случае выхода советских войск к Карпатам), затруднялось взаимодействие между важнейшими его группировками. Из района Киева в равной степени можно было угрожать флангам и тылу как группы армий “Юг”, так (что особенно важно!) и правому крылу группы армий “Центр”. Наконец, при таком варианте мы приобретали выгодное положение для последующих действий. Он и был принят».

Надо сказать, Николай Федорович спокойно воспринял решение об отклонении его плана операции. Новый вариант был действительно перспективнее. Но всё это — дело будущего. Пока же войска Ватутина продолжали старательно совершенствовать свои оборонительные рубежи и одновременно готовиться к наступлению. Противник тоже.

Работа кипела. Строительство обороны на Воронежском фронте осуществлялось в строгом соответствии с Инструкцией по рекогносцировке и строительству полевых оборонительных рубежей от 27 апреля 1943 года, утвержденной начальником Генерального штаба РККА Маршалом Советского Союза А. М. Василевским, и с учётом опыта предыдущих операций. Основой инженерного оборудования местности была широко развитая система траншей и ходов сообщения. В среднем каждая дивизия, оборонявшаяся в главной полосе, имела до 70–80 километров траншей и ходов сообщения, по 6–7 дзотов на каждый километр фронта. На главных направлениях отрывались противотанковые рвы, все берега рек и оврагов были эскарпированы. В лесах и рощах устраивались завалы, усиленные фугасами. Впервые за годы войны была создана восьмиполосная оборона глубиной до 300 километров. За три месяца, начиная с апреля и вплоть до начала Курской

битвы, было открыто 4200 километров траншей и ходов сообщения. Генерал Чистяков вспоминал: «Когда уже в конце июня мне позвонил командующий фронтом Н. Ф. Ватутин и спросил: “Ну как, закончили работу?” — я мог только ответить: “Конца-краю нет, роём, как кроты, день и ночь...”».

По признанию немецких генералов, советские войска превратили Курский выступ в сильнейшую крепость мира. А в послевоенное время один из историков подсчитал, что до начала Курской битвы было вырыто почти 10 млн метров траншей и ходов сообщения. Вытянутые в одну линию, они оставили бы глубокую канаву, по которой человек мог бы пройти от Атлантического до Тихого океана. Причем все эти миллионы метров траншей и ходов сообщения, спасшие впоследствии тысячи солдатских жизней, были открыты единственными тогда инструментами — лопатами, кирками, ломами. Траншеекопатели, хотя и стояли на вооружении, но их в войсках практически никто не видел. И ещё была одна сложность: на передовых позициях бойцам приходилось копать траншеи в целях маскировки только в тёмное время суток.

Особое внимание обращалось на организацию противотанковой и противовоздушной обороны, на строительство батальонных узлов и ротных районов обороны, на максимальное использование условий местности и организацию плотного огня перед передним краем и в глубине обороны.

Например, противотанковая оборона создавалась на танкоопасных направлениях по рубежам, эшелонированным на всю глубину армейской обороны. Основой этой обороны являлись противотанковые опорные пункты. Средняя плотность противотанковых средств в дивизиях составляла 11 орудий и до 10 противотанковых ружей на один километр фронта. Кроме того, на протяжении всей полосы фронта саперы установили почти 292 тысячи противотанковых и 306 тысяч противопехотных мин, 20 тысяч фугасов, 593 километра проволочных заграждений и почти 500 километров противотанковых невзрывных заграждений.

Что касается противовоздушной обороны, то главную группировку войск от ударов врага прикрывали артиллерийские дивизии и 2-я воздушная армия. Непосредственно для борьбы с авиацией и десантами фашистов было приспособлено свыше 50% ручных и станковых пулемётов, а также противотанковых ружей.

Также по приказу Ватутина в войсках фронта был при-

нят комплекс специальных мер для введения противника в заблуждение относительно глубины обороны, количества развернутых сил и средств, районов сосредоточения бронетанковых соединений, расположения авиационных баз и аэродромов. Эти мероприятия включали в себя организацию ложных перемещений войск, подготовку фиктивных позиций, зон скопления боевой техники с использованием макетов танков, орудий, самолётов.

Как свидетельствуют документы, только в радиусе действий Воронежского фронта было изготовлено 8300 макетов танков, сотни самолётов, построено 40 взлётно-посадочных полос. Впоследствии у пленного немецкого офицера была изъята карта, где тщательно были нанесены советские позиции, но только ложные. Противнику так и не удалось полностью раскрыть систему советской обороны. Так что хорошо изготовленные макеты танков и самолётов служили хорошей приманкой для бомбардировщиков люфтваффе.

В возведении оборонительных сооружений наравне с войсками активно участвовали жители прифронтовых районов Курской, Орловской, Воронежской и Харьковской областей. Только на Курском выступе трудилось в апреле более 100 тысяч человек, а в июне — 300 тысяч. В основном это были женщины, подростки, старики. Они рыли окопы, траншеи, противотанковые рвы, эскарпы, ремонтировали дороги, строили мосты... Их самоотверженная работа шла круглые сутки.

Николай Федорович всегда находил время для встреч с этими людьми. Обычно бывало так. Направляясь в ту или иную армию, Ватутин просил водителя остановиться у строящихся оборонительных рубежей. Выходил из машины, шёл к людям. Простой в общении, приветливый, Николай Федорович находил для своих собеседников и теплое слово, и добрую шутку.

— Товарищ генерал, ответьте нам, а отступать больше не будете? — спрашивали они.

— Нет, теперь не будем, — твердо заверил их Ватутин. — Потерпите немного. Уже совсем скоро мы выгоним немчуру с нашей земли. Это я вам обещаю.

Ватутин бывал ещё на одном важном объекте — строительстве железной дороги Старый Оскол — Ржава. Дело в том, что подвоз грузов для войск Воронежского фронта осуществлялся по единственной, к тому же однопутной магистрали Касторная — Курск. Но это была главная комму-

никация Центрального фронта, а для нужд Воронежского фронта в сутки пропускалось всего лишь два-три поезда.

Поэтому Ватутин выступил с предложением построить дополнительную железнодорожную ветку. 8 июня 1943 года Государственный Комитет Обороны поддержал эту инициативу и принял решение построить железнодорожную линию Старый Оскол — Ржава. Её сооружение началось 15 июня, а уже через два месяца, 15 августа, предполагалось пустить по ней поезда. На работу было мобилизовано 25 тысяч местных жителей, которые вместе с военными железнодорожниками круглые сутки трудились на трассе. Это может показаться фантастическим, но дорога протяженностью 95 километров была построена почти на месяц раньше срока. Силами трудящихся и бойцов железнодорожных частей было произведено около 800 тысяч кубометров земляных работ, построено 8 остановочных пунктов, 10 мостов, 2 пункта водоснабжения. 19 июля по новой ветке пошли к фронту первые эшелоны с боевой техникой и боеприпасами. Значение построенной железной дороги в период наступательных действий Воронежского фронта было неоценимым.

Тогда же Военный совет Воронежского фронта прислал строителям приветственное письмо: «Поздравляем бойцов, командиров железнодорожных частей и спецформирования фронта, колхозников и колхозниц Курской области, участвовавших в строительстве, с успешным окончанием новой стройки — железнодорожной линии. Военный совет выражает твердую уверенность в том, что бойцы, командиры железнодорожных частей и спецформирований, колхозники и колхозницы Курской области и впредь приложат все усилия для окончательного разгрома немецко-фашистских захватчиков».

Все дни, предшествующие началу Курской битвы, Ватутин практически безвылазно находился в войсках. С утра и до утра, выкраивая лишь недолгие часы для сна, он работал с командующими армиями, командирами корпусов и соединений. Вместе с ними Николай Федорович буквально ползал по переднему краю и проверял оборону в глубине на направлениях вероятного наступления противника, осматривал и следил за оборонительными работами, инженерным оборудованием местности и маскировкой позиций.

Дважды Герой Советского Союза Маршал Советского Союза К. С. Москаленко (в период Курской битвы — генерал-лейтенант, командующий 40-й общевойсковой ар-

мией) в своих мемуарах «На Юго-Западном направлении. 1943—1945» вспоминал: «В те дни к нам часто приезжал командующий фронтом генерал армии Н. Ф. Ватутин. Мы с ним были знакомы еще с довоенного времени по совместной службе на Украине, где он был одно время начальником штаба Киевского военного округа. В войну встретились уже на Воронежском фронте, которым он командовал в то время, когда я был назначен на должность командующего 40-й армией. Мы оба обрадовались тогда встрече и оживленно расспрашивали друг друга, он о состоянии наших дел под Сталинградом, а я — об обстановке под Воронежем.

Мое глубокое уважение к Николаю Федоровичу и вера в его способности крупного военачальника еще более возросли после того, как нам стало известно, что руководимые им в то время войска Юго-Западного фронта сыграли важную роль в разгроме и окружении сталинградской группировки противника.

В конце марта 1943 года генерал армии Н. Ф. Ватутин снова возглавил войска нашего фронта, и, надо сказать, с его прибытием все здесь как-то оживилось.

Н. Ф. Ватутин обладал счастливой способностью воодушевлять людей, и вокруг него всё всегда находилось в движении. Новый командующий фронтом часто бывал в войсках, пристально следил за силами и состоянием противника. Быстро ознакомившись с обстановкой, он твердо взял в свои руки руководство войсками фронта. Характерной его чертой было стремление предоставить подчиненным большую самостоятельность, поддержать хорошую инициативу. Поэтому мы, командармы, охотно обращались к нему за советом, делились своими мыслями. И всегда встречали понимание, поддержку».

Во многих случаях Ватутин лично занимался с начальниками родов войск, командармами и даже с командирами полков. Николай Федорович прорабатывал с ними важнейшие вопросы маневрирования войсками, уделяя особое внимание вопросам управления и взаимодействия. Одновременно командующий поставил задачу, чтобы войска учились обороняться и наступать. Герой Советского Союза генерал армии А. Л. Гетман, в то время генерал-майор танковых войск и командир 6-го танкового корпуса, приводит такой эпизод: «В мае на базе нашего корпуса состоялись однодневные сборы командармов и командиров корпусов Воронежского фронта. Приехал из Москвы представи-

тель Ставки Г. К. Жуков, приехали командующий фронтом генерал Н. Ф. Ватутин и его начальник штаба генерал С. П. Иванов. До обеда занятия были посвящены обороне — об этом доложили командующие армиями. После обеда пришел мой черед.

— Веди в наступление! — сказал Николай Федорович Ватутин.

И я “повел” и два часа с коротким перерывом рассказывал товарищам, как на основе теоретических разработок и практического опыта представляю себе ввод в прорыв крупных танковых и механизированных соединений».

Во время одного из таких сборов произошел и забавный случай. Ватутин приехал в 40-ю армию генерала Москаленко, чтобы заслушать доклады командиров о выполненных мероприятиях по наращиванию обороны. Совещание проходило в крестьянской хате, освещение было никудышное. Генералы и офицеры, которые на нём присутствовали, сидели на лавках вдоль стен чуть ли не в потемках.

Первым докладывал Москаленко. В середине его выступления вдруг раздался крепкий храп. Ватутин недовольно обвел глазами присутствующих. Но в полумраке не было видно, кто где сидит. Храп продолжался. И тут командующий определил, что он исходит от начальника штаба армии генерал-майора А. Г. Батюни. В комнате было тепло и генерала, похоже, разморил сон. Ватутин, глядя на задремавшего начальника штаба, заулыбался, а потом неожиданно громко крикнул:

— Батюня! Воздух!

Генерал резко вскочил и растерянно начал озираться по сторонам. В хате раздался дружный смех. Все тут же взбодрились. Безусловно, на войне случалось всякое. Но она не отменяла человеческих слабостей. Вряд ли можно было вынести её тяготы и невзгоды на фронте, если бы постоянное напряжение не разряжалось вот так, доброй шуткой. После небольшой паузы Москаленко продолжил доклад.

Ещё один веселый эпизод, связанный с приездом командующего фронтом в войска, воспроизвёл писатель А. А. Ананьев. В дни Курской битвы будущий автор повести «Танки идут ромбом» командовал огневым взводом. И вот незадолго до сражения Ватутин прибыл в полк, в котором он служил. Командующий фронтом поздоровался с бойцами. Дружное солдатское «Здравия желаем!» прокатилось по траншее, и лишь один запоздалый голос, все еще звонкий, но уже слабеющий, довершил: «...арищ генерал!»

В наступившей тишине он прозвучал очень смешно, отчего лица у генералов и офицеров тут же повеселели. Все смотрели на «припозднившегося» солдата. То, что произошло, стало неожиданностью и для самого бойца. Он стоял напротив командующего, внизу, в траншее, красный до ушей, и удивленно моргал глазами. Не дожидаясь, пока Ватутин что-либо скажет, боец козырнул и отчеканил:

— Рядовой Бубенцов!

— Что же это ты, братец, всегда так отстаешь? — спросил его Николай Федорович.

— По росту последний во взводе!

— В хвосте, значит?

— На фланге, товарищ генерал! — бодро отчеканил Бубенцов.

Все прислушивались к голосу командующего и с беспокойством наблюдали, что будет дальше. Всем казалось, что вот-вот Ватутин крикнет: «Где командир взвода?! Что за расхлябанность!..» Но опасения оказались напрасными: настроение командующего, как в зеркале, отражалось на лице бойца, а боец смотрел весело, даже озорно. Было видно, что он не растерялся.

Бывая практически ежедневно в войсках, Николай Федорович требовал от командного состава не только безукоризненного выполнения своих приказов, директив, указаний, но и конкретных предложений по укреплению обороны и обучению войск. И это находило отклик.

Командующий артиллерией фронта генерал-лейтенант артиллерии С. С. Варенцов, впоследствии Главный маршал артиллерии и Герой Советского Союза, предложил создать артиллерийские полигоны для подготовки истребительно-противотанковой артиллерии. Ватутин сразу ухватился за эту идею, поддержал своего главного артиллериста. Впоследствии Николай Федорович не раз присутствовал на позициях противотанковой артиллерии, где «пушкарки» до автоматизма отрабатывали все операции, учились прицельно вести огонь. Почти весь личный состав истребительно-противотанковых полков прошёл на них огневую подготовку боевой стрельбой. Ватутин не случайно усиливал противотанковую оборону, поскольку хорошо понимал, что предстоящие боевые действия начнутся с танковых атак.

Готовился и противник. Николай Федорович регулярно получал сведения наземной и воздушной разведки о его действиях. Из штаба партизанского движения также поступали сообщения об интенсивном движении немецких

эшелонов к фронту. Изо дня в день командование вермахта усиливало свою группировку. В районы сосредоточения прибывала новая техника: тяжелые танки «Тигр», средние «Пантеры», штурмовые орудия «Фердинанд» и «Ягдпанцер», а также современные типы самолётов — истребители «Фокке-Вульф» Fw 190а, штурмовики «Хеншель» Hs 129, модернизированные бомбардировщики «Хейнкель» He 111. По свидетельству германских историков, на Курском выступе у вермахта было сконцентрировано всё, «на что была способна промышленность Германии и мобилизованной Европы».

Когда Николаю Федоровичу в очередной раз доложили, что противник получил новую партию «Тигров» и «Пантер», он недовольно поморщился, словно что-то предчувствуя, сказал:

— Этот «зверинец» нам доставит много хлопот...

По распоряжению Ватутина в войсках фронта была проведена огромная работа с целью развеять миф о неуязвимости «Тигров» и «Пантер». В ротках, батальонах, полках бойцам на фотографиях и макетах показывали слабые места новой боевой техники гитлеровцев, учили их выбирать позиции для прицельного огня. Много было напечатано специальных памяток, инструкций по борьбе с новыми машинами врага.

Теория тесно увязывалась с практикой. Постоянно проводились тренировки по преодолению так называемой танкобоязни. Для этого боец занимал место в окопе, а прямо на него, где он укрылся, двигалась многотонная стальная махина. Когда она переползала через окоп, боец поднимался и бил в корму танка гранатой или бутылкой с зажигательной смесью. Такого рода тренировки на специально подготовленных полигонах укрепляли в сознании бойцов уверенность в том, что с танком можно бороться даже в одиночку.

Между тем немцы, концентрируя свои войска, старались всячески дезинформировать советское командование о своих ближайших планах. С этой целью они провели ряд мероприятий, имитирующих подготовку операции по плану «Пантера». Этим планом предусматривалось наступление на юго-восток из района Белгорода (против Воронежского фронта), а также в излучине реки Северский Донец в направлении Изюм, Купянск (против Юго-Западного фронта). Чтобы ввести в заблуждение советское командование, немцы днём выдвигали моторизованные колонны

к линии фронта, артиллерия занимала огневые позиции и осуществляла пристрелку целей, проводились демонстративные рекогносцировки, выдвижение макетов танков, сосредоточение переправочных средств, интенсивные радиопереговоры, авиаразведка районов ложного наступления. Также противник распространял сведения о том, что германское командование отказывается на ближайшее время от решительных наступательных действий в направлении Курска. В связи с этим войска вермахта переходят к обороне занимаемого рубежа с одновременной подготовкой в глубине новой оборонительной линии. А если наступление и начнется, говорили немцы, то не раньше сбора урожая.

На самом же деле стрела наступления со дня на день должна была быть спущена с тетивы обороны. Вот строки из доклада командования 4-й танковой армии вермахта об оценке обстановки в плане подготовки к операции «Цитадель»: «За последнее время противник ещё более укрепил свои позиции, значительно усилил средства обороны и, кроме того, по весьма достоверным сведениям, выдвинул 1-ю танковую армию с 3-м моторизованным и 16-м танковым корпусом в район Обоянь, Курск. Следует ожидать появления других крупных танковых и моторизованных сил противника северо-восточнее Белгорода и в районе Острогожска... Следует, однако, подчеркнуть, что на основе опыта двух прошлых зим весьма необходимо, чтобы операция "Цитадель" началась как можно скорее...»

На документе стоит дата 20 июня 1943 года. В один из тех дней в районе Воронежа была сбита «рама» — немецкий самолёт-разведчик, продолжительное время занимавшийся слежением за передвижением советских войск, местами их дислокации. Три члена экипажа были взяты в плен, в том числе командир экипажа — полковник, он одновременно возглавлял специальную стратегическую разведывательную авиагруппу. Ценного «пленника» сразу доставили к Ватутину. Во время допроса он заявил, что наступление немецких войск планировалось в июне, но теперь оно намечено на первые числа июля. Начало июля присутствовало и в показаниях пленных немцев 332-й пехотной дивизии, которых допрашивал командующий 40-й армией Москаленко. Они сообщили, что их дивизия снята с рубежа обороны и 2 июля должна сосредоточиться в полосе 6-й армии русских.

Переносы начала наступления, надо прямо сказать,

раздражали Ватутина. Он не раз ставил перед представителем Ставки Василевским вопрос о необходимости самим начать наступление.

— Александр Михайлович! Проспим мы, упустим момент, — с досадой говорил он. — Противник не наступает, скоро осень и все наши планы сорвутся. Давайте бросим окапываться и начнем первыми. Сил у нас для этого достаточно.

Не получив одобрения от Василевского, Николай Федорович попытался найти поддержку своего плана у Сталина. В телефонном разговоре по ВЧ Верховный сказал Ватутину, что его инициатива заслуживает самого серьезного внимания и попросил подготовить и детально доложить в Ставку соображения по Воронежскому фронту.

Николай Федорович незамедлительно подготовил эти предложения. В докладе от 21 июня, сделанном Сталину в дополнение доклада от 21 апреля, он вновь обосновал свои соображения по поводу наступательной операции. Ватутин отмечал, что, по данным разведки, противник подготавливает оборону и группирует войска в оборонительном порядке, поскольку выжидает и боится советского наступления. Соответственно, по его заключению, крупные группировки войск в районе Сумы — Ахтырка — Богодухов и Харьков — Белгород, которые готовятся к нанесению фланговых ударов по советским войскам в случае их наступления на Харьков, следует глубоко (до 300 километров на основном направлении) обойти правым крылом фронта с запада, в направлении Хотень — Ромодан — Кременчуг, и, форсировав реку Ворскла, совместно с наступающими навстречу войсками Юго-Западного фронта отрезать на её восточном берегу не менее 20 пехотных и 10 танковых дивизий. Операцию можно начать с середины июля, поскольку стрелковые и танковые части и соединения Воронежского фронта к 20 июня полностью укомплектованы, личный состав и вооружение доведены до штатного уровня. Однако не накоплен резерв танков, не хватает транспортных средств, тяги для артиллерии, недостаточно горючего и боеприпасов. Все эти вопросы должны быть решены к 1 июля.

Сейчас, по прошествии времени, можно констатировать, что план Николая Федоровича вполне мог быть успешно реализован, поскольку на тот момент советские войска имели над противником значительное преимущество в силах и средствах. Вопрос заключался лишь в его цене или оптимальности наступательного и оборонительного

способа ведения боевых действий в конкретно сложившейся обстановке.

Между тем дальнейшие события показали, что Ставке уже не было никакого дела до плана «генерала наступления». Поступившие в Генштаб из разных источников разведдонесения указали на то, что наступление немцев начнется в период 3—6 июля. Ночью 2 июля Москва отправила по каналам связи третье предупреждение командующим Западным, Брянским, Центральным, Воронежским, Юго-Западным фронтами. Текст директивы гласил:

«По имеющимся сведениям, немцы могут перейти в наступление на нашем фронте в период 3—6 июля.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Усилить разведку и наблюдение за противником с целью своевременного вскрытия его намерений.

2. Войскам и авиации быть в готовности к отражению возможного удара противника».

Предупредительный сигнал Ставки тут же продублировало командование фронтов. В армии и корпуса Воронежского фронта с быстротой молнии полетело боевое распоряжение Ватутина:

«Имеются данные о том, что противник может перейти в наступление в период 3—6.7.43 г.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Усилить бдительность войск и их готовность.

2. Захватом контрольных пленных и усилением наблюдения и авиаразведки своевременно вскрыть намерения и группировку противника.

3. О принятых мерах донести».

Все — от командующего до солдата — вновь были приведены в полную боевую готовность. Командиры заняли передовые наблюдательные пункты. В лесочках и балках, ошетинившись, стояли тысячи танков и пушек. На полевых аэродромах в тревожном предчувствии замерли сотни самолётов истребительной, штурмовой и бомбардировочной авиации.

— Нет ничего хуже, чем ждать и догонять. А вдруг опять не начнут? Так можно и перегореть, — нервничал Николай Федорович.

— Да, войска уже застоялись, — соглашался с командующим член Военного совета Хрущев.

В первом эшелоне Воронежского фронта находились 38-я армия генерал-лейтенанта Н. Е. Чибисова, 40-я армия генерал-лейтенанта К. С. Москаленко, 6-я гвардейская ар-

мия генерал-лейтенанта И. М. Чистякова и 7-я гвардейская армия генерал-лейтенанта М. С. Шумилова. Во втором эшелоне держали оборону 1-я танковая армия генерал-лейтенанта М. Е. Катуква и 69-я армия генерал-лейтенанта В. Д. Крюченкина. Располагал фронт и необходимыми резервами, их основу составляли 35-й гвардейский стрелковый корпус генерал-майора С. Г. Горячева, а также 2-й и 5-й гвардейские танковые корпуса, которыми командовали полковник А. С. Бурдейный и генерал-лейтенант танковых войск А. Г. Кравченко. С воздуха группировку войск фронта прикрывала 2-я воздушная армия генерал-лейтенанта авиации С. А. Красовского. Что касается личного состава и боевой техники, то фронт имел в своем составе 626 тысяч человек, 4029 орудий всех калибров, 4150 миномётов (82-мм и 120-мм), 1661 танк и самоходно-артиллерийскую установку, 1080 самолётов.

Заканчивались последние приготовления и в войсках противника. В ночь с 1 на 2 июля немцы начали скрытное выдвижение корпусов и дивизий в исходные для наступления районы. На острие удара против войск Воронежского фронта действовали 4-я танковая армия генерал-полковника Германа Гота и оперативная группа генерала танковых войск Вернера Кемпфа. Общее руководство ими осуществлял командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн. Какой-то неизбежный жребий вновь свел его с Николаем Федоровичем. Битый Ватутиным под Сталинградом, Манштейн горел желанием взять у него реванш. Фельдмаршал рассчитывал добиться этого еще в феврале и марте, когда его группировка, перейдя в наступление, пыталась окружить войска Ватутина в Донбассе. Но тогда эти расчёты не оправдались. Теперь же один из лучших военачальников Германии и любимец Гитлера твёрдо рассчитывал на успех. «Командование группы «Юг», — признаёт Манштейн в книге «Утерянные победы», — во всяком случае, было убеждено в том, что наше наступление будет хотя и трудным, но успешным».

Не сомневался в победе и Гитлер. Накануне наступления он издал два приказа. Первый был датирован 1 июля и адресован офицерскому составу. В нём говорилось:

«Мои командиры!

Я отдал приказ о первой наступательной битве этого года. На вас и подчиненных вам солдат возложена задача добиться во что бы то ни стало ее успешного проведения. Значение первой наступательной операции этого года ис-

ключительно велико. Эта начинающаяся новая немецкая операция не только укрепит наш собственный народ, произведет впечатление на остальной мир, но и прежде всего придаст самому немецкому солдату новую веру. Укрепится вера наших союзников в конечную победу, а нейтральные государства будут вынуждены соблюдать осторожность и сдержанность. Поражение, которое потерпит Россия в результате этого наступления, должно вырвать на ближайшее время инициативу у советского руководства, если вообще не окажет решающего воздействия на последующий ход событий.

Армии, предназначенные для наступления, оснащены всеми видами вооружения, которые оказались в состоянии создать немецкий изобретательный дух и немецкая техника. Численность личного состава поднята до высшего возможного у нас предела. Эта и последующие операции обеспечены в достаточной степени боеприпасами и горючим. Наша авиация разгромит, сосредоточив все свои силы, воздушную мощь противника, она поможет уничтожить огневые позиции артиллерии врага и путем непрерывной активности окажет помощь бойцам пехоты, облегчив их действия.

Я поэтому обращаюсь к вам, мои командиры, накануне этой битвы. Ибо на четвертом году войны больше, чем когда бы то ни было, исход битвы зависит от вас, командиров, от вашего руководства, от исходящего от вас подъема и стремления к движению вперед, от вашей не останавливающейся ни перед чем непреклонной воли к победе и, если необходимо, также от ваших личных героических действий.

Я знаю, что вы заслужили большую признательность уже при подготовке этой битвы и благодарю вас за это. Однако вы сами должны знать, что именно успех этой первой великой битвы 1943 г. решит больше, чем какая-либо обыкновенная победа.

При этих обстоятельствах не сомневаюсь, что я, господа командиры, могу положиться на вас...»

Другой приказ, подписанный Гитлером, был обращен ко всему личному составу войск, участвовавших в операции «Цитадель». Оглашенный в войсках накануне наступления, этот документ был пронизан ещё более самоуверенным тоном: «Сегодня вы начинаете великое наступательное сражение, которое может оказать решающее влияние на исход войны в целом. С вашей победой сильнее, чем прежде, во всём мире укрепитесь убеждение в тщетности любого со-

противления немецким вооруженным силам... Могучий удар, который будет нанесён советским армиям, должен потрясти их до основания. И вы должны знать, что от исхода этого сражения может зависеть всё...»

...Четвертого июля в 16.20 Ватутину позвонил командующий 6-й гвардейской армией генерал-лейтенант И. М. Чистяков. Он сообщил, что 20 минут назад немцы после сильной артиллерийской подготовки и при поддержке бомбардировочной и истребительной авиации силами до четырёх батальонов пехоты и нескольких десятков танков атаковали позиции боевого охранения.

В дальнейшем противник в течение пяти часов пытался сбить боевое охранение и расчистить себе путь к переднему краю советских войск. Из происшедшего можно было сделать вывод: немцы провели разведку боем, пытаясь наметить для себя направление своих ударов. А ночью из той же 6-й гвардейской армии к Ватутину доставили перебежчика — ефрейтора 168-го пехотного полка Густава Бренера. С его слов завтра, 5 июля, в три часа утра германские войска перейдут в наступление.

— Вы точно уверены, что это будет завтра? — переспросил его Николай Федорович.

— Точно, — не без волнения отвечал на вопросы перебежчик. — 3 июля во второй половине дня солдаты получили по шестьдесят патронов, а пулемётчики — по одному ящику с тремя заряженными лентами. Также нам выдали паёк и шнапс на трое суток и зачитали обращение фюрера о важности предстоящей операции против русских.

Во время допроса перебежчик старался рассказать обо всём, что только знал:

— Танки уже находятся у переднего края, а боекомплекты снарядов выложены прямо у орудий. Наши сапёры обезвреживают свои минные поля и снимают проволочные заграждения. У нас в каждом отделении были выделены специальные люди, которые готовили лестницы, чтобы легче и быстрее выбраться из окопов. Кроме того, офицеры нам строго наказали, что, когда мы пойдём через населенные пункты, никаких продуктов у населения не брать, так как они могут быть отравлены русскими...

Тот же день и час перехода немцев в наступление назвал во время допроса и «язык», захваченный разведчиками 13-й армии Центрального фронта. О чём не замедлили сообщить соседи. После этого у Ватутина уже не оставалось

сомнений в том, что противник уже не отложит намеченный удар. Главное теперь — упредить этот удар.

Чуть ли не вечностью показались часы ожидания. И хотя Николай Федорович старался быть спокойным — волнение в душе все же присутствовало. Он то склонялся над картой, пристально вглядываясь в многочисленные красные и синие стрелы, то начинал мерить штабную землянку своими короткими шагами, то брался за телефонную трубку, уточняя с командармами оперативную обстановку.

В таком же состоянии пребывал и представитель Ставки Маршал Советского Союза Василевский. Александр Михайлович уже многократно посматривал на часы, подходил к карте, доставал из кармана галифе портсигар, закуривал.

Несколько раз военачальники выбирались из штабной землянки наружу, на свежий воздух. Ночь была теплая и тихая, в высоком молчаливом небе мерцали звёзды. Безмятежная тишина лежала в свежих росистых низинах. В ближних лесочках выводили рулады птицы.

— Уже два часа, — негромко произнес Ватутин.

— Не торопись, Николай Федорович, — спускаясь по ступенькам обратно в землянку, сказал, сдерживая его, Василевский. — Подождём ещё минут двадцать и начнем.

Неожиданно слова маршала прервал резкий телефонный звонок. Он взял трубку, напрягся, несколько минут внимательно слушал, потом начал отвечать:

— Да, товарищ Иванов*, пока тихо. У соседей тоже. Да, товарищ Иванов, начнём, как и запланировано. Будем держать вас в курсе, товарищ Иванов...

Последние минуты ожидания тянулись особенно долго. Наконец Василевский обратился к Ватутину:

— Давай, Николай Федорович, командуй! Поднимай своих!

Ватутин тут же подошёл к телефонному аппарату, снял трубку и быстро отдал короткие команды на начало артподготовки и нанесение авиационных ударов. Спустя несколько минут предрассветную тишину распорол нарастающий вой «катюш», реактивные снаряды которых моментально прочертили своими огненными трассами сереющее небо. Тяжело заохали орудия, раскалывая на десятки и десятки километров туманную равнину с её многочисленными пшеничными и гречишными полями, лугами, меловыми холмами, небольшими лесочками и тихими речками... На-

* Кодовое имя Сталина.

чалась одна из самых крупных битв Великой Отечественной войны.

Интенсивная артиллерийская контрподготовка, в которой участвовало 2460 орудий, миномётов и боевых машин реактивной артиллерии, длилась около получаса. А едва на востоке прорезалась золотистая полоска зари, как воздух наполнился гулом авиационных моторов. Несколько сотен самолётов, поднявшись почти одновременно, звено за звеном пошли бомбить вражеские объекты. Передний край немецко-фашистских войск буквально дрожал от разрывов снарядов артиллерии и бомб авиации. И этот нескончаемый смертоносный град продолжал и продолжал осыпать позиции противника, накрывая огненным ковром скопления пехоты и танков. На десятки километров было слышно, как в воздух взлетали склады боеприпасов и горючего...

Намеченное на три часа утра наступление немцев не начиналось. Прошёл час, заканчивался второй. Николай Федорович уже несколько раз связывался с командующими армиями, но ответ был один: противник молчит. Как потом выяснится, боевые порядки гитлеровских частей и подразделений были в значительной степени дезорганизованы. Потери немцев оказались настолько ощутимыми, что германское командование вынуждено было отложить начало атаки, чтобы заменить утратившие боеспособность части, наладить поврежденные системы проводной связи и восстановить управление частями и соединениями.

А. М. Василевский свидетельствовал: «Противник, находившийся в исходном для наступления положении, понес большие потери в живой силе и технике. Дезорганизована была подготовленная им система артиллерийского огня, нарушено управление войсками. Понесла потери и вражеская авиация на аэродромах, а связь с ней у общевойскового командования также нарушилась. Многими фашистскими командирами сильная контрподготовка была принята за начало нашего наступления. Даже не зная деталей результатов контрподготовки, мы испытывали чувство большого удовлетворения ее общими итогами. Гитлеровцы с трудом смогли начать наступление вместо 3 часов утра 5 июля тремя часами позже».

Около шести часов утра Ватутин вновь позвонил командарму 6-й армии Чистякову, спросил:

— Иван Михайлович, как там у тебя дела? Почему противник не наступает на твоём участке? Скоро шесть, по данным разведки, он должен уже давно начать...

Чистяков молчал, а Николай Федорович продолжал:

— А не всыпали ли мы, Иван Михайлович, по пустому месту несколько вагонов боеприпасов? Если так, то тогда точно попадём в историю военного искусства в качестве примера, как не надо проводить контрподготовку...

Но в эту же минуту командарм с облегчением закричал в трубку:

— Товарищ командующий, я слышу гул моторов! Танки пошли! Артиллерия загромыхала!

— Очухались, значит, фрицы. Действуй! Желаю успеха! — дал напутствие Ватутин.

Ровно в 6.00 немецкие танки, лязгая гусеницами, выползли из своих укрытий и медленно, с закрытыми люками двинулись вперёд через желтеющие поля пшеницы и подсолнухов на оборонительные рубежи советских войск. Главный удар на Воронежском фронте, как и предполагал Ватутин, немецкие войска наносили из района Томаровки на Черкасское, Обоянь, там, где держала оборону 6-я гвардейская армия И. М. Чистякова, и на левый фланг соседа, 7-ю гвардейскую армию М. С. Шумилова, в направлении Белгород и Короча. В общей сложности германское командование ввело в сражение против войск Воронежского фронта 5 пехотных, 8 танковых и моторизованную дивизию, рассчитывая с ходу протаранить первую и вторую полосы обороны войск Ватутина.

Генерал Чистяков, чья армия встретила врага на правом фланге, вспоминал: «В воздухе появилось одновременно четыреста вражеских самолетов, которые принялись бомбить наши боевые порядки. Навстречу им вылетела наша авиация, мы использовали все имеющиеся противовоздушные средства. В это же время вражеская артиллерия обрушилась на траншеи, а из глубины действительно двигалась на нас армада немецких танков. Впереди шли тяжелые “Тигры” и “Пантеры”, а вслед средние и легкие танки.

Прошли какие-то мгновения, и розово-голубое небо, которое в то утро казалось особенно тихим, ни облачка, стало черным. Курская земля сухая, пыльная. От разрывов бомб и снарядов все заволочло, будто опустилась между небом и землей черная штора. Этого и следовало ожидать: на всем фронте — и у нас, и у противника скопилось за эти несколько месяцев колоссальное количество техники, и сейчас она вступила в бой».

Аналогичным образом развивались события на левом фланге 7-й гвардейской армии Шумилова. Обратимся и к

его мемуарам: «В воздухе появились сотни бомбардировщиков, штурмовиков и истребителей с чёрной фашистской свастикой. Они бомбили наши боевые порядки, артиллерийские позиции, танки, тылы. Всё кипело, бушевало в огне и дыму, казалось, на позициях гвардейцев всё подавлено и уничтожено. Но оборона не зря была подготовлена надёжно. Созданные укрепления защищали бойцов не только от осколков, но и от прямых попаданий. Едва смолкла артиллерийская канонада, как III танковый корпус гитлеровцев начал форсировать Сев[ерский] Донец в восьми пунктах...»

Немецкое командование избрало тактику наступления несколькими танковыми клиньями — *Panzerkeil*. На острие клина ползли группами по 10–15 машин тяжёлые «Тигры». Их сопровождали штурмовые орудия «Фердинанд». За ними двигались на более высокой скорости группами по 50–100 машин средние танки «Пантеры» и PzKw IV. В боевых порядках танков на бронетранспортерах следовала пехота.

«Мы двигались вперёд, вокруг нас от огня русской артиллерии дыбом вставала земля, — это уже свидетельство со стороны противника, радиста «Тигра». — Иван с присущей ему хитростью не открывал огня в предшествовавшие недели и даже нынешним утром, когда наши орудия обрушили на него град снарядов. Но сейчас весь фронт опоясали вспышки выстрелов. Казалось, что мы вползаем в огненное кольцо. Четыре раза наш отважный «Росинант»* содрогался от прямых попаданий, и мы благодарили судьбу за прочность добротной крупповской стали».

Немцы с невероятной настойчивостью пытались прорубить оборону советских войск. Экипажи танков получили строжайшие инструкции: «Ни при каких обстоятельствах не останавливать танк для оказания помощи поврежденным машинам. Командиры танков должны продолжать наступление до тех пор, пока танк не утратит мобильность».

Сильнейший натиск противника пришлось выдержать частям 52-й гвардейской дивизии гвардии полковника И. М. Некрасова и 67-й гвардейской дивизии гвардии полковника А. И. Баксова, которые входили в состав 6-й гвардейской армии Чистякова. На их боевые порядки немцы обрушили огонь тысяч орудий и миномётов. Сотни самолётов

* Так звали коня Дон Кихота, героя одноименного романа Мигеля де Сервантеса.

с душераздирающим воем пикировали советские позиции, сбрасывая огромное количество бомб. Затем при поддержке артиллерии и авиации в атаку двинулись танки. Они шли группами от 70 до 200 машин с «Тиграми» впереди, за ними следовала пехота. Уже в первый день наступления в боях участвовало до 700 танков. Но гвардейцы не дрогнули. Противник повсюду попадал под прицельный ураганный огонь орудий и миномётов, реактивной артиллерии, а также из всех видов стрелкового оружия. Ощутимый урон врагу наносили авиация и сапёрные части. Лётчики бомбили его боевые порядки, а танки и пехота гитлеровцев находили свою гибель на многочисленных минных полях.

Донесения, которые Ватутин получал в режиме реального времени от командующих армиями и командиров корпусов, обнадеживали. Однако немцы с невероятным фанатизмом продолжали атаковать советские позиции.

— Прут и прут, гады, — сквозь грохот канонады докладывал Ватутину командующий 6-й армией Чистяков. — По 100—200 машин, «Тигры», «Пантеры»... Не успеваем заделать брешь на одном участке, а они, как саранча, появляются на другом.

Наиболее жестокие бои шли в районе населенного пункта Черкасское. Здесь бойцы 67-й стрелковой дивизии отбили несколько яростных атак противника, в которых участвовало по 70—100 и более танков. К вечеру врагу удалось вклиниться в главную полосу обороны дивизии и окружить 196-й гвардейский стрелковый полк. Но и в окружении гвардейцы продолжали упорно сражаться с наседавшими на них гитлеровцами. В ночь на 6 июля по приказу командования полк вырвался из окружения и отошёл на новый оборонительный рубеж.

В первый день наступления немцы так и не смогли прорвать оборону армий фронта Ватутина ни на одном из двух выбранных ими направлений. Лишь XXXXVIII танковому корпусу и II танковому корпусу СС удалось вклиниться в расположение советских войск на двух узких участках на глубину 8—10 километров. Но Николай Федорович хорошо понимал, что Манштейн сделает всё, чтобы мощным ударом танковых частей пробить оборону фронта, ввести в прорыв резервы и развить наступление. Эта была излюбленная тактика Манштейна, которую Ватутин прекрасно помнил как по Северо-Западному, так и по Юго-Западному фронтам. Поэтому к следующему дню сражения Николай Федорович вновь готовился с особой тщательностью.

Склонившись над картой, он, на основе поступивших донесений и докладов из армий и корпусов, определял порядок действий войск фронта.

В ночь на 6 июля Ватутин выдвинул на вторую полосу обороны 6-й гвардейской армии генерала Чистякова 1-ю танковую армию генерал-лейтенанта М. Е. Катукова, а также 2-й и 5-й гвардейские танковые корпуса. Сюда же были переброшены новые истребительно-противотанковые артиллерийские соединения и части. Танкистам было приказано закопать свои боевые машины в землю и расстреливать танки противника со стационарных позиций.

В три часа ночи немцы вновь возобновили атаки в полосе 6-й армии Чистякова. Начинать операции под утро — было их железным правилом. Основной удар противник по-прежнему наносил из района Томаровки на двух узких участках: южнее Коровино — Черкасское и Стрелецкое — Ерик; вспомогательный — из района Белгорода на Корочу. Сражение продолжилось с неослабевающим напряжением. Враг бросал в атаки всё новые и новые силы. Впереди, ревя моторами, ползла в чадном дыму громадная железная лавина «Тигров» и «Пантер». За этой громахающей сотнями гусениц армадой на бронетранспортёрах двигалась пехота. В воздухе постоянно барражировали немецкие штурмовики, оглушая своим диким воем окрестности. Пыль, гарь заволокли небо. Было такое впечатление, что наступило солнечное затмение. Манштейн не изменил своей излюбленной тактике: его танковые корпуса стремились одним массированным ударом протаранить советскую оборону.

Ватутину доложили, что к утру немцам удалось потеснить части 52, 67 и 71-й гвардейских стрелковых дивизий. Но асы панцерваффе не знали, что закопанные на взгорках, спрятанные в скирдах сена, в небольших лесочках и дубравах их ждали танки 1-й танковой армии Катукова. Они подпускали машины врага на расстояние 300—400 метров и уничтожали их прицельным огнём.

М. Е. Катуков, дослужившийся впоследствии до маршала бронетанковых войск и дважды удостоенный звания Героя Советского Союза, вспоминал: «Когда 6 июля противнику, наступавшему в направлении Обояни, удалось ценой огромных потерь прорвать главную полосу обороны и выйти ко второй, где оборонялись части 1-й танковой армии, ему пришлось вновь штурмовать позиции боевых порядков наших стрелковых соединений, а костяком, цемен-

тирующим устойчивость обороны, были танки, зарытые в землю и действовавшие как неподвижные огневые точки.

Части нашей армии в этот день отбили восемь атак гитлеровцев. Мощный танковый барьер оправдал свое назначение. Семь суток продолжались ожесточенные бои южнее Обояни. За это время восточнее автомагистрали был введен в бой 31-й танковый корпус. На узком участке направления главного удара гитлеровцы наносили массированные штурмовые удары авиацией. Они бросали в бой все новые и новые резервы, но успеха не добились».

Второй день наступления также не принес Манштейну желаемого результата. II танковый корпус СС, на острие удара которого на правом фланге находилась моторизованная дивизия «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер», вклинился лишь на очень узком участке фронта во вторую полосу обороны. Действовавший левее его XXXXVIII танковый корпус, состоящий из моторизованной дивизии «Великая Германия», 3-й, 11-й танковых и 332-й пехотной дивизии, был остановлен перед второй полосой. 7 и 8 июля немцы предпринимали отчаянные попытки расширить прорыв в сторону флангов и углубить его в направлении Прохоровки.

Ожесточенные бои шли и на Корочанском направлении. До 300 немецких танков наступали из района Белгорода на северо-восток. Однако за четыре дня тяжелых боёв III танковому корпусу удалось продвинуться на очень узком участке лишь на 8—10 километров. Здесь советские войска отражали в отдельные дни до 12 атак. Массовый героизм проявили бойцы и командиры 214-го гвардейского полка 73-й гвардейской стрелковой Сталинградской дивизии 7-й гвардейской армии. 9 июля они более 13 часов сдерживали удар 120 танков и двух полков пехоты: на острие танкового тарана шли 35 «Тигров». К вечеру 39 танков и до полка пехоты уничтожили гвардейцы. Особенно отличились бойцы 3-го батальона. Только бутылками с горючей смесью они сожгли 12 машин. Но и сами бойцы несли тяжелые потери. Из 450 бойцов и командиров батальона в строю остались только 150 человек. Когда Ватутину доложили об их беспримерном мужестве, он тут же распорядился представить всех воинов батальона к наградам, а гвардии капитанов А. А. Бельгина, И. В. Илясова и сержанта С. П. Зорина к званию Героя Советского Союза...

На направлении главного удара 9—10 июля Манштейн предпринял отчаянные усилия, чтобы прорваться к Курску через Обоянь. Он ввел в бой все шесть танковых диви-

зий обоих действовавших здесь корпусов. Особенно напряженные бои шли в полосе между железной и шоссейной дорогами, ведущими к Белгороду и Курску. К 11 июля его войска вышли на рубежи Гостищево, Ржавец, но до намеченной цели им было по-прежнему далеко. А ведь первоначально Ставка фюрера рассчитывала совершить победный марш до Курска за два дня. На исходе был седьмой день, а вермахт продвинулся лишь на 35 километров. Встретив упорное сопротивление, он был вынужден повернуть на Прохоровку в обход Обояни.

Все эти дни Николай Федорович испытывал колоссальное моральное и физическое напряжение. От усталости и бессонных ночей почернело лицо. Если ему удавалось поспать несколько часов, то это можно было считать огромным счастьем. Всё остальное время суток — нескончаемый калейдоскоп неотложных дел. А решения, которые Ватутину приходилось принимать, напрямую были связаны с исходов боёв и сражений на том или ином участке фронта и одновременно с судьбами тысяч людей. Некоторые решения приходилось согласовывать непосредственно со Ставкой ВГК, и в первую очередь со Сталиным, с которым Николай Федорович находился в постоянном контакте.

Верховный внимательно следил за ходом битвы, получая информацию из первых рук. Он ежедневно, иногда по несколько раз, вел переговоры с Ватутиным, представителем Ставки Василевским, членом Военного совета фронта Хрущевым, командармами, командирами корпусов. Прорыв немцами обороны Воронежского фронта на глубину 30—35 километров вызвал у Сталина недовольство.

Н. С. Хрущев вспоминал: «Положение складывалось тяжелое, Москва проявляла нервозность. Помню, мы с Ватутиным разговаривали со Сталиным. Потом взял трубку Молотов. Молотов всегда в таких случаях вел разговор грубее, чем Сталин, допускал оскорбительные выражения, позволял себе словесную бесконтрольность. Но чего-либо конкретного, кроме ругани, мы от него не услышали. Он ничем не мог нам помочь, потому что в военных вопросах был нулем, а использовался в таких случаях как бич, как дубинка Сталина. В оскорбительном тоне он говорил с командующим, а потом и со мной».

— Вы не умеете воевать! Бездари! Мы дали вам такие силы, средства, а вы... — летели, словно пули, обвинения Молотова в адрес Ватутина. Но больше всего в этом словесном потоке было матерщины.

Выслушивать жесткие монологи, конечно, было неприятно и больно. Тем более от непрофессионала Молотова, человека сугубо штатского, слабо представлявшего из московского кабинета боевую обстановку на Курском выступе. И заслужил ли эти оскорбления Николай Федорович? На тот момент у вверенного ему фронта дела действительно обстояли хуже, чем у соседей — войск Центрального фронта. На Орловском направлении немцы смогли продвинуться вперед на отдельных участках лишь на 10–12 километров. Но там и расклад сил был другой. Вся же тяжесть наступления вермахта легла на фронт Ватутина.

Впоследствии Г. К. Жуков в «Воспоминаниях и размышлениях» на это справедливо указал: «Что касается результатов оборонительного сражения на фронтах, то не надо забывать, что по 6[-й] и 7[-й] гвардейским армиям Воронежского фронта противник в первый день (5 июля 1943 г[ода]) нанёс свой удар почти пятью корпусами (II танковый корпус СС, III танковый корпус, XXXXVIII танковый корпус, LII армейский корпус и часть корпуса «Раус»), тогда как по обороне Центрального фронта — тремя корпусами. Легко понять разницу в силе ударов немецких войск с орловского направления и из района Белгорода». Но как ни сильны были удары немцев, их наступление захлебывалось. Оценив обстановку, представитель Ставки Василевский и Ватутин приняли решение предпринять мощный контрудар. 11 июля Военный совет фронта доложил в Ставку, что в шестидневных боях на Обоянском направлении противник понес огромные потери и не имеет больше резервов. К нанесению ударов привлекались 1-я танковая, 6-я гвардейская армии, часть сил 40, 69 и 7-й гвардейской армий, а также переданные из резерва Ставки ВГК в распоряжение фронта 5-я гвардейская танковая армия генерал-лейтенанта танковых войск П. А. Ротмистрова и 5-я гвардейская армия генерал-лейтенанта А. С. Жадова.

Вечером 11 июля на командном пункте Ватутина состоялось совещание. Николай Федорович, подойдя к карте, детально обрисовал командармам сложившуюся обстановку:

— Не сумев прорваться к Курску через Обоянь, немцы будут наносить свой главный удар несколько восточнее, то есть на Прохоровку. По данным разведки, сюда уже выдвигаются части II танкового корпуса СС, которые будут наступать на Прохоровском направлении во взаимодействии с танковым корпусом и танковыми дивизиями группы «Кемпф».

Ватутин, показывая на карте Прохоровку и близлежащие населенные пункты, продолжил:

— Противник уже стащил сюда около 700 танков и САУ, в том числе более 100 «Тигров» и «Фердинандов». Задача наших армий окружить основные силы вклинившейся группировки противника, завершить её разгром, восстановить утраченное положение и создать условия для последующего перехода в контрнаступление. Так что завтра нас ждёт трудное испытание.

Совещание было недолгим. Вскоре командармы, не теряя времени, разъехались по своим частям для проведения рекогносцировки района боевых действий, необходимых перегруппировок, постановки задач соединениям, расстановки артиллерии... В соответствии с распоряжением Сталина в войска выехал представитель Ставки Василевский, которому Верховный поручил неотлучно находиться в 5-й гвардейской танковой и 5-й гвардейской общевойсковой армиях, координировать их действия в ходе предстоящего сражения и оказывать необходимую помощь. На Корочанское направление убыл начальник штаба фронта генерал-лейтенант С. П. Иванов. Ватутину Сталин приказал оставаться на своем КП в Обояни.

Ночь на 12 июля, как и предыдущие, была далеко не спокойная. В густой июльской темноте постоянно скрещивались красные пунктиры трасс очередей пулемётов и автоматов. В небе то там, то здесь, словно люстры, загорались осветительные ракеты. Нередко, на короткое время, вспыхивали бои, но потом опять затихали. Вдалеке был слышен рокот моторов — немцы выводили на исходные позиции свои танковые и моторизованные части. Воздух был сильно пропитан горьким запахом сгоревших пшеничных и гречишных полей...

Николаю Федоровичу вновь было не до сна: «колдовал» над картой, уточняя детали предстоящих действий, вел переговоры с командармами и комкорами. Настрой у последних был боевой, о чем красноречиво свидетельствовал его телефонный разговор с генералом Чистяковым.

— Ну как, Иван Михайлович, настроение? — в привычном спокойном тоне спросил у него Ватутин.

— Настроение, как всегда, отличное, — неунывающим голосом ответил Чистяков.

— Что ты, отличное да отличное, по привычке, что ли?

— Нет, товарищ командующий. Вижу, что зверь захлебывается кровью, потому и настроение такое. Армия готова

к предстоящему наступлению: уточнены задачи, определены рубежи развертывания и атаки, организовано взаимодействие между корпусами и частями, пересмотрен график артиллерийской подготовки и сделано всё для чёткого управления войсками в бою.

Бодрый голос был и у командующего 5-й гвардейской танковой армией генерал-лейтенанта Ротмистрова, хотя его армии пришлось в сжатые сроки решать самые сложные задачи. Павел Алексеевич доложил о том, что провел с командирами корпусов рекогносцировку района действий и поставил им боевые задачи. Главные силы армии — все четыре танковых корпуса — 2, 18, 29 и 2-й гвардейский Тацинский развернуты в первом эшелоне западнее и юго-западнее Прохоровки, на фронте до 15 километров. Во втором — задействован 5-й гвардейский Зимовниковский механизированный корпус.

— А что у тебя в резерве, Павел Алексеевич? — спросил Ватутин Ротмистрова.

— Оставляю части передового отряда и 689-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк. Командование резервом возлагаю на своего заместителя генерал-майора Труфанова.

После уточнения у Ротмистрова еще некоторых деталей предстоящей схватки с гитлеровцами Николай Федорович связался с командующим 5-й гвардейской армией генерал-лейтенантом А. С. Жадовым. Он сообщил, что на усиление армии прибыли минометная и гаубичная артиллерийские бригады.

— Только боеприпасов у них маловато, товарищ командующий, — посетовал Жадов, — меньше половины боекомплекта. Но на первые сутки должно хватить.

— Поможем, Алексей Семенович, не переживай, — успокоил его Ватутин. — Главное, чтобы твои стрелковые корпуса не подвели.

— Не подведут, — заверил Жадов. — В настоящее время большая часть офицеров штаба и управлений армии, политотдела находится в соединениях и частях для того, чтобы помочь их командирам подготовить подчиненных к выполнению поставленных задач.

Последние часы перед решающими событиями Николай Федорович провел в переговорах с командующими других армий и корпусов, терпеливо выслушивая их доклады и отдавая необходимые распоряжения. А с шести часов утра практически вся полоса Воронежского фронта наполни-

лась гулом самолетов, ревом боевой техники, залпами орудий, взрывами снарядов и мин, дробным треском автоматных и пулеметных очередей.

Первыми огласили тишину «мессеры», очищая воздушное пространство. Следом в небе появились десятки «юнкерсов». Блеснув на солнце стеклами кабин, словно зеркалами, бомбовозы волна за волной начали накатываться на позиции советских войск. Земля вздыбилась от разрывов бомб, в различных местах загорелись хлеба. Но асам люфтваффе отбомбиться не дали — в небе появились звенья советских истребителей. Над полем боя завязались жаркие бои. Одна за другой запылала машины «стервятников Геринга», подбитых «сталинскими соколами». А уцелевшие, сбросив куда попало бомбы, поворачивали назад. Тут же наступил черед советских бомбардировщиков, которые в сопровождении истребителей начали громить скопления танков врага, его огневые позиции. Дальше грянули первые залпы артиллерии...

Павел Алексеевич Ротмистров, на армию которого 12 июля выпали самые трудные испытания, вспоминал: «Еще не умолк огневой шквал нашей артиллерии, как раздалась залпы полков гвардейских минометов. Это начало атаки, которое продублировала моя радиостанция. “Сталь”, “Сталь”, “Сталь”... Тут же последовали сигналы командиров танковых корпусов, бригад, батальонов, рот и взводов.

Смотрю в бинокль и вижу, как справа и слева выходят из укрытий и, набирая скорость, устремляются вперед наши славные “тридцатьчетверки”. И тут же обнаруживаю массу танков противника. Оказалось, что немцы и мы одновременно перешли в наступление. Я удивился, насколько близко друг от друга скапливались наши и вражеские танки. Навстречу двигались две громадные танковые лавины. Поднявшееся на востоке солнце слепило глаза немецких танкистов и ярко освещало нашим контуры фашистских танков.

Через несколько минут танки первого эшелона наших 29-го и 18-го корпусов, стреляя на ходу, лобовым ударом врезались в боевые порядки немецко-фашистских войск, стремительной сквозной атакой буквально пронзив боевой порядок противника. Гитлеровцы, очевидно, не ожидали встретить такую большую массу наших боевых машин и такую решительную их атаку. Управление в передовых частях и подразделениях врага было явно нарушено. Его “Тигры” и “Пантеры”, лишенные в ближнем бою своего ог-

невого преимущества, которым они в начале наступления пользовались в столкновении с другими нашими танковыми соединениями, теперь успешно поражались советскими танками Т-34 и даже Т-70 с коротких дистанций. Поле сражения клубилось дымом и пылью, земля содрогалась от мощных взрывов. Танки насакивали друг на друга и, сцепившись, уже не могли разойтись, бились насмерть, пока один из них не вспыхивал факелом или не останавливался с перебитыми гусеницами. Но и подбитые танки, если у них не выходило из строя вооружение, продолжали вести огонь.

Это было первое за время войны крупное встречное танковое сражение: танки дрались с танками. В связи с тем что боевые порядки перемешались, артиллерия обеих сторон огонь прекратила. По той же причине не бомбила поле боя ни наша, ни вражеская авиация, хотя в воздухе продолжались яростные схватки и вой сбитых, объятых пламенем самолетов смешивался с грохотом танковой битвы на земле. Отдельных выстрелов не было слышно: всё слилось в единый грозный гул.

Напряжение сражения нарастало с потрясающей яростью и силой. Из-за огня, дыма и пыли становилось все труднее разобрать, где свои и где чужие. Однако, имея даже ограниченную возможность наблюдать за полем боя и зная решения командиров корпусов, получая их донесения по радио, я представлял, как действуют войска армии. Что там происходит, можно было определить и по улавливаемым моей радиостанцией приказанием командиров наших и немецких частей и подразделений, отдаваемым открытым текстом: “Вперед!”, “Орлов, заходи с фланга!”, “Шнеллер!”, “Ткаченко, прорывайся в тыл!”, “Форвертс!”, “Действуй, как я!”, “Шнеллер!”, “Вперед!”, “Форвертс!”». Доносились и злые, ядреные выражения, не публикуемые ни в русских, ни в немецких словарях.

Танки кружили, словно подхваченные гигантским водоворотом. “Тридцатьчетверки”, маневрируя, изворачиваясь, расстреливали “Тигров” и “Пантер”, но и сами, попадая под прямые выстрелы тяжелых вражеских танков и самоходных орудий, замирали, горели, гибли. Ударяясь о броню, рикошетили снаряды, на куски рвались гусеницы, вылетали катки, взрывы боеприпасов внутри машин срывали и отбрасывали в сторону танковые башни.

Наиболее тяжелый, крайне ожесточенный бой вел 29-й танковый корпус генерала И. Ф. Кириченко, наступавший вдоль железной и шоссейной дорог. Враг бросил против не-

го основные силы танковых дивизий СС “Адольф Гитлер” и “Мертвая голова”, упрямо предпринимая одну за другой настойчивые попытки прорваться к Прохоровке. Однако войска корпуса дрались с исключительным упорством и не уступали достигнутых рубежей».

В этот же день ожесточенные поединки проходили на других участках Воронежского фронта, но наибольшая степень их накала была в танковом сражении под Прохоровкой. «Шли солдаты наши в бессмертье, становились бессмертными танки...» Они, эти поэтические строки, как нельзя к месту, образно и одновременно реалистично отражают батальную картину битвы. Горела земля, плавился металл. День из-за огромных черных клубов дыма и пыли превратился в ночь. Раненые не покидали поле боя, танкисты, оставив объятые пламенем боевые машины, дрались в рукопашных схватках, орудийные расчеты глохли от беспрерывной пальбы, но стояли насмерть. Беспрецедентный героизм и непоколебимая стойкость были массовыми.

Чтобы представить, какими были эти поединки, приведем лишь один пример из многих подобных. На танковый батальон, которым командовал капитан П. А. Скрипкин, обрушилась большая группа немецких танков. Непосредственно танк комбата ударил по головному «Тигру». Тот закрутился на месте, вспыхнул, как сухая солома. Второй «Тигр» дернулся от двух снарядов, но новый меткий выстрел заставил его окончательно остановиться и запылать ярким факелом. По танку открыли огонь сразу три машины противника. Несколько снарядов угодили в командирский КВ, танк охватил огонь. Механик-водитель старший сержант А. Николаев и радист А. Зырянов, спасая раненого комбата, вытащили его из танка, укрыли в воронке. Но один из «Тигров» шел прямо на них. Тогда Николаев бросился в горящий танк и направил его навстречу врагу. «Тигр» остановился, пытаясь уйти назад. Но было поздно. Объятый пламенем КВ на полной скорости врезался в немецкий танк. Прогремел страшный взрыв. В небо взметнулся столб огня и дыма...

Танковое побоище длилось весь день, всё поле боя было усеяно сотнями сторевших или искореженных танков, самоходных орудий, раздавленных бронетранспортеров, автомашин и разбитых самолетов. Близлежащие окрестности напоминали мертвую пустыню — сторевшие дотла хаты, другие постройки, а также снесенные артиллерийским огнем, словно смерчем, деревья, кусты...

Ватутин, как сказано выше, в соответствии с указанием Сталина находился на своем командном пункте. Однако он был в курсе всех событий, происходивших на том или ином участке фронта. Практически ежеминутно ему поступали донесения из районов боевых действий. К сожалению, не все они были обнадеживающими. Немецкое командование, введя в бой вторые эшелоны и резервы, значительно усилило натиск, особенно на Прохоровском направлении. Командующий 5-й гвардейской танковой армией генерал Ротмистров доложил Ватутину о том, что противник нанес несколько мощных контратак, в результате которых армия понесла значительные потери.

Исходя из сложившейся обстановки, Ватутин и представитель Ставки Василевский, находившийся в боевых порядках 5-й гвардейской танковой армии, приняли решение всем корпусам приостановить дальнейшее контрнаступление, закрепиться на достигнутых рубежах, подтянуть артиллерийские противотанковые полки и отражать атаки немцев огнём танков и артиллерии. Также в течение ночи командирам танковых корпусов было приказано дозаправить машины горючим, пополнить боеприпасы, накормить личный состав и быть в готовности продолжить наступление. Одновременно предстояло вывезти раненых, собрать и похоронить убитых, отбуксировать в тыл для ремонта подбитые танки. Что и было сделано до того, как над полями сражений забрезжил рассвет.

С утра 13 июля бои вновь возобновились с прежней силой. На участке Воронежского фронта продолжали действовать не менее 11 немецких танковых соединений, регулярно пополняемых новыми танками. Накал боев не спадал. Как в мясорубке, перемалывались люди и техника. Ватутин ни на минуту не оставлял управление войсками. Обстановка, как и в предыдущие дни, требовала решительности и жесткости. Вот стенограмма его переговоров с командармом 5-й гвардейской общевойсковой армии генерал-лейтенантом А. С. Жадовым 13 июля в 12 часов 35 минут:

«*Н. Ф. Ватутин:* Тов. Жадов, в действиях Попова* я усматриваю элементы паникёрства, преувеличение сил противника и совершенно недостаточно устойчивости ваших войск. Сомневаюсь, чтобы на северный берег р. Псёл про-

* Генерал-майор И. И. Попов командовал 33-м гвардейским стрелковым корпусом.

рвалось 100 танков. Донесение о 100 танках заставило меня бросить крупные резервы в ущерб использованию их на более важном направлении. Обязываю вас пресечь впредь подобные случаи, с другой стороны, действия ваших частей отличаются недопустимой пассивностью. Этот недочёт также обязываю вас устранить немедленно. Приказываю как можно скорее выполнить задачу по очистке северного берега р. Псёл и в дальнейшем на этом участке действовать в тесной увязке с частями тов. Ротмистрова. Безусловно, тщательно закрепить за собой северный берег р. Псёл, 52 сд привести в порядок в соответствии с приказом НКО № 227.

А. С. Жадов: В отношении неустойчивости частей я бы добавил в первую очередь некоторых командиров. Мною объявлен выговор командиру корпуса т. Попову и Сазонову* сделано предупреждение».

По-другому и не должно было быть.

Немцы, несмотря на потери в личном составе, боевой технике и авиации, по-прежнему стремились прорваться на Обоянь и далее на Курск. Большие потери несли и войска Воронежского фронта. Только за два дня боев в армии Ротмистрова 29-й корпус потерял безвозвратными и временно вышедшими из строя 60% и 18-й корпус — 30% боевых машин.

Не затихали боевые действия и в последующие дни. И лишь в ночь на 15 июля Манштейн, не сумев выполнить поставленные в операции «Цитадель» задачи, отдал приказ на отвод своих войск, в том числе с участка фронта в районе Прохоровки. На всем Воронежском фронте наступило некоторое затишье. Немцы даже прекратили вести по расположению советских войск беспокоящий артиллерийский огонь. По всему было видно, что противник выдохся и смирился с тем, что прорваться к Курску ему не удастся. Но и войска Ватутина прекратили наступательные действия, повсеместно перейдя к жесткой обороне, хотя инициатива уже переходила к ним.

Бывший начальник штаба XXXXVIII танкового корпуса вермахта генерал-майор танковых войск Ф. В. Меллентин в своих мемуарах «Танковые сражения. Боевое применение танков во Второй мировой войне. 1939—1945» впоследствии написал: «К вечеру 14 июля стало очевидно, что немецкое наступление сорвано. Уже в самом его начале оказа-

* *А. М. Сазонов* — полковник, командир 9-й воздушно-десантной дивизии 33-го стрелкового корпуса.

лось, что прорыв передовых позиций русских, прикрытых мощными минными полями, представляет собой гораздо более трудную задачу, чем нам представлялось. Ужасные контратаки русских, в которые, невзирая на потери, бросались значительные массы людей и техники, тоже стали для нас неприятным сюрпризом... Операция "Цитадель" завершилась полным поражением. После провала этого в высшей степени напряженного наступления стратегическая инициатива перешла к русским».

— По имеющимся у нас данным, — докладывал Николай Федорович о сложившейся обстановке представителю Ставки маршалу Жукову, сменившему на этом посту Василевского, — немецкое командование приняло решение об отводе 4-й танковой армии и оперативной группы «Кемпф» на рубежи, с которых они начинали наступление. Сейчас нам важно не упустить момент, когда противник начнет отводить свои войска, наседать на него, бить, как говорится, в хвост и в гриву. А это лучше всего могут сделать наши подвижные соединения — танковые и механизированные корпуса.

Вскоре немцы начали скрытно отводить свои части и соединения. Однако их вскоре обнаружили, с 18 июля войска левого крыла Воронежского фронта и армии Степного фронта начали преследование, но продвижение вперед шло медленно. Тем не менее с 23 июля они вышли на рубеж, который занимали до перехода гитлеровских войск в наступление.

О действиях Воронежского фронта начиная с 12 июля и по 23 июля Ватутин подробно изложил в своем донесении Верховному главнокомандующему И. В. Сталину: «... Контрудар 5 гв[ардейской] т[анковой] а[рмии] Ротмистрова и 5 гв[ардейской] а[рмии] Жадова начался 12.7.43 г. в 8 час. 30 мин. В результате контрудара правый фланг Жадова продвинулся около 4 км, а левый фланг был потеснен танковыми частями противника также около 4 км.

Танковая армия Ротмистрова с приданными ей 2 и 2 гв[ардейским] т[анковыми] к[орпусами] непосредственно юго-западнее Прохоровки на узком фронте сразу вступили во встречное сражение с танковым корпусом СС и 17 т[анковой] д[ивизией] противника, которые двигались навстречу Ротмистрову. В результате на небольшом поле произошло ожесточенное массовое танковое сражение.

Противник потерпел здесь поражение, но и Ротмистров понес потери и почти не продвинулся вперед. Правда, Рот-

мистров не вводил в бой своего мех[анизированного] корпуса и отряда Труфанова, которые частично использовались для парирования ударов противника по армии Крюченкина и по левому флангу армии Жадова.

Одновременно с этим Катуков совместно с Чистяковым нанесли ряд ударов против 48 тк противника, причинив ему значительные потери.

В результате этих боёв главная группировка окончательно была обескровлена и разгромлена. 13.7.43 г. противник производил очень слабые атаки на Прохоровском, Обоянском и Ивнянском направлениях, а 14.7. 43 г. перешел здесь к обороне и продолжал проявлять активность лишь против Крюченкина. Однако было ясно, что и против Крюченкина он выдыхался, силы его были истощены.

...На Корочанском направлении противник, оттеснив 7 гв[ардейскую] армию Шумилова к востоку от Крутой Лог, силами 3 тк (6, 7 и 19 тд), 167, 168 и 198 п[ехотных] д[ивизий] устремился на северо-восток против армии Крюченкина и к 15. 7. 43 г. добился здесь некоторого территориального успеха, овладев Мал. Яблоново, Плота, Ржавец, Выползовка и Александровка.

Однако уже 12 и 13.7 армия Крюченкина за счет ресурсов фронта была усилена десятью иптапами*, одним полком РС, одним танковым полком, а затем и одной тяжелой пушечной бригадой. Кроме того, части Крюченкина поддерживались частью сил 5 м[еханизированного] к[орпуса] и отряда Труфанова из армии Ротмистрова. Это усиление дало возможность нанести большие потери противнику и остановить его наступление.

Противник с утра 16.7 и на участке Крюченкина перешел к обороне. 7 гв[ардейская] армия Шумилова провела несколько контратак, приковав тем самым на себя часть сил противника.

Как только противник перешел к обороне, начались контратаки наших войск и сильная боевая разведка. Вскоре был обнаружен отход противника. Войска Воронежского фронта начали немедленно преследовать противника и к исходу 23. 7. 43 г. восстановили положение».

По окончании боев на Курской дуге Ватутин направил в Ставку на имя Сталина еще одно донесение, в котором по-военному кратко были изложены результаты боевых действий войск Воронежского фронта:

* Истребительно-противотанковый артиллерийский полк.

«I. План противника сорван. Нигде противнику не удалось прорвать нашего фронта. Он лишь потеснил наши войска на глубину до 40 км.

Противник втянул в эту операцию все свои резервы с юга, стянул сюда свою авиацию. Это дало возможность в более легких условиях начать наши наступательные операции в районе Орла и на юге.

Противник, стянув в район Белгорода крупные силы и не достигнув цели, понёс огромные потери и потерпел поражение. <...>

При отходе противник оставил на поле боя — орудия, машины и другое военное имущество, большей частью разбитое. Много подбитых танков и машин он эвакуировал. Трофеи подсчитываются.

К настоящему времени противник до пяти-шести довольно потрепанных танковых дивизий направил для действий против ЮЗФ, ЮФ и в район Орла. Остальные его силы осели на его старом оборонительном рубеже.

II. Войска фронта проявили большое упорство в обороне... Ни одна часть не погибла и в окружение не попала. Большую маневренность проявили иптаповские полки и ибр*. Менее маневренными оказались танковые соединения. Все части фронта налицо.

К 15.7.43 г., т[о] е[сть] к моменту перехода противника к обороне, а также и в настоящее время войска фронта вполне боеспособны. <...>

К 20.7.43 г. войска Воронежского фронта несколько пополнены людьми и матчастью. Стрелковые дивизии 6 гв[ардейской] армии имеют каждая от 5300 человек и больше.

III. Работа авиации носила напряженный характер. Авиация Воронежского фронта за период с 5 по 17 произвела 10 821 самолето-вылет.

IV. Общий вывод: к настоящему времени войска Воронежского фронта, нанеся поражение противнику и восстановив свое прежнее положение, способны вести активные наступательные действия».

Приказ Верховного главнокомандующего «О срыве июльского наступления немецких войск на Орловско-Курском и Белгородско-Курском направлениях» был опубликован в печати 24 июля. В этом приказе Сталин выражал благодарность войскам сразу трех фронтов — Центрального, Воронежского и Брянского...

* Истребительная бригада.

Вся страна радовалась победе Красной армии на Курской дуге. Из разных её уголков в адрес солдат, офицеров и генералов Воронежского фронта каждодневно поступали многочисленные поздравления. Их слали рабочие, колхозники, студенты, школьники... Телеграммы были как коллективные, так и индивидуальные.

Но самым дорогим и теплым для Николая Федоровича было письмо от земляков-чепухинцев. «Дорогой Николай Фёдорович, — писали они. — Мы, ваши односельчане, колхозники артели им. ЦК железнодорожников Валуйского района, с чувством глубокой радости прочли приказ Верховного Главнокомандующего от 24 июля 1943 г. Мы очень рады тому, что доблестная Красная Армия, освободившая нас от ига немецко-фашистских оккупантов, продолжает беспощадно громить ненавистного врага. Войска Красной Армии на орловско-курском и белгородском направлениях опрокинули наступление 38 отборных немецких дивизий, уничтожили более 70 тыс. немецких солдат и офицеров, подбили и уничтожили 2900 танков, 195 самоходных и 844 полевых орудия, уничтожили 1392 самолёта и свыше 5 тыс. автомашин. Ткнулся немец наступать, да получил жестокий отпор. Теперь каждому ясно и видно, что не только зимой, но и летом, в любое время года и при любой погоде Красная Армия бьёт фашистских захватчиков. Вместе с поздравлением от товарища Сталина примите, Николай Фёдорович, и наше поздравление — от ваших односельчан, от соседей и родичей, от молодых и стариков, от жителей села Чепухино».

Письмо тронуло Николая Федоровича. Но ответ землякам писать было некогда — слишком много дел накопилось у него тогда. Решил, как только на передовой случится «оперативная пауза» — так офицеры и генералы называли временное затишье на фронте, — сразу и отпишет на малую родину. Она выпала лишь в двадцатых числах августа. Но не станем забегать вперед...

После тяжелейших боев на Курском выступе Ватутин получил указание Ставки ВГК о прекращении фронтом активных боевых действий. Да и он, «генерал наступления», хорошо понимал, что сейчас для его фронта не самое лучшее время для наступления. С измотанными и изрядно потрепанными за двадцать предыдущих дней и ночей войсками вряд ли можно рассчитывать на серьезный успех.

Поэтому нужно было дать им возможность отдохнуть и одновременно подготовиться к переходу в контрнаступление.

ние на Белгородско-Харьковском направлении. В первую очередь войскам фронта было необходимо произвести перегруппировку сил и средств, провести тщательную разведку целей в интересах авиационного и артиллерийского наступления, доукомплектовать части и соединения личным составом, получить новую технику и вооружение, создать запасы горючего, боеприпасов и всего необходимого для осуществления масштабной наступательной операции.

По замыслу Ставки в операции, которая получила кодовое название «Полководец Румянцев», задействовались два фронта — Воронежский Ватутина и Степной генерал-полковника И. С. Конева. Координацию действий двух фронтов было поручено осуществлять представителю Ставки Маршалу Советского Союза Г. К. Жукову. Оба фронта должны были нанести удар смежными крыльями из района северо-западнее Белгорода в общем направлении на Богодухов, Валки, Новая Водолага с целью расколоть Белгородско-Харьковскую группировку противника, а в дальнейшем охватить и разгромить соединения врага в районе Харькова. По нынешним водительским меркам, между Белгородом и Харьковом всего каких-то час-полтора езды. Но тогда, чтобы преодолеть расстояние в 70 километров, потребовалось 16 суток.

Белгородско-Харьковскому направлению Гитлер придавал огромное значение. Не случайно Харьков — вторую столицу Украины — он назвал «ключом от ворот Украины». И это соответствовало истине. В этом районе была создана мощная группировка, в состав которой входили 18 дивизий (из них 4 танковые), а также большое количество отдельных частей и подразделений. Она насчитывала 200 тысяч человек, а вместе с тылами — 300 тысяч, а также 3,5 тысячи орудий и минометов, около 600 танков и 900 самолетов. Кроме того, на этот участок фронта было дополнительно направлено еще 5 танковых, моторизованная и 4 пехотные дивизии. Линия обороны была весьма прочной и состояла из главной и вспомогательной полос общей глубиной до 18 километров. Главная полоса (6–8 километров) состояла из двух позиций; опорные пункты и узлы сопротивления были соединены между собой ходами сообщения полного профиля. Вторая полоса имела глубину 2–3 километра. Между первой и второй была еще промежуточная позиция. Населенные пункты были превращены в настоящие крепости.

Прорыв немецкой обороны открывал для советских войск путь к Днепру и создавал реальную угрозу тылу и

коммуникациям Донбасской группировки противника. Одновременно немецкая промышленность лишалась возможности использовать месторождения угольного бассейна.

Без всякого промедления Николай Федорович приступил к подготовке предстоящей операции, на которую отводилось всего десять дней. Организовать эту операцию было непросто: требовалось нанести мощный удар по основной группировке противника, не обходя ее, а рассекая и уничтожая.

Как и раньше бывало в преддверии операций, Николай Федорович постоянно находился в войсках. Его «виллис» кочевал из одной армии в другую. Командующий хотел видеть всё своими глазами, поэтому часто бывал на переднем крае, встречался не только с командирами, но и солдатами. А по возвращении на свой командный пункт внимательно изучал боевые донесения, оперативные сводки, фотоленки воздушной разведки. С полным напряжением трудились офицеры и генералы управления фронта, штабов армий, корпусов и дивизий. Дни и ночи напролет они сидели над картами, выезжали на местность, делали расчеты, разрабатывали документы, согласно которым шаг за шагом готовилось масштабное наступление.

Опытный военачальник, Ватутин хорошо понимал, что успех операции зависит от многих факторов. Поэтому по его распоряжению к участку прорыва была подтянута мощная артиллерия, сюда же нацелили бомбардировочную авиацию фронта.

Он также придавал важное значение мероприятиям по дезинформации противника. В частности, чтобы ввести немецкое командование в заблуждение относительно действительного направления главного удара, на правом фланге, рядом с городом Суджа, в полосе 38-й армии имитировалось сосредоточение одной танковой и одной общевойсковой армий, а также артиллерии усиления. В этом районе работали радиостанции, которые в непрерывном режиме осуществляли прием и передачу ложных сообщений. Сюда постоянно шли эшелоны, из которых выгружались макеты танков, орудий, пустые ящики из-под мин, снарядов и продовольствия... По проселочным дорогам двигались танки, орудия, автотранспорт, пылила матушка-пехота. А с наступлением ночи все это «хозяйство» возвращалось на восток, чтобы утром вновь прибыть в ложный район сосредоточения.

— Похоже, товарищ командующий, немцы заглотили нашу наживку вместе с крючком, — доложил Ватутину начальник штаба фронта генерал Иванов.

— Есть данные разведки? — спросил командующий.

— Да, Николай Федорович. На Сумском направлении гитлеровцы увеличили количество разведывательных полётов, было несколько бомбардировок железнодорожных станций, макетов танков и орудий. Кроме того, в районе города Сумы противник перебросил две дивизии — одну танковую и одну моторизованную...

— Значит, Семен Павлович, не напрасны были наши труды, — не без удовлетворения сказал Ватутин. — Это хорошо. Ротмистрову и Катукову будет легче идти в прорыв.

Первого августа неподалеку от Прохоровки, в селе Береговом, где располагался командный пункт 5-й гвардейской танковой армии, представитель Ставки маршал Жуков и командующий Воронежским фронтом генерал армии Ватутин провели совещание с командующими армиями и командирами корпусов. На нем шла речь о готовности войск фронта к проведению Белгородско-Харьковской операции. Совещание было коротким. Заслушав доклады командармов и комкоров, Жуков проинформировал собравшихся о замысле операции.

— Ставка Верховного главнокомандования, — сказал Георгий Константинович, — приняла решение нанести по группировке гитлеровцев удар войсками смежных флангов Воронежского и Степного фронтов из района юго-западнее Белгорода в общем направлении на Богодухов, Валки с целью рассечь немецко-фашистские войска на две части, а затем разгромить главные силы противника в районе Харькова.

Выступление Николая Федоровича было посвящено деталям операции. Используя карту, он изложил задачу Воронежскому фронту.

— Наша задача, — сказал Ватутин, — ударом 5-й и 6-й гвардейских общевойсковых армий прорвать оборону противника и вводом в прорыв фронтовой подвижной группы в составе 1-й и 5-й гвардейских танковых армий в высоких темпах развить наступление в общем направлении на Золочев, Валки в обход Харькова с запада...

Операция началась утром 3 августа с мощной артиллерийской и авиационной подготовки. Затем вперёд пошли 5-я и 6-я гвардейские армии. К 13 часам их части продвинулись на 4—5 километров. Для наращивания удара Ватутин

одновременно ввел в сражение соединения первого эшелона двух танковых армий, корпуса которых завершили прорыв тактической обороны гитлеровцев и, продвигаясь к югу, вскоре разобшили Томаровский и Белгородский узлы сопротивления. Войска фронта наступали быстро и решительно. В результате армии фронта только за один день продвинулись вперед на 30 километров. Наступая на одном оперативном направлении, 1-я и 5-я гвардейские танковые армии чем-то напоминали острый бронированный меч, наносящий глубокий рассекающий удар.

По оценке военных экспертов, это был первый случай в Великой Отечественной войне, когда для развития успеха в качестве подвижной группы фронта одновременно были задействованы две танковые армии.

Командующий 1-й танковой армией генерал-лейтенант М. Е. Катукوف в своих мемуарах «На острие главного удара» писал: «В памяти моей запечатлелось грандиозное движение советских танков, вошедших в прорыв. Мы шли по правой стороне пятикилометрового коридора двумя корпусными колоннами. Слева таким же порядком двигалась 5-я гвардейская армия. Нас прикрывала с воздуха эскадрилья «Яков». Между колоннами сохранялась зрительная связь. За всю войну еще никто из нас не видел такого скопления советских танков на столь узком участке фронта.

Пройдя коридор прорыва, корпуса развернулись и вступили в бой с гитлеровцами... 1-я танковая армия получила задачу: развивая успех соединений 5-й гвардейской, наступать в общем направлении на Томаровка — Богодухов — Валки, перерезать пути отхода противника на юго-запад.

Наступление развивалось успешно. В первый же день наши соединения продвинулись на 15—30 километров и отсекли Белгородскую группировку врага от Томаровской».

У Ватутина было хорошее настроение: задача первого дня, очень трудного и ответственного, была успешно выполнена. Главное, считал Николай Федорович, не останавливаться, продолжать двигаться вперед. Эти слова слышали от него и командармы, от которых он принимал доклады в режиме реального времени.

Второй день начался ожесточенными контратаками противника, но они были подавлены, и войска фронта продолжали активно наступать. 4 августа подвижная группа фронта прошла с боями 50 километров.

На рассвете 5 августа в центре полосы фронта перешли в наступление 27-я и 40-я армии. Они прорвали оборону на

глубину от 8 до 20 километров. Прорыв обороны противника расширился еще на 26 километров. 6-я гвардейская армия овладела крупным узлом Томаровкой, а войска Степного фронта освободили от захватчиков Белгород. В честь этих побед в Москве прогремели залпы первого салюта Великой Отечественной войны. К слову, идея подобным образом славить войска принадлежала Сталину: в присутствии военачальников он якобы сказал, что в прежние времена, когда русские войска одерживали виктории, звонили в колокола во всех церквях, поэтому и мы должны отмечать победы Красной армии.

Оборона вермахта трещала по швам. Как вспоминал впоследствии Маршал Советского Союза К. С. Москаленко, немецкое командование «поняло всю опасность, создавшуюся в результате продвижения войск Воронежского и Степного фронтов, и начало стягивать к западу от Харькова крупные силы. Оно поняло, что под угрозу поставлена не только его Харьковская, но и Донбасская группировка и для предотвращения разгрома начало перебрасывать обратно с Донбасса и из-под Орла свои танковые дивизии СС. 6 и 7 августа наши войска продолжали двигаться вглубь обороны. 1-я танковая армия овладела городом Богодухов, а 27-я армия освободила Грайворон. Стрелковые войска отстали от танков на 25—40 километров. Н. Ф. Ватугин сознательно, с расчетом шел на риск. Он приказал танкистам пробиваться еще глубже в тылы противника, понимая, что чем глубже будет расколота Харьковская группировка врага, тем беспомощнее станет враг. К исходу 7 августа войска Воронежского фронта продвинулись на глубину свыше 100 километров, расширив прорыв до 120 километров». Между немецкой 4-й танковой армией и оперативной группой «Кемпф» образовалась 55-километровая брешь. Началась борьба непосредственно за овладение Харьковом.

Однако дальнейшие события показали, что темп наступления, взятый Воронежским фронтом, оказался чересчур высоким. Продвижение войск шло очень быстро, но без достаточного закрепления отбитых у немцев рубежей и обеспечения флангов. Этой ситуацией незамедлительно воспользовался противник, нанеся несколько мощных контрударов. Первый из них он нанес 11 августа из района Богодухова по войскам 1-й танковой армии и левому флангу 6-й гвардейской армии. А второй 18—20 августа — из района Ахтырки. На этом участке фронта его приняла 27-я армия. В результате ожесточенных боев фронт понёс

осязательные потери и был отеснен к северу. По этой причине возможность выйти в тыл Харьковской группировке противника существенно сузилась.

Отход войск фронта назад вызвал очередное недовольство у Сталина. 22 августа в три часа ночи он направил в адрес Ватутина грозную телеграмму: «События последних дней показали, что Вы не учли опыта прошлого и продолжаете повторять старые ошибки как при планировании, так и при проведении операций. Стремление к наступлению повсюду и овладению возможно большей территорией, без закрепления успеха и прочного обеспечения флангов ударных группировок, является наступлением огульного характера. Такое наступление приводит к распылению сил и средств и даёт возможность противнику наносить удары во фланг и тыл нашим далеко продвинувшимся вперёд и не обеспеченным с флангов группировкам и бить их по частям».

Далее, указав Ватутину о напрасных потерях фронта и утрате выгодного положения для разгрома Харьковской группировки противника, Верховный категорично заключил: «Я еще раз вынужден указать Вам на недопустимые ошибки, неоднократно повторяемые Вами при проведении операций, и требую, чтобы задача ликвидации Ахтырской группировки противника, как наиболее важная задача, была выполнена в ближайшие дни».

О чем думал в те минуты Ватутин, читая телеграмму Сталина, нам никогда не узнать. Но ясно одно: жесткие, но справедливые слова Верховного, словно кнут, остудили пыл командующего и подстегнули его выполнить поставленную задачу. В течение суток обстановка изменилась к лучшему, контрудар противника был отбит. Действия правого крыла Воронежского фронта стали более решительными и организованными. Это позволило соседу — Степному фронту Конева — к полудню 23 августа освободить Харьков. Вскоре немцев выбили и из Ахтырки.

В этот же день Ю. Б. Левитан озвучил по радио приказ Верховного главнокомандующего И. В. Сталина, в котором, в частности, говорилось:

«генерал-полковнику Коневу
генералу армии Ватутину
генералу армии Малиновскому

Сегодня, 23 августа, войска Степного фронта при активном содействии с флангов войск Воронежского и Юго-Западного фронтов в результате ожесточенных боев сломили сопротивление противника и штурмом взяли город

Харьков. Таким образом, вторая столица Украины — наш родной Харьков освобожден от гнёта немецко-фашистских мерзавцев.

В наступательных боях за овладение городом Харьков Ваши войска показали боевую выучку, отвагу и умение маневрировать...

В знак торжества по случаю победы под Харьковом сегодня, 23 августа, в 21 час столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует нашим войскам, освободившим Харьков, двадцатью артиллерийскими залпами из 224 орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность всем руководимым Вами войскам, участвовавшим в операции...»

Вечернее московское небо озаряли яркие гирлянды салюта. Столица в очередной раз славилась своих героев. За период с 3 по 23 августа только войска Ватутина и Конева разгромили 15 вражеских дивизий, из них 4 танковые. За три недели наступления войска Воронежского и Степного фронтов продвинулись с боями на Южном и Юго-Западном направлениях в среднем на 140 километров.

Генерал-фельдмаршал фон Манштейн, вспоминая знойное лето 1943 года и утерянные на Курском выступе победы, сделал такое признание: «К концу августа только наша группа потеряла 7 командиров дивизий, 38 командиров полков и 282 командира батальонов... Наши ресурсы иссякли... Мы, конечно, не ожидали от советской стороны таких больших организаторских способностей, которые она проявила в этом деле, а также развертывания своей военной промышленности. Мы встретили поистине гидру, у которой на месте одной отрубленной головы вырастали две новые».

Да, войскам вермахта пришлось уносить ноги. «Оказывается, под жарким солнцем августа немецкие пятки сверкают не хуже, чем деревянные подмётки эрзац-валенков на январском снежку, — писал по горячим следам в газете «Правда» Алексей Толстой. — А русский богатырь, отирая пот с лица и распахнув ворот на могучей груди навстречу летнему ветру, идёт вперед на Запад, как шёл зимой по сугробам. Время теперь наше, и не времена года, а русское военное искусство определяет погоду на поле боя».

По оценке военных экспертов, освобождение Харькова от захватчиков стало эпилогом Курской битвы. За 50 дней боев немцы потеряли почти 500 тысяч солдат и офицеров,

1,5 тысячи танков, 3 тысячи орудий и около 1700 самолётов. Начавшееся у Курска и Орла наступление советских войск к концу августа переросло в общее стратегическое наступление, его охват достиг двух тысяч километров советско-германского фронта.

Несколько фронтов ковали эту блестящую победу на Курской дуге. Воронежский фронт внес в неё весомую лепту. И в этом была немалая заслуга его командующего. Курская битва наглядно показала, насколько более зрелым, решительным и многогранным стал талант Ватутина. Здесь он проявил лучшие свои полководческие качества, и в первую очередь способность предвидеть развитие событий, творческий подход к решению боевых задач, стремление глубоко и всесторонне готовить каждую операцию, умение грамотно сосредоточивать силы и средства на главном направлении.

Василевский впоследствии писал: «Хочется особо отметить, что важнейшие задания, которые возлагали на генерала Ватутина ГКО и Верховное Главнокомандование при подготовке и проведении крупнейших военных операций, как правило, выполнялись отлично. Он умел решительно сосредоточивать силы и средства на главном направлении, наращивать усилия и внезапно наносить мощные удары во фланг и в тыл вражеским группировкам, искусно применять крупные массы танков для развития наступления в оперативную глубину, организовывать прочное взаимодействие родов войск и видов вооруженных сил, надежно поддерживать непрерывное и твердое управление войсками».

После окончания Курской битвы большое число солдат, офицеров и генералов Воронежского фронта были награждены орденами и медалями, наиболее отличившимся присвоили звание Героя Советского Союза, ряд соединений получили наименования Белгородских, Харьковских. «За умелое и мужественное руководство боевыми операциями и за достигнутые в результате этих операций успехи в боях с немецко-фашистскими захватчиками» Николай Федорович был удостоен полководческой награды — ордена Кутузова 1-й степени. Его статус как раз и отвечал задачам фронта — переход от активной обороны к наступлению.

Но было бы неправильно выставлять действиям Ватутина в период Курской битвы исключительно положительные оценки. Война — это, как в математике, решение задач и упражнений. И не все они легко решаются. Некоторые современные исследователи упрекают Николая Федорови-

ча за допущенные им ошибки при планировании и организации боевых действий, особенно при нанесении контр-удара 12 июля.

Безусловно, легко быть стратегом, наблюдая за боем со стороны. Особенно спустя много десятилетий. Кое-кто договорился до того, что немцы вышли победителями в сражении под Прохоровкой, а 5-я гвардейская танковая армия генерал-лейтенанта танковых войск П. А. Ротмистрова и 5-я гвардейская общевойсковая армия генерал-лейтенанта А. С. Жадова потерпели поражение. Но если гитлеровцы победили, тогда почему они не выполнили свою главную задачу — не прорвали последнюю полосу обороны Воронежского фронта и не пошли дальше на Курск? Ответ дали сами гитлеровские генералы: не пошли потому, что операция «Цитадель» закончилась для них полным провалом.

Николай Федорович — один из немногих военачальников, который всегда самокритично относился к своим действиям и один из немногих, кто умел признавать свои ошибки. Маршал бронетанковых войск Ротмистров позже вспоминал, что сразу после Курской битвы Ватутин разбирал свои действия, отмечал допущенные ошибки и был самокритичен. По его мнению, большинство промахов произошло вследствие недостаточного опыта в применении танковых соединений и объединений в оборонительных боях. Некоторые командующие общевойсковыми армиями вместо того, чтобы приданными танковыми бригадами цементировать оборону — использовать их на танкоопасных направлениях совместно с противотанковой артиллерией, стали бросать их в контратаки против сильных танковых группировок врага, имевших в своем составе тяжелые танки «Тигр» и штурмовые орудия «Фердинанд».

Не обошлось без упущений и в использовании танковых армий, в частности 1-й танковой армии генерал-лейтенанта танковых войск М. Е. Катукова. В первый же день наступления противника на участке Воронежского фронта для его войск создалась очень сложная обстановка. Противник обрушил на 6-ю гвардейскую армию генерала И. М. Чистякова удар огромной силы и, прорвав ее оборону, начал развивать наступление. Для восстановления положения в полосе обороны 6-й гвардейской командование фронта решило уже на второй день ввести в сражение 1-ю танковую армию, поставив ей задачу нанести контрудар по наступавшей немецкой танковой группировке.

— Нам, и прежде всего мне, надо было думать не о

контрударе, а об отражении удара превосходящих танковых сил противника, — сказал Ротмистрову Ватутин. — Русская поговорка гласит: семь раз отмерь, один раз отрежь. Но беда в том, что долго отмерять у нас не было времени. События развивались с головокружительной быстротой. Враг ставил под угрозу вторую полосу нашей обороны и мог с ходу прорвать ее.

Из дальнейшего рассказа Ватутина Ротмистров узнал, что положение усугубилось неудачным оперативным построением 1-й танковой армии. Вместо обоих (6-го и 31-го) танковых корпусов командарм поставил в первый эшелон 6-й танковый и 3-й механизированный корпуса.

— Конечно, — признался Ватутин, — здесь мой промах. Ведь я утвердил решение генерала Каткуова. Однако Михаилу Ефимовичу как специалисту-танкисту и командарму лучше были известны боевые возможности подчиненных ему корпусов и их предназначение.

В те августовские дни Николай Федорович, несмотря на большую занятость, наконец-то выкроил минуты, чтобы дать ответ своим землякам. «Родные мои односельчане — колхозники и колхозницы, — писал он. — Сердечно и глубоко тронут вашим тёплым и родным для меня письмом. Спасибо, дорогие мои, за горячее поздравление и заботы! Ваши успехи на трудовом фронте, о которых вы сообщаете, ещё больше воодушевляют бойцов и офицеров Красной Армии на скорейший разгром гитлеровских разбойников. Очень рад, что мои родные и знакомые односельчане дают прекрасные образцы труда, работают, не жалея своих сил, на благо своей Родины, на дело нашей победы над врагом. Горячо поздравляю вас с успехами на колхозных полях и выражаю надежду, что колхозники сельхозартели им. ЦК железнодорожников и впредь будут в первых рядах борцов за честь, свободу и независимость народов Советского Союза. Из вашего письма узнал, какое огромное горе и разорение принесли вам немецкие изверги во время их подлой оккупации Валуйского района. Огромная ненависть к немецким захватчикам возрастает с новой силой, когда читаешь ваше письмо. Но не уйти гитлеровским разбойникам от сурового возмездия советского народа, от сокрушительных ударов Красной Армии. Красная Армия разгромила под Орлом и Белгородом отборные немецкие дивизии и, продолжая успешное наступление, овладела городом Харьковом, подходит к Брянску. Героическая Красная Армия наголову разгромит германскую армию, изгонит немецких

захватчиков из нашей Советской страны и обеспечит нашей любимой Советской Родине, нашему великому народу свободную и счастливую жизнь. Желаю вам успеха в работе и счастья в жизни. При первой возможности с радостью побываю у вас. До свидания, родные. Ваш односельчанин генерал армии Н. Ватутин. 24 августа 1943 года».

Во время недолгого затишья у Николая Федоровича случился и семейный праздник. К нему приехали жена Татьяна Романовна и дочь Елена, у которой 22 августа как раз был день рождения, ей исполнилось 14 лет. Сколько искреннего счастья было при встрече! Любимые Танечка и Леночка тут же обвили руками Николая Федоровича и заодно покрыли его лицо звонкими поцелуями и теплыми слезами.

— Задушите меня, разбойницы! — захлебываясь от радости, говорил Николай Федорович своим дамам.

На свежем воздухе, рядом с деревенской хатой в тени большой груши накрыли стол. Правда, без особых разносолов. Зато было любимое блюдо Ватутина — домашняя лапша, которую успела приготовить для мужа Татьяна Романовна. Стол в честь именинницы накрыли, а вот о подарке в суматохе запамятовали, хотя он и был припасен.

— Папа, ну что же ты мне никакого подарка не сделал, — напомнила дочка Николаю Федоровичу.

— Как? А освобождение Харькова?! — тут же нашёлся отец.

...Всего несколько дней Николаю Федоровичу удалось побыть в кругу семьи. Но потом его вновь захлестнули фронтовые дела и заботы, которых хватало с избытком. Войска Воронежского фронта бурным потоком, словно дружное весеннее половодье, неудержимо двигались вперед. На Запад. К Победе.

Глава 13

«ДАЁШЬ КИЕВ!»

Сентябрь на Украине выдался сухим и теплым. Еще куковали молодые кукушки и ворковали горлинки. Спелый неповторимый запах яблок и груш висел над уцелевшими садами. Но признаки осени уже чувствовались во всём: в летящей в воздухе паутине, в утренних прохладных серебристых росах, а также в кое-где уже выкрашенных в золотые и бронзовые цвета листьях кленов, берез, яворов...

По многочисленным дорогам — шоссейным и проселочным — нескончаемо двигались танки, самоходки, автомобили, тягачи с орудиями, шла легкой рысью кавалерия, спорила шаг неутомимая пехота. А обочины сплошь и рядом были забиты по-тигриному раскрашенной в буро-зеленые цвета немецкой техникой — поврежденными или разбитыми грузовиками, бронетранспортерами, пушками, миномётами, полевыми кухнями, а также трупами оккупантов. Попадалась и советская техника.

Как и раньше, «виллис» Ватутина спешил в передовые части, которые по пятам преследовали отступающего врага. В один из дней, проезжая мимо рабочего поселка, находившегося на границе Украины и России, Николай Федорович неожиданно попросил своего водителя сержанта Кабанова остановить автомобиль. Командующий вышел из «виллиса». Позади ехала машина члена Военного совета генерал-лейтенанта Н. С. Хрущева. Она тоже остановилась.

— Николай Федорович, что случилось? — недоуменно спросил Никита Сергеевич.

— А случилось то, Никита Сергеевич, что мы приступили к освобождению Украины, — улыбаясь, сказал Ватутин. — С чем я вас и поздравляю.

Второго сентября войска фронта овладели важным областным центром Украины — городом Сумы. В тот же день Верховный главнокомандующий Сталин издал приказ, адресованный непосредственно Ватутину. «За отличные боевые действия и отвагу, — говорилось в документе, — объявляю благодарность всем руководимым Вами войскам, участвовавшим в боях за освобождение города Сумы». Вечером Москва от имени Родины отсалютовала войскам Ватутина 12 артиллерийскими залпами из 124 орудий.

Мощный вал наступления был необратим. «Даешь Днепр!», «Даешь Киев!», «Днепр совсем близко. Вперёд!», «Герои Волги и Дона, вас ждёт Днепр! Преследуйте врага, не давайте ему передышки!». Эти призывы постоянно звучали в частях и соединениях Воронежского, Центрального, Степного фронтов... Их можно было прочесть на броне танков и фюзеляжах самолётов, в заголовках газет и листовок, на щитах вдоль дорог и на фанерных табличках, прибитых к уцелевшим телеграфным столбам, встречавшимся на пути движения военных колонн.

Красные стрелы, нанесенные штабными работниками на оперативные карты, указывали советским войскам их маршрут и главные цели — Днепр и Киев. Общеармейские

и танковые армии, подобно тучам перед грозой, сосредоточивались на противоположном от немцев берегу могучей реки на протяжении 300 километров. Сталин, как вспоминал Жуков, требовал, чтобы войска как можно скорее вышли к Днепру.

Ставка ВГК рассматривала два варианта форсирования Днепра. Первый заключался в том, чтобы привести войска к восточному берегу реки и там остановиться. Затем тщательно подготовиться к форсированию. Для этого требовалось подтянуть свежие силы, приготовить переправочные средства, а также выявить слабые места в обороне немцев. Такой вариант позволял советским войскам при выполнении задачи избежать лишних потерь. Однако он был на руку противнику, поскольку давал ему возможность укрепить оборону, перегруппировать свои части и соединения, усилить их резервами.

Что касается второго варианта, то войскам предлагалось безостановочно идти вперед и без промедления форсировать Днепр. Стремительный натиск не оставлял гитлеровцам времени на окончательное дооборудование «Восточного вала» и, как следствие, эффективное отражение советского наступления. Но, следует заметить, число потерь войск Красной армии при этом могло быть значительно больше.

По настоянию Сталина был принят второй вариант. Чтобы не дать противнику организовать оборону на подступах к Днепру, Верховный настоятельно потребовал немедленно развивать наступление. Эту установку получили одновременно и Ватутин, и Конев.

Жуков в своих мемуарах вспоминал: «Нам не потребовалось много времени на выработку оперативно-тактических решений, так как в войсках уже накопился богатый опыт, помогавший быстро анализировать обстановку, принимать решения и выработать короткие и четкие указания. Что касается командования и штабов фронтов, то они стали большими мастерами в организации и проведении операций. С ними легко работалось. Мы, как говорится, понимали друг друга с полуслова».

Уже 9 сентября штаб Ватутина, на основании полученных указаний Ставки, разработал подробный план наступательной операции войск Воронежского фронта на Киевском направлении. В соответствии с планом предстояло нанести удар в общем направлении на Киев, главные усилия фронта сосредоточить на своем правом крыле. Здесь

должны были быть развернуты 38-я, 40-я и передаваемая из резерва Ставки 3-я гвардейская танковая армия, а также три танковых и кавалерийских корпуса. В задачу этой созданной группировки фронта входило глубоко охватить войска группы фашистских армий «Юг» с севера, затем выйти в направлении Киева к Днепру и главными силами форсировать реку на участке Ржищев, Канев, с тем чтобы в дальнейшем продолжать операцию на Правобережье. А вспомогательный удар возлагался на 47, 52 и 27-ю армии, имевшие ближайшую задачу перерезать коммуникации фашистов на участке Полтава—Киев и развивать далее наступление в направлении Черкасс.

Согласно плану подвижные соединения фронта должны были выйти к Днепру 26—27 сентября, а главные силы общевойсковых армий — 1—5 октября. Чтобы растянуть войска противника и тем самым облегчить форсирование реки, Николай Федорович приказал армиям быть у Днепра по возможности одновременно и по всей полосе наступления.

В эти же сентябрьские дни в немецкие штабы один за другим летели зловещие приказы драться с русскими самым беспощадным образом, а отступая, оставлять за собой выжженную, безлюдную пустыню. «Необходимо добиваться того, чтобы при отходе из районов Украины не оставалось ни одного человека, — инструктировал своих головорезов рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, — ни одной головы скота, ни одного центнера зерна, ни одного рельса, чтобы не остались в сохранности ни один дом, ни одна шахта, которая не была бы выведена на долгие годы из строя; чтобы не осталось ни одного колодца, который не был бы отравлен. Противник должен найти действительно тотально сожженную и разрушенную страну... сделайте всё, что в человеческих силах, для выполнения этого».

Командующие советскими фронтами, неудержимо двигавшимися к Днепру, тоже получали директивы и приказы. Их главная задача, определенная Ставкой, состояла в том, чтобы как можно скорее освободить родную землю от оккупантов. 9 сентября Ватутин получил из Москвы директиву № 30187, в которой говорилось:

«В ходе боевых операций войскам Красной Армии приходится и придется преодолевать много водных преград. Быстрое и решительное форсирование рек, особенно крупных, подобных реке Десна и реке Днепр, будет иметь большое значение для дальнейших успехов наших войск.

В связи с этим Ставка Верховного Главнокомандования считает необходимым довести до сведения командующих армиями, командиров корпусов, бригад, полков, понтонных и инженерных батальонов, что за успешное форсирование крупных речных преград и закрепление за собой плацдарма для дальнейшего развития наступления командиры названных соединений и частей должны представляться к высшим правительственным наградам.

За форсирование такой реки, как река Десна в районе Богданово (Смоленской области) и ниже, и равных Десне рек по трудности форсирования, представлять к наградам:

1. Командующих армиями — к ордену Суворова 1-й степени.

2. Командиров корпусов, дивизий, бригад — к ордену Суворова 2-й степени.

3. Командиров полков, командиров инженерных, саперных и понтонных батальонов — к ордену Суворова 3-й степени.

За форсирование такой реки, как река Днепр в районе Смоленска и ниже, и равных Днепру рек по трудности форсирования, названных выше командиров соединений и частей представлять к присвоению звания Героя Советского Союза.

Военным советам фронтов и армий в течение суток, с момента получения настоящей директивы, ознакомить с ней командиров соединений и частей, названных в настоящей директиве.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН. А. АНТОНОВ».

Прочитав документ, Николай Федорович отдал распоряжение командирам и политорганам без промедления провести необходимую разъяснительную работу. В первую очередь нужно было настроить людей на выполнение этой ответственной задачи, вдохнуть, что называется, силы и бодрость в солдатские сердца, еще выше поднять боеспособность войск.

Опыт форсирования рек, особенно крупных, у частей и соединений фронта был незначительный, поэтому предстояло тщательно подготовиться к серьезным испытаниям. В частях и соединениях приводили в порядок имеющийся в наличии понтонный парк и другие переправочные средства. Но их было недостаточно. Командирам была поставлена задача при форсировании Днепра использовать местные и подручные средства. Так, воины инженерно-саперных

и хозяйственных подразделений заготавливали в освобожденных районах канаты и верёвки, бревна и доски для сборки плотов. По пути следования к Днепру на малых реках ими были взяты сотни лодок и баркасов. Шли в ход и пустые бочки, из которых сооружали понтоны.

Особое внимание уделялось практической подготовке личного состава к преодолению водных преград. В перерывах между боями бойцы тренировались на водоёмах, отрабатывали способы погрузки и выгрузки десантов и боевой техники.

Большим подспорьем в этом стала изданная по распоряжению Ватутина специальная «Памятка бойцу о переправах», в которой подробно излагались способы преодоления крупных водных преград, порядок использования табельных инженерных средств, особенно подручного материала, для переправы личного состава, техники и вооружения. Иными словами, накануне грядущих событий на днепровских кручах в войсках кипела серьёзная и основательная работа.

Войска правого крыла фронта 10 сентября мощным ударом прорвали оборону противника юго-восточнее города Ромны, а 13 сентября соединения 40-й армии на широком фронте форсировали реку Сула и освободили город Лохвица. Немцы быстро отступали, сказать точнее, бежали. Части и соединения Воронежского фронта буквально по пятам преследовали противника, который спешил укрыться в укреплениях «Восточного вала».

Немецкое командование стремилось любой ценой удержать Левобережную Украину. По указанию Гитлера ещё в середине августа на рубеже, проходившем по рекам Молочная, Днепр, Сож, восточнее Орши, Пскова, и далее по реке Нарва, были срочно возведены укрепления, названные «Восточным валом». Ставка фюрера считала, что именно на Днестре вермахт сумеет наконец остановить наступление русских, а затем вновь начнет победное шествие на восток. Однако надеждам фюрера не суждено было сбыться. Советские войска, преодолев сотни километров, вышли к намеченной цели.

Уместно сказать, что предстоящая битва за Днепр существенно отличалась от недавних сражений под Сталинградом и на Курской дуге. Если там они начинались с оборонительных операций, то на Днестре никаких оперативных пауз не планировалось. Группа фронтов должна была одновременно провести наступление на нескольких направ-

лениях. 20 сентября представитель Ставки Г. К. Жуков доложил Сталину о подготовке к форсированию реки:

«Сегодня с Николаевым [Ватутиным] отработали мероприятия по быстрейшему захвату переправ на реке Днепр.

Для этой цели сегодня от каждой армии сформированы передовые отряды в составе танковых частей, пехоты, посаженной на машины, артиллерии и миномётов.

Эти подвижные передовые отряды имеют задачу, не ввязываясь в бой с прикрывающими частями противника, обходя арьергарды, стремительно прорваться к переправам и стараться захватить мосты и переправы...

Считаю, что эти передовые части подойдут к реке Днепр 22–23 сентября».

Однако боевой порыв наступающих частей был настолько высок, что они опередили на сутки срок, названный Жуковым Сталину. Все — от солдата до генерала, забыв об усталости и тяжелых переходах, торопились к крутым берегам Днепра. Настрой у всех был приподнятым. Корреспондент газеты фронта «За честь Родины» стал свидетелем такого эпизода. Генерал армии Ватутин, объезжая войска, встретил на своём пути трактор с орудием, на лафете которого лежал раненый боец. Он попросил водителя остановиться, вышел из машины и обратился к солдату:

— Что, брат, тяжело? В госпиталь тебе надо!

Раненый, приподнявшись на локте, ответил:

— Ось, товарищ генерал, подывлюсь трохи на Днипро, тоди и в госпиталь...

Ватутин решил форсировать Днепр одновременно силами семи армий в полосе от Киева до Черкасс. 38-я армия получила задачу преодолеть реку севернее Киева, 3-я гвардейская танковая, 40, 27 и 47-я армии — в районе Букрина, 52-я и 4-я гвардейские армии — у Черкасс.

Накануне форсирования в войска ушло обращение Военного совета. «Славные бойцы, сержанты и офицеры! — говорилось в документе. — Перед вами родной Днепр, вы слышите плеск его седых волн. Там, на западном берегу, древний Киев — столица Украины. Там дети и жены, наши отцы и матери, братья и сестры. Они ждут нас, зовут вперёд... Наступил решительный час борьбы. К нам обращены взоры всей страны, всего народа... Поднимем же свои славные знамёна на том берегу Днепра, над родным Киевом!»

На рассвете 23 сентября первые роты и батальоны 38-й армии на участке Лютеж, Вышгород приступили к форси-

рованию реки... В дело пошли рыбацьи лодки, челноки, плоты, самодельные паромы из железных бочек и досок.

Вот рассказ генерал-майора Ф. В. Ванина: «Батальону, которым я к тому времени командовал, было доверено первым в 836-м полку 240-й стрелковой дивизии начать форсирование великой реки. Обстановка сложилась так, что одна рота начала форсирование днем, на глазах у гитлеровцев, державших под прицелом водное пространство. Как только бойцы на рыбацких лодках устремились к противоположному берегу, тут же ударили вражеские орудия. Река вскипела от разрывов снарядов, над водой повисло густое дымное марево, резко, пронзительно свистели осколки. Лодки и плоты упорно прорывались сквозь огненную завесу. Мы спешили помочь десантной группе 842-го стрелкового полка, форсировавшей Днепр и захватившей на правом берегу небольшой плацдарм.

Переправившись полностью на противоположный берег, мой батальон крепко зацепился на плацдарме. Однако первый успех не мог меня успокоить как командира. Ни справа, ни слева у батальона пока соседей не было, и я понимал, что в создавшейся обстановке противник попытается полностью уничтожить нас. Поэтому отдал приказ командирам подразделений лучше окопаться, замаскировать позиции, организовать систему огня. И ждать.

Предчувствие не обмануло меня. Гитлеровцы открыли ураганный огонь и с трех сторон устремились в контратаку. Но и на этот раз ни ураганный огонь, ни численный перевес в живой силе и технике не помогли врагу. После жестокого двухчасового боя натиск фашистов был отбит, и мы сами перешли в атаку. Гитлеровцы не выдержали, начали отступать, бросая раненых, оружие.

И вот в минуту затишья по полевому телефону позвонил командир полка майор Емелин:

— Молодцы, но не пора ли и Лютеж брать?

— Будем брать, товарищ майор, — ответил ему.

— Только учти, орешек крепкий. Система укреплений мощная, подходы заминированы. Поддержим всем, чем только возможно. Так что действуй. С Богом!

В последующие дни батальон успешно атаковал село Лютеж, которое гитлеровцы превратили в сильный узел сопротивления. Нам удалось захватить четыре дома на северной окраине. Три дня и три ночи мы отбивали яростные контратаки фашистов. Бешеный артиллерийский и минометный огонь превратил дома в груды развалин.

Земля сотрясалась от бомбовых ударов. Казалось, все мы оглохли от непрерывного грохота, воя и визга металла. И уже не было сил выстоять в этой тяжелой схватке. Но мы выстояли.

Позже я узнал, что, когда командир 240-й стрелковой дивизии полковник Уманский докладывал в штаб 38-й армии о взятии Лютежа, присутствовавший там командующий фронтом генерал армии Николай Федорович Ватутин сказал: «Это — победа!»».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 октября 1943 года за мужество и отвагу, проявленные во время форсирования Днепра, капитану Федору Варламовичу Ванину было присвоено звание Героя Советского Союза.

Но это ещё не вся история, рассказанная героем Днепра. «Спустя годы, выкроив время, — вспоминал Федор Варламович, — я побывал в тех местах, откуда в сорок третьем мой батальон начинал форсировать Днепр. Я бродил по когда-то горевшей земле и вспоминал, вспоминал своих боевых товарищей. Ведь та высокая награда Родины, которую я получил в боях за Днепр, была и их наградой...

Как-то само собой пришло на память одно «пророчество». Это происходило ещё под Воронежем, когда я был начальником разведки бригады. Однажды после моего очередного доклада об обнаружении в районе населенного пункта Средне-Дорожного колонны фашистов комбриг, похлопывая меня по плечу, сказал:

— Ну, Ванин, молодец! За такие сведения тебе памятник при жизни надо ставить...

Шутил, конечно, комбриг. Но в его шутке, как это ни странно, таилась истина. Она дала росток некоторое время спустя, когда я сразу после войны учился в Военной академии имени Фрунзе.

Однажды меня вызвал к себе начальник академии и сказал:

— Я пригласил вас по несколько необычному делу. По решению правительства в Киеве сооружается памятник командующему 1-м Украинским фронтом генералу армии Николаю Федоровичу Ватутину. На пьедестале памятника будут изображены фигуры воинов-освободителей, форсировавших Днепр и бравших Киев... Так вот, одним из прототипов мы решили рекомендовать вас. Прошу явиться в мастерскую скульптора Вучетича.

...В самом центре Киева, среди каштанов и лип, на крутом берегу Днепра высится памятник Николаю Федорови-

чу Ватутину. Походная шинель, добродушное лицо. Внимательный взгляд. А на одном из барельефов запечатлен в бронзе офицер, очень похожий на меня».

Однако вернемся в те осенние дни 1943 года. 22 сентября по приказу Ватутина начала форсирование Днепра в букринской излучине 3-я гвардейская танковая армия. Дважды Герой Советского Союза, Маршал Советского Союза И. И. Якубовский тогда был полковником и командовал 91-й танковой бригадой. В его памяти навсегда сохранились жаркие эпизоды битвы за Днепр, которые он описал в своей книге «Земля в огне»:

«Широкой черной лентой впереди лежал Днепр. Могучий и величавый, он неторопливо катил свои воды в такой непривычной сейчас, гулкой, настороженной тишине, готовой вмиг быть разорванной громогласным гулом орудий, бешеным стрекотом пулеметов и автоматов. Яркие, цветные дуги ракет отражались в зеркальной глади реки. Тишина. Было ясно, что гвардейцы 3-й танковой упредили врага и вышли к Днепру в слабо обороняемом им районе.

Мы все знали: здесь предстоят тяжелые бои. Люди были измотаны в предшествующих боях, но душа советского солдата, которую не истребить, не запугать, радовалась этой долгожданной встрече с Днепром, овеянным славой и легендами.

Здравствуй, Днепр-Славутич, купель русского, украинского и белорусского народов! Много битв ты повидал на своем долгом веку, многих богатырей вырастил. Песчаные откосы твои хранят память о набегах кочевников на Киевскую Русь, о кровопролитных сражениях с половцами и печенегами. Ты отправлял русские полки для битвы на Калке, а в водах твоих гибла татарская конница. Русское, украинское и белорусское воинство основало на твоих берегах десятки крепостей, чтобы защитить Русь от алчных чужеземцев...

Необходимо было возможно быстрее перебросить на западный берег реки войска и боевую технику, захватить плацдарм и обеспечить сосредоточение на нем главных сил армии для дальнейшего наступления на Белую Церковь. Сразу же после выхода к Днепру была организована разведка русла реки, установлена связь с местным населением, собраны рыбацкие лодки, из подручных материалов заготовлено несколько плотов.

В ночь на 22 сентября 1-й батальон капитана Г. Ш. Балаяна из 69-й механизированной бригады первым начал переправу. На лодках, плотках и других переправочных сред-

ствах подразделения батальона внезапно форсировали Днепр... Не успели еще подразделения мотострелкового батальона капитана Балаяна закрепиться на захваченном плацдарме, как к месту переправы подошли передовые части 19-й танковой дивизии гитлеровцев. Они с ходу перешли в атаку, намереваясь сбросить батальон в реку. Долго длился неравный бой. Гвардейцы стояли насмерть. Одна за другой следовали вражеские атаки. В этих боях смертью героя пал капитан Балаян.

Успешно действовал в этом же районе, только несколько южнее, мотострелковый батальон старшего лейтенанта А. А. Пищулина из 51-й гвардейской танковой бригады моего боевого товарища подполковника М. С. Новохатько. Он форсировал Днепр также 22 сентября.

Под покровом густого тумана, незаметно для противника первыми преодолели Днепр четыре отважных комсомольца — сержант Н. Е. Петухов, рядовые В. Н. Иванов, И. Д. Семенов, В. А. Сысолятин. Вступив на берег реки, они сразу же завязали бой с вражеским охранением и отвлекли на себя его внимание. Тем временем на другом участке реки на подручных средствах на противоположный берег переправились несколько групп бойцов из роты лейтенанта Н. И. Синашкина.

Передовые части 10-й моторизованной дивизии противника, подходившие к переправе, открыли сильный артиллерийско-минометный огонь. Несколько лодок и плотов, пробитые осколками, начали тонуть. Воины вплавь добирались до правого берега. Вслед за ротой Синашкина преодолели Днепр и остальные подразделения батальона старшего лейтенанта Пищулина... Зацепившись за маленький клочок земли, батальон трое суток отражал непрерывные вражеские атаки. В этих боях многие воины пали смертью храбрых, но остальные не отступили с занимаемых рубежей. Старший лейтенант А. А. Пищулин был тяжело ранен, но продолжал командовать батальоном до тех пор, пока не подошло подкрепление».

Примеры мужества и отваги демонстрировали бойцы и командиры других армий. Форсирование не прекращалось ни днём ни ночью. Люди плыли на понтонах и плотках, в рыбацких лодках и баркасах, на деревянных заборах и на сшитых плащ-палатках, набитых соломой... Героизм, без всякого преувеличения, был массовым. Но и потери были ощутимые. Сколько похоронок, этих казенных листков-извещений, ушло вглубь матушки-России!

Переправа, переправа!
Берег правый, как стена...
Этой ночи след кровавый
В море вынесла волна...
И увиделось впервые,
Не забудется оно:
Люди тёплые, живые
Шли на дно, на дно, на дно...

Планом форсирования Днепра также предусматривалось использовать для захвата плацдармов подразделения воздушно-десантных войск. Было решено в течение двух ночей высадить десятитысячный десант в Букринской излучине, захватить плацдарм, перерезать основные пути сообщения, ведущие к Днепру, не допустить подхода резервов немцев. В случае успеха создавались предпосылки для скорого освобождения Киева.

В ночь на 24 сентября началось частичное десантирование двух воздушно-десантных бригад. К сожалению, слабо подготовленные экипажи транспортных самолётов выбросили десанты не в тех районах. Более четырех тысяч парашютистов оказались рассеяны на площади в десятки квадратных километров. Так, один из экипажей выбросил бойцов прямо в воды Днепра, где они все утонули. 230 десантников приземлились на своей территории. Основная же масса личного состава была разбросана по местам расположения войск противника. В результате десант понёс серьёзные потери. Только в первые сутки, как свидетельствуют документы, погибли около 700 десантников, многие попали в плен или пропали без вести. Уцелевшие подразделения были вынуждены уйти в леса к партизанам и действовать в тылу врага.

О результатах неудачной воздушно-десантной операции, ответственность за проведение которой лежала и на Ватутине, было доложено Сталину. И хотя жестких мер с его стороны не последовало, Верховный остался недоволен действиями организаторов операции, что и было изложено им в соответствующей директиве 3 октября 1943 года:

«Констатирую, что первый воздушный десант, проведенный Воронежским фронтом 24 сентября, провалился, вызвав массовые ненужные жертвы. Произошло это не только по вине тов. Скрипко*, но и по вине тов. Юрьева** и

* Н. С. Скрипко — генерал-лейтенант, заместитель командующего дальней авиацией.

** Кодовое имя Г. К. Жукова.

тов. Ватутина, которые должны были контролировать подготовку и организацию выброски десанта.

Выброска массового десанта в ночное время свидетельствует о неграмотности организаторов этого дела, ибо, как показывает опыт, выброска массового ночного десанта даже на своей территории сопряжена с большими опасностями.

Приказываю оставшиеся полторы воздушно-десантные бригады изъять из подчинения Воронежского фронта и считать их резервом Ставки».

В последних числах сентября, несмотря на крайне сложные условия, войскам Ватутина удалось завершить форсирование Днепра. На западном берегу Днепра было захвачено девять небольших по размерам, но очень важных в оперативно-тактическом отношении плацдармов. Самыми крупными из них являлись Букринский и Лютежский. В последующем они стали исходным районом для проведения Киевской наступательной операции.

Во время форсирования Днепра Ватутин безотрывно находился в войсках. Неизменно с биноклем на шее, он всегда появлялся там, где создавалась сложная ситуация, сразу ориентировался в обстановке и тут же отдавал четкие распоряжения или приказы. Иными словами, всё, что происходило на плацдармах, сколько контратак отражено, какое количество танков и орудий уничтожено, Николай Федорович узнавал не из сводок и донесений, а благодаря своему присутствию в районе боёв.

И. И. Якубовский вспоминал о тех днях: «Генерал Николай Федорович Ватутин был из тех наших военачальников, которые, сами пройдя многотрудный путь солдата, всегда чутко вслушивались в пульс солдатской жизни, знали ее, что называется, вдоль и поперек, умели влиять на людей безупречным личным примером смелости, мужества, глубокого проникновения в существо боевых дел. Генерал Н. Ф. Ватутин имел привычку часто бывать не только в дивизиях, но и в полках, запросто беседовать в солдатских окопах, в расчетах и экипажах, внимательно выслушивать советы командиров и бывалых бойцов.

Людей, знавших Н. Ф. Ватутина, поражали его исключительное спокойствие и выдержка в критические, крайне трудные моменты фронтового бытия. Казалось, он имел стальные нервы и был неуязвим под вражеским обстрелом. Свой штаб, когда это было возможно, Н. Ф. Ватутин старался размещать ближе к району боевых действий. Словом, человек стремился всегда быть в гуще боевой жизни, и это

помогало ему успешнее решать задачи руководства войсками, лучше понимать душу бойца».

Между тем захват плацдармов — это было всего лишь полдела. Плацдармы, а на лексиконе штабных операторов — трамплины для развёртывания дальнейшего наступления, нужно было не только расширять, но и подтягивать туда технику и вооружение. «Необходимо всемерно ускорить темпы переправы войск на правый берег Днепра, особенно артиллерии, танков, минометов и РС, — требовал Ватутин в своём боевом распоряжении от 28 сентября. — Всю артиллерию, ожидавшую переправы, расположить на огневых позициях на левом берегу, имея передовые наблюдательные пункты в боевых порядках войск на плацдарме».

И всё бы хорошо, но, как это нередко бывает на войне, успех тоже может вызвать свои сложности. Что и произошло: вырвавшиеся вперед части и соединения оказались оторванными от своих тылов. Тогда как наступающие войска остро нуждались в подаче техники, понтонных парков, боеприпасов, продовольствия... Была еще причина отставания — выведенные из строя отступающими немцами железные дороги и другие коммуникации. Для исправления сложившегося положения Николай Федорович был вынужден обратиться с донесением непосредственно к Сталину. В нем он, в частности, писал:

«Войска Воронежского фронта большинством армий вышли на реку Днепр, а остальные армии выйдут в ближайшие два-три дня, в то же время тылы армий и фронтов растянулись от Белгорода до Днепра на 480 километров, что совершенно не дает возможности нормально обеспечивать войска боепитанием.

Подача боеприпасов и горючего от войск отстает, а также тратится большое количество горючего, потому что от Сум — Лебедина на 330 километров все подается исключительно автотранспортом, в связи с тем, что здесь оканчиваются фронтовые железнодорожные коммуникации.

Наш фронт приступил к восстановлению железнодорожного участка, проходящего по тылам фронта, — Нежин — Прилуки — Гребенка — Золотоноша и Бахмач — Прилуки.

24.9 была готова линия к пропуску поездов Нежин — Прилуки, к 30.9 будет готова линия от Гребенки и 3.10 — до Золотоноши. Но линия железной дороги Бахмач — Нежин находится на участке Центрального фронта и в его подчинении, поэтому для пропуска поездов через его участок требуется ваше решение.

Мы обратились в Управление Тыла Красной Армии для разрешения пропуска нам через Бахмач — Нежин четырех пар поездов ежедневно до станции Прилуки и с 30.9 с продлением линии железной дороги до Гребенки ещё четырёх пар, всего 8 пар.

26.9 получил от Управления Тыла Красной Армии ответ, что нам разрешено только две пары, со ссылкой на то, что это основная коммуникация Центрального фронта, в то же время как Центральный фронт имеет железнодорожные линии Брянск — Бахмач, Бахмач — Гомель, Льгов — Ворожба — Бахмач.

Воронежский фронт в этом направлении не имеет ни одной линии. Полтава — Гребенка, которая нами планируется как основная магистраль, сильно разрушена и потребует длительного времени для восстановления. Фронт же должен передислоцировать тылы армий и фронта сейчас, немедленно и сделать необходимые запасы на линии Нежин — Золотоноша, ибо с продвижением дальше за Днепр наших войск коммуникации ещё больше растянутся, и мы затрудним успешное выполнение боевых задач армий из-за недостаточной подачи боеприпасов, горючего и продовольствия.

Исходя из этого, Военный совет просит разрешить нашему фронту подачу 8 пар поездов в сутки из Белгорода через Сумы — Ворожба — Бахмач — Нежин на Прилуки — Гребенка — Золотоноша.

Командующий войсками Воронежского фронта
Генерал армии Н. Ватутин».

Обращение Ватутина получило поддержку Сталина. Поступление боеприпасов для войск фронта значительно улучшилось. Одновременно в полосе фронта военные железнодорожники с помощью местного населения в круглосуточном режиме восстанавливали коммуникации, разрушенные немцами при отступлении.

И всё равно нерешенных проблем хватало. Ставка же в привычном для себя стиле требовала от Ватутина ускорить подготовку с захваченных плацдармов главного удара на Киев. А бои на этих небольших полосках земли шли тяжелейшие. Непрерывно контратакуя, немцы прилагали огромные усилия, чтобы сбросить советские части в реку и восстановить фронт обороны по западному берегу Днепра. Когда эта тактика не принесла желаемых результатов, немцы перешли к жесткой обороне, стараясь любой ценой удержать занимаемые рубежи и не допустить дальнейшего продвижения советских войск.

К началу октября немецкое командование сконцентрировало против Воронежского фронта 30 дивизий, из них 7 танковых, что составляло почти половину соединений группы армий «Юг». Это была мощная группировка, к слову, примерно таким же количеством войск противник располагал на южном фланге Курской дуги.

Сталину не терпелось освободить Киев. Он постоянно подгонял Ватутина. 29 сентября Ставка передала Воронежскому фронту 60-ю армию Черняховского и 13-ю армию Пухова, раньше входивших в состав Центрального фронта. Всё это было сделано с целью улучшения управления и усиления группировки войск Воронежского фронта. Правда, этой же директивой от Ватутина передали Степному фронту 52-ю и 4-ю гвардейскую армии.

При планировании операции Николай Федорович сделал ставку на Букринский плацдарм, поскольку он был расположен ближе к Киеву. Да и захват его прошел успешно, на нём удалось сосредоточить значительное количество войск, включая 3-ю гвардейскую танковую армию генерал-лейтенанта П. С. Рыбалко. Но были и минусы — это сильно пересеченная местность, вся покрытая поросшими холмами, изрезанная крутыми обрывами и оврагами. Все эти естественные препятствия мешали маневру войск, особенно танковым соединениям. В то же время они облегчали немцам оборону. На тот момент противник подтянул сюда до десяти дивизий, из них пять танковых.

Опытный Жуков, являвшийся представителем Ставки на Воронежском и Степном фронтах, засомневался в правильности выбора Ватутиным направления главного удара. 5 октября Николай Федорович получил от Жукова записку, в котором тот изложил свои доводы:

«Вводить [3-ю гвардейскую] танковую армию раньше, чем будет захвачен рубеж выс. 175,2 высоты, прилегающей к западной части Вел. Букрин, Мал. Букрин, Колесище, выс. 209,7, невозможно по следующим причинам:

1. Глубина обороны противника сейчас эшелонирована до Мал. Букирина включительно.

2. Местность настолько пересечена, что танковая армия вынуждена будет двигаться только по тропинкам и дорогам, преодолевая на своём пути большие крутизны дорог.

3. Маневр её по фронту с целью обходов будет невозможен из-за характера местности.

4. Тактическую оборону включительно до Мал. Букрин нужно сломать артиллерией и пехотой с танками поддер-

жки и самоходными орудиями. Только с захватом вышеуказанной линии танковая армия должна обогнать боевые порядки пехоты. Более ранний ввод её на этой местности погубит армию».

Но Николай Федорович настаивал на своем варианте наступления. Что двигало им? Ответ лежит на поверхности: на Букринский плацдарм уже были стянуты основные силы фронта, их переброска на новый участок требовала затрат и времени. Кроме того, другие плацдармы были в разы меньше Букринского, и развернуть там большую группировку не представлялось возможным. Об этом Ватутин не единожды говорил с Жуковым и сумел его убедить атаковать с Букринского плацдарма.

Наступление войск фронта началось 12 октября. После артиллерийской и авиационной подготовки вперед пошли 47, 40 и 27-я армии и сразу же натолкнулись на ожесточенное сопротивление немцев. Ввод Ватутиным 3-й танковой армии также не помог «прорубить» глубоко эшелонированную оборону противника. В первый день наступления войска сумели продвинуться на разных участках всего лишь на 1—8 километров.

К сожалению, не принесли успеха и последующие дни. Такое положение дел не устраивало Ватутина. В ночь на 15 октября он в ряде своих распоряжений жестко потребовал выполнения армиями возложенных на них задач. В шифрограмме на имя командующего 38-й армией генерал-полковника К. С. Москаленко, подписанной в 1.50, Николай Федорович указывал:

«Действия армии медлительны и недостаточно организованны. Назначенные сроки наступления по несколько раз изменяются, переносятся без особых на то причин без разрешения Военного Совета фронта.

Приказываю наступление всеми силами продолжать с утра 15.10.43 г. и не допускать отмеченных выше недочетов.

Быстро и организованно ввести в бой Кравченко (корпус указать) и совместно со стрелковыми дивизиями разгромить противника на подступах к Киеву. В дальнейшем стремительной атакой овладеть Киевом».

Шифротелеграмму аналогичного содержания, подписанную Ватутиным, получил в ту же ночь и командующий 60-й армией генерал-лейтенант И. Д. Черняховский. В ней говорилось: «Войска армии почти на всех участках успеха не имеют, топчутся на месте. Главной из причин является распыление сил и средств вместо того, чтобы на участке

каждого наступающего соединения сосредоточивать превосходство сил на главных направлениях и создать большую плотность артиллерийского и минометного огня на участке главного удара.

Если Вы не примете решительных мер для проталкивания 1-го гвардейского кавкорпуса в глубину противника, то есть опасность, что кавкорпус превратится в обычное стрелковое соединение и будет истощен в бесплодных лобовых атаках, совершенно потеряет свою роль как подвижно-маневренное соединение. Приказываю:

1. Наметить и организовать прорыв фронта противника на узком участке, создав плотность артогня не менее 150 стволов на один километр фронта. На этом же участке массированно использовать танки, во что бы то ни стало прорвать фронт обороны противника и пропустить 1-й гвардейский кавалерийский корпус для развития успеха.

2. Во всех наступающих соединениях четко выражать участок и направление главного удара и обеспечивать на них превосходство сил и большую плотность огня.

3. Исполнение и Ваши мероприятия донести».

Жесткие указания Ватутина не возымели действия. Войска дважды переходили в наступление, но прорвать созданный противником мощный рубеж с достаточным количеством живой силы и техники, инженерными сооружениями, минными полями им так и не удалось.

Какие мысли и чувства были в голове Николая Федоровича, можно только догадываться. Внешне он оставался спокойным, не расслаблял волю, но внутри всё клокотало. Отдавать приказ командармам на начало очередного наступления? И опять биться как рыба об лёд... Готовить новую операцию? Но резервы все исчерпаны. Что отвечать Сталину? Ведь накануне наступления он твердо заверил Верховного, что войска фронта выполнят поставленные задачи. А в результате всю неделю топтались на месте и понесли огромные потери. Вопросы, вопросы... Они не давали покоя ни днём ни ночью. Надо было искать выход и исправлять положение.

Военный совет Воронежского фронта доложил в Ставку 18 октября о текущей ситуации: «В настоящее время на плацдарме непосредственно в 20–30 км севернее Киева (плацдарм в районе Лютежа) 38-я армия сломила сопротивление противника и преследует его. Имеется полная возможность развивать дальнейший успех в юго-западном направлении; однако резервов для этого не имеем. Имеется

также возможность развить успех с плацдарма 60-й армии (Черняховского), но также не имеем сил... Развитие успеха севернее Киева значительно облегчало бы прорыв фронта с Букринского плацдарма и облегчило бы полное выполнение поставленных Вами задач фронту».

Как видно из доклада, войска фронта были готовы продолжать наступление, но для этого, читаем между строк, нужны резервы и дополнительные силы. Пока ждали решения Ставки, Ватутин приказал командармам все атаки прекратить, а войскам закрепиться на достигнутых рубежах. 23 октября Сталин заслушал его доклад о сложившейся обстановке. Обратимся к воспоминаниям К. С. Москаленко:

«Помню, в полдень 23 октября к нам на НП на Букринском плацдарме, откуда мы с П. С. Рыбалко и [членом Военного совета 40-й общевойсковой армии генерал-майором] А. А. Епишевым руководили боем, подъехал Н. Ф. Ватутин. В то время, когда мы докладывали ему обстановку, Николая Федоровича попросили к аппарату ВЧ. Вызывал Верховный Главнокомандующий. Выслушав доклад командующего фронтом, И. В. Сталин неодобрительно отнесся к намерению продолжать наступление с Букринского плацдарма. Не претендуя на дословное воспроизведение всего этого разговора, полагаю, однако, целесообразным изложить его так, как он был потом подробно передан нам Н. Ф. Ватутиным. — Видимо, войскам товарищей Москаленко и Рыбалко, — сказал Верховный, — очень трудно наступать на Киев с этого плацдарма. Местность там резко пересеченная, и это мешает маневрировать большими массами танков. Противнику это удобно. И местность у него возвышенная, командующая над вашей. Кроме того, он подтянул крупные силы — танковые и моторизованные дивизии, много противотанковых средств и авиации. Все это вы и сами знаете. Остается сделать вывод. Он состоит в том, что ударом с юга Киева вам не взять. А теперь посмотрите на Лютежский плацдарм, находящийся к северу от Киева в руках 38-й армии. Он хотя и меньше, но местность там ровная, позволяющая использовать крупные массы танков. Оттуда легче будет овладеть Киевом. — Помолчав, И. В. Сталин добавил: — Предлагаю вам продумать вопрос о рокировке 3-й гвардейской танковой армии, а также частей усиления 40-й армии на Лютежский плацдарм. Надо скрытно, в темное время суток, вывести их с Букринского плацдарма на Лютежский. 40-й и 27-й ар-

миям продолжать демонстрацию наступления с прежнего направления. Словом, врага нужно обмануть».

Уже к концу следующего дня в штаб фронта поступила директива Ставки, официально подтвердившая указания и распоряжения Сталина. В ней говорилось:

«1. Ставка ВГК указывает, что неудача наступления на Букринском плацдарме произошла потому, что не были своевременно учтены условия местности, затрудняющие здесь наступательные действия войск, особенно танковой армии. Ссылки на недостаток боеприпасов не основательны...

2. Ставка приказывает произвести перегруппировку войск 1-го Украинского фронта* с целью усиления правого крыла фронта, имея ближайшую задачу — разгром киевской группировки противника и овладение Киевом.

Для чего:

— 3-ю гвардейскую танковую армию Рыбалко перевести на участок фронта севернее Киева, используя ее здесь совместно с 1-м гвардейским кавкорпусом. Слабые в ходовом отношении танки Рыбалко оставить на месте для пополнения ими 8-го гвардейского и 10-го танковых корпусов. Поступающие на пополнение фронта танки использовать в первую очередь для укомплектования танковых корпусов Рыбалко;

— усилить правое крыло фронта 3—4 стрелковыми дивизиями за счет левого крыла фронта;

— использовать также для усиления правого крыла фронта 135 и 202 стрелковые дивизии, передаваемые вам из 70-й армии резерва Ставки;

— привлечь к участию в наступлении на Киев 60-ю и 38-ю армии и 3-ю гвардейскую танковую армию.

3. Наступательные действия на Букринском плацдарме вести остающимися здесь силами, в том числе танковыми частями, с задачей притянуть на себя возможно больше сил противника и при благоприятных условиях прорвать его фронт и двигаться вперед.

4. Переброску Рыбалко произвести так, чтобы она прошла незаметно для противника, используя макеты танков.

5. Переброску Рыбалко и 3—4 стрелковых дивизий с левого крыла начать немедленно и закончить сосредоточение их на правом крыле к 1—2.11.43 года.

* Воронежский фронт 20 октября 1943 года был переименован в 1-й Украинский.

6. Наступление правого крыла начать 1—2.11.43 г., с тем чтобы 3-я гвардейская танковая армия начала действовать 3—4.11.43 г. Левому крылу начать наступление не позже 2.11.43 г.

7. Разгранлинию между Белорусским и 1-м Украинским фронтами оставить прежнюю. Из состава 61-й армии Белорусского фронта передать с 24.00 25.10.43 г. две левофланговые стрелковые дивизии в состав 13-й армии 1-го Украинского фронта.

8. Исполнение донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

Сталин

Антонов».

В штабе фронта незамедлительно приступили к разработке основных маршрутов и графика переброски войск с Букринского плацдарма под Лютеж.

— Если мы не сумеем скрытно и в срок перегруппировать войска, то успеха нам не видать, — сразу же сориентировал офицеров и генералов Ватутин. — Пусть каждый командир и политработник поймет, что от строгого сохранения военной тайны, соблюдения всех мер маскировки, от высокой дисциплины и организованности войск во многом зависит исход Киевской операции.

На подготовку операции отводилось семь-восемь суток. Поэтому на счету были не только каждый день, но и каждый час. Чтобы не допустить утечек, к планированию операции на начальном этапе в штабах привлекалось лишь ограниченное число лиц.

Первая крупная перегруппировка войск началась 26 октября. С позиций Букринского плацдарма скрытно снимались танковые бригады и артиллерийские части, а это — сотни танков, самоходно-артиллерийских установок, орудий, бронетранспортёров, автомобилей... На их место устанавливали макеты танков, шло оборудование ложных огневых позиций батарей и дивизионов. Расположенные в этом районе артиллерийские подразделения поддерживали прежний режим огня. Не изменился порядок работы оставленных здесь радиостанций. Наоборот, радиообмен ещё больше активизировали, хотя след находившихся здесь штабов давно простыл.

Иными словами, была имитация привычных будней плацдарма. На самом же деле с Букринского плацдарма постепенно уходили к Лютежу 3-я гвардейская танковая армия, 7-й артиллерийский корпус прорыва, 23-й стрелковый

корпус, а также ряд инженерных, артиллерийских соединений и частей. переброска войск осуществлялась исключительно в тёмное время суток. По раскисшим от дождей полевым дорогам ползли, именно ползли танки, автомобили, тракторы... Вся эта армада двигалась с выключенными фарами. Категорически запрещалось открывать огонь без разрешения старших командиров, а также разводить костры во время привалов. Также при совершении передислокации войск в целях маскировки широко использовались дымовые завесы.

Уникальный в своём роде переход совершили танкисты. Это был марш, как вспоминали потом его участники, равный выигранному бою. Пройдя почти 200 километров вдоль фронта, они форсировали Десну и вновь переправились через Днепр на Лютежский плацдарм. Причём Десну из-за отсутствия моста танкистам пришлось преодолевать вброд, поскольку переправу большой грузоподъёмности сапёры могли построить только через 7—8 дней. Но кто даст такой большой срок?

— Время упустим и потеряем плацдарм, — прямо сказал Ватутин командиру 5-го гвардейского танкового корпуса генерал-лейтенанту танковых войск А. Г. Кравченко. — Надо постараться преодолеть Десну вброд.

С помощью местных жителей танкисты нашли подходящее место для переправы. Однако глубина брода превышала норму, установленную для «тридцатьчетверок». Поэтому было принято решение идти по дну реки. Экипажи задраили люки танков, проконопатили все щели паклей, пропитанной солидолом, залили их смолой. Промасленными брезентовыми рукавами были удлинены выхлопные трубы. А для доступа воздуха оставался открытым башенный люк, через который командир экипажа мог вести наблюдение и указывать маршрут механику-водителю, управлявшему машиной вслепую.

Это сейчас имеются плавающие танки, боевые машины пехоты, бронетранспортеры... Но тогда такой техникой Красная армия не располагала. В данном же случае по дну Десны переправлялись многотонные Т-34. Когда танк достигал середины реки, вода подступала к самому верху башни, брызги и волны порой перехлестывали через люк. Иногда вода пробивалась сквозь паклю, заливала людей. Проявив мужество, выдержку и стойкость, участники переправы за восемь часов провели по дну Десны на западный берег реки более 70 боевых машин.

В тот период большую помощь танкистам и артиллеристам оказали инженерные части. В сложных погодных условиях, под огнем врага они навели через Днепр понтонный и соорудили два деревянных моста с настилом ниже уровня воды, что делало их почти незаметными с воздуха. Одновременно оборудовались и ложные переправы, которые, так же как и действовавшие, прикрывались дымовыми завесами.

Будущий министр обороны СССР и Маршал Советского Союза А. А. Гречко, а в октябре 1943 года генерал-полковник, 1-й заместитель Ватутина, в своих мемуарах так описывал передислокацию войск: «Проливной дождь сокращал видимость и заглушал шум. Войска собрались на другой стороне реки; днём они отдыхали, а ночью двигались по четырём дорогам, параллельным линии фронта. Марш завершили за семь ночей. Были приняты тщательные меры для сохранения скрытности передвижения. Для формирований на марше был установлен полный запрет на переговоры в эфире, а все средства связи 3-й гвардейской танковой армии оставили на Букринском плацдарме, и по ним велись активные переговоры. На место выведенных танков и машин поставили макеты. Они выглядели так правдоподобно, что в конце октября немецкие люфтваффе дважды их бомбили. Отвлекающие атаки с плацдарма заставили немецкое командование предположить, что готовится наступление. Нашей целью было предотвратить отвод с плацдарма немецких войск и по возможности склонить противника к переброске дополнительных резервов вместо предполагаемого главного удара. Навели через Днепр ложные мосты, чтобы создать картину подтягивания свежих сил и укрепить противника во мнении, что главный удар будет наноситься здесь, в районе Букрина. Маскировка полностью удалась».

Не нарушив установленных сроков, переброска огромной группировки советских войск с одного плацдарма на другой была успешно завершена. По оценке военных экспертов, подобная передислокация войск в непосредственной близости от линии фронта, с тройной переправой через крупные водные преграды, история войн ещё не знала.

На новом направлении главного удара Ватутину удалось создать мощный кулак сил и средств. На участке шириной в 14 километров, что составляло 4 % общей ширины полосы наступления фронта, была сосредоточена ударная

группировка, превосходившая противника в 4,6 раза по артиллерийским орудиям и минометам и в 9 раз по танкам.

Но как бы скрытно ни проводились мероприятия, немцы всё равно чувствовали что-то неладное. Их командование несколько не сомневалось в том, что русские в ближайшее время вновь возобновят наступление на Киев. Где и когда это случится, немцы не знали, поэтому активизировали все виды разведки.

— Манштейн сейчас, должно быть, рвет и мечет, требует точных данных о наших войсках, о сосредоточении ударных группировок, — справедливо заметил на одном из совещаний Николай Федорович. — Поэтому будем продолжать вести начатую с ним игру. Манштейн — хитрая лиса, но мы должны его обмануть...

По распоряжению командующего в целях оперативной маскировки было подготовлено несколько экземпляров ложного приказа по войскам фронта. Тут же разведотдел позаботился о том, чтобы эти и другие «документы» обязательно попали в руки немцев. Кроме того, среди местного населения распустили слухи о скором наступлении русских.

Ход подготовки к операции скрупулезно контролировал представитель Ставки маршал Жуков. 30 октября, накануне грядущих событий, Юрьев (кодовое имя Г. К. Жукова) направил Иванову (кодовое имя И. В. Сталина) следующее секретное сообщение:

«Ещё раз проверил план операции армий Николаева [Ватутина. — Н. К.] и после внесенных мною поправок считаю вполне законченным. Был у Москаленко, где на инструктивном совещании дал командирам дивизий и корпусов практические указания по подготовке и проведению предстоящей операции. Наступление с Букринского плацдарма готовим на 1.11.43».

Накануне операции Николай Федорович, ставя боевые задачи командующим армиями, командирам корпусов и бригад, особенно подчеркнул необходимость внезапности и стремительности танкового удара с Лютежского плацдарма.

— Быстрота и решительность при прорыве вражеской обороны — вот залог нашего успеха, — сказал он. — Если не сможем этого сделать, враг успеет перебросить сюда свои войска из-под Буcriна. Тогда нам наступать будет гораздо труднее.

Как и планировалось, 1 ноября с Букринского плацдарма началось отвлекающее наступление советских войск.

Оставшиеся здесь части и соединения атаковали позиции противника. В течение первого дня они овладели передовыми траншеями противника, но дальше продвигаться не стали. 2 ноября бои разыгрались с новой силой. Немецкое командование, уверенное в том, что русские наносят здесь главный удар, срочно выдвинуло под Букрин свои резервы, в том числе 2-ю танковую дивизию СС «Рейх». Это и надо было советскому командованию.

Николай Федорович как раз находился на этом участке фронта. Прильнув к стереотрубе, он наблюдал за очередной атакой противника. Впереди ползли тяжёлые «Тигры» с десантом на броне. Следом за ними двигались бронетранспортёры с пехотой. Фланги прикрывали неповоротливые «Фердинанды». Но, как только танки приближались к советским позициям, их встречал прицельный огонь артиллерии.

В самый разгар боёв под Букрином, а именно 3 ноября, от Ватутина поступил приказ войскам «тихого» Лютежского плацдарма о начале реального наступления на Киев. Одновременно Николай Федорович дал командному составу частей и соединений следующие указания: «Успешное выполнение задач зависит в первую очередь от стремительности, смелости и решительности ваших действий. Ваша цель — в самый кратчайший срок выполнить поставленные вам задачи, для чего, не боясь оторваться от пехоты, стремительно двигаться вперед, смело уничтожать отдельные очаги противника, навести панику среди его войск. Стремительно преследовать их, с тем чтобы к утру 5 ноября нам занять Киев. Командирам всех степеней быть со своими частями и лично вести их для выполнения задачи».

После массированной артиллерийской подготовки — плотность артиллерии на участке прорыва превышала 300 стволов на километр фронта — передовые части 38-й армии генерал-лейтенанта Москаленко и 60-й армии генерал-лейтенанта Черняховского устремились вперед. Большую помощь сухопутным войскам оказала 2-я воздушная армия генерал-лейтенанта авиации Красовского. Накануне, в ночь на 3 ноября, ночные лёгкие бомбардировщики совершили более двухсот вылетов, нанося удары по позициям противника. А после начала операции авиация действовала непрерывно. Только в первый день советские лётчики сбили 31 немецкий самолёт.

Развивая наступление, 38-я армия генерал-лейтенанта Москаленко и 60-я армия генерал-лейтенанта Черняхов-

ского всё больше вгрызались в сильно укрепленную оборону противника. Завязались ожесточенные бои. Немцы стояли прочной стеной. Люфтваффе группами по 40 самолётов совершали постоянные налёты на наступавшие войска.

В первый день наступления войска фронта продвинулись на 6—12 километров. На второй день бои приняли ещё более напряженный характер. К тому же резко ухудшилась погода, шел надоедливый мелкий дождь, видимость была плохой. На авиацию уже нельзя было рассчитывать. Однако никаких остановок не предполагалось. Ватутин, чтобы дальше развить достигнутый успех, ввел в сражение 3-ю гвардейскую танковую армию генерал-лейтенанта П. С. Рыбалко.

— Настал твой час, Павел Семенович, — напутствовал командарма Николай Федорович. — Медлить нельзя. Танковый кулак у тебя мощный. Громыхни им так, чтобы все тылы и коммуникации противника затрещали. Надеюсь на успех.

— Все ясно, товарищ командующий. Можете не сомневаться: армия выполнит приказ! — заверил Ватутина Рыбалко.

В середине дня танкисты Рыбалко во взаимодействии с частями Москаленко прорвали вторую полосу обороны немцев и вышли на оперативный простор. Противник отчаянно сопротивлялся. Однако расстояние до столицы Украины неумолимо сокращалось. К полуночи советские войска, сметая на своём пути обессиленные подразделения вермахта, уже были у северной окраины Святошино* и в районе шоссе Киев — Житомир. Мощный бронированный натиск сопровождался световыми и шумовыми эффектами. Танки, развернувшись в линию, стремительно двигались вперёд, разрезая полотно ночи ярким светом множества фар. Выли сирены, шла стрельба с ходу из пушек и пулеметов. Немцы металась в панике, им казалось, что они попали в ад. К утру 5 ноября танкисты Рыбалко окончательно перерезали шоссе Киев — Житомир, лишив немцев важной коммуникации. Одновременно были созданы благоприятные условия для войск, наступающих на столицу Украины.

Ватутин неослабно держал в своих руках все нити управления войсками. Его наблюдательный пункт был оборудован на безымянной высоте юго-западнее населенного

* Дачный посёлок неподалёку от Киева.

пункта Новопетровцы, фактически в нескольких сотнях метров от переднего края немцев. Это позволяло ему лично наблюдать за обстановкой. Николай Федорович, как всегда, в спокойной манере, но твердо руководил действиями наступающих армий, корпусов и дивизий.

В дальнейшем в течение дня 38-я армия и 3-я гвардейская танковая армии добились решающего перелома в наступлении: части и соединения вышли на западную и северо-западную окраины Киева и постепенно продвигались к центру города. Вечером Ватутин отправил подробное донесение Сталину, в котором говорилось:

«Для непосредственной обороны Киева противник сосредоточил шесть пехотных дивизий (68, 75, 82, 88, 223 и 323 пд) с частями усиления — 385 учебный батальон, 101 и 109 артполки РКК, 1 учебный минометный полк тяжелых метательных аппаратов, 618 дивизион ПТО, 202 дивизион штурмовых орудий, 11 и 12 отдельные штурмовые роты. С начала нашего наступления в район Киева противник подтянул 5 и 7 танковые дивизии (с общим количеством до 150 — 170 танков) и 20 моторизованную дивизию из резерва.

Против ударной группы 60-й армии противник имел шесть пехотных дивизий (183, 208, 217, 291, 327 и 340 пд) с частями усиления — 231 артполк и 276 дивизион штурмовых орудий РКК и 4.11.43 г. подтянул 8 танковую дивизию (80 танков).

Для прикрытия Киева с севера противник построил три укрепленные полосы обороны с развитой системой инженерных укреплений. Каждая полоса обороны имела окопы полного профиля с ходами сообщений, противотанковые рвы, проволочные заграждения, лесные завалы и минные поля.

В ходе боев за Киев войска 1 Украинского фронта разбили 68, 75, 82, 88, 323, 340, 183, 217 и 327 пд, 20 мд и 7 тд, которые потеряли до 60—70% личного состава и большую часть материальной части. В боях подбито и сожжено до 100 танков, захвачено до 1300 пленных. Захвачены большие трофеи — склады боеприпасов, вооружения и снаряжения, подсчет которых продолжается».

Эту телеграмму Ватутин отправил в Ставку в 21 час 40 минут, а позднее ночью ему позвонил Сталин. Верховный был в хорошем настроении.

— Судя по вашему докладу, товарищ Ватутин, операция по освобождению Киева близится к концу, — неторопливым голосом сказал Верховный.

— Да, товарищ Сталин, счёт идет на часы, — ответил Николай Федорович, — бои идут уже в центре города.

— Очень хорошо, товарищ Ватутин, — продолжал Сталин. — Освобождение Киева будет иметь огромное значение для всего нашего народа, станет хорошим подарком к 26-й годовщине Октября. Поэтому постарайтесь поскорее выполнить поставленную перед вами задачу.

И эта задача была выполнена. К четырём часам утра 6 ноября войска фронта полностью овладели столицей Украины. Сразу же в адрес Верховного главнокомандующего И. В. Сталина ушла телеграмма, подписанная представителем Ставки Маршалом Советского Союза Жуковым и Ватутиным. Текст был лаконичен: «С величайшей радостью докладываем Вам о том, что задача, поставленная Вами по овладению нашим прекрасным городом Киевом — столицей Украины, — войсками 1-го Украинского фронта выполнена. Город Киев полностью очищен от немецких оккупантов. Войска 1-го Украинского фронта продолжают выполнение поставленной Вами им задачи».

Освобожденный от оккупантов город произвел на Ватутина удручающее впечатление. Да иначе и быть не могло. Ведь Николай Федорович помнил Киев другим — красивым, цветущим и многолюдным. Но это было до войны. Теперь же, проезжая по знакомым улицам и площадям, он с нескрываемой болью смотрел на пожарища и выжженные изнутри коробки зданий. Прекрасный город лежал в руинах. Самое ужасное состояло в том, что многие дома, заводы, церкви были разрушены не в ходе уличных боев, а специальными подрывными командами отходивших гитлеровцев. Уходя, захватчики постарались оставить после себя одни развалины.

Столица Советской Украины находилась в руках врага 778 дней и ночей. До войны в Киеве было 900 тысяч жителей, после его освобождения их насчитывалось всего 180 тысяч. За два с лишним года оккупанты и их пособники уничтожили около 200 тысяч киевлян. Оставшиеся в живых и не угнанные в Германию люди радовались своему освобождению. Они бросались навстречу солдатам и офицерам, плакали, обнимали и целовали их. На улицах стихийно возникали митинги. Несколько раз машина Ватутина оказывалась в гуще киевлян. Николай Федорович обменивался крепкими рукопожатиями с горожанами, принимал их поздравления. Пришло поздравление и от Верховного главнокомандующего. В приказе, подписанном Сталиным, было сказано:

«Генералу армии Ватутину Войска I [–го] Украинского фронта в результате стремительно проведенной операции со смелым обходным маневром сегодня, 6 ноября, на рассвете, штурмом овладели столицей Советской Украины городом Киев — крупнейшим промышленным центром и важнейшим стратегическим узлом обороны немцев на правом берегу Днепра. Со взятием Киева нашими войсками захвачен важнейший и наивыгоднейший плацдарм на правом берегу Днепра, имеющий важное значение для изгнания немцев из Правобережной Украины.

В боях за освобождение города Киева отличились войска генерал-полковника Москаленко, генерал-лейтенанта Черняховского, танкисты генерал-лейтенанта Рыбалко, летчики генерал-лейтенанта авиации Красовского и артиллеристы генерал-лейтенанта артиллерии Королькова».

Этим же приказом 65 отличившимся частям и соединениям присваивалось почетное наименование Киевских. Уместно добавить, что с 12 октября по 7 ноября 1943 года в войсках фронта было вручено 17 479 орденов и медалей. Званием Героя Советского Союза Родина удостоила около 700 воинов фронта, наградные листы на большинство из них подписывал лично Ватутин. Также из его рук многие солдаты, сержанты, офицеры и генералы получили различные награды. Всего же за форсирование Днепра и проявленные при этом мужество и самоотверженность 2438 представителей всех родов войск (47 генералов, 1123 офицера, 1268 сержантов и солдат) были удостоены звания Героя Советского Союза.

Что удивительно, сам Николай Федорович никаких наград не получил. Ни за форсирование Днепра, ни за взятие Киева. Не заслужил? Забыли? Но в списках награжденных нет и генералов Конева, Малиновского, Рокоссовского, фронты которых принимали активное участие в операциях по изгнанию немецко-фашистских захватчиков с территории Левобережной Украины. Безусловно, решающую роль в битве за Днепр сыграли войска фронта, которым командовал Ватутин. Тогда в чём же причина? Возможно, Сталин планировал позднее поощрить высший генералитет, в том числе и Николая Федоровича. Пока же он ограничился лишь приказом об объявлении благодарности Ватутину и войскам его фронта. К сожалению, боевые заслуги генерала армии не будут отмечены и в дальнейшем...

Тем же вечером Москва 24 артиллерийскими залпа-

ми салютовала войскам 1-го Украинского фронта. Буйный гром 320 орудий расколол ночное небо столицы, озарив багровыми всполохами улицы и площади. Это был самый крупный салют со дня учреждения столь торжественного ритуала. Интересный факт. За время войны Москва 68 раз салютовала в честь побед 1-го Украинского фронта — это самый высокий показатель среди других фронтов.

На следующий день в Киеве состоялся многотысячный митинг, посвященный освобождению города. Горожане слышали выступления представителя Ставки ВГК Жукова, писателя Миколы Бажана. И, понятно, выступил Ватутин, главный виновник торжества. Он передал киевлянам боевой привет от всего личного состава 1-го Украинского фронта.

— Огромное стремление к Днепру, — сказал Николай Федорович, — стремление на плечах противника форсировать эту могучую водную преграду привело к тому, что части Красной армии в кратчайший срок очистили от врага всю Левобережную Украину и перевалили на правый берег. Этот порыв создал тысячи Героев Советского Союза, показавших свою богатырскую силу и невиданный героизм. Каждый боец, офицер и генерал 1-го Украинского фронта видел перед собой наш родной Киев. Верховный главнокомандующий дал приказ войскам 1-го Украинского фронта овладеть Киевом 6 ноября. Этот приказ был точно выполнен. Наш родной Киев освобожден от врага... Разрешите заверить вас, товарищи киевляне, в том, что войска нашего фронта сделают всё, чтобы ускорить окончательную победу над коварным врагом.

Столица Украины славил своих освободителей. Состоявшийся массовый митинг служил тому подтверждением. Во время этих торжеств, как вспоминал бывший член Военного совета фронта генерал-полковник К. В. Крайнюков, кто-то из руководителей города, видимо, из самых добрых побуждений назвал Николая Федоровича освободителем Киева. Однако Ватутин резко прервал оратора:

— К чему славословие и такие неуместные эпитеты? Просто неловко слушать подобные речи. Разве я один брал Киев? Тысячи солдат его освобождали и кровь свою проливали...

Освобождение Киева вызвало большой резонанс за рубежом. Американская и английская пресса расценивала это событие как новый мощный удар по нацистской Германии. Вот что сообщало Лондонское радио в те дни: «Заня-

тие этого города советскими войсками является победой, имеющей огромное не только военное, но и моральное значение. Когда гитлеровцы заняли Киев, они хвастливо заявляли, что это повлечет за собой полнейшее поражение советских войск на всем юго-востоке. Теперь времена изменились. Германия слышит звон похоронного колокола. На неё надвигается лавина».

Западные средства массовой информации несколько не гиперболизировали — лавина русских действительно надвигалась. Мощная, стремительная. Николай Федорович всегда был сторонником активных действий, в том числе внезапных ударов по противнику. Поэтому о передышке не могло быть и речи. Вперед, только вперед! Другого лозунга в передовых порядках никто не знал.

Глава 14

ВПЕРЕД, НА ЗАПАД!

Сразу же после освобождения Киева Ватутин поставил перед своими войсками новые задачи. В соответствии с его директивой 38-й армии Москаленко предписывалось развивать наступление на Житомир, а частью сил — на Белую Церковь. Южнее Белой Церкви в направлении на Кагарлык должны были действовать 27-я армия генерал-лейтенанта С. Г. Трофименко и 40-я армия генерал-лейтенанта Ф. Ф. Жмаченко. На 60-ю армию И. Д. Черняховского возлагалась задача нанести удар по немецким войскам в районе Радомышль, Черняхов, а также Коростень. Ещё одной армии — 13-й, которой командовал генерал-лейтенант Н. П. Пухов, предстояло выйти на Овруч.

Немецкое командование, понимая, что Ватутин собрал большие силы именно в районе Киева, незамедлительно предприняло ряд мер для усиления на этом участке группы армий «Юг». В спешном порядке сюда были переброшены с других позиций части 25-й танковой дивизии, 198-я пехотная дивизия, 2-я танковая дивизия СС «Рейх». Из Италии прибыла 1-я танковая дивизия СС «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер». И это был далеко не полный перечень соединений, переброшенных Ставкой фюрера из Европы для усиления своих войск на Украине. В общей сложности на этом участке фронта насчитывалось 26 дивизий, в том числе 7 танковых. Остановить русских, отбить Киев — вот чего ни много ни мало хотели гитлеровские гене-

ралы. Ведь удалось же однажды вернуть Харьков... Но «русские стремительно развивали достигнутый успех. 7 ноября их передовые части достигли Фастова... а еще через два дня их танки ворвались в предместье крупного города Житомир, — писал после войны участник этих боев немецкий генерал-майор Ф.-В. фон Меллентин. — Широкий и глубокий клин, вбитый русскими в немецкую оборону, грозил отсечь группу армий «Юг» от группы армий «Центр»...»

Войска Ватутина овладели Житомиром 12 ноября. Этот областной центр являлся крупным железнодорожным узлом. Здесь немцы сосредоточили свои военные склады. По сути, это была их база снабжения, которой их теперь лишили. Было захвачено огромное количество боевой техники, боеприпасов, продовольствия, горючего, других трофеев.

Наступление продолжалось. В течение недели части и соединения 1-го Украинского фронта продвинулись вперед на 150 километров и заняли ряд крупных населенных пунктов, в том числе Фастов, Коростень, Овруч... На правом берегу Днепра образовался стратегический плацдарм, протяженность которого по фронту превышала 500 километров. В результате важные коммуникации, связывавшие немецкие группы армий «Центр» и «Юг», были перерезаны.

Однако и сопротивление немцев нарастало. Безрадостные доклады командармов и командиров корпусов тревожили Ватутина. Не прибавляли оптимизма и проблемы морального порядка. 10 ноября, в самый разгар тяжелейших боев, приказом Ставки был отстранен от должности начальник штаба фронта генерал-лейтенант С. П. Иванов. Такое решение Москвы, а оно инициировалось заместителем начальника Генерального штаба генералом армии А. И. Антоновым, стало для Ватутина полной неожиданностью. И, как всегда, не ко времени.

Иванов, по сути, являлся правой рукой Николая Федоровича. Их пути-дороги пересеклись еще на Юго-Западном фронте, когда решалась судьба Сталинграда. Потом были сражение на Курской дуге, битва за Днепр. Везде Семен Павлович проявил себя как один из способнейших штабных работников фронтового звена. Он непосредственно участвовал в подготовке оборонительных и наступательных операций фронтов, всегда четко организовывал деятельность штабов. Что касается человеческих качеств, то Иванов характеризовался как трудолюбивый и порядочный генерал. И тем не менее его сняли с должности. Впрочем, обратимся к документу:

«Приказ Ставки ВГК № 30241 “О случаях представления штабом 1-го Украинского фронта неточных сведений и наказании виновных” 11 ноября 1943 г. 05 ч 00 мин.

В течение двух дней штаб 1-го Украинского фронта сообщал в Генеральный штаб противоречивые данные о положении в районе Фастовца: в чьих руках он находится — в наших или противника. В боевом донесении № 0692, подписанном 9.11 в 24.00 Ватутиным, Крайнюковым и Ивановым, указано, что Фастовец находится в наших руках и что были отражены две контратаки противника в направлении Фастовца, причем противник потерял сожженными 13 танков.

В то же время в оперсводке № 00505 штаба фронта, подписанной в 02.00 10.11 Ивановым и Тетешкиным, указано, что к исходу дня 9.11 противник занял Фастовец, потеряв при этом 13 танков сожженными. Таким образом, начальник штаба фронта Иванов одновременно подписал два противоречивых документа. В течение дня 10.11 о положении в районе Фастовца штаб фронта умалчивал и только к исходу дня 10.11, в результате настойчивых требований Генерального штаба, было установлено, что Фастовец занят противником днем 10.11.

Наряду с этим, после донесения Военного совета фронта о занятии нашими войсками города Гребенки 9.11, штаб фронта в течение дня 10.11 также умалчивал о положении в районе Гребенков, тогда, как оказалось, город Гребенки был занят противником еще утром 10.11. Того же 9.11 начальник штаба Иванов лично по телефону “ВЧ” доложил Генштабу о занятии нашими войсками Брусилова, между тем, как выяснилось, этот пункт не занимался и до сих пор не занимается нашими войсками.

Помимо этого со стороны начальника штаба фронта Иванова отмечались и ранее случаи неправдивых, несоответствующих обстановке докладов и стремление умолчать об имевших место неудачах на фронте. Усматривая во всем этом несерьезное отношение тов. Иванова к своим обязанностям, в результате чего Генеральный штаб и Ставка вводились в заблуждение, Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Генерал-лейтенанта Иванова снять с должности начальника штаба 1-го Украинского фронта и направить его в распоряжение Главного управления кадров НКО.

2. Предупредить тов. Ватутина, что в случае повторения попыток представлять Генеральному штабу неточные све-

дения он — тов. Ватутин — будет привлечен к строжайшей ответственности.

3. Обязать всех работников штаба 1-го Украинского фронта придерживаться того, чтобы все донесения штаба были правдивы и точны, не поддаваясь при этом ничьему влиянию.

4. Настоящий приказ довести до начальников штабов дивизий включительно.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН А. АНТОНОВ».

В армии, как известно, приказы не обсуждаются, а выполняются. Не принято обижаться и на их строгость. Тем не менее Ватутин — редкий случай среди военачальников — набрался смелости, чтобы оспорить приказ, подписанный самим Сталиным. На подобные шаги решались единицы, в том числе Жуков и Василевский, отстаивая свою точку зрения, когда Верховный был неправ. Но дальше всех, пишут некоторые историки, пошёл генерал армии И. Р. Апанасенко, являвшийся до своей гибели на Курской дуге заместителем Ватутина на Воронежском фронте. В начале войны этот военачальник командовал Дальневосточным фронтом. Сталин отдал приказ перебросить оттуда часть войск на советско-германский фронт, что и было сделано. Но когда дело дошло до противотанковых пушек, Апанасенко взорвался. «Ты что? — заявил он Сталину. — Ты что делаешь?! Мать твою так-перетак!.. А если японец нападёт, чем я буду защищать Дальний Восток? Лампасами?! Снимай с должности, расстреливай, но орудия не отдам!» В результате вождь согласился с доводами Апанасенко.

Николай Федорович, зная не понаслышке крутой нрав Верховного, хорошо понимал, на что идет и какие могут быть последствия. За свою строптивость он вполне мог разделить участь своего начальника штаба. И все же решился. Это еще один дополнительный штрих к его характеру — твердому и цельному. Ватутин без промедления составил ответную телеграмму Антонову. К слову сказать, своему однокашнику по Академии Генерального штаба. Документ этот сохранился, вот его текст:

«Зам. начальника Генштаба т. Антонову.

Только лично На № 14982.

С вашей директивой я позволю себе в корне не согласиться, так как она совершенно не соответствует действительности, и не знаю, на каких данных она основана. Управление Киевской операцией было мною организова-

но следующим образом: в период со 2 по 6 ноября 1943 г. я, член Военного совета Хрущев, командующий артиллерией Варенцов, командующий ВВС Красовский, начальник ГМЧ Яровой (каждый с группой командиров), зам. нач. штаба фронта Виноградов с группой командиров штаба фронта, зам. командующего артиллерией фронта по ПВО находились непрерывно на наблюдательном пункте высота 175,9, что 2 км зап. Ново-Петровцы и на ВПУ — Старо-Петровцы. Здесь я имел непрерывно личное общение с Москаленко, Рыбалко, Корольковым (командиром 7 арт. корпуса), со всеми командирами авиакорпусов и, кроме того, имел с ними бесперебойную проводную связь, всегда немедленно влиял на ход боя. С этого же наблюдательного пункта я имел совершенно бесперебойную связь по ВЧ с Черняховским, Пуховым, Жмаченко, Трофименко (то есть со всеми армиями), со штабом 2 воздушной армии и с Москвой. Кроме того, я имел связь со всеми командирами стрелковых корпусов и танковых корпусов и имел возможность немедленно реагировать на их действия. Кроме того, при Рыбалко был непрерывно Штевнев и его заместитель Петров, которые находились при танковых корпусах и лично проводили в жизнь мою волю. Больше того, я мог говорить по телефону с каждым командиром дивизии и мог лично видаться с ними. Поочередно в 51 ск, у Рыбалко и в 23 ск находился мой заместитель товарищ Гречко. Всё изложенное выше является неоспоримыми фактами, в правильности которых может убедиться любой ваш представитель, ибо это факты. Во второй половине дня 6 ноября 1943 г. я лично с членом Военного совета Крайнюковым и нач. штаба фронта Ивановым посетил Москаленко и Рыбалко, видел их войска, на месте поставил задачи и только к утру 7.11.43 г. прибыл в Трибухово (свой основной КП), чтобы сдвинуть Пухова и сдвинуть во что бы то ни стало с букринского плацдарма 40 и 27 армии, а также организовать надежную оборону района Фастов выдвижением туда пехоты, чтобы освободить оттуда Рыбалко, организовать работу тыла и перенос своего КП в район Белгорода зап. Киева. Эти задачи я во многом уже разрешил. Считаю, что изложенная выше организация управления во многом обеспечила успешное выполнение задачи по прорыву фронта противника, овладению Киевом и развитию успеха. Не меньшее значение имела предварительная работа по подготовке операции. Военным советом фронта проведена глубокая работа со всеми командирами корпусов, дивизий и

бригад 60, 38 армий и 3 гв. ТА, 7 арт. корпуса. Я вынужден это написать потому, что на протяжении всего периода с 5.7.43 г. отдельные лица относятся к нашему фронту совершенно необъективно и льют грязь на любую положительную работу. Я убежден, что и ваша директива явилась в результате какого-либо совершенно необъективного документа. Прошу этот мой доклад доложить лично товарищу Сталину, которого я убедительно прошу прочесть его. Одновременно докладываю, что сейчас действительно имеется ряд трудностей и недочетов в управлении и связи, по которым принимаются меры. В каждом корпусе и армии имеются люди от Военного совета фронта. Товарищ Гречко сейчас у Рыбалко. Туда же выехал Штевнев. Инспектор кавалерии с рацией — в 1 гв. кк. Зам. нач. артиллерии фронта — в 38 армии. На левый фланг 38 армии выехал член Военного совета товарищ Крайнюков. Во исполнение вашей директивы я выслал еще четыре группы командиров штаба со средствами связи, пересмотрел проволочную и радиосвязь, наметил меры улучшения. Начальник штаба фронта г. Иванов предупрежден, к нему вообще предъявляются высокие требования. Однако я должен для объективности доложить, что он является молодым, растущим, трудолюбивым, энергичным и положительным штабным командиром. Ватутин 10.11.43 г.»

На телеграмму Ватутина никакой реакции не последовало. Скорее всего, Антонов преподнёс её Сталину в выгодном для себя свете. Известно, что Антонов, пользуясь постоянными отъездами Василевского в действующую армию, очень сблизился со Сталиным. Верховный доверял Алексею Иннокентьевичу, считался с его мнением, проводил вдвоём с ним долгие часы, обсуждая положение на фронтах. Кто-то из историков даже подсчитал, что Антонов в период 1943—1945 годов побывал в кабинете Сталина 238 раз. Это больше, чем кто-либо из руководителей Наркомата обороны и вооруженных сил, и больше, чем все командующие всеми фронтами за всё время войны, вместе взятые. Так что не было ничего удивительного в том, что обращение Ватутина к Верховному главнокомандующему осталось без ответа. Еще один штрих к портрету Антонова. По воспоминаниям подчиненных, Алексей Иннокентьевич был очень скуп на награды. Вполне возможно, что с его подачи не были отмечены заслуги Ватутина. Но это лишь версия автора.

В соответствии с приказом Ставки место генерала Иванова занял генерал-лейтенант А. Н. Боголюбов, до этого за-

нимавший должность начальника штаба Северо-Западного фронта. Николай Федорович хорошо знал Боголюбова — вместе учились в Академии Генерального штаба. Это был всесторонне подготовленный военачальник, обладающий широким оперативно-тактическим кругозором. Однако его кандидатуру с Ватутиным никто не обсуждал, хотя такого рода назначения, как правило, с командующим фронтом согласовываются. Ведь руководитель должен знать, с кем ему предстоит работать плечом к плечу. Тем более что должность начальника штаба — одна из ключевых в армейском звене управления любого уровня. Батальон это или Генеральный штаб. Не случайно ещё в 1941 году Генштаб своей директивой четко определил, как должны складываться отношения командира и начальника штаба: «Правильные взаимоотношения штабов и командиров являются одной из важнейших основ успешного руководства войсками в бою и операции. Они помогают устранять многочисленные трения на войне и обеспечивают твердое управление войсками».

Конечно, неприятный осадок в душе Ватутина остался. Но Николай Федорович был не из тех людей, которым обиды могла застилать глаза. За два с половиной года фронтовой жизни он многое повидал, всякое пережил и в разных переплетах побывал. Так что к неприятностям ему было не привыкать. Вообще на войне душевные боли проходят быстро, поскольку их снимает сама обстановка. А она в те дождливые осенние дни становилась всё более напряженной.

Всматриваясь в оперативную карту, всю исполосованную стрелами направлений ударов с обеих сторон, Ватутин особенно остро ощущал это напряжение. Боевые действия шли с переменным успехом. Тяжко было измотанным в непрерывных боях армиям Москаленко, Черняховского... Эти трудности складывались из разных обстоятельств. Кроме того, фронт ждал резервов, но они ещё находились в пути. В середине ноября мощная группировка противника перешла в контрнаступление. В течение двух недель шли тяжелые кровопролитные схватки. В отдельные дни немцы вводили в бой до 300—400 танков. 20 ноября ценой огромных потерь им удалось вновь захватить Житомир и к 25 ноября продвинуться вперед до 40 километров.

Сдача Житомира, других населенных пунктов, а также не всегда удачные действия войск 1-го Украинского фронта вызвали ярый гнев у Сталина. Но разговаривать с Николаем Федоровичем он не стал, а сразу позвонил команду-

ющему соседним 1-м Белорусским фронтом генералу армии К. К. Рокоссовскому и приказал ему выехать в район Киева и разобраться в сложившейся ситуации.

Однако, по свидетельству генерала армии Штеменко, Сталин в тот период все же разговаривал с Ватутиным, но содержание их диалога ему неизвестно. О приезде Рокоссовского известил Николая Федоровича по телефону заместитель начальника Генштаба А. И. Антонов. О том, как дальше развивались события, Рокоссовский подробно описал в своих мемуарах «Солдатский долг». Предоставим ему слово:

«Меня вызвал к аппарату Сталин. Он сказал, что у Ватутина неблагополучно, что противник перешел там в наступление и овладел Житомиром.

— Положение становится угрожающим, — сказал Верховный Главнокомандующий. — Если так и дальше пойдет, то гитлеровцы могут ударить и во фланг войскам Белорусского фронта.

В голосе Сталина чувствовались раздражение и тревога. В заключение он приказал мне немедленно выехать в штаб 1-го Украинского фронта в качестве представителя Ставки, разобраться в обстановке на месте и принять все меры к отражению наступления врага...

Перед самым выездом мне вручили телеграмму с распоряжением Верховного: в случае необходимости немедленно вступить в командование 1-м Украинским фронтом, не ожидая дополнительных указаний.

Должен сознаться, что это распоряжение меня смутило. Почему разбор событий на 1-м Украинском фронте поручается мне? Но раздумывать было некогда.

Важно сейчас как можно быстрее ознакомиться с обстановкой и принять решение, не допуская поспешности и соблюдая полную объективность и справедливость. Так я и поступил, прибыв на место.

Штаб фронта располагался западнее Киева — в лесу, в дачном поселке. Ватутин был уже предупрежден о нашем прибытии. Меня он встретил с группой офицеров управления фронта. Вид у него был озабоченный.

Н. Ф. Ватутина я знал давно: в Киевском Особом военном округе он был начальником штаба. Высокообразованный в военном отношении генерал, всегда спокойный и выдержанный.

Как я ни старался, дружеской беседы на первых порах не получилось. А ведь встретились два товарища —

командующие соседними фронтами. Я все время пытался подчеркнуть это. Но собеседник говорил каким-то оправдывающимся тоном, превращал разговор в доклад провинившегося подчиненного старшему. В конце концов я вынужден был прямо заявить, что прибыл сюда не с целью расследования, а как сосед, который по-товарищески хочет помочь ему преодолеть общими усилиями те трудности, которые он временно испытывает.

— Давайте же только в таком духе и беседовать, — сказал я.

Ватутин заметно воспрянул духом, натянутость постепенно исчезла. Мы тщательно разобрались в обстановке и ничего страшного не нашли.

Пользуясь пассивностью фронта, противник собрал сильную танковую группу и стал наносить удары то в одном, то в другом месте. Ватутин вместо того, чтобы ответить сильным контрударом, продолжал обороняться. В этом была его ошибка. Он мне пояснил, что если бы не близость украинской столицы, то давно бы рискнул на активные действия.

Но сейчас у Ватутина были все основания не опасаться риска. Помимо отдельных танковых корпусов две танковые армии стояли одна другой в затылок, не говоря об общевойсковых армиях и артиллерии резерва РКК. С этим количеством войск нужно было наступать, а не обороняться. Я посоветовал Ватутину срочно организовать контрудар по зарвавшемуся противнику. Ватутин деятельно принялся за дело. Но все же деликатно поинтересовался, когда я вступлю в командование 1-м Украинским фронтом. Я ответил, что и не думаю об этом, считаю, что с ролью командующего войсками фронта он справляется не хуже, чем я, и что вообще постараюсь поскорее вернуться к себе, так как у нас и своих дел много. Ватутин совсем повеселел...

Сообща наметили, как выправить положение. Забегая вперед, скажу, что Ватутин блестяще справился с задачей, нанес такие удары, которые сразу привели гитлеровцев в чувство и вынудили их спешно перейти к обороне.

Свои выводы об обстановке, о мероприятиях, которые уже начали проводиться войсками 1-го Украинского фронта, и о том, что Ватутин, как командующий фронтом, находится на месте и войсками руководит уверенно, я по ВЧ доложил Верховному Главнокомандующему и попросил разрешения вернуться к себе. Сталин приказал донести обо всем шифровкой, что я и сделал в тот же день. А на следу-

ющее утро мне уже вручили депешу из Ставки с разрешением вернуться к себе на Белорусский фронт».

Расставаясь, Ватутин и Рокоссовский обменялись крепким рукопожатием. Оба были довольны, что вся эта история закончилась счастливым концом.

Но, как видно из воспоминаний Рокоссовского, Николай Федорович всё же готовился к худшему, то есть к передаче дел новому командующему. И это предчувствие имело основание — Сталин был недоволен действиями войск фронта Ватутина. Николай Федорович хорошо знал на примере других военачальников, какие меры за этим следуют. Тот же Конев за серьезные ошибки в руководстве войсками несколько раз освобождался от командования фронтом. Как не справившегося с должностными обязанностями командующего Сталинградским фронтом генерал-лейтенанта В. Н. Гордова Сталин запросто лишил своего поста, перевел с понижением на армию. В этом же списке — маршал С. К. Тимошенко, генералы Ф. И. Голиков, М. М. Попов, В. Д. Соколовский, И. Е. Петров... В «штрафниках» у Верховного ходили Жуков, Василевский и Мехлис... Поэтому неудивительно, что угроза отставки витала и над Ватутиным.

Известно, что Сталин был человеком эмоциональным, резким, имел к людям симпатии и антипатии. Но как руководитель он хорошо понимал, что эмоции — это эмоции, а дело есть дело. Поэтому Сталин во главу угла всегда ставил профессиональные качества человека, а их у Николая Федоровича было не отнять. Так что если бы Верховный считал, что Ватутин не тянет на должности командующего, то он бы его и дня не держал ни на Воронежском, ни на Юго-Западном, ни на 1-м Украинском фронтах — крупнейших войсковых объединениях войны. Безусловно, Сталин не всегда оставался доволен действиями Ватутина. Тем не менее он ценил его как высококвалифицированного штабного работника, грамотного военачальника, способного умело провести сложную военную операцию. Вот и теперь, после получения шифровки от Рокоссовского, Верховный был уверен, что Ватутин справится с поставленными перед ним задачами.

В один из тех дней он позвонил Николаю Федоровичу.

— Здравствуйте, товарищ Ватутин, — спокойно сказал Сталин, словно ничего до этого не произошло. — Доложите обстановку.

— Товарищ Сталин, положение пока сложное. К Ман-

штейну все время подходят резервы, но он уже начинает выдыхаться, — немного волнуясь, но уверенно докладывал Николай Федорович. — Мы готовим ответный удар.

— Пора достойно ответить зарвавшемуся врагу, — привычно неторопливо, но с нажимом в голосе говорил Сталин. — Нужно его проучить как следует, чтобы раз и навсегда отвести угрозу от Киева. Подкрепление фронту мы выделили...

28 ноября Ватутин получил директиву Ставки, в которой говорилось:

«...1. Наличных сил Николаева [Ватутина] недостаточно для осуществления серьезного контрудара и разгрома сил противника. Необходимо поэтому немедленно перейти Николаеву на жесткую оборону с задачей измотать силы противника силами нашей артиллерии и авиации при попытках его наступления или отдельных атак.

Оборона должна иметь не менее трех оборудованных рубежей с максимальным использованием противотанковых и других мин.

2. С подходом Леселидзе, Катукова и других сил обязательно нужно заняться организацией нашего контрнаступления с задачей разгрома сил противника и выхода на Южный Буг. Это контрнаступление нужно организовать так же основательно и тщательно, как это было сделано под Белгородом.

3. Прошу представить в Генштаб план операции согласно пункту второму настоящей директивы...»

На следующий день в войска фронта ушла оперативная директива, подписанная Ватутиным. В ней он поставил задачу командармам 13, 60, 1-й гвардейской, 38-й и 40-й армий немедленно перейти к жесткой обороне и не допустить противника на Киев. В резерве сосредоточивались 18-я армия, 3-я гвардейская танковая и 1-я танковая армии, а также 5-й гвардейский танковый и 1-й кавалерийский корпуса.

Этой же директивой командованию частей и соединений предписывалось пополнить стрелковые войска, создать необходимые запасы горючего, боеприпасов и продовольствия.

Одновременно началась разработка предстоящей наступательной операции. Дел у Ватутина было невпроворот. Он работал буквально на износ, забывая о сне и нормальном отдыхе. Физическое и умственное перенапряжение сказывалось на общем состоянии здоровья. Но никто из подчиненных никогда не слышал от него жалоб. Предста-

витель Ставки Г. К. Жуков, находившийся в тот период рядом с Ватутиным, вспоминал в своих мемуарах:

«Сначала я решил поехать на 1-й Украинский фронт, чтобы передать решение Ставки и помочь спланировать предстоящие действия войск.

Н. Ф. Ватутин, как я уже говорил, был прекрасный штабист. Он обладал завидной способностью коротко и ясно излагать свои мысли и к тому же имел на редкость красивый и четкий почерк. Большинство важных приказов, директив и донесений Верховному Главнокомандованию он писал сам. Я как раз застал его за составлением директивы о переходе в наступление главной группировки войск фронта в общем направлении на Винницу.

Николай Федорович работал в жарко натопленной хате, накинув на себя теплую бекешу. Посмотрев на него, я понял, что ему явно нездоровилось.

Коротко познакомив Н. Ф. Ватутина с решением Ставки о развертывании действий на ближайший период и заслушав его последние коррективы к плану действий войск фронта, я посоветовал ему принять что-нибудь и сейчас же лечь, чтобы быть вполне работоспособным к началу наступления. Он согласился.

Выпив стакан крепкого чая с сушеной малиной и приняв пару таблеток аспирина, Николай Федорович ушел к себе в комнату. Мы с начальником штаба — А. Н. Боголюбовым направились в оперативный отдел штаба, чтобы еще раз как следует разобраться в обстановке и проверить готовность войск к действиям.

Не прошло и десяти минут, как раздался телефонный звонок. А. Н. Боголюбов взял трубку. Звонил Н. Ф. Ватутин, приглашая его зайти. Я решил пойти вместе с А. Н. Боголюбовым. И мы вновь увидели Н. Ф. Ватутина за рабочей картой предстоящего наступления.

— Мы же договорились, что вы пойдете отдохнуть, а вы опять за работой?

— Хочу написать донесение в Ставку о ходе подготовки к наступлению, — ответил Николай Федорович.

Насильно выпроводив его из рабочей комнаты, я предложил все необходимое выполнить начальнику штаба, тем более что это была его прямая обязанность.

Беспокойным человеком был Н. Ф. Ватутин. Чувство ответственности за порученное дело было у него развито чрезвычайно остро».

Наступление фронта началось утром 24 декабря с мощ-

ной 50-минутной артиллерийской и авиационной подготовки. Главный удар в общем направлении на Бердичев, Жмеринку наносили три общевойсковые и две танковые армии. Для немецкого командования, в первую очередь для командующего группой армий «Юг» Э. фон Манштейна, это наступление явилось полной неожиданностью. Николай Федорович в очередной раз обвел вокруг пальца хитрую лису Манштейна, сумев в ходе непрерывных оборонительных боёв накопить мощные силы для контрудара. И в этом был весь Ватутин, получивший в тот период ещё одно прозвище — гроссмейстер.

Уже в первый день наступления 1-я гвардейская армия генерал-полковника А. А. Гречко, 18-я армия генерал-полковника К. Н. Леселидзе и 38-я армия генерал-полковника К. С. Москаленко при поддержке артиллерии и основных сил 2-й воздушной армии генерал-лейтенанта С. А. Красовского проломил немецкую оборону на всю её глубину. Дальше, чтобы развить успех, Николай Федорович повторил приём, проверенный в битве на Курской дуге. Он ввёл в прорыв сразу две танковые армии — 1-ю и 3-ю гвардейскую. Танки, до поры до времени рассредоточенные в балках и рошицах, рванулись с исходных позиций вперёд. Танкисты Катукова и Рыбалко умело и грамотно упреждали и срывали контрманевры гитлеровцев, заставляя их бросать укрепленные рубежи.

Вот лишь один эпизод этих действий, его приводит в своих мемуарах «На острие главного удара» бывший командарм 1-й танковой армии маршал бронетанковых войск М. Е. Катуков:

«28 декабря, пройдя за ночь 30 километров, мы подошли к Казатину. По данным разведки, в районе города оборонялись подразделения трех пехотных, двух танковых и одной артиллерийской дивизий, четыре полка, шесть охранных батальонов и другие части — всего примерно 35 тысяч человек. Мы атаковали город с трех сторон: с севера, востока и юга.

Первой ворвалась в город группа разведчиков под командованием старшего лейтенанта В. П. Подгорбунского — два танка с десантом автоматчиков на броне (всего 29 человек).

Гитлеровцы, как потом выяснилось из допроса пленных, ожидали нашего удара с севера, а Подгорбунский, обходя вражеские «ежи», взял левее и вышел к городу с востока. Разведчики стремительно промчались по улицам

города, уничтожая на пути огневые точки противника, давя гусеницами и расстреливая из пулеметов живую силу врага. Разбив восемь орудий и уничтожив до сотни вражеских солдат и офицеров, они вырвались на привокзальную площадь. Туда как раз прибыл пассажирский поезд. В одном из вагонов находились штабные офицеры танковой дивизии. Несколько выстрелов тридцатьчетверок — и на вокзале поднялась паника. Гитлеровцы пытались отбуксировать состав в юго-западном направлении, но саперы-разведчики успели подорвать выходные стрелки пути. Подгорбунский выпустил по составу несколько снарядов и скрылся в ближайших переулках.

Пока разведчики наводили панику в городе, к его окрестностям подошел танковый полк подполковника Ивана Никифоровича Бойко. Родом Бойко был из-под Казатина, из села Жорнице, и это сыграло немаловажную роль в том, что именно ему мы и поручили взять Казатин.

Задачу взять с ходу Казатин И. Н. Бойко получил, когда находился в 30 километрах от города. В это время экипажи танкового полка заправляли свои тридцатьчетверки горючим, пополняли боеприпасы.

Посоветовавшись со своими разведчиками, Бойко придумал оригинальный план — двигаться в город по железнодорожному пути с включенными фарами. Тридцатьчетверки поднялись по крутой насыпи и пошли по полотну железной дороги к станции. Фары передних машин прорезали непроглядную темень.

Станция была уже совсем рядом, в каких-то трехстах метрах, а оттуда не раздавалось ни одного выстрела. Как потом показали пленные, заведев на железнодорожном полотне огни, гитлеровцы были крайне удивлены: откуда с советской стороны к ним спешит поезд. В том, что это поезд, они не сомневались. Решили: свой, запоздавший.

Фашисты спохватились слишком поздно, когда танки Бойко уже подошли к самому вокзалу. Сопrotивление было бесполезным. Хотя немцы и открыли стрельбу, но судьба города уже была предрешена. Советские танки мчались по улицам, врезаясь в колонны машин, давя и сминая всё на своем пути».

К 30 декабря войска фронта пробili гитлеровскую оборону на 300-километровом участке и продвинулись вперёд на 100 километров. Для гитлеровцев это была катастрофа. Они потеряли в отдельных дивизиях до 60—70% личного состава и боевой техники.

В самый канун Нового года, 31 декабря был вновь освобождён Житомир. Немцы всеми силами пытались удержать в своих руках этот важный узел коммуникаций, сосредоточив здесь шесть дивизий, в том числе две танковые. Но устоять под напором советских войск, двигавшихся сразу с нескольких направлений, они не смогли.

Николай Федорович тут же позвонил Сталину и доложил о том, что в результате активных наступательных действий частей и соединений генералов Гречко и Леселидзе город Житомир освобожден. Положив трубку, Ватутин сразу почувствовал невероятное облегчение. Больше месяца он носил в себе вину за сдачу этого города. И вот теперь, словно глыбу, свалил с души.

Новый год Ватутин, в отличие от своего давнего соперника Манштейна, встречал в хорошем настроении. Манштейну же, который планировал провести рождественские праздники в резервной дивизии в районе Житомира, пришлось ретироваться в Винницу. Успел он или не успел к праздничному столу — неизвестно. А вот Николай Федорович к нему чуть было не опоздал. Хотя и чисто символическому — не до гуляний было на линии фронта. А произошло следующее. Пока Ватутин разговаривал со Сталиным по телефону, его водитель сержант Кабанов отогнал машину на стоянку, а сам забежал в штаб погреться и напрочь утратил контроль над временем.

Можете себе представить состояние Ватутина, когда он, переговорив по телефону со Сталиным, вышел на улицу. До Нового года остаются какие-то 15 минут, а у крыльца штаба ни машины, ни водителя. Благо порученец Николая Федоровича быстро его разыскал:

— Кабанов, срочно на выход! Командующий у штаба мерзнет, тебя дожидается.

«Когда я пулей летел к машине, вспоминал потом Кабанов, думал: “Ну, всыплет мне Николай Федорович будь здоров”. Ан нет... Только уже когда из машины выходил, покосился на меня и сказал: “Скажи, Кабанов, спасибо, что по твоей милости я Новый год не на улице встретил...”».

Первые дни наступившего 1944 года проходили в наступательном порыве войск 1-го Украинского фронта. В результате они продвинулись на запад от 80 до 200 километров, практически полностью освободив Киевскую и Житомирскую области. Бои переместились в Винницкую и Ровенскую области. В ходе Житомирско-Бердичевской операции войска фронта разгромили 8 танковых и 14 пе-

хотных соединений противника, освободили более тысячи населенных пунктов.

После успешного завершения операции, как принято, за умелые действия, проявленные при этом мужество и героизм многие солдаты, офицеры и генералы были представлены к государственным наградам. Николай Федорович не забыл отметить своих командармов, подписав на них соответствующие документы. Так, кавалерами учрежденного нового ордена Богдана Хмельницкого 1-й степени стали командующие армиями генералы А. А. Гречко, Ф. Ф. Жмаченко, М. Е. Катуков, С. А. Красовский, К. Н. Леселидзе, К. С. Москаленко, Н. П. Пухов и И. Д. Черняховский. Даже недавно назначенный к Ватутину начальником штаба генерал-лейтенант А. Н. Боголюбов удостоился этого ордена. Однако о Николае Федоровиче опять забыли.

К сожалению, остались незамеченными заслуги Ватутина и при проведении следующей масштабной операции — Корсунь-Шевченковской в январе—феврале 1944 года. Впрочем, обо всем по порядку.

Достигнутые в Житомирско-Бердичевской операции успехи создали новые возможности для продвижения советских войск на запад. К середине января огромное значение приобрели боевые действия на стыке двух фронтов — 1-го Украинского Ватутина и 2-го Украинского Конева. Здесь немецкое командование упорно старалось удержать Каневский выступ. Советским же войскам необходимо было как можно скорее срезать этот выступ, чтобы сомкнуть смежные фланги двух фронтов. Иными словами, загнать крупную группировку немцев в ловушку, разгромить её и открыть себе дальнейший путь на запад. Нечто подобное командование вермахта планировало сделать с войсками Красной армии на Курской дуге. Но итог операции «Цитадель», как известно, оказался для немцев провальным. Дорога на восток была им окончательно закрыта.

Ватутин и Конев получили 12 января из Москвы директиву, в которой Ставка ВГК потребовала в кратчайший срок окружить и уничтожить группировку противника в районе Каневского выступа путем наступления армий левого крыла 1-го Украинского и правого крыла 2-го Украинского фронтов по сходящимся направлениям и соединиться в районе Звенигородки. В случае успеха это давало возможность для дальнейшего развития удара и выхода войск фронтов на рубеж реки Южный Буг.

Николай Федорович без промедления приступил к

подготовке операции. Все без исключения до начала наступления дни были наполнены напряженной работой. Трудностей хватало. Дело в том, что Ватутину и его штабу пришлось готовить операцию в условиях, когда армии фронта ни на час не выходили из боёв. Массу проблем доставляла и внезапно установившаяся среди зимы теплая погода. Южные ветры принесли в здешние края плюсовую температуру и сплошные дожди. Дороги превратились в кисель. В вязком чернозёме буксовали даже тракторы и тягачи. Артиллеристы тащили пушки на руках. На волах и лошадях к линии фронта доставляли боеприпасы, горючее, продовольствие...

Член Военного совета фронта генерал-полковник К. В. Крайнюков позднее вспоминал: «В минувшей войне участвовали многотысячные армии, огромные массы боевой техники. Планирование операций в подобных условиях представляло собой невероятно сложный и трудоемкий процесс. И тем не менее в любой сложной обстановке генерал армии Н. Ф. Ватутин быстро находил правильные решения. Он мог это делать быстро и успешно потому, что текущим оперативным решениям предшествовали большая предварительная подготовка, непрестанная работа мысли, кропотливый повседневный труд... Ватутин был человек ищущий и дерзающий, умеющий направить и воодушевить подчиненных на большие дела. План операции он стремился раскрыть в динамике, в развитии, стараясь предугадать, как на практике может обернуться дело, прикидывал и оценивал многие варианты».

В разработку предстоящей операции Николай Федорович постарался вложить всю свою душу. Впрочем, так было и раньше. Но здесь сбылась его давняя мечта: используя танковые и механизированные соединения, провести масштабную операцию на окружение. Тем более что для этого были все возможности. Ватутин создал группировку в составе 40-й армии генерал-лейтенанта Ф. Ф. Жмаченко, 27-й армии генерал-лейтенанта С. Г. Трофименко и 6-й танковой армии генерал-лейтенанта танковых войск А. Г. Кравченко. Кроме того, Ставка передала в состав фронта 47-ю общевойсковую и 2-ю танковую армии, а также механизированный и кавалерийский корпуса. Также фронт получил значительное количество танков Т-34.

Как свидетельствуют документы, всего к участию в разгроме Корсунь-Шевченковской группировки противника привлекалось 27 стрелковых дивизий, 4 танковые, 1 меха-

низированный и 1 кавалерийский корпуса. В составе этой группировки было 370 танков и самоходно-артиллерийских установок. Что касается немцев, то в районе Корсунь-Шевченковского выступа находилось 9 пехотных, 1 танковая и 1 моторизованная дивизии, входившие в состав 1-й танковой и 8-й армий немецких войск. В количественном отношении советские войска превосходили противника по пехоте в 1,7 раза, по орудиям и минометам — в 2,4 раза, по танкам и самоходно-артиллерийским установкам — в 2,6 раза.

Операция началась 24 января ударом 2-го Украинского фронта в общем направлении на Звенигородку. Фронт Ватутина пошел в наступление на сутки позже — так предусматривал план наступления. Немцы оказывали упорное сопротивление, отбиваясь контратаками, но так и не смогли отразить мощные удары двух фронтов. 28 января клещи советских войск сомкнулись у Звенигородки.

В «котле» оказались более десяти немецких соединений. Гитлер пытался подбодрить своих солдат и генералов. В телеграмме, которую он направил командующему окруженными войсками генералу артиллерии Вильгельму Штеммерманну, фюрер не скупился на обещания: «Можете положиться на меня как на каменную стену. Вы будете освобождены из “котла”. А пока держитесь». Радиограмму примерно такого же содержания направил в «котел» и командующий 1-й танковой армией генерал танковых войск Ганс Валентин Хубе: «Я вас выручу».

Однако положение гитлеровцев все больше усугублялось. Во избежание напрасного кровопролития представитель Ставки маршал Жуков и командующие фронтами Ватутин и Конев, посоветовавшись, приняли решение направить немецкому командованию ультиматум. В документе, который они подписали, были предложены следующие условия капитуляции:

1. Все окруженные немецкие войска во главе с вами и с вашими штабами немедленно прекращают боевые действия.

2. Вы передаете нам весь личный состав, оружие, все боевое снаряжение и транспортные средства, а также всю технику неповрежденной.

3. Мы гарантируем всем офицерам и солдатам, прекратившим сопротивление, жизнь и безопасность, а после окончания войны возвращение в Германию или в любую другую страну по личному желанию военнопленных.

4. Всему личному составу сдавшихся частей будут со-

хранены военная форма, знаки различия и ордена, личная собственность и ценности, а старшему офицерскому составу, кроме того, будет сохранено и личное оружие.

5. Всем раненым и больным будет оказана медицинская помощь.

6. Всем сдавшимся офицерам, унтер-офицерам и солдатам будет обеспечено немедленное питание.

7. Ваш ответ ожидается к 11.00 9 февраля 1944 г. по московскому времени в письменной форме через ваших личных представителей, которым надлежит ехать легковой машиной с белым флагом по дороге, идущей от Корсунь-Шевченковского через Стеблев на Хировка.

8. Ваш представитель будет встречен уполномоченным русским офицером в районе восточной окраины Хировка 9 февраля 1944 г. в 11 час. 00 мин. по московскому времени.

9. Если вы отклоните наше предложение сложить оружие, то войска Красной Армии и Военно-Воздушного флота начнут действовать по уничтожению окруженных ваших войск, и ответственность за их уничтожение понесете вы».

Для передачи немецкому командованию ультиматума Ватутин назначил парламентёром офицера разведотдела штаба фронта подполковника А. П. Савельева, переводчиком лейтенанта А. В. Смирнова и сигнальником рядового А. Р. Кузнецова. Николай Федорович лично проинструктировал группу Савельева о том, как каждый парламентёр должен вести себя во время встречи с немцами, как следует исполнить процедуру вручения пакетов с ультиматумом командирам XXXXII и XI армейских корпусов противника.

Восьмого февраля в 11 часов парламентёры перешли линию фронта. Однако немцы, похоже, русских не ждали. Как только они прошли 30—40 шагов, с немецкой стороны раздалась пулеметная очередь. Приходилось надеяться только на белый флаг. Остановились, помахали. Сигнальщик проиграл на трубе сигнал «Внимание». Прошли еще шагов двадцать. Вновь — очередь. Пули буквально просвистели рядом. Пренебрегая опасностью, парламентёры все-таки вышли на то место, где их встретила группа немцев. Савельеву и его спутникам завязали глаза и отвезли в штаб. Там приняли ультиматум и сказали, что окончательный ответ будет дан в установленное время.

— Я уточнил у немецкой стороны, каким способом будет дан ответ: как сказано в ультиматуме или другим способом, — докладывал по возвращении Ватутину подполковник Савельев.

— И что же немцы решили? — спросил Николай Федорович.

— Сказали, что ответят, как написано в ультиматуме.

На следующий день к 12 часам из штаба Штеммерманна сообщили, что немецкая сторона отклоняет ультиматум советского командования. Как потом стало известно, Гитлер потребовал любой ценой удерживать позиции, заверив, что в ближайшее время подойдут резервы и окружение будет деблокировано. Бои закипели с новой силой. Атаки, словно морские волны, накатывались одна за другой. С отчаянием обреченных немцы пытались перерубить стальной обруч окружения, чтобы соединиться с пробивавшейся к ним подмогой в составе пяти танковых дивизий, включая танковую дивизию СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер». Манштейн не терял надежды выволить окруженцев. В ночь на 12 февраля находившихся в «котле» и пробивавшихся к ним отделяло расстояние всего в 12 километров.

Обстановка для советских войск на тот момент сложилась архисложная. Что для танков 12 километров? Достаточно одного броска. Однако преодолеть эти считанные километры немцам не удалось. В результате принятых Ватутиным мер противник был остановлен.

Но Ставка располагала прямо противоположными данными о происходивших под Корсунь-Шевченковским событиях. Среди ночи представителя Ставки маршала Жукова поднял с постели звонок из Москвы. Жуков в те дни тяжело болел гриппом. Сталин раздраженным тоном спросил:

— Известно вам, товарищ Жуков, что противник прорвал фронт Ватутина и выходит из окружения в районе Корсунь-Шевченковского?

— Нет, неизвестно. Думаю, что это не соответствует действительности, — ответил Жуков.

Как вспоминал впоследствии Жуков, Сталин, не стесняясь в выражениях, выругал и его, и Ватутина. И тут же сказал, откуда у него такие сведения:

— Только что звонил Конев и доложил о прорыве.

Ещё через минуту Сталин вынес вердикт:

— Я думаю передать завершение операции в руки Конева, а вам и Ватутину лучше сосредоточить внимание на внешнем фронте. Войска 1-го Украинского фронта, принимающие участие в окружении, мы передадим Коневу.

Предложение Верховного несколько обескуражило Жукова. Он попытался объяснить Сталину, что в сложив-

шейся обстановке лучше ничего не менять. Для этого были веские основания. Противник находится в «котле», вся территория насквозь простреливается нашей артиллерией. Снабжение по воздушному мосту практически блокировано — авиация не допускает немецких «транспортников» к окруженцам. Поэтому за три-четыре дня можно управиться с уничтожением вражеской группировки. Тем более что главную роль в окружении сыграли войска Ватутина, которые и лучше действовали. Переподчинение же войск, считал Жуков, лишь затянет операцию.

— Ватутину и возглавляемым им войскам будет обидно не быть отмеченными за их ратные дела, — резюмировал Жуков.

Но Сталин не стал продолжать разговор, бросил трубку. Это было в его манере, особенно в раздраженном состоянии.

Через два часа из Москвы поступила директива Ставки ВГК № 220022 следующего содержания:

«Командующему 1-м Украинским фронтом
Командующему 2-м Украинским фронтом
Тов. Юрьеву*

Ввиду того, что для ликвидации корсуньской группировки противника необходимо объединить усилия всех войск, действующих с этой задачей, и поскольку большая часть этих войск принадлежит 2-му Украинскому фронту, Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Возложить руководство всеми войсками, действующими против корсуньской группировки противника, на командующего 2-м Украинским фронтом с задачей в кратчайший срок уничтожить корсуньскую группировку немцев.

В соответствии с этим 27-ю армию в составе 180, 337, 202-й стрелковых дивизий, 54-го, 159-го укрепленных районов и всех имеющихся частей усиления передать с 24 часов 12.2.44 г. в оперативное подчинение командующего 2-м Украинским фронтом...

2. Тов. Юрьева освободить от наблюдения за ликвидацией корсуньской группировки немцев и возложить на него координацию действий войск 1-го и 2-го Украинских фронтов с задачей не допустить прорыва противника со стороны Лисянки и Звенигородки на соединение с корсуньской группировкой противника.

* Кодовое имя Г. К. Жукова.

Исполнение донесите.

Ставка Верховного Главнокомандования.

И. Сталин

А. Антонов

12 февраля 1944 года».

Присланная директива вызвала недоумение у Николая Федоровича. Он тут же позвонил Жукову, полагая, что именно представитель Ставки стал инициатором этой перестановки. Не скрывая обиды, Ватутин прямо заявил Жукову:

— Товарищ маршал, кому-кому, а вам-то известно, что я, не смыкая глаз несколько суток подряд, напрягал все силы для осуществления Корсунь-Шевченковской операции. Почему же сейчас меня отстраняют и не дают довести эту операцию до конца? Я тоже патриот войск своего фронта и хочу, чтобы столица нашей Родины Москва отсалютовала бойцам 1-го Украинского фронта.

Жуков, как всегда, был краток:

— Николай Федорович, это приказ Верховного, а мы с вами солдаты, давайте безоговорочно выполнять приказ.

Ватутин, проглотив обиду, ответил по-уставному:

— Слушаюсь, приказ будет выполнен!

Много лет спустя Георгий Константинович в своих записках «Коротко о Сталине» сделал такое признание: «Начиная с Курской дуги, когда враг уже не мог противостоять ударам наших войск, Конев, как никто из командующих, усердно лебезил перед Сталиным, хвастаясь перед ним своими “героическими” делами при проведении операций, одновременно компрометируя своих соседей».

И далее Жуков в связи с решением Сталина о переподчинении наступавших частей Ватутина фронту Конева спрашивает: «Нужно ли было это делать в интересах дела? Нет, не нужно. Это нужно было Сталину для того, чтобы вбить ещё глубже клин между Коневым, Ватутиным и мною. Конев сыграл в этом неблагоприятную роль».

Но в те нервные часы февраля 1944 года Жуков проявил мудрость — он не стал говорить Ватутину об этой интриге, чтобы не сталкивать его с Коневым. Наверное, он был прав. В условиях войны меньше всего нужно было думать о подковёрных играх...

Войска Ватутина продолжали наступать. И хотя они формально были перенацелены на выполнение других задач, складывающаяся обстановка не позволяла им бросать начатое дело. В ночь на 17 февраля разыгралась сильная метель. Порывистый ветер гнал лохматые тучи снега, быстро

заметая им дороги. Кромешная белая мгла накрыла район боевых действий. Непогода была на руку немцам. Они решили её использовать как последний шанс для прорыва из кольца. Однако лишь небольшой группе генералов и офицеров на танках и бронетранспортёрах удалось вырваться из окружения. До этого немецкое командование успело эвакуировать самолётами еще три тысячи человек. Остальная же масса — десятки тысяч солдат и офицеров были почти полностью уничтожены утром в открытом поле артиллерией, ночными бомбардировщиками и танками. Такой стала расплата немецких генералов, отклонивших ультиматум советского командования о капитуляции.

Вот рассказ офицера дивизии СС «Викинг», чудом уцелевшего той ночью: «Наша дивизия, насчитывавшая около 7 тыс. солдат и офицеров, за две недели потеряла более 4 тыс. человек. Нам приходилось отступать под ураганным огнем русских. Дороги были запружены брошенными машинами и орудиями. Мы были в отчаянии. В ночь на 17 февраля солдатам выдали по усиленной порции водки и разрешили съесть неприкосновенный запас продуктов. В 2 часа был объявлен приказ, в котором говорилось, что на помощь извне больше нечего рассчитывать... Пушки, автомашины, все военное имущество и даже личные вещи было приказано бросить. Едва мы прошли 300 м, как на нас напали русские танки. За танками появились казаки».

На следующий день Москва салютовала войскам 2-го Украинского фронта 20 артиллерийским залпами из 224 орудий. 1-й Украинский фронт этой чести не удостоился, в приказе Верховного главнокомандующего о войсках фронта не было сказано ни слова. 23 февраля Сталин назвал Корсунь-Шевченковскую операцию «новым Сталинградом на правом берегу Днепра».

Однако вся слава, связанная с этой блестящей операцией, к месту сказать, вошедшей в историю военного искусства как блестящий пример полного окружения и последующего уничтожения противника, досталась командующему войсками 2-го Украинского фронта генералу армии И. С. Коневу. Ему присвоили звание Маршала Советского Союза. Главный же творец операции — Ватутин ни звания, ни награды не получил.

Было ли обидно Николаю Федоровичу? Вне всякого сомнения. Но и эту, очередную, несправедливость он пережил. Горестно, тяжело, но пережил, сказав тогда членам Военного совета фронта:

— Главное, товарищи, разбить врага, а историки потом разберутся во всём. Отчёт же о действиях нашего фронта в Корсунь-Шевченковской операции мы должны направить в Ставку.

20 февраля Ватутин отослал в Москву следующее донесение:

«Москва, Тов. Иванову*

Докладываю:

1. В период 1—19 февраля войска 6 и 2 ТА и 104 ск 40 А в результате ожесточенных боев разбили ударную танковую группировку противника, наступающую в северо-восточном направлении на Шубины Ставы, Шендеровка, и отбили все атаки окруженной его группировки в юго-западном направлении, не допустив, таким образом, соединения этих двух групп противника.

2. За этот период войсками 6, 2 и 27 А (до перехода ее в подчинение 2-му Украинскому фронту) противнику нанесены тяжелые потери в технике и живой силе, уничтожено:

танков и самоходных орудий 521

минометов более 250

пулеметов 250

винтовок и автоматов до 2500

автомашин до 1700

самолетов 320

На поле боя осталось до 30 тысяч солдат и офицеров. В овраге 1,5 км севернее Петровка найден труп командующего 11 ак генерала артиллерии Вильгельма Штеммерманна.

Захвачено 3200 пленных и трофеи:

танков и самоходных орудий 60

орудий разного калибра 70

бронетранспортеров 40

минометов 156

пулеметов 241

повозок с грузами 560

складов 9».

Приведенные цифры — лучшее доказательство того, какую роль в Корсунь-Шевченковской операции сыграл 1-й Украинский фронт. Подтверждением этому служит и авторитетная оценка маршала Жукова:

«Должен сказать, что И. В. Сталин был глубоко не прав, не отметив в своем приказе войска 1-го Украинского фронта, которые, как и воины 2-го Украинского фронта, не ша-

* Кодовое имя И. В. Сталина.

дя жизни, героически бились с вражескими войсками там, куда направляло их командование фронта и Ставка. Независимо от того, кто и что докладывал И. В. Сталину, он должен был быть объективным в оценке действий обоих фронтов... Я думаю, что это была непростительная ошибка Верховного... Оба фронта, возглавляемые Н. Ф. Ватутиным и И. С. Коневым, сражались одинаково превосходно».

Именно этим высказыванием маршал Победы восстановил историческую правду и воздал должное войскам 1-го Украинского фронта и их командующему. Обидно только, что слава у нас часто бывает посмертной...

Здесь уместно сказать ещё об одной успешной операции — Ровно-Луцкой, которая проводилась параллельно с Корсунь-Шевченковской исключительно силами фронта Ватутина. И хотя она не была такой масштабной, но её роль также огромна. В операции участвовали две общевойсковые армии: 13-я генерал-лейтенанта Пухова и 60-я генерал-лейтенанта Черняховского. Цель операции заключалась в том, чтобы, освободив районы Луцка и Ровно, занять выгодное положение для последующего удара во фланг фашистской группы армий «Юг». Кроме того, планировалось сковать здесь силы противника и не допустить переброски его войск в район Корсунь-Шевченковского.

Ровно-Луцкая операция проходила в условиях болотистого Полесья. Район для движения войск практически непроходимый. Сплошь и рядом — дряблая засасывающая трясина. Изучая карту здешних краев, Николай Федорович невольно вспомнил Северо-Западный фронт, где его войскам приходилось постоянно воевать на лесисто-болотистой территории. Но там было еще труднее. Именно условия местности он решил использовать для развития операции, поскольку здесь немецкая оборона, по данным наземной и воздушной разведок, состояла не из сплошных рубежей, а из небольших опорных пунктов. Кроме того, ставка была сделана на внезапность наступления и применение обходного маневра.

Накануне операции были определены наиболее слабые места в немецкой обороне — участки лесных массивов в районе населенного пункта Сарны и города Шепетовки. Немцы никак не предполагали, что на этих участках русские могут проводить крупное наступление. Оказалось, могут. В очередной раз гитлеровцам пришлось удивляться смекалке противника.

Операция началась утром 27 января с плотной артил-

лерийской подготовки. После огневой обработки позиций противника вперёд устремились стрелковые дивизии 13-й и 60-й армий, которые с ходу пробили несколько коридоров в немецкой обороне. Затем в бой вступили конники 1-го и 6-го гвардейских кавалерийских корпусов. Незадолго перед наступлением они скрытно покинули места дислокации, и теперь эта конная лава на всем скаку понеслась с запасных позиций по проложенным артиллерией и пехотой маршрутам. Кавалеристы, сметая на своем пути опорные пункты немцев, в первый день операции захватили плацдарм глубиной до 40—50 километров. В последующие дни кавкорпуса все глубже и глубже вклинивались в оборону противника. Николаю Федоровичу даже пришлось останавливать неудержимый напор кавалеристов, так как они рисковали оголить свои фланги и таким образом оказаться в окружении. В целом же наступление проходило успешно.

Ровно советские войска освободили 2 февраля. В этот же день красное знамя взвилось и над Луцком. Вскоре немцы были выбиты из Шепетовки — стратегически важного узла железнодорожных и шоссейных коммуникаций.

Успеху Ровно-Луцкой операции способствовали и активные действия партизан. Перед началом наступления Военный совет 1-го Украинского фронта поставил через Украинский штаб партизанского движения конкретные боевые задачи каждому соединению и отряду, действовавшему на Волыни и Ровенщине. Всего к операции было подключено более тридцати соединений и отрядов, в том числе И. Ф. Федорова, Д. Н. Медведева, В. А. Бегмы, Н. В. Таратуы и других видных партизанских командиров.

Эта операция явилась образцом смелого и нестандартного использования в боях с противником различных родов войск, в частности, кавалерийских корпусов. Также были успешно применены новые приёмы обходного манёвра стрелковых и танковых соединений в труднопроходимой местности.

К сожалению, в ходе операции войскам фронта пришлось вести бои не только с оккупантами, но и с их пособниками. Ежедневно на стол Ватутина ложились донесения, шифровки и спецсообщения о вылазках отрядов Организации украинских националистов (ОУН). Одним из главных руководителей и организатором этой структуры был Степан Бандера. Он также считался не только её идеологом, но и создателем воинских формирований. Подло, из-за угла бандеровцы стреляли в солдат и офицеров Красной армии,

нападали на военные обозы с продовольствием и боеприпасами, взрывали эшелоны, устраивали засады, предавали огню мирные села, грабили и убивали местное население.

Наиболее активно бандеровцы действовали в полосе 13-й армии генерала Пухова (территория Волынской и Ровенской областей). Только с января по февраль было зарегистрировано 154 нападения на подразделения и отдельных военнослужащих Красной армии. Было убито почти 500 бойцов и командиров. Бандиты с особой жестокостью расправлялись с военнослужащими: расчленили их живьем, отрубали топором конечности, выкалывали глаза ножами и штыками, сжигали на кострах...

Много ещё горя и бед принесут националисты на освобожденную советскими войсками землю. На ней примет свой последний бой с пособниками оккупантов и Ватутин...

Глава 15

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Капризный февраль спешил навстречу весне. Шальные колючие метели, накружившись, постепенно стихали. На смену им торопились сырые, но уже теплые пронизывающие ветры. Вспучивались реки, готовясь к широким разливам. Оседали и таяли сугробы, из-под которых резво бежали дружные ручьи, размывая дороги.

Перемены ожидались и на фронте. После успешного завершения Ровно-Луцкой и Корсунь-Шевченковской операций в Генштабе были разработаны планы новых наступлений Красной армии на Правобережной Украине. Как и прежде, на острие главных ударов находился 1-й Украинский фронт. В соответствии с директивой Ставки ВГК от 18 февраля войска Ватутина должны были нанести удар с рубежа Дубно, Шепетовка, Любар в общем направлении на Чертков с целью отрезать основным силам группы армий «Юг» пути отхода на запад в полосе севернее Днестра. Предстоящая операция получила наименование Проскуровско-Черновицкая. Противник Николая Федоровича оставался прежний — Манштейн, всё ещё не терявший надежд восстановить свою репутацию за прежние поражения.

По приказу Ватутина части и соединения незамедлительно начали подготовку к операции. Наступление ударной группировки фронта Николай Федорович планировал

провести в два этапа на общую глубину 80—85 километров в течение 12 дней. На первом этапе войска должны были за трое суток углубиться до 50 километров, на втором — за девять суток до 35 километров.

После труднопроходимых болотисто-лесных районов Полесья войскам предстояло воевать на равнинной местности. Но и здесь имелись свои особенности. Местность вся была изрезана густой сетью речных долин и оврагов, особенно у левых притоков Днестра. Серьёзными препятствиями для наступления являлись крупные реки Южный Буг, Днестр и Прут, которые предстояло форсировать в период весеннего разлива. Коммуникации также в значительной степени были разрушены, что затрудняло маневр войск, доставку боеприпасов и продовольствия. По немногочисленным шоссейным путям пустили артиллерию на автотракторной тяге и грузовики, а пехота, артиллерия на конной тяге, гужевого транспорт, танки двигались по хлябям полевых дорог.

Немецкое командование считало, что в условиях распутицы русские не смогут наступать и они будут иметь некоторый запас времени, чтобы перегруппировать свои силы и укрепить рубежи обороны. На этом необоснованном расчете Ватутин вновь решил поймать Манштейна, нанеся по его войскам внезапные удары. 21 февраля из Москвы прилетел маршал Жуков. Верховный вернул ему прежние полномочия — координировать действия 1-го и 2-го Украинских фронтов. Прямо с аэродрома Георгий Константинович прибыл в штаб 1-го Украинского фронта, где провёл совещание, на котором сориентировал Ватутина и членов Военного совета фронта с некоторыми новыми указаниями Ставки. Ставилась задача мощными ударами разгромить Проскуровско-Винницко-Каменец-Подольскую группировку немцев, выйти в предгорья Карпат и рассеять стратегический фронт противника, лишив его возможности маневра по кратчайшим путям.

Все последующие дни Николай Федорович был полностью погружен в план предстоящей операции. Не изменяя своей привычке, он трудился с подъёмом и напряжением. Днём его можно было видеть в войсках среди командармов и комкоров, солдат и офицеров. Вечером Ватутин погружался в бумажные вопросы: читал сводки, донесения, подписывал приказы, распоряжения, работал с оперативной картой. А утром автомобиль командующего снова отправлялся по путям-дорогам фронтовым в армии, корпуса, дивизии.

Вот и 29 февраля Николай Федорович вместе с членом Военного совета фронта генерал-полковником Крайнюковым поехал в 13-ю армию генерала Пухова, штаб которой находился в городе Ровно. Поездку он согласовал с представителем Ставки маршалом Жуковым, которому сказал, что хочет побывать как у Пухова, так и в 60-й армии генерала Черняховского. Во время поездки Ватутин собирался на месте проверить, как там решаются вопросы взаимодействия с авиацией, будет ли подготовлено материально-техническое обеспечение к началу операции.

Между тем Жуков советовал Николаю Федоровичу послать туда своих заместителей, а самому заняться рассмотрением решений всех командармов, ещё раз проверить взаимодействие с авиацией и устройство фронтового тыла. Но Ватутин все-таки настоял на поездке, сославшись на то, что давно не был ни в 13-й, ни в 60-й армиях.

Приехав в 13-ю армию, Николай Федорович провел там совещание, на котором подробно ознакомил руководящий состав армии и командиров корпусов с планом предстоящей операции, уточнил задачи. Кроме того, командующий лично проверил, как в объединении налажено взаимодействие между наземными войсками и авиацией, между пехотой, артиллеристами и танкистами.

Совещание затянулось. Часы показывали около семнадцати часов вечера, когда Ватутин вместе с членом Военного совета фронта генералом Крайнюковым и сопровождавшей их охраной выехал в 60-ю армию генерала Черняховского. Штаб Черняховского находился в Славуте, что в 70 километрах от Ровно. Сначала ехали по Ровенскому шоссе. Но потом, увидев проселочную дорогу, Николай Федорович сказал Крайнюкову:

— Константин Васильевич, а зачем нам, собственно, делать крюк по шоссе? Этот проселок тоже ведет в Славуту. Здесь всего каких-нибудь двадцать пять километров. Черняховский, наверное, заждался нас. Давайте не будем делать объезд через Новоград-Волинский.

Через несколько минут машины свернули на проселок. Новый маршрут пролегал через лощины, буераки и небольшие рощицы. Проехали одно село, другое. Везде тишина, нигде ни души, будто все уже улеглись спать. И вдруг началась стрельба. Машина с охраной, въехавшая на окраину села Милятин, быстро дала задний ход.

О том, как дальше развивались события, подробно из-

лагает в своих мемуарах их непосредственный участник и свидетель генерал-полковник К. В. Крайнюков:

«Порученец командующего полковник Н. И. Семиков взволнованно выкрикнул:

— Там бандеровская засада! Бандиты обстреляли машину и теперь наступают на нас.

— Все к бою! — выйдя из машины, скомандовал Ватутин и первым лег в солдатскую цепь.

Из-за строений показались бандиты, рассыпавшиеся по заснеженному полю. Их было немало, а наша охрана состояла лишь из десяти автоматчиков.

Обстрел все более усиливался. Факелом вспыхнул легковой автомобиль командующего, подожженный зажигательными пулями. Затем запылала и другая машина.

Бандеровцы приближались. Наши автоматчики, занявшие позицию в глубоком придорожном кювете, открыли огонь. Заговорил и пулемет. Длинной очередью ударил по врагу находившийся возле нас рядовой Михаил Хабибулин. Организованный отпор охладил пыл бандитов. Они залегли и в атаку поднимались уже менее уверенно.

Я посоветовал Николаю Федоровичу взять портфель с оперативными документами и под прикрытием огня автоматчиков выйти из боя. Он наотрез отказался, заявив, что командующему не к лицу оставлять бойцов на произвол судьбы, а портфель приказал вынести офицеру штаба, дав ему в сопровождение одного автоматчика. Когда офицер замялся в нерешительности, генерал Ватутин настойчиво повторил:

— Выполняйте приказ!

Офицер и автоматчик, скрытно пробираясь по кювету, двинулись к лесочку.

Положение усложнялось. На фоне закатного неба было отчетливо видно, как перебежками подбираются бандиты, намереваясь охватить нас с двух сторон.

Бой продолжался. Во время перестрелки генерал армии Н. Ф. Ватутин был тяжело ранен. Мы бросились к командующему и положили его в уцелевший газик. Под обстрелом врага открытая машина проехала немного и остановилась. Видимо, был поврежден мотор. Тогда мы понесли Николая Федоровича на руках, спеша доставить его в укрытие. А охрана продолжала вести бой.

Навстречу нам показались сани с парой лошадей. Мы остановили возницу и положили в сани командующего. Перевязав наскоро его кровоточащую рану, тронулись в путь

по направлению к Ровенскому шоссе. Притомившиеся кони едва тащились по проселочной дороге, подбрасывая сани на бесчисленных ухабах. Николай Федорович, крепившийся до последней возможности, морщился от сильной боли. Пола его простреленной бекеши намочла от крови. Генерал слабел, у него появился болезненный озноб.

Наконец мы выбрались на Ровенское шоссе. В одной из хат, прилепившихся возле дороги, нашли военного врача. Он оказал Николаю Федоровичу первую помощь. Затем снова двинулись в путь и вскоре встретили машины с пехотой, высланные нам на выручку командующим 13-й армией. О чрезвычайном происшествии ему, оказывается, доложил офицер штаба, вынесший портфель с документами. Колонну замыкала санитарная машина. На ней Николай Федорович был доставлен в Ровно, где ему тотчас сделали операцию».

О ранении Ватутина Крайнюков сразу доложил по ВЧ Верховному главнокомандующему. Выслушав доклад, Сталин якобы с укором сказал:

— В вашем распоряжении имеется такая огромная масса войск, а вы беспечно разъезжаете по фронту, не взяв даже надежной охраны. Так не годится!

Сталин не бросал слова на ветер. Буквально через неделю в войска поступил приказ Ставки. В нём говорилось о том, что «при всех выездах командующих фронтами и армиями, лиц высшего командного состава, а также при перевозке важных оперативных документов выделять для сопровождения надежную личную охрану».

И еще одна ремарка. Трагедия с Ватутиным произошла в Касьянов день, который испокон века считается у восточных славян одним из самых опасных и демонических. Не случайно верующие люди называют его Касьян немилостливый, Касьян кривой... Если в этот день человек выйдет на улицу, говорят они, то рискует заболеть или умереть. Вряд ли можно считать, что кто-то свыше встрял в жизнь Ватутина, кроме войны. Хотя, согласитесь, трудно быть пророком...

На следующий день Крайнюков направил Сталину письменное донесение, в котором говорилось:

«29.2.44 года, возвращаясь из штаба 13-й армии вместе с тов. Ватутиным в составе четырех машин и с личной охраной в количестве 10 человек, в 18.50 при въезде на северную окраину д. Милятин, что 18 км южнее Гоща, подверглись нападению бандитов численностью 300—350 человек.

При перестрелке тов. Ватутин был ранен.

Все меры по вывозу раненого тов. Ватутина из района нападения приняты.

Характер ранения: сквозное пулевое правого бедра с переломом кости.

По предварительному заключению хирурга 13-й армии, ранение относится к категории тяжелых, требует лечения минимум два месяца.

К оказанию мед. помощи привлечены все лучшие силы. На 3.00 1.3.44 года состояние здоровья тов. Ватутина удовлетворительное.

Находится в 506-м армейском госпитале в г. Ровно. Врачи настаивают в течение суток не трогать, а 2.3.44 года обязательно эвакуировать самолетом "Дуглас" в Москву.

Член Военного совета 1-го Укр[аинского] фронта генерал-майор Крайнюков».

Как свидетельствуют архивные документы, 29 февраля первую помощь Ватутину оказали врачи танковой бригады. На следующий день, 1 марта, в госпитале 13-й армии ему была сделана операция по первичной обработке раны и на ногу наложили глухую марлевую повязку. В Ровно в это время уже находились начальник санитарного управления фронта генерал-майор медицинской службы С. А. Семека, главный хирург Киевского военного округа генерал-майор медицинской службы И. Н. Ищенко, главный хирург 1-го Украинского фронта полковник медицинской службы Г. М. Гуревич, другие специалисты. Днём позже из Москвы прилетели заместитель главного хирурга Красной армии генерал-лейтенант медицинской службы В. Н. Шамов и ведущий хирург московского госпиталя септических инфекций майор М. К. Кокин. Врачи поставили Николаю Федоровичу следующий диагноз:

«Сквозное пулевое ранение верхней трети правого бедра с переломом бедренной кости. Перелом кости косой, с незначительными смещениями отломков. Кровоизлияния нет. Раны входного и выходного отверстия чистые, из которых выделяется незначительное количество крови. Правая сторона тёплая. Пульс на артерии стопы хороший. Пальцы стопы хорошо подвижны. Общее состояние удовлетворительное. На 8 часов утра температура 37,4. Потеря крови незначительная».

Также было отмечено, что подобного типа ранения квалифицируются как тяжелые, влекущие 25% смертности раненых.

Через несколько дней Ватутина поездом перевезли в Киев. По настоянию Хрущева, который после освобождения Киева одновременно возглавил ЦК компартии Украины и Совет народных комиссаров Украины, отправлять Николая Федоровича в Москву не стали. Хрущев убедил Сталина в том, что нет необходимости лишней раз беспокоить раненого транспортировкой. Все надлежащие условия для лечения Ватутина будут созданы на месте. Тем более, по заключению врачей, его жизни ничто не угрожает, ранение подлежит лечению. Да и сам Николай Федорович не горел желанием лечиться в Москве. Рядом был родной фронт, поэтому ему не хотелось отрываться от его дел. Кроме того, генерал рассчитывал скоро вернуться в строй.

Подтверждением этому служит телеграмма Хрущева Сталину: «Товарищу Сталину И. В.

Сегодня тов. Ватутин прибыл поездом в Киев. Я был у него в вагоне. Температура 38, самочувствие у него, по его личному заявлению, плохое. Ухудшилось оно при переезде из Ровно в Киев. В связи с этим он не хотел бы ехать сейчас в Москву, а остаться в Киеве и выждать, пока наступит улучшение. Я говорил с врачами: нач. санитарного управления I Украинского фронта тов. Семека, заместителем тов. Бурденко, тов. Шамовым и другими врачами, которые сопровождают тов. Ватутина. Все они единодушно заявляют, ранение у тов. Ватутина серьёзное, но для жизни не опасное. По поводу временного оставления тов. Ватутина в Киеве они заявили, что на это нужно пойти и удовлетворить просьбу больного. В Киеве они обещают создать такие условия для лечения, какие имеются в Москве. Так как тов. Ватутину передали, что есть Ваш приказ доставить его для лечения в Москву, то в связи с состоянием здоровья он просит Вас временно для лечения ему остаться в Киеве. Со своей стороны я считаю целесообразным оставить тов. Ватутина в Киеве. Мы ему здесь создадим все условия для лечения. Прошу Вашего согласия на оставление тов. Ватутина для лечения в гор. Киеве.

Н. Хрущёв, 6.3.44.»

В Киеве Ватутина разместили в правительственном особняке, где оборудовали перевязочную и лабораторию. За Николаем Федоровичем закрепили лечащих хирургов, терапевтов, медсестер. Моральную поддержку ему оказывала жена Татьяна Романовна, сразу приехавшая из Москвы. Не было никаких проблем и с обеспечением раненого командующего лекарственными препаратами, в том числе пенициллином.

Об упомянутом препарате, который тогда закупался в США, нужно сказать отдельно. В конце 50-х годов прошлого века, когда шло разоблачение преступлений Сталина, на «вождя народов» «повесили» и смерть Ватутина. Автором мифа являлся не кто иной, как сам Хрущев, который заявил, что именно Сталин запретил использовать пенициллин при лечении командующего 1-м Украинским фронтом. Подхватили эту «утку» и некоторые историки, начав её тиражировать в массовом количестве. Однако этот факт впоследствии не нашёл подтверждения. В документах, касающихся лечения Николая Федоровича, сохранились записи о сделанных ему инъекциях именно пенициллином.

Но продолжим рассказ. На начальном этапе состояние здоровья Ватутина не вызывало тревоги. 7 марта Николаю Федоровичу провели хирургическую очистку раны, сняли гипс, причинявший ему дискомфорт. Иными словами, продолжался плановый курс лечения. В своих мемуарах Хрущев позднее вспоминал: «Лечение командующего шло довольно успешно. Я каждый день приезжал к нему. Он чувствовал себя хорошо, уверенно выздоравливал, уже начал заниматься делами и был даже назначен день, когда он сможет официально приступить к исполнению прежних обязанностей и вернуться во фронтовой штаб».

Параллельно с лечением шло и разбирательство произошедшего в деревне Милятин. Как могло случиться, что генерал армии Ватутин попал в засаду? Кто выбирал маршрут его движения? Было ли нападение бандеровцев на командующего фронтом случайным или это спланированная операция немецкой разведки? Какие вооруженные формирования УПА, действующие в прифронтовой полосе, совершили это преступление? На эти и другие вопросы пытались дать ответы органы военной контрразведки СМЕРШ 1-го Украинского фронта, НКВД Украины...

Рассекреченные спустя годы документы, хранящиеся в фондах Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, Государственного архива Российской Федерации, в архиве Военно-медицинского музея Министерства обороны Российской Федерации, архивах территориальных органов Федеральной службы безопасности Российской Федерации, а также ряда архивов Украины, свидетельствуют о том, что была проведена большая работа по выяснению причин чрезвычайного происшествия. Кроме того, органы безопасности и внутренних дел приняли

ряд серьёзных мер по выявлению и ликвидации националистических банд.

Вот выдержки из «Докладной записки начальника Управления контрразведки НКО СМЕРШ 1-го Украинского фронта Н. А. Осетрова секретарю ЦК КП(б)У Н. С. Хрущеву об обстоятельствах нападения украинских националистов на командующего войсками 1-го Украинского фронта Н. Ф. Ватутина»:

«Расследованием обстоятельств, при которых было совершено нападение на Командующего фронтом генерала армии т. Ватутина, установлено:

29 февраля 1944 г. примерно в 19.00 в населенном пункте Милятын [так в документе] Острогского района банд-группа численностью в 100—200 человек обстреляла машину командующего Первым Украинским фронтом генерала армии т. Ватутина и машины его сопровождавшие, вследствие чего тяжело ранен в ногу генерал армии т. Ватутин.

29 февраля 1944 г., закончив работу в штабе 13-й армии, в 16.30 т. Ватутин выехал в район расположения штаба 60-й армии в г. Славута.

Перед отъездом генерала армии т. Ватутина и других командующий 13-й армией Пухов предложил ехать в Славуту через Новоград-Волынский.

Член Военного Совета армии Козлов предложил ехать также через Новоград-Волынский или же по маршруту: Ровно — Гоща — Милятын (по которому ехал т. Ватутин в 13-ю армию), с чем т. Ватутин и согласился.

Несмотря на позднее время и наличие по маршруту Гоща — Милятын — Славута вооруженных банд, что Военному Совету 13-й армии было известно из сообщений Отдела СМЕРШ той же армии, генерал-лейтенант Пухов и генерал-майор Козлов для сопровождения командующего фронтом т. Ватутина не направили дополнительной охраны и не предложили бронированных средств передвижения.

Полковник Семиков, зная, что часть охраны Военного Совета фронта направлена по другому маршруту, также не предложил Военному Совету 13-й армии усилить имевшуюся охрану.

Кроме этого, Военный Совет 13-й армии о передвижении командующего фронтом из г. Ровно в г. Славута не поставил в известность отдел контрразведки СМЕРШ.

В результате беспечности в охране командующего фронтом т. Ватутина, его и вместе с ним следовавшие

машины, не подозревая о наличии вооруженной банды, въехали в с. Милятын, где и был произведен обстрел и ранение т. Ватутина.

Необходимо отметить, что Военный Совет фронта также систематически был информирован о наличии активно действующих бандгрупп на участке 13-й армии и члены Военного Совета фронта лично были предупреждены о принятии мер предосторожности при поездках в части 13-й армии.

По показаниям помощника начальника оперотдела штаба фронта майора Белошицкого, сопровождавшего Военный Совет, установлено, что во время вынужденной остановки машин Военного Совета в 3 километрах от с. Милятын майор Белошицкий услышал впереди пулеметную стрельбу, однако об этом никому не доложил, а лишь предупредил личную охрану командующего о готовности.

По его же показаниям, при въезде машин на окраину с. Милятын Белошицкий на расстоянии 800—900 метров заметил большую группу людей, но продолжал ехать, не доложив об этом командующему и сблизившись, таким образом, с бандой на расстояние 150—200 метров...»

Процитируем еще один документ — «Справку начальника отдела контрразведки СМЕРШ 13-й армии полковника М. П. Александрова о деятельности банды Зелёного на территории Острогского района Ровенской области и нападении на генерала Н. Ф. Ватутина»:

«5 марта 1944 г. опергруппой отдела контрразведки СМЕРШ 13 армии был задержан активный участник оперирующей в районе сел Милятин, Сиянцы, Мощаницы, Дубенцы и др. банды “Зеленого” — Ундир Григорий Васильевич... Будучи допрошенным, Ундир показал, что участником сотни “Зеленого” он является с января месяца 1943 г. и принимал активное участие в проводимых операциях против проходивших и проезжавших отдельных групп военнослужащих Красной Армии.

29 февраля 1944 г. бандой “Зеленого” в количестве 80—90 чел. было совершено нападение на группу автомашин, которыми ехал командующий 1-го Украинского фронта генерал армии т. Ватутин.

Указанное нападение было совершено при следующих обстоятельствах:

Утром 29 февраля с.г. бандгруппа в количестве 80—90 чел., во главе с “Зеленым”, вышла из с. Дубенцы в засаду в районе Милятино — Сиянцы, где по полученным от вы-

сланной “Зеленым” разведки данным двигался обоз из 12 подвод.

Когда обоз поравнялся с находящейся в засаде банд-группой, по нему был открыт огонь и завязалась перестрелка с охранявшими обоз красноармейцами.

В ходе боя красноармейцам на 6 повозках удалось убежать по направлению с. Садки, а остальные 6 повозок, из них 4 с боеприпасами, были захвачены бандитами. Во время боя был убит один красноармеец.

В то время, когда бандитами еще преследовались бежавшие подводы, из с. Милятин показалась грузовая автомашина, которая была обстреляна и находившиеся на ней военнослужащие бросили автомашину и бежали.

Через некоторое время, уже перед вечером, по дороге из с. Тессова показались 4 автомашины, из коих 3 легковых.

“Зеленым” была организована в районе Милятинских хуторов засада и когда автомашины начали подходить к находившимся в засаде бандитам, по ним был открыт сильный огонь.

После этого три автомашины развернулись и пошли обратно, а следовавшая первой автомашина была выведена из строя и осталась на месте...»

В те дни такого рода документов — докладных записок, спецсообщений, аналитических справок, рапортов было написано и передано в разные адреса в достаточном количестве. Большинство из них дублируют друг друга, несмотря на отдельные разночтения, нестыковки в цифрах. Например, Крайнюков в донесении Сталину назвал 300—350 бандитов, участвовавших в нападении на кортеж Ватутина. В цитируемых выше докладной и справке уже другие данные: от 100 до 200 и от 80 до 90 человек соответственно. В реальности бандеровцев было не менее 30—40 человек.

Отличительной чертой документов, подписанных руководителями СМЕРШа, является тот факт, что их авторы, безусловно, хотели переложить часть ответственности за трагический инцидент с командующим с себя и подчиненных контрразведчиков на чужие плечи — замполитов и охрану командующего. Хотя их вина в случившемся, безусловно, тоже есть: проглядели нападение боевиков УПА... Также ни в одном из этих и других документов нет никаких свидетельств и о причастности к нападению немецкой разведки. Оно, вне всяких сомнений, было совершено исключительно украинскими националистами.

Но готовили ли бандеровцы нападение? Писатель

В. М. Журахов, автор книги «Генерал Ватутин: тайна гибели», изучив большой объём рассекреченных документов, пришел к выводу, что нападение бандеровцев не было спланированной акцией. Бой был стихийным и скоротечным. Бандиты, не дождавшись, когда машины подъедут ближе, открыли по ним беспорядочную стрельбу и преждевременно обнаружили себя. Во многом благодаря этому машина командующего фронтом не попала в ловушку.

В качестве подтверждения Журахов обнародовал объяснительную записку непосредственного участника тех событий, офицера по особым поручениям командующего 1-м Украинским фронтом полковника Н. И. Семикова. Вот её текст:

«Военный совет фронта — командующий фронтом генерал армии тов. Ватутин, член Военного совета генерал-майор тов. Крайнюков в сопровождении представителя оперативного отдела фронта майора Белошицкого и личной охраны Военного совета в количестве 10 человек в 16:30 29.02.1944 года выехали по указанному маршруту и подъезжая к сев. окр. Милятын были обстреляны бандой в 18:50. Сам факт в этот момент произошел так: при въезде в населенный пункт Милятын впереди нас следовавшая машина “виллис” во главе с майором Белошицким и охраной в количестве двух человек остановилась, и товарищ Белошицкий доложил, что впереди слышна стрельба. Мы начали выходить из машин, и в это время из ближайших хат открыли сильный ружейно-пулеметный огонь по нас... Часть охраны открыла огонь, часть помогала выбраться из снега и грязи командующему и члену ВС и отступать от хат назад, т. е. на дорогу, откуда мы ехали. Я лично, чувствуя некоторую растерянность шоферов, принял все меры развернуть самую проходимую машину “додж” и подогнать командующему. Когда я подошел к командующему, он уже был ранен и не мог следовать и с помощью охраны был посажен в “додж”, потом подождали члена Военного совета и часть охраны и вырвались из сев. окр. этой деревни».

Из объяснительной записки, которую полковник Семиков написал на следующий день после случившегося, видно, что бандиты действовали непрофессионально. Никакой подготовленной ими засадой здесь и не пахнет. Засада — это тактический прием, суть которого заключается в достижении преимущества над противником за счёт внезапности с заранее подготовленных, хорошо замаскированных позиций на наиболее вероятном маршруте его

продвижения. Если бы бандеровцы целенаправленно готовили засаду, а они это умели делать в лучшем виде, то, скорее всего, события приняли бы совершенно иной оборот. В данном случае, увидев идущую грузовую машину, они спонтанно открыли стрельбу, в результате которой и был тяжело ранен Ватутин.

Перед эвакуацией Ватутина на санитарном поезде из Ровно в Киев его накоротке навестил член Военного совета фронта генерал-майор Крайнюков. Как вспоминал впоследствии Крайнюков, Николай Федорович очень обрадовался визиту боевого товарища. Доброе лицо командующего озарила улыбка. В глазах блеснули искорки радости.

— Ну, как думаешь, Константин Васильевич, разрешат мне после лечения вернуться на фронт? — спросил Ватутин.

И, не дожидаясь ответа, уверенно заявил:

— Конечно, разрешат! Недельки три поскучаю на госпитальной койке — и снова на фронт поеду. На костылях, а доберусь. И снова за работу, чтобы своими глазами увидеть нашу великую Победу.

Действительно, Николаю Федоровичу очень не терпелось скорее вернуться в боевой строй. И все вроде шло к этому. Первые три недели его состояние оставалось удовлетворительным. Он был в курсе событий, происходивших как на родном фронте (командование принял Г. К. Жуков), войска которого успешно осуществляли его план Проскуровско-Черновицкой операции, так и на соседних фронтах.

Маршал Василевский вспоминал:

«Но даже находясь в тяжелом состоянии, он [Ватутин] следил за тем, как разворачиваются события на фронте. 19 марта я получил от него из Киевского госпиталя телеграмму, в которой он поздравлял командование 3-го Украинского фронта и меня как представителя Ставки с успехами. Я тогда ответил Николаю Федоровичу: “Благодарю за поздравление и пожелания. От души, дорогой Николай Федорович, желаю тебе скорее поправиться, чтобы вновь вполне здоровым быть во главе своих войск на этом решающем направлении. Примем все меры, чтобы осуществить твои пожелания”».

Однако 23 марта у Ватутина неожиданно наступило резкое ухудшение здоровья. Температура утром подскочила до критических 40,2 градуса. В течение дня у него было два приступа. У лечащих врачей возникло подозрение на рецидив малярии. Они сделали несколько анализов, но диагноз не нашел подтверждения.

В последующие дни состояние здоровья Николая Федоровича только ухудшалось. 27 марта Хрущев направил Сталину очередную телефонограмму:

«Сегодня утром был у тов. Ватутина. Состояние у него очень тяжёлое. Ночью был снова приступ с повышением температуры до 40,4 градуса.

Тов. Ватутин физически очень ослаб, нет аппетита и ничего не ест. Точного диагноза врачи до сих пор не установили, но они предполагают, что в основе осложнения лежит поступление инфекции в кровь из раны.

Заместитель тов. Бурденко — генерал-лейтенант Шапов, главный терапевт Красной армии генерал-майор Вовси и другие врачи, которые лечат тов. Ватутина, все единодушно решили, что тов. Ватутину нужно произвести срочную вторую операцию и перевязать вены, идущие от очага поражения, считая это мероприятие как первый этап борьбы с осложнением. Операцию тов. Ватутину врачи сейчас производят. Если эта операция не даст должных результатов, то, как они считают, может возникнуть необходимость более радикальной операции вплоть до ампутации...»

Спустя несколько дней, 31 марта, Николаю Федоровичу была сделана операция по удалению нагноений в области раны. Именно из-за этого у него случались частые приступы. Сразу после операции Ватутину стало лучше. У него появился аппетит, он, вспоминая Хрущев, «охотно выпил вина и даже попросил водки».

Но, к сожалению, этот период улучшения продолжался всего лишь несколько дней. Несмотря на энергичное лечение, общее состояние Николая Федоровича вновь стало ухудшаться. Температура не падала, пульс достигал от 120 до 140 ударов в минуту. Результаты анализов свидетельствовали об общем инфицировании организма. В отчете «Развитие заболевания у раненого тов. Николаева [Ватутина]» врачи констатировали: имеет место «тяжелое поражение организма, с септическим процессом раневого происхождения, приведшее к значительному угнетению и без того ослабленных функций организма». К лечению была подключена новая группа специалистов, в том числе доктор медицинских наук, бактериолог Покровский, выдающийся патофизиолог и гематолог академик А. А. Богомолец, профессор С. С. Юдин. Во время консилиума мнения именитых врачей разделились. Одни считали, что Ватутину необходимо срочно делать ампутацию ноги. Только эта операция станет для него возможным спасением. Дру-

гие вообще не видели в ней никакого смысла, поскольку у больного было «положение безнадежное». Конец дискуссиям положил прибывший в Киев главный хирург Красной армии генерал-лейтенант, академик Н. Н. Бурденко, который прямо заявил:

— Выход из создавшегося положения вижу только в неотложной высокой ампутации правой ноги, несмотря на всю опасность этой операции...

Хрущев вспоминал: «Бурденко, отведя меня в сторону, сказал, что единственный выход — операция, и как можно быстрее. Придется отнять ногу. “Мы возлагаем на вас большую надежду. Вам нужно поговорить с Ватутиным раньше, чем нам. Вы сошлетесь на нас и скажете ему о такой необходимости. Он питает к вам большое уважение, доверие, и вы сумеете найти слова, чтобы убедить его согласиться на операцию”.

И я поговорил с Ватутиным: “Николай Федорович, ваша рана дала осложнение. Врачи говорят, что нужна ампутация, придется отнять ногу. Я понимаю, что это значит для каждого человека. Но генерал без ноги возможен. А пожалеешь ногу, и потеряешь голову. Выбор один: жизнь или ампутация. Ампутация сохранит жизнь. Если ее не сделать, остается смерть. Прошу вас согласиться на операцию”. Он ответил довольно спокойно: “Да, я согласен. Скажите врачам, пусть делают так, как считают нужным. Я готов хоть сейчас”».

О рискованной операции доложили Сталину. Была к ней готова и супруга Николая Федоровича — Татьяна Романовна. За все прошедшие недели она выплакала много горьких слез за любимого Коленьку. И теперь Татьяна Романовна просила и врачей, и Хрущева сделать всё возможное для того, чтобы спасти жизнь мужа.

Операция по ампутации бедра была сделана Николаю Федоровичу 5 апреля в 15.00. К ночи он начал выходить из послеоперационного шока. Отсеченная ткань была отправлена в лабораторию. В ходе исследования были выявлены паралогические изменения тканей, кости и костного мозга. К сожалению, улучшения состояния здоровья раненого не наступало. Инфекция, словно ржавчина, продолжала разъедать организм. В некоторых местах тела Ватутина появились новые гнойные очаги.

В Киеве высадился очередной «десант» врачей. Из Москвы прибыли академик Н. Д. Стражеско, хирурги кремлевской больницы, профессора А. А. Бакулев и Н. Н. Теревин-

ский, из Харькова приехал известный в СССР специалист по иммунизации профессор В. А. Коган-Ясный. Борьба за жизнь полководца продолжалась. Но усилия врачей не приносили желаемого результата. Николаю Федоровичу становилось все хуже и хуже. Судьба отмеряла ему последние дни.

Вновь обратимся к воспоминаниям Хрущева: «Все делали буквально всё, чтобы состояние его здоровья улучшилось. Не знаю, сколько дней протянул он еще в таком виде, когда опять мне позвонил Бурденко (или его ассистент) и попросил, чтобы я приехал, потому что Ватутин уже находился в тяжелейшем состоянии. Он метался, поднимался на руках, требовал блокнот, карандаш и пытался написать какую-то телеграмму, обращался к Сталину с просьбой спасти его, и тому подобное.

Когда я подошел к нему, он метнулся навстречу, обнимал, целовал, был в полусознании, но хотел жить и обращался к каждому, кто мог в какой-то степени помочь отвоевать его жизнь. А я ему сказал: “Николай Федорович, Сталин знает и все сделает, что надо”».

Четырнадцатого апреля Ватутин написал карандашом последний в своей жизни документ — записку И. В. Сталину на бланке председателя Совета народных комиссаров УССР. Скорее всего, этот бланк ему как раз и дал Хрущев. В записке всего три предложения: «Дела идут очень плохи [так в тексте]. Бурденко меры принимает. Прошу кое-кого подстегнуть. Ватутин».

Кого имел в виду Николай Федорович, написав фразу «кое-кого подстегнуть», ответить трудно. Но, скорее всего, он до последнего верил и надеялся, что Сталин своей железной властью спасёт ему жизнь.

В ночь на 15 апреля сердце военачальника перестало биться. Врачи констатировали: «В 1.30 15.04 с.г. т. Ватутин скончался при явлениях нарастающей сердечной слабости и отека легких».

В этот же день в газете «Правда» было опубликовано печальное сообщение:

«Совет Народных Комиссаров СССР, Народный Комиссариат Обороны СССР и Центральный Комитет ВКП(б) с глубоким прискорбием извещают, что в ночь на 15 апреля после тяжелой операции скончался в Киеве командующий 1-м Украинским фронтом генерал армии Ватутин Николай Федорович — верный сын большевистской партии и один из лучших руководителей Красной Армии.

В лице товарища Ватутина государство потеряло одного из талантливейших молодых полководцев, выдвинувшихся в годы Отечественной войны.

Похороны генерала армии Ватутина Н. Ф. состоятся в г. Киеве.

Память генерала армии Ватутина Н. Ф. увековечивается сооружением ему памятника в г. Киеве».

В некрологе, подписанном Г. К. Жуковым, А. М. Василевским, К. Е. Ворошиловым, С. М. Будённым, С. К. Тимошенко, Б. М. Шапошниковым, И. С. Коневым, Н. Н. Вороновым, П. А. Ротмистровым А. И. Антоновым, К. А. Мерецковым, К. К. Рокоссовским, Р. Я. Малиновским, Ф. И. Толбухиным, Л. А. Говоровым, М. М. Поповым, И. Х. Баграмяном, А. И. Еременко, В. С. Соколовским, другими военачальниками, Ватутин был назван как «выдающийся генерал и полководец Красной Армии», боевой путь которого «отмечен активнейшим участием в Сталинградской операции, в победоносном наступлении от излучины Дона до Донбасса, победной операцией в Белгородско-Курском сражении в июле 1943 года, взятии Киева, Житомира, Бердичева, Ровно».

Тысячи киевлян — от мала до велика, военнослужащие гарнизона пришли проститься с полководцем. В течение нескольких дней огромная нескончаемая людская река текла и текла в здание Дворца пионеров, где был установлен гроб с покойным, чтобы отдать последний долг выдающемуся военачальнику, внесшему огромный вклад в дело защиты Родины и освобождения её городов и сёл от захватчиков.

Все это время рядом с гробом Ватутина находились члены его семьи — овдовевшая Татьяна Романовна, осиротевшие дети Елена и Виктор. Невозможно без сострадания было смотреть на убитую неизмеримым горем мать полководца Веру Ефимовну. За последние два месяца эта скромная русская женщина уже дважды пережила тяжёлую горечь утраты. В первых числах февраля она получила известие о том, что её сын «красноармеец Ватутин Афанасий Федорович, находясь на фронте, в бою за социалистическую Родину был тяжело ранен и умер от ран 4.2.1944 года». Спустя месяц пришло извещение на сына Семёна, который «погиб смертью храбрых в борьбе с немецкими оккупантами». И вот теперь Вера Ефимовна потеряла ещё одну свою кровинушку — Колю. По свидетельству очевидцев, она стояла у гроба, плакала и тихо повторяла: «Умер ты, сын мой, за

жизнь других. Они не забудут тебя, Коля, сокол мой ненаглядный».

Торжественные похороны полководца состоялись 17 апреля в Советском парке* — в самом центре столицы Украины. Траурный митинг открыл 1-й секретарь Киевского обкома компартии Украины З. Т. Сердюк. Затем с речами выступили 1-й секретарь ЦК КП(б) Украины, председатель Совета народных комиссаров УССР Н. С. Хрущев, представитель Ставки Верховного главнокомандования генерал-полковник Ф. И. Голиков, академик Н. Н. Гришко, поэт Микола Бажан, председатель Киевского областного совета депутатов трудящихся С. И. Олейник, член Военного совета 1-го Украинского фронта генерал-майор К. В. Крайнюков и другие. Ораторы говорили на русском и украинском языках.

Когда гроб стали опускать в могилу, в Москве в эти минуты зазвучали раскаты прощального траурного салюта. Родина отдавала последнюю дань своему верному сыну, одному из лучших и талантливых своих военачальников.

На лицах большинства москвичей, привыкших до этого только к залпам победных салютов, можно было прочесть немую печаль. А те, кто еще не успел узнать, по какому случаю на этот раз гремят пушки, как ни в чем не бывало спрашивали у прохожих на улице:

— Скажите, пожалуйста, какой город наши освободили?

Но, получив ответ, сразу умолкали. У некоторых тут же выступали слёзы на глазах. Салют, катившийся раскатами весеннего грома над Москвой, впервые звучал в честь полководца...

* Ныне Маринский парк.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Имя генерала армии Николая Федоровича Ватутина золотыми буквами вписано в историю Великой Отечественной войны. Оно навечно связано с победами Красной армии над фашистами под Сталинградом и на Курской дуге, при форсировании Днепра и освобождении Киева...

Николай Федорович Ватутин по праву считается одним из самых талантливых полководцев, который внес огромный вклад в развитие теории и практики контрнаступления, окружения и разгрома крупных группировок противника, осуществления быстрого и решительного маневра войсками, действий подвижных групп фронта и армии, организации устойчивой и активной обороны. Не случайно Ватутина называли «генералом от наступления», «генералом от победы». А немецкие военачальники, испытавшие силу и мощь ватутинских ударов, окрестили его гроссмейстером.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 мая 1965 года Николаю Фёдоровичу Ватутину было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Справедливость восторжествовала, поскольку это высокое звание он заслужил ещё при жизни.

Память о полководце и его заслугах перед Отчизной живёт в людских сердцах. В местах, где он служил и воевал, ему установлены памятники, его именем названы улицы, проспекты, учебные заведения, морские суда... Достаточно сказать, что улицы и проспекты имени Ватутина имеются в более чем восьмидесяти населённых пунктах России, Украины, Белоруссии, Казахстана, Молдовы... Но особенно полководца чтут на Белгородчине — на земле, где он родился и вырос. В Белгороде есть памятник знаменитому земляку, один из светлых городских проспектов носит его имя.

Стоят памятники полководцу в Валуйках, Старом Осколе, Чепухино (Ватутино)...

Однако с горечью приходится констатировать, что на соседней с Россией Украине, где Ватутин служил и которую освобождал от гитлеровских оккупантов, полководец стал объектом поругания и ненависти со стороны фашиствующих бандеровцев. Его памятники и почетные доски в ряде городов разрушены и изуродованы вандалами. В рамках так называемой десоветизации имя полководца исчезло из названий улиц и учебных заведений. Но в центре Киева, где стоит ему памятник, генерал Ватутин не сдастся, сражнется, чтобы победить. Потому что его дело правое и победа будет за ним. Будет воевать за своего героя и эта книга.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Н. Ф. ВАТУТИНА

- 1901, 3(16) декабря — в селе Чепухино Валуйского уезда Воронежской губернии в семье Федора Григорьевича и Веры Ефимовны Ватутиных родился сын Николай.
- 1909, сентябрь — ученик Чепухинской начальной школы.
- 1913, май — окончил с похвальным листом Чепухинскую начальную школу.
- 1913, сентябрь — 1915, май — учеба в Валуйском двухклассном земском училище, которое окончил с похвальным листом.
- 1917, март — окончил четыре класса коммерческого училища в слободе Уразово Валуйского уезда Воронежской губернии.
- 1917, май — 1920, апрель — работа в хозяйстве своего отца.
- 1920, 25 апреля — призван в ряды Красной армии. Красноармеец 3-го запасного стрелкового полка, г. Харьков.
- Май—октябрь — красноармеец 113-го отдельного запасного стрелкового батальона, г. Луганск.
- 4 сентября — 20 сентября — участвовал в боях против банды Махно в районе Луганск, Старобельск.
- Октябрь — поступил учиться на 29-е Полтавские пехотные курсы, переименованные в 1921 году в 14-ю Полтавскую пехотную школу.
- 20—30 декабря — будучи курсантом, участвовал в боях против банды Беленького в районе Полтавы, Перепещино, Михайловка.
- 1921, февраль — принят в ряды ВКП(б).
- 28 апреля — 24 мая — в составе 14-й Полтавской пехотной школы участвовал в боях против банды Махно и других бандформирований в районе Полтавского, Константиноградского, Кобелянского и Зеньковского уездов Полтавской губернии.
- 1922, сентябрь — окончил 14-ю Полтавскую пехотную школу. Женился на Татьяне Романовне Ивановой.
- 1922, сентябрь — 1924, январь — командир отделения, командир взвода 67-го стрелкового полка 23-й отдельной стрелковой дивизии, г. Чугуев.
- 1924, январь — сентябрь — учёба в Киевской высшей объединённой школе командиров РККА имени С. С. Каменева.
- 1924, октябрь — 1926, август — проходил службу в качестве помощника командира роты, помощника начальника полковой школы, командира роты и врид начальника полковой школы, командира роты в 67-м стрелковом полку 23-й отдельной стрелковой дивизии Украинского военного округа.
- 1926, август — 1929, июнь — учеба в Военной академии им. М. В. Фрунзе.
- 1929, июнь — 1930, июль — помощник начальника штаба 7-й стрелковой дивизии, г. Чернигов.

- 1930, июль — назначен на должность помощника начальника 1-го отдела штаба Северо-Кавказского военного округа.
- 1931, декабрь — 1933, ноябрь — начальник штаба 28-й горнострелковой дивизии, г. Орджоникидзе.
- 1932, 26 марта — 12 апреля — участвовал в подавлении контрреволюционного восстания в Чеченской автономной области.
- 1933, ноябрь — 1934, июль — учеба на оперативном факультете при Военной академии им. М. В. Фрунзе, по окончании которой продолжил службу в должности начальника штаба 28-й горнострелковой дивизии, г. Орджоникидзе. Полковник.
- 1936, март — назначен начальником 1-го отдела штаба Сибирского военного округа.
- 1936, ноябрь — 1937, июль — слушатель Академии Генерального штаба РККА.
- 1937, июль — досрочно выпущен из академии и назначен заместителем начальника штаба Киевского военного округа.
- 1938, 17 февраля — присвоено воинское звание комбриг.
22 февраля — Указом Президиума Верховного Совета СССР награжден юбилейной медалью «XX лет РККА».
- 1938, ноябрь — 1940, июль — начальник штаба Киевского особого военного округа.
- 1939, 17 февраля — присвоено воинское звание комдив.
Сентябрь — участвовал в освободительном походе Красной армии в Западную Украину.
27 ноября — присвоено воинское звание комкор.
- 1940, июнь — участие в подготовке освободительного похода Красной армии в Бессарабию и Северную Буковину.
4 июня — присвоено воинское звание генерал-лейтенант.
26 июля — назначен заместителем начальника Генерального штаба РККА — начальником Оперативного управления.
- 1941, 13 февраля — назначен 1-м заместителем начальника Генерального штаба РККА по оперативным и устройству тыла вопросам.
22 февраля — Указом Президиума Верховного Совета СССР награжден орденом Ленина.
30 июня — убыл на Северо-Западный фронт как представитель Ставки Верховного главнокомандования. Назначен начальником штаба Северо-Западного фронта.
6 ноября — награжден орденом Красного Знамени.
- 1942, 26 апреля — назначен заместителем начальника Генерального штаба по Дальнему Востоку.
7 июля — назначен уполномоченным Ставки Верховного главнокомандования на Брянском фронте.
14 июля — назначен командующим войсками Воронежского фронта.
22 октября — назначен командующим войсками Юго-Западного фронта.
7 декабря — присвоено воинское звание генерал-полковник.

- 1943, 28 января — Указом Президиума Верховного Совета СССР награжден полководческим орденом Суворова 1-й степени.
12 февраля — присвоено воинское звание генерал армии.
22 марта — назначен командующим войсками Воронежского фронта (в октябре 1943-го фронт переименован в 1-й Украинский).
23 августа — Указом Президиума Верховного Совета СССР награжден орденом Кутузова 1-й степени.
1944, 29 февраля — тяжело ранен в бою с бандеровцами.
15 апреля — умер в киевском госпитале.
17 апреля — похоронен в Советском (Мариинском) парке, г. Киев.

ЛИТЕРАТУРА

Мемуары и воспоминания

- Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 1984.
Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 2 т. М.: Вече, 2015.
Иванов С. П. Штаб армейский, штаб фронтовой. М., 1990.
Казачков М. И. Над картой былых сражений. М., 1971.
Крайнюков К. В. Оружие особого рода. М., 1984.
Красовский С. А. Жизнь в авиации. М., 1968.
Мерецков К. А. На службе народу. М., 1983.
Москаленко К. С. На Юго-Западном направлении. 1943—1945. Воспоминания командарма. Кн. 2. М., 1973.
Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М., 1984.
Сандалов Л. М. Пережитое. М., 1966.
Хрущев Н. С. Время. Люди. Власть. Кн. 1. М., 1999.
Чистяков И. М. Служим Отчизне. М., 1985.
Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 1. М., 1985.

Исследования

- Брагин М. Г. Н. Ф.* Ватутин (путь генерала). М., 1954.
Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945: Краткая история. М., 1984.
Великанов Н. Т. Черняховский. М., 2015.
Воинов А. И. Рассказы о генерале Ватутине. М., 1950.
Журахов В. М. Генерал Ватутин: тайна гибели. Белгород: Константа, 2013.
Замулин В. Н. Прохоровское сражение. М., 2013.
Захаров Ю. Д. Полководцы и военачальники Великой Отечественной войны. Генерал армии Н. Ф. Ватутин. М., 1985.
Киевский Краснознаменный. М., 1974.
Колесник В. В. Юность генерала Ватутина. Белгород: Константа, 2013.
Крайнюков К. В. Генерал армии Николай Ватутин. — В кн.: Полководцы и военачальники Великой Отечественной войны. М., 1970.
Куличкин С. П. Ватутин. М., 2001.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Глава 1.</i> Из рода служилых людей	6
<i>Глава 2.</i> Товарищ краском	25
<i>Глава 3.</i> Становление	40
<i>Глава 4.</i> «Штаб — первейший орган»	58
<i>Глава 5.</i> В Академии Генерального штаба	70
<i>Глава 6.</i> В Киевском особом... ..	87
<i>Глава 7.</i> Там, где бьётся пульс армии	128
<i>Глава 8.</i> Война	157
<i>Глава 9.</i> Северо-Западный фронт	175
<i>Глава 10.</i> «Назначьте меня командующим...»	209
<i>Глава 11.</i> Горячий снег Сталинграда	242
<i>Глава 12.</i> Огненная дуга	287
<i>Глава 13.</i> «Даёшь Киев!»	341
<i>Глава 14.</i> Вперёд, на Запад!	371
<i>Глава 15.</i> Последний бой	397
Вместо послесловия	415
Основные даты жизни и деятельности Н. Ф. Ватутина	417
Литература	420

Карташов Н. А.
К 27 Ватутин / Николай Карташов. — М.: Молодая гвардия, 2020. — 421[11]с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1827).

ISBN 978-5-235-04364-0

Герой Советского Союза генерал армии Николай Фёдорович Ватутин по праву принадлежит к числу самых талантливых полководцев Великой Отечественной войны. Он внёс огромный вклад в развитие теории и практики контрнаступления, окружения и разгрома крупных группировок противника, осуществления быстрого и решительного манёвра войсками, действий подвижных групп фронта и армии, организации устойчивой и активной обороны. Его имя неразрывно связано с победами Красной армии под Сталинградом и на Курской дуге, при форсировании Днепра и освобождении Киева... Не случайно Ватутина называли «генералом от наступления», «генералом от победы». А немецкие военачальники, испытавшие силу и мощь ватутинских ударов, окрестили его гроссмейстером. Узнав о смерти Ватутина, генерал-инспектор танковых войск вермахта Гейнц Гудериан сказал шеф-адъютанту А. Гитлера: «Поздравляю нас всех. Это известие равноценно сообщению о победе в большом сражении... Очень опасно иметь такого противника».

УДК 355/359

ББК 63.3(2)622.78Ватутин3

знак информационной
продукции **16+**

Карташов Николай Александрович
ВАТУТИН

Редактор **К. А. Залесский**
Художественный редактор **И. И. Суслов**
Технический редактор **М. П. Качурина**
Корректор **Г. В. Платова**

Слано в набор 11.12.2019. Подписано в печать 14.01.2020. Формат 84×108/32.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л.
22,68+1,68 вкл. Тираж 2000 экз. Заказ № 2001880.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва,
Сущёвская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dset@gvardiya.ru

arvato
BERTELSMANN
Group Chair, Telekom

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ООО «Ярославский полиграфический комбинат»
150049, Россия, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-235-04364-0

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН

Издательства

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Оформить заказ
можно на нашем сайте:

<http://gvardiya.ru/shop/>

или по телефону:

+7 (495) 787-95-59

(с 10-00 до 17-30 в будние дни)

Заказанные книги

можно получить по адресу:

г. Москва, ул. Суцневская, д.21, подъезд 1

или воспользоваться курьерской

и почтовой службой доставки

Наши книги
доступны всем регионам России!

Николай Карташов

Николай Карташов — известный прозаик, публицист, лауреат литературной премии им. Н. М. Карамзина.

В серии «ЖЗЛ» ранее выходили его книги, посвященные Николаю Станкевичу и Ивану Крамскому.

Герой Советского Союза генерал армии Ватутин по праву принадлежит к числу самых талантливых полководцев Великой Отечественной войны. Его имя неразрывно связано с победами Красной армии под Сталинградом и на Курской дуге, при форсировании Днепра и освобождении Киева... Не случайно Ватутина называли «генералом от наступления», «генералом от победы». А немецкие военачальники, испытывавшие силу и мощь ватутинских ударов, окрестили его гроссмейстером. Узнав о смерти Ватутина, Гейнц Гудериан сказал: «Поздравляю нас всех. Это известие равноценно сообщению о победе в большом сражении... Очень опасно иметь такого противника».

ISBN 978-5-235-04364-0

М О Л О Д А Я Г В А Р Д И Я